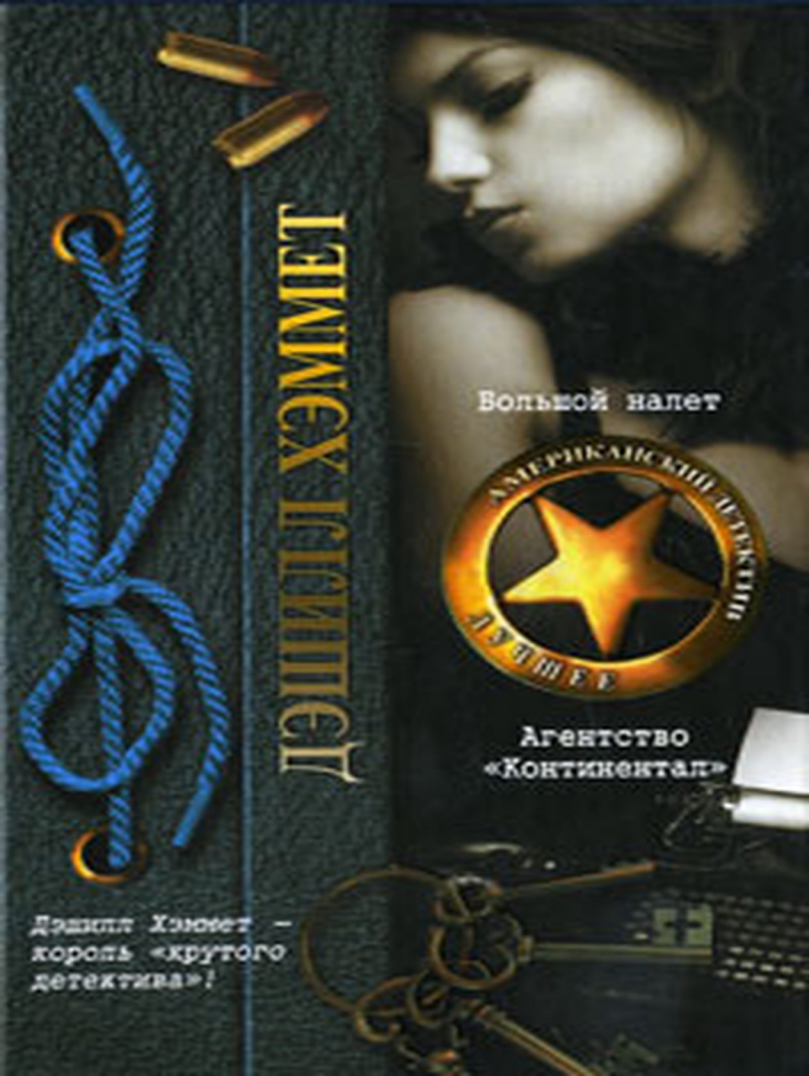
ДЭШИЛЛ ХЭММЕТ
Большой налет
АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ
ЛУЧШЕЕ
Агентство «Континентал»
Дэшилл Хэммет – король «крутого детектива»!

Большой налет. Агентство «Континентал» - авторский сборник

Дэшил Хэммет

Аннотация
Дэшил Хэммет. Большой налет. Агентство «Континентал»
Женщина с серебряными глазами
Зигзаги подлости
«Золотая подкова»
Том, Дик или Гарри
Некто Кид
Обгоревшее лицо
Мертвые китаянки
Потрошение Куффиньяла
Смерть Мэйна
Липучка для мух
Смерть и К?
Большой налет
106 тысяч за голову

Аннотация

В этой книге представлены рассказы из двух классических сборников Дэшилла Хэммета - «Большой налет» и «Агентство «Континентал»», - рассказы, неоднократно экранизированные и вошедший в золотой фонд остросюжетной прозы.

Герой их, традиционный для «черного» детектива вообще и творчества Хэммета в частности, - это настоящий «крутой» детектив, суровый и циничный. Человеческая природа не представляет для него тайн, и именно не слишком высокое мнение о человечестве позволяет ему безошибочно раскрывать загадки самых сложных и запутанных преступлений.

Дэшил Хэммет
Большой налет. Агентство «Континентал»

Женщина с серебряными глазами

Меня разбудил телефонный звонок. Я перекатился на край постели и потянулся за трубкой. Старик. Шеф отделения Континентального агентства в Сан-Франциско. Голос деловой.

— Прости, что я тебя беспокою, но придется пойти на Ливенуорт-стрит. Глентон — так называется этот дом. Несколько минут назад звонил некий Барк Пэнбурн, чтобы я кого-нибудь прислал. Он произвел на меня впечатление человека, у которого не в порядке нервы. Выясни, чего он хочет.

Зевая, потягиваясь и проклиная неведомого Пэнбурна, я стянул со своего упитанного тела пижаму и запихнул его в костюм.

Добравшись до Глентона, я установил, что испортил мне утренний воскресный сон мужчина в возрасте около двадцати пяти лет, с бледным лицом, большими карими глазами, окруженными красными ободками то ли от слез, то ли от бессонницы, то ли от того и другого. Длинные темные волосы растрепаны, фиолетовый халат с большими изумрудно-зелеными попугаями наброшен

поверх шелковой пижамы цвета красного вина.

Комната, в которую он меня провел, напоминала аукционный зал до начала распродажи или старинную чайную. Приземистые голубые вазы, искривленные красные вазы, вытянутые желтые вазы, вазы всех форм и цветов; мраморные статуэтки, эбеновые статуэтки, статуэтки из всех возможных материалов; фонари, лампы и подсвечники, драпри, портьеры, коврики, диковинная гнутая мебель; странные картинки в неожиданных местах. Неужели можно хорошо чувствовать себя в такой комнате!

— Моя невеста, — начал он без промедлений высоким голосом на грани истерики, — исчезла. С ней что-то произошло. Что-то ужасное! Найдите ее и спасите от этой страшной…

Я слушал его до этого момента, а потом перестал. Из его уст слова изливались стремительным потоком: «Испарилась… нечто таинственное… заманили в ловушку…» — и были эти слова настолько невнятными, что я никак не мог сложить их воедино. Поэтому я не пытался его прерывать, только ждал, когда у него пересохнет в горле.

Мне не раз случалось слушать людей, которые от волнения вели себя еще более странно, чем этот парень с дикими глазами, но его наряд — ха-

лат в попугаях, яркая пижама, — равно как и эта бессмысленно обставленная комната, создавали слишком театральный фон, лишая его слова достоверности.

Барк Пэнбурн в нормальном состоянии был, наверное, вполне приличным молодым человеком, правильные черты лица, хотя губы и подбородок излишне мягкие. Красивый высокий лоб. Но когда из потока, который он обрушивал на меня, я время от времени выхватывал какие-то мелодраматические фразы, я невольно думал, что на халате уместней кукушки, а не попугаи.

В конце концов у него кончились слова, он простер ко мне длинные, худые руки и вопросил:

— Вы мне поможете? — И так по кругу: — Вы поможете? Поможете?

Успокаивающе кивая головой, я заметил на его щеках слезы.

— Может быть, мы начнем с самого начала? — предложил я, осторожно усаживаясь на что-то вроде резной скамейки.

— Да! Конечно, да! — Он стоял передо мной, ероша пальцами волосы. — С начала. Итак, я получал от нее письма ежедневно, пока…

— Это не начало, — высказал я свое мнение. — О ком идет речь? Кто она?

— Это Джейн Делано! — выкрикнул он, удивленный моим невежеством. — Она моя невеста. А теперь она исчезла, и я знаю, что…

И снова из него хлынул поток истеричных обрывков фраз: «жертва заговора», «ловушка» и тому подобное.

В конце концов мне удалось его успокоить, и в промежутках между очередными взрывами страстей я извлек из него следующую историю.

Барк Пэнбурн — поэт. Примерно два месяца назад он получил письмо от некой Джейн Делано, пересланное ему издателем; в письме она хвалила его последний томик стихов. Джейн Делано жила в Сан-Франциско, но не знала, что и он там проживает. Он ответил на ее письмо и получил следующее. Спустя некоторое время они встретились. Была ли она вправду прекрасна или нет, но во всяком случае он считал ее таковой — и влюбился по уши.

Мисс Делано переехала в Сан-Франциско недавно: когда поэт познакомился с ней, она жила на Эшбери-авеню. Пэнбурн не знал, откуда она приехала, он вообще ничего не знал о ее прошлом. Он подозревал — на основании некоторых туманных намеков и некоторых странностей в ее поведении, которые он не сумел определить

словами, — что над девушкой висит какая-то туча, что ее прошлое и настоящее не свободны от забот. Однако он не имел ни малейшего понятия, в чем они состоят. Он не интересовался этим. Не знал о ней абсолютно ничего, кроме того, что она прекрасна, что он ее любит и что она обещает выйти за него замуж. Однако третьего дня сего месяца, ровно двадцать один день тому назад, в воскресенье утром, девушка внезапно покинула Сан-Франциско. Он получил письмо, присланное с посыльным.

В письме, которое он показал только после моего решительного требования, я прочитал:

«Барк, мой любимый!

Я только что получила телеграмму и должна ехать на Восток ближайшим поездом. Пыталась связаться с тобой по телефону, но это не удалось. Напишу, как только буду знать свой адрес. Если что-нибудь… (Дальше два слова были зачеркнуты, и прочесть их было невозможно). Люби меня, и я вернусь к тебе навсегда.

Твоя Джейн»

Спустя несколько дней — следующее письмо, из Балтимора в штате Мэриленд, В этом письме, добыть которое оказалось еще труднее, чем первое, она писала:

«Мой дорогой поэт!

Мне кажется, что я не видела тебя уже год или два, и я боюсь, что пройдет месяц, а может, и больше, прежде чем мы увидимся снова. Любимый, я не могу сказать тебе сейчас, почему я здесь. Есть вещи, о которых нельзя писать. Но как только мы снова будем вместе, я расскажу тебе всю эту скверную историю.

Если со мной что-нибудь случится, ты ведь будешь всегда любить меня, правда, милый? Но это глупости. Просто я только что с поезда и очень устала с дороги. Зато завтра напишу тебе длинное-длинное письмо.

Вот мой здешний адрес: Норд-Стрикер-стрит, 215, Балтимор, Мэриленд. Прошу тебя, любимый — хотя бы одно письмо каждый день.

Твоя Джейн»

В течение девяти дней он ежедневно получал от нее письмо, а в понедельник два — за воскресенье. А его письма, которые он посылал по сообщенному ему адресу Норд- Стрикер-стрит, 215, возвращались со штемпелем: «Адресат неизвестен». Он послал телеграмму, и почта ответила ему, что найти Джейн Делано по указанному адресу на Норд-Стрикер-стрит в Балтиморе не смогли.

Три дня он провел, с часу на час ожидая вестей от девушки. Напрасно. Тогда он купил билет до Балтимора.

— Но я побоялся поехать, — закончил он. — Я знаю, что она в затруднительном положении, а я всего лишь глупый поэт. Мне не справиться с этой загадкой. Я бы все запутал, а может, еще и подверг ее жизнь опасности. Я не могу. Это задача для специалиста. Поэтому я подумал о вашем агентстве. Вы ведь будете осторожны, правда? Может оказаться, что она не захочет помощи. А может, вы сумеете помочь ей без ее ведома. Вы знаете толк в таких делах. Вы займетесь этим, не так ли?

Я мысленно взвесил… Есть два типа людей, сеющих страх в любом приличном детективном агентстве: первый — это люди, являющиеся с сомнительным делом о разводе, которому придан вид легальности, а второй это люди непредсказуемые, живущие в мире необычных иллюзий, люди, которые хотят, чтобы их грезы стали реальностью.

Поэт, сидевший напротив, производил впечатление человека искреннего, но я не был уверен в его вменяемости.

— Мистер Пэнбурн, — сказал я минуту спустя, —

я хотел бы заняться вашим делом, но сомневаюсь, что смогу. Я верю в вашу добропорядочность, но я всего лишь работник агентства и должен придерживаться правил. Если бы вы могли представить нам рекомендацию фирмы или частного лица признанной репутации, например уважаемого юриста, то я с удовольствием взялся бы за ваше дело. В противном случае…

— Но я знаю, что ей грозит опасность! — взорвался он. — Я уверен в этом!.. И я не могу делать сенсацию из ее затруднений…

— Очень сожалею, но я не прикоснусь к делу, пока не увижу рекомендацию. Но я уверен, что вы найдете множество агентств, которые не столь щепетильны.

Его губы дрожали, как у маленького мальчика. Он закусил нижнюю губу, и я подумал, что он сейчас расплачется, но он помолчал немного и заговорил:

— Пожалуй, вы правы. Вы можете обратиться к моему родственнику, Рою Эксфорду, — это муж моей сестры. Его слова будет достаточно?

— Да.

Рой Эксфорд, Р. Ф. Эксфорд, был видной фигурой в горнодобывающей промышленности; на Тихоокеанском побережье он был совладельцем

по меньшей мере половины предприятий — ста двадцати.

В этой отрасли с его мнением считались все.

— Если бы вы позвонили, — сказал я, — и договорились о встрече на сегодня, то я мог бы сразу же начать.

Пэнбурн подошел к вороху какого-то хлама и извлек из него телефон. Минуту спустя он разговаривал с кем-то, кого называл «Рита».

— Рой дома?.. после полудня будет?.. Нет, тогда скажи ему, что я послал к нему одного господина по личному делу… по моему личному делу, и что я буду благодарен, если он сделает то, о чем я его прошу… Да… Узнай, пожалуйста, Рита… Это не телефонный разговор… Да, благодарю.

Он снова сунул телефон в этот хлам и обратился ко мне:

— Он будет дома после двух. Я попрошу передать ему то, что я вам рассказал, а если возникнут какие-то сомнения, то пусть он мне позвонит. Вы должны будете ему все объяснить: он ничего не знает о мисс Делано.

— Хорошо. Однако я, прежде чем уйти, должен получить ее описание.

— Она прекрасна. Это прекраснейшая женщина на свете.

Это превосходно смотрелось бы в объявлении о розыске!

— Речь не об этом. Сколько ей лет?

— Двадцать два года.

— Рост?

— Метр семьдесят два, может, семьдесят пять.

— Худощавая, средняя, полная?

— Можно сказать, что худощавая, но…

В его голосе послышалась патетика, и я, опасаясь, что он разразится гимном в ее честь, поспешил прервать его следующим вопросом:

— Цвет волос?

— Темные, такие темные, что почти черные, и мягкие, и густые, и…

— Да, да. Длинные или короткие?

— Длинные и густые, и…

— Цвет глаз?

— Вы видели когда-нибудь тени на полированном серебре, когда…

Я записал: «Глаза серебряные» — и задал следующий вопрос:

— Кожа?

— Идеальная.

— Ага… Но какая она? Темная или светлая, бледная или румяная?

— Светлая.

— Лицо овальное, квадратное или вытянутое?

— Овальное.

— Форма носа? Большой, маленький, вздернутый?

— Маленький и правильный. — В голосе его зазвучало возмущение.

— Как она одевалась? Модно? Какие любила цвета, спокойные или кричащие?

— Прек… — Я уже собирался прервать его, когда он сам сошел на землю и закончил вполне рассудительно: — Очень спокойные, обычно голубые или коричневые тона.

— Какие драгоценности она носила?

— Никогда ничего на ней не видел.

— Какие-нибудь родимые пятна, родинки?

Отвращение, отразившееся на его бледном лице, казалось, должно было испепелить меня.

— А может быть, бородавки? Или шрам?

Он онемел, но нашел в себе силы потрясти головой.

— Есть ли у вас ее фотография?

— Да, я вам покажу.

Он вскочил на ноги и, лавируя между предметами, загромождавшими комнату, исчез за прикрытой портьерой дверью. Минуту спустя он вернулся с большой фотографией в резной рамке

из слоновой кости. Это была типичная художественная фотография — нерезкая, изобилующая тенями, — не слишком пригодная для идентификационных целей. Девушка действительно была прекрасна, но это ни о чем не свидетельствовало — ведь фотография была художественной.

— Это единственный снимок, который у вас есть?

— Да.

— Я буду вынужден одолжить его у вас. Верну сразу же как только сделаю с нее копию.

— Нет, нет! — запротестовал он, явно испуганный мыслью, что портрет дамы его сердца попадет в руки сыщиков. — Ужасно…

В конце концов снимок я заполучил, но вылилось мне это в большее количество слов, чем я привык тратить на пустяковые дела.

— Я хотел бы одолжить также какое-нибудь ее письмо, — сказал я.

— Зачем?

— Чтобы сфотографировать. Образцы почерка бывают очень полезными, например при проверке регистрационных книг в отелях. Люди даже под фальшивой фамилией время от времени делают какие-нибудь заметки.

Произошла еще одна битва, из которой я вышел

с тремя конвертами и двумя ничего не значащими листками бумаги, на которых угловатым девичьим почерком было написано несколько строк.

— У нее было много денег? — спросил я уже после того, как с трудом добытые снимки и образцы почерка были у меня в кармане.

— Не знаю. Не спрашивал. Она не слишком ограничивала себя, но я не имею понятия ни о величине ее доходов, ни об их источнике. У нее был счет в Голден-Гейт- Трест-Компани, но много ли на нем денег, мне, разумеется, неизвестно.

— У нее было много друзей?

— Не знаю. Вроде бы есть, но я с ними не знаком. Видите ли, когда мы были вместе, то всегда говорили только о себе. Интересовались только собой. Мы были просто…

— И вы даже не догадывались, откуда она родом, кто она.

— Нет. Никогда для меня это не имело значения. Я знал, что ее зовут Джейн Делано, и этого достаточно.

— У вас были общие финансовые дела? Денежные сделки? Может быть, что-нибудь с ценностями?

Разумеется, я хотел узнать, просила ли она о

ссуде, предлагала ли что-нибудь продавать и, вообще, пыталась ли каким-то способом вытянуть у него деньги.

Он сорвался с места. Потом сел, а точнее, рухнул в кресло и покраснел.

— Прошу меня простить, — сказал он хрипло. — Вы не знали ее и, конечно, должны расследовать все версии. Нет, ничего такого не было. Вы напрасно предполагаете, что она авантюристка. Ничего подобного. На ней висело что-то страшное, что-то, заставившее ее выехать в Балтимор, что-то, отнявшее ее у меня. Деньги? Какое отношение могут иметь к этому деньги? Я люблю ее!

…Р. Ф. Эксфорд принял меня в своей резиденции на Рашен-Хилл, в комнате, весьма напоминающей контору. Это был высокий блондин, который в свои сорок восемь или сорок девять лет сумел сохранить спортивную форму. Крупный, энергичный, он принадлежал к тем людям, у которых уверенность в себе выглядит естественной.

— В чем запутался наш Барк на этот раз? — с усмешкой спросил он после знакомства. У него был приятный вибрирующий голос.

Я не счел нужным сообщать детали.

— Он обручился в некой Джейн Делано, которая примерно три недели назад внезапно исчезла,

уехав на Восток. Барк очень мало о ней знает, но опасается, что с ней что-то случилось, и хочет ее отыскать.

— Снова? — Он заморгал своими быстрыми голубыми глазами. — Значит, теперь какая- то Джейн. Это уже пятая в этом году, хотя, возможно, я пропустил одну или две, пока был на Гавайях. Так какой во всем этом может быть моя роль?

— Я попросил его о солидной рекомендации. Я думаю, он человек добропорядочный, но не вполне ответственный…

— Вы совершенно правы. Ему не хватает ответственности. — Р. Ф. Эксфорд прищурил глаза и наморщил лоб, на минуту погрузившись в свои мысли. — Ну, а вы тоже думаете, что с девушкой действительно что-то случилось? Может, Барку только кажется?

— Не знаю. Сначала я думал, что это его воображение. Но в ее письмах есть намеки, указывающие на то, что здесь действительно что-то не в порядке.

— Тогда ищите ее, — сказал Эксфорд. — Ничего плохого не случится, если он получит свою Джейн. По крайней мере, на какое-то время он будет занят.

— Вы считаете, что это дело не выльется в скан-

дал или нечто подобное?

— Разумеется. Барк в порядке. Он только несколько изнежен. Владеет доходом, достаточным для скромной жизни, издания своих стихов и приобретения безделушек. Он считает себя великим поэтом. Но вообще — вполне благоразумен.

— Ладно, — сказал я, вставая. — И еще одно: у девушки есть счет в Голден-Гейт- Трест-Компани. Я хотел бы узнать об источнике этих денег. Но кассир Клемент — образчик бдительности и осторожности, когда дело касается предоставления информации о клиентах. Могли бы вы это уладить?

— С удовольствием.

Он написал несколько слов на обратной стороне своей визитной карточки. Я поблагодарил его и обещал позвонить, если потребуется помощь.

Я связался по телефону с Пэнбурном и сообщил ему, что Эксфорд за него поручился. Потом послал телеграмму в отделение нашего агентства в Балтиморе, передав им все, что сумел узнать. После этого я направился на Эшбери-авеню, в дом, где жила девушка.

Управляющая, миссис Клут, огромная женщина в шелестящем черном платье, знала почти так

же мало, как и Пэнбурн. Девушка жила там два с половиной месяца, временами кто-то посещал ее, но миссис Клут сумела описать только Пэнбурна. Квартиру Джейн Делано освободила третьего числа текущего месяца, сказав, что должна уехать на Восток; она просила сохранить ее почту, пока она не пришлет свой адрес. Спустя десять дней миссис Клут получила от нее открытку с просьбой, чтобы письма ей переслали по адресу: Норд-Стрикер-стрит, 215. Балтимор. Мэриленд. Но пересылать было нечего.

Единственным, заслуживающим внимания из всего, что я узнал на Эшбери-стрит, было то, что чемоданы девушки были увезены на зеленом фургоне. Автомобили зеленого цвета использовала крупнейшая транспортная фирма города.

Я пошел в контору фирмы — и застал сотрудника, с которым был в приятельских отношениях. (Умный детектив всегда заводит как можно больше знакомств среди работников транспортных и пересылочных фирм, а также на железной дороге.) Результат — номера багажных квитанций и адрес камеры хранения, куда отвезли чемоданы.

В камере хранения узнал, что чемоданы отправлены в Балтимор. Я послал в Балтимор еще одну телеграмму, в которой сообщил номера багажных

квитанций. Для воскресного вечера достаточно. Пора домой. На следующее утро за полчаса до начала рабочего дня в Голден-Гейт-Трест-Компани я уже был на месте и разговаривал с кассиром Клементом. Вся осторожность и весь консерватизм всех банкиров, вместе взятых, ничто по сравнению с тем, что представлял собой этот упитанный, седой, пожилой господин. Но взгляд на визитную карточку Эксфорда, на обратной стороне которой было написано: «Прошу оказать предъявителю любую возможную помощь» — возымел действие.

— В вашем банке есть или был счет на имя Джейн Делано, — сказал я. — Я хотел бы узнать, на кого она выписывала чеки и на какую сумму, а особенно откуда поступали к ней деньги.

Розовым пальцем он нажал на перламутровую кнопку на письменном столе, и через минуту в комнату беззвучно проскользнул молодой человек с прилизанной светлой шевелюрой. Кассир нацарапал что-то карандашом на листке бумаги и вручил его бесшумному молодому человеку. Еще минута — и на стол кассира легли бумаги;

Клемент просмотрел их и взглянул на меня.

— Мисс Делано была представлена нам мистером Барком Пэнбурном шестого числа прошлого

месяца и открыла счет, внеся восемьсот пятьдесят долларов наличными. После этого она сделала еще несколько взносов: четыреста долларов десятого, двести долларов двадцать первого, триста долларов двадцать шестого, двести долларов тридцатого и двадцать тысяч долларов второго числа текущего месяца. Все взносы делались наличными, кроме последнего. Этот взнос сделан чеком.

Он подал мне чек.

«Прошу перевести на счет Джейн Делано двадцать тысяч долларов.

Подпись: Барк Пэнбурн»

Чек был датирован вторым числом текущего месяца.

— Барк Пэнбурн! — воскликнул я излишне громко. — Выписывать чеки на такие суммы в его обычае?

— Пожалуй, нет, но проверим.

Он снова прибег к помощи перламутровой кнопки, написал что-то на клочке бумаги, молодой человек с прилизанными волосами вошел, вышел, снова вошел и снова вышел. Кассир просмотрел свежую стопку бумаг, положенных на его стол.

— Первого числа сего месяца мистер Пэнбурн

внес двадцать тысяч долларов чеком со счета мистера Эксфорда.

— А выплаты мисс Делано? — спросил я.

Кассир взглянул на бумаги.

— Ее чеки, реализованные в прошлом месяце, еще не отосланы. Все они здесь. Чек на восемьдесят долларов на счет Х. К. Клут от пятнадцатого прошлого месяца, чек от двадцатого прошлого месяца на триста долларов, уплата наличными, другой такой же от двадцать пятого на сто долларов. Оба эти чека, скорее всего, были реализованы ею у нас лично. Третьего числа текущего месяца она ликвидировала счет и получила чек на сумму двадцать одна тысяча пятьсот пятнадцать долларов.

— И этот чек?

— Она лично получила по нему у нас наличные.

Я закурил сигарету, а в голове моей звучали суммы, которые только что были названы. Ни одна из них, кроме тех, что были связаны с подписями Пэнбурна и Эксфорда, не имела значения. Чек для миссис Клут — единственный, который девушка выписала на кого-то, — был, по всей вероятности, предназначен для уплаты за квартиру.

— Значит, так, — вслух подвел я итоги. — Перво-

го числа этого месяца Пэнбурн перевел двадцать тысяч долларов с чека Эксфорда на свой счет. На следующий день он подписал чек на эту сумму на имя мисс Делано, и она его учла. Днем позже она ликвидировала свой счет, получив наличными более двадцати одной тысячи долларов.

— Точно, — сказал кассир.

Прежде чем отправиться на Ливенуорт-стрит, чтобы узнать, почему Пэнбурн не рассказал мне о двадцати тысячах долларов, я заскочил в агентство, проверить, нет ли каких известий из Балтимора. Один из сотрудников как раз закончил расшифровывать телеграмму следующего содержания: «Багаж прибыл на городскую станцию восьмого. Получен в тот же день. На Норд-Стрикер-стрит, 215, находится Балтиморский сиротский приют. О девушке там ничего не знают. Продолжаем поиски».

Я уже выходил, когда Старик вернулся с ленча. Я на несколько минут заглянул в его кабинет.

— Ты был у Пэнбурна? — спросил он.

— Да. Именно этим я занимаюсь, но, по-моему, это какое-то темное дело.

— Почему?

— Пэнбурн — шурин Р. Ф. Эксфорда. Несколько месяцев назад он познакомился с одной де-

вушкой и влюбился в нее. Девушка была сама скромность, и Пэнбурн ничего о ней не знал. Первого числа этого месяца он получил от Эксфорда двадцать тысяч долларов и передал их девушке. Она тут же слиняла, сказав ему, что должна ехать в Балтимор. Дала ему фальшивый адрес как выяснилось, это адрес городского приюта. Ее чемоданы поехали в Балтимор, и она сама прислала ему оттуда несколько писем. Но, похоже, какой-нибудь ее приятель мог заняться там ее багажом и переадресовать письма. Если бы она хотела получить багаж, то должна была бы явиться на станцию с билетом, однако в игре на двадцать тысяч долларов она вполне могла плюнуть на эти чемоданы. Пэнбурн не был со мной искренним — он не сказал мне ни слова о деньгах. Вероятно, ему было стыдно, что он так поступил. Сейчас я собираюсь его прижать.

Старик одарил меня своей мягкой, ничего не значащей улыбкой, и я вышел.

В течение десяти минут я звонил в дверь Пэнбурна, но никто не ответил. Лифтер сказал, что, по его мнению, Пэнбурна ночью не было дома. Я оставил записку в почтовом ящике.

Затем я пошел в редакцию «Кроникл», где просмотрел номера этой газеты за предыдущий

месяц и отметил четыре даты, когда дождь шел напролет день и ночь. С этим я отправился в три наиболее крупных таксомоторных предприятия.

Мне уже случалось несколько раз пользоваться этим источником информации. Девушка жила далеко от трамвайной линии, и я рассчитывал, что в какой-нибудь из этих дождливых дней она вызывала такси, а не шла пешком до остановки. В книгах заказов я надеялся обнаружить вызовы из квартиры девушки — и узнать, куда ее отвозила машина.

Разумеется, лучше было бы просмотреть заказы за весь период пребывания ее в этой квартире, но ни одно таксомоторное предприятие не провернуло бы такую работу. Их и так было трудно уговорить отыскать данные за четыре дня.

Выйдя из последнего таксомоторного предприятия, я снова позвонил Пэнбурну. Нет дома.

После полудня я получил фотокопии снимка и писем девушки, отослал по одной копии с каждого оригинала в Балтимор. Потом вернулся к таксопаркам. В двух из них для меня ничего не оказалось. Только третий проинформировал меня о двух вызовах из квартиры девушки.

В первый из этих дождливых дней оттуда было вызвано такси после полудня, и пассажир поехал

на Ливенуорт-стрит. Скорее всего, пассажиром этим были Пэнбурн или девушка. Во второй день, в половине первого ночи, туда снова прибыло такси, на этот раз пассажир отправился в отель «Маркиз».

Водитель, ездивший по второму вызову, припомнил, что пассажиром вроде бы был мужчина. Я пока оставил этот след; отель «Маркиз», как и Сан-Франциско, хотя не слишком, однако достаточно велик, и выловить среди его постояльцев того, кого я искал, не просто.

Весь вечер я безуспешно пытался поймать Пэнбурна. В одиннадцать позвонил Эксфорду в надежде, что он скажет, где искать его шурина.

— Я его не видел два дня, — сказал миллионер. — Он должен был прийти ко мне на ужин, но так и не появился. Жена сегодня дважды напрасно звонила.

На следующее утро, еще не встав с постели, я позвонил в квартиру Пэнбурна. Снова ничего.

Тогда я связался с Эксфордом и условился о встрече в десять в его конторе.

— Понятия не имею, куда он подевался, — сказал Эксфорд без особого волнения, когда я сообщил ему, что Пэнбурн, по всей вероятности, не был в своей квартире с воскресенья. — Наш

Барк бывает весьма необязательным. А как идут поиски этой бедной дамы?

— Я уже настолько в них продвинулся, что могу заявить, она не такая уж и бедная. За день до исчезновения она получила от вашего шурина двадцать тысяч долларов.

— Двадцать тысяч от Барка? Девушка должна быть просто великолепной! Но откуда он взял столько денег?

— У вас.

Эксфорд выпрямился.

— У меня?

— Да. По вашему чеку.

— Неправда.

Эксфорд не дискутировал со мной — он просто констатировал факт.

— Значит, вы не давали ему первого числа этого месяца чек на двадцать тысяч долларов?

— Нет.

— Может, мы вместе съездим в Голден-Гейт-Трест-Компани? — предложил я.

Через десять минут мы были в кабинете Клемента.

— Я хотел бы увидеть свои учтенные чеки, — сказал Эксфорд.

Юноша с лоснящимися светлыми волосами

принес их молниеносно — довольно толстую папку, — и Эксфорд поспешно отыскал среди них тот, о котором я упомянул. Он долго рассматривал его, а когда потом взглянул на меня, то медленно, но решительно покачал головой.

— Никогда до этой минуты не видел его.

Клемент вытирал лоб белым платком и пытался сделать вид, что не сгорает от любопытства и опасений, не окажется ли банк обманутым.

Миллионер взглянул на подпись на обратной стороне чека.

— Чек учтен Барком первого числа, — сказал он так, как если бы думал о чем-то совсем другом.

— Могли бы мы поговорить с кассиром, который принял чек на двадцать тысяч долларов у мисс Делано? — спросил я у Клемента.

Толстым розовым пальцем Клемент придавил перламутровую кнопку, и через минуту в комнату вошел невысокий, бледный, лысый мужчина.

— Помните ли вы, как несколько недель назад приняли чек на двадцать тысяч долларов у мисс Джейн Делано?

— Да, разумеется.

— Как это было?

— Значит, так… мисс Делано подошла к моему окошку вместе с мистером Барком Пэнбурном.

Это был его чек. Сумма показалась мне высоковатой, но бухгалтер сказал, что чек имеет обеспечение. Мисс Делано и мистер Пэнбурн смеялись и разговаривали, а когда я перечислил данную сумму на ее счет вместе ушли. Вот и все.

— Этот чек — фальшивый, — медленно проговорил Эксфорд, когда кассир возвратился к себе. — Но, разумеется, вы должны утвердить операцию. И этим дело должно закончиться, мистер Клемент. Попрошу вас больше к нему не возвращаться.

— Разумеется, мистер Эксфорд, разумеется.

Когда бремя в виде двадцати тысяч долларов свалилось с плеч его банка, Клемент был готов улыбаться и поддакивать.

Эксфорд и я вышли из банка и сели в машину. Однако он не сразу включил мотор. Невидящими глазами всматривался он в поток машин на Монтгомери-стрит.

— Хочу, чтобы вы отыскали Барка, — сказал он наконец, его низкий голос не выражал никаких чувств. — Я хочу, чтобы вы его отыскали, но никакого скандала быть не должно. Если моя жена узнает… Нет, она не должна ничего узнать. Она считает своего брата невинным младенцем. Я хочу, чтобы вы отыскали его для меня. О девушке

можете не думать, это уже не главный вопрос, хотя мне кажется, что там, где вы найдете одно, обнаружится и другое. Меня не интересуют эти деньги, так что вы не особенно старайтесь их отыскать. Опасаюсь, что это трудно было бы сделать без огласки. Я хочу, чтобы вы отыскали Барка, прежде чем он наделает еще худших глупостей.

— Если вы хотите избежать нежелательной огласки, — сказал я, — то самым разумным было бы придать делу огласку желаемого. Объявим, что он исчез, поместим в газетах его фотографию и так далее. Это будет убедительно. Он ваш шурин и поэт. Мы можем сказать, что он человек больной — вы мне говорили, что он всю жизнь был слабого здоровья, — и мы опасаемся, что он умер где-то неопознанным… О девушке и деньгах вообще не следует упоминать. Наше объяснение удержит людей, особенно вашу жену, от нежелательных домыслов, когда факт его исчезновения станет известен. А он наверняка станет известен.

Моя идея не очень ему понравилась, однако мне удалось настоять.

Итак, мы отправились на квартиру Пэнбурна, куда нас впустили. Я обыскал комнаты сантиметр за сантиметром, заглянул в каждую дыру

и щель, прочел все, что можно было прочесть, даже рукописи, и не нашел ничего, что пролило бы свет на его исчезновение.

Найдя его фотографии, я из нескольких десятков выбрал пять. Эксфорд подтвердил, что все его сумки и чемоданы были на месте. Чековой книжки Голден-Гейт-Трест- Компани я не обнаружил.

Остаток дня я потратил на предоставление газетам всего того, что мы хотели видеть напечатанным. В результате мой бывший клиент получил великолепную прессу — информация с фотографией на первых страницах. Если в Сан-Франциско и был кто- нибудь, кто не знал, что Барк Пэнбурн, шурин Р. Ф. Эксфорда и автор книги «Песчаные земли и другие стихи», исчез, то это означало, что он либо не умел, либо не хотел читать.

Наше обращение к прессе принесло результаты. Уже на следующее утро со всех сторон начала поступать информация от множества людей, которые видели исчезнувшего поэта в десятках мест. Кое-что из этой информации звучало обнадеживающе или, по меньшей мере, правдоподобно, большая же часть ее, однако, была совершенно абсурдной.

Когда я после проверки одного из таких, на пер-

вый взгляд, обещающих заявлений возвратился в агентство, мне сообщили, что Эксфорд просил, чтобы я с ним связался.

— Вы можете приехать в мою контору? — спросил он, когда я позвонил.

Когда меня препроводили в его кабинет, я застал там молодого человека лет двадцати с небольшим, худощавого, элегантного — тип увлекающегося спортом служащего.

— Это мистер Фолл, один из моих работников, — сказал Эксфорд. — Он утверждает, что видел Барка в воскресенье вечером.

— Где? — спросил я Фолла.

— Он входил в мотель возле Халфмун-Бей.

— Вы уверены, что это был он?

— Совершенно. Он часто приходил в контору мистера Эксфорда. Я знаю его. Это наверняка был ой.

— Как вы там оказались?

— Я с приятелями был на побережье. Возвращаясь, заскочили в этот мотель перекусить. Мы как раз выходили, когда подъехал автомобиль и из него вышел мистер Пэнбурн с какой-то девушкой или женщиной, деталей я не разглядел, они вошли в помещение. Я забыл об этом, и только когда прочитал вчера в газете, что его не видели

с воскресенья, подумал, что…

— Какой это был мотель? — перебил я его.

— «Уайт Шэк» ([1]).

— В котором часу это было?

— Пожалуй, между половиной двенадцатого и полночью.

— Он вас видел?

— Нет. Я уже сидел в машине, когда он подъехал.

— Как выглядела та женщина?

— Не знаю. Я не видел ее лица, не помню.

Это было все, что Фолл мог сказать. Мы поблагодарили его, а потом я воспользовался телефоном Эксфорда и позвонил в ресторанчик Уопа Хили в Норд-Бич. Когда трубку сняли, я попросил передать, чтобы Грязный Рей позвонил Джеку. Было договорено, что когда Рей мне понадобится, то именно так дам ему об этом знать. Наше знакомство не следовало афишировать.

— Вы знаете «Уайт Шэк»? — спросил я Эксфорда.

— Знаю, где этот мотель находится, но не более.

— Это притон. Заправляет им Джоплин Жестя-

---

[1] Примечания: 1

«Белая хижина» *(англ.).*

ная Звезда, бывший взломщик сейфов, который вложил в это заведение свои деньги. Благодаря сухому закону, содержание мотелей стало рентабельным. Сейчас он гребет больше, чем когда потрошил кассы. Ресторан — всего лишь прикрытие. «Уайт Шэк» — это перевалочная база для спиртного, которое растекается потом через Халфмун-Бей по всей стране; с этого Джоплин имеет огромную прибыль. «Уайт Шэк» — притон, место, совсем не подходящее для вашего шурина. Я не могу поехать туда лично, только испорчу дело. Мы с Джоплином — старые приятели… Но есть человек, которого я могу послать туда на пару дней. Может, Пэнбурн там частый гость или попросту живет в мотеле. Джоплин укрывает самых разных людей. Надо выведать…

— Все в ваших руках, — сказал Эксфорд.

От Эксфорда я прямиком направился к себе, оставил парадную дверь открытой и стал ждать Рея. Он явился через полтора часа.

— Привет! Как жизнь?

Он развалился на стуле, ноги положил на стол и потянулся за лежащими на нем сигаретами.

Таким он был. Грязный Рей. Мужчина лет тридцати с небольшим, с кожей землистого цвета, не большой, не маленький, всегда кричаще,

при этом, как правило, не очень чисто одетый, который свою безмерную трусость маскировал бахвальством, самовосхвалением и напускной уверенностью в себе.

Но я-то знал его около трех лет, а потом подошел и одним движением смахнул его ноги со стола, чуть не сбросив его со стула.

— В чем дело? — Взбешенный, он изготовился к прыжку. — Что за манеры? Хочешь схлопотать по роже…

Я сделал шаг вперед. Он мгновенно отступил.

— О, да ведь я это просто так. Пошутил!

— Заткнись и садись, — сказал я.

Я знал Грязного Рея около трех лет, пользовался его услугами, но тем не менее не мог ничего сказать в его пользу. Трус. Лжец. Вор и наркоман. Человек, готовый продать своих приятелей, а если понадобится, то и доверителей тоже. Славная пташка. Но профессия детектива — тяжелая профессия, здесь не приходится брезговать средствами. Рей мог быть полезным инструментом, если знать, как им пользоваться, то есть если держать его твердой рукой за горло и проверять поставляемую им информацию. Для моих целей трусость была его наибольшим достоинством. Присущие ему качества были известны всему

преступному миру Побережья, и хотя никто, включая самого мелкого мошенника, не питал к нему ни малейшего доверия, и с особой подозрительностью к нему никто не относился. Его сотоварищи в большинстве сходились на мнении, что он слишком труслив, чтобы быть опасным, они считали, что он побоится их предать, побоится безжалостной мести за донос. Однако они не учитывали, что Рей обладал даром внушать себе веру в собственную неустрашимость. Он свободно ходил, куда хотел и куда я его посылал, а затем приносил информацию, которую иным путем я не мог бы получить.

Я почти три года его использовал и хорошо оплачивал, и он был мне послушен. «Информатор» — этим словом я называл его в моих отчетах; преступный мир, кроме повсеместно используемого слова «стукач», имеет на этот случай множество весьма не лестных определений.

— Есть работа, — сказал я, когда он уселся снова, оставив на этот раз ноги на полу. Левый уголок его рта дрогнул, а левый глаз подмигнул понимающе.

— Так я и думал. — Он всегда говорил что-нибудь в этом роде.

— Хочу, чтобы ты поехал в Халфмун-Бей и про-

вел несколько дней у Джоплина. Вот тебе два снимка. — Я протянул ему фотографии Пэнбурна и девушки. — На обороте их имена и описание. Я хочу знать, появляется ли кто-нибудь из них там, что делает, где таскается. Возможно, что Жестяная Звезда их укрывает.

Рей взглянул на снимки.

— Кажется, я знаю этого типа, — сказал он, дернув левым уголком рта. Это тоже типично для Рея. Когда сообщаешь ему имя или описание, даже вымышленные, он всегда так говорит.

— Вот деньги. — Я пододвинул к нему несколько банкнот. — Если тебе придется пробыть там дольше, я вышлю еще. Контакт со мной поддерживай по этому номеру. Можешь звонить в контору. И помни: глаза держи открытыми. Если застану сонным, выдам тебя.

Он как раз кончил считать деньги — их было не так уж много, — и с презрением швырнул купюры на стол.

— Оставь себе на газеты, — заявил он с иронией. — Как я могу узнать что-нибудь, если не могу там ничего истратить?

— На пару дней хватит, остальные и так пропьешь. А если задержишься, подброшу еще. А плату получишь после работы, а не до.

Он потряс головой и встал,

— Хватит с меня твоего скупердяйства. Выполняй сам свои поручения. Я кончил.

— Если сегодня вечером ты не поедешь в Халфмун-Бей, то действительно кончишь, — заверил я его, предоставляя ему воспринимать мою угрозу так, как он пожелает.

Как и следовало ожидать, через минуту он взял деньги. Спор о задатке был неизменным вступительным ритуалом.

После ухода Рея я уселся поудобнее и выкурил несколько сигарет, размышляя над этим делом.

Сперва исчезла девушка с двадцатью тысячами долларов, потом поэт, и оба, надолго или нет, поехали в «Уайт Шэк». С виду дело казалось ясным. Пэнбурн под влиянием девушки так размяк, что выписал ей фальшивый чек со счета Эксфорда, а потом, после событий, о которых я еще ничего не знаю, они где-то укрылись.

Есть еще два следа. Первый: соучастник, посылавший письма Пэнбурну и получивший багаж девушки; этим займется наша контора. Второй: кто ехал на такси с квартиры девушки в отель «Маркиз»?

Это могло не иметь отношения к делу, а могло и иметь самое непосредственное. Если я найду

связь между отелем «Маркиз» и «Уайт Шэк», то можно будет сказать, что мы напали на след… На телефонном коммутаторе в отеле «Маркиз» я застал девушку, которая когда-то уже оказывала мне услуги.

— Кто звонил в Халфмун-Бей? — спросил я.

— Боже мой! — Она упала на стул и розовой ручкой осторожно поправила свои мастерски уложенные волосы. — Мне хватает работы и без того, чтобы вспоминать телефонные разговоры. Это ведь не пансионат. Здесь звонят чаще, чем раз в неделю.

— Вряд ли у вас было много разговоров с Халфмун-Бей, — настаивал я, опершись на стойку и поигрывая пятидолларовой бумажкой. — Вы должны помнить последний.

— Я проверю, — вздохнула она, как будто бы ее вынудили заняться безнадежным делом.

Она просмотрела квитанции.

— Кое-что есть. Из номера 522, две недели назад.

— По какому номеру звонили?

— Халфмун-Бей, 51.

Это был номер телефона мотеля. Пятидолларовая купюра сменила владельца.

— Этот пятьсот двадцать второй, он что, посто-

янно здесь живет?

— Да, Мистер Килкурс. Он живет здесь уже три или четыре месяца.

— Кто он?

— Не знаю. Но, по-моему, это джентльмен…

— Отлично. Как он выглядит?

— Молодой, но уже с легкой сединой. Кожа смуглая. Очень приличный и похож на киноактера.

— Как Бул Монтана? — уходя, спросил я.

Ключ от номера 522 висел на доске. Я сел так, чтобы его видеть. Примерно через час дежурная подала ключ мужчине, который действительно выглядел, как актер. Лет тридцати, со смуглой кожей и темными седеющими на висках волосами. Ростом он был чуть выше шести футов, худощавый, в элегантном костюме.

С ключом в руке он вошел в лифт.

Я позвонил в агентство и попросил Старика, чтобы он прислал ко мне Дика Фоли.

Дик появился спустя десять минут. Этот крохотный канадец весит около ста фунтов, и я не знаю детектива, который умел бы так хорошо вести слежку, а я знаком почти со всеми.

— Есть здесь одна пташка, которая нуждается в хвосте, — сказал я Дику. — Его зовут Килкурс, номер 522. Подожди на улице, я покажу тебе его.

Я вернулся в холл и стал ждать.

В восемь Килкурс вышел из отеля. Я прошел за ним немного, доверил его Дику и вернулся домой, чтобы быть у телефона, когда позвонит Грязный Рей.

Но телефонного звонка не было.

Когда на следующее утро я появился в агентстве, Дик уже ждал меня.

— Ну и как? — спросил я.

— К черту! — Когда Дик возбужден, он говорит телеграфным языком, а сейчас он был зол невероятно. — Два квартала. Сорвался. Единственное такси.

— Он раскрыл тебя?

— Нет. Ловкач. На всякий случай.

— Попробуй еще раз. Лучше иметь под рукой автомобиль на случай, если он снова попробует от тебя оторваться.

Дик уже выходил, когда зазвонил телефон. Это был Рей, решивший позвонить в контору.

— У тебя что-нибудь есть? — спросил я.

— И много, — похвастался он.

— Встретимся у меня через двадцать минут, — сказал я.

Мой землистолицый информатор сиял. Его походка напоминала негритянский танец, а

выражение лица было достойно самого царя Соломона.

— Я там все перетряс, — заявил он гордо, — разговаривал с каждым кто хоть что-то знает, видел все, что следовало увидеть, и просветил этот притон полностью, от подвала до крыши. И сделал…

— Да, да, — прервал его я. — Прими мои поздравления и так далее. Так что же у тебя есть?

— Сейчас тебе скажу. — Он поднял руку вверх, словно полицейский, управляющий уличным движением. — Спокойно. Все скажу.

— Ясно. Я знаю. Ты великолепен, и это мое счастье, что ты делаешь за меня мою работу и так далее. Но Пэнбурн, он там?

— Сейчас я дойду до этого. Я поехал туда и…

— Ты видел Пэнбурна?

— Об этом я и говорю. Я поехал туда и…

— Рей, — сказал я, — мне до лампочки, что ты там делал. Видел ли ты Пэнбурна?

— Да. Я видел его.

— Прекрасно. А теперь — что ты видел?

— Он находится там, у Жестяной Звезды. Он и эта его женщина, они там оба. Она там уже месяц. Я ее не видел, но мне рассказал один из официантов. Пэнбурна я видел лично. Он особо себя не афиширует. В основном сидит в задней части

дома, там, где живет Жестяная Звезда. Пэнбурн там с воскресенья. Я поехал туда и…

— И узнал, кто эта девушка? И вообще, о чем идет речь?

— Нет. Я поехал ту да и…

— Все в порядке! Поедешь туда снова сегодня вечером. Позвонишь мне, когда убедишься, что Пэнбурн там, что он не уехал. Не ошибись! Я не хочу поднять ложную тревогу. Звони по телефону агентства; тому, кто возьмет трубку, скажи, что будешь в городе поздно. Это будет означать, что Пэнбурн там, а ты можешь звонить от Джоплина, не вызывая подозрения.

— Мне нужны деньги, — заявил он, вставая. — Все это стоит…

— Я рассмотрю твое заявление, — пообещал я. — А теперь будем считать, что тебя здесь уже нет. И дай мне знать, как только убедишься, что Пэнбурн там.

После этого я отправился в контору Эксфорда.

— Кажется, я напал на след, — проинформировал я миллионера. — По всей вероятности, сегодня вечером вы сможете поговорить с Пэнбурном. Мой человек утверждает, что видел его вчера вечером в «Уайт Шэк» и что ваш шурин, видимо, там живет. Если сегодня вечером он

снова покажется, то мы сможем туда поехать.

— А почему мы не можем поехать сразу?

— В течение дня в этой забегаловке почти пусто, и мой человек не может там бродить, не возбуждая подозрений. Я предпочел бы, чтобы мы двое там не показывались, пока не будем уверены, что встретим Пэнбурна.

— Что я должен делать?

— Я попросил бы вас подготовить на вечер какой-нибудь быстроходный автомобиль. И самому быть наготове.

— Договорились. Я буду дома в половине шестого. Заеду за вами, как только вы дадите мне знать.

В половине десятого мы с Эксфордом с ревом мчались по дороге, ведущей в Халфмун- Бей. Рей позвонил.

Во время езды мы почти не разговаривали. Эксфорд спокойно сидел за рулем; в первый раз я заметил, какая у него мощная челюсть.

Мотель «Уайт Шэк» размещался в большом квадратном доме из искусственного камня. Он был несколько отдален от шоссе, и к нему вели две полукруглые подъездные дороги. Между дорогами стояли какие-то строения, в которых клиенты Джоплина припарковывали автомоби-

ли. Кое-где были разбиты клумбы и посажены кустарники. Не сбавляя скорости, мы свернули на подъездную дорогу и…

Эксфорд резко затормозил, огромная машина застыла на месте, швырнув нас на ветровое стекло. В последнюю секунду мы избежали столкновения с людьми, внезапно появившимися перед бампером автомобиля.

В свете фар были отчетливо видны бледные, испуганные лица; ниже — белые руки и спины, яркие платья и драгоценности на темном фоне мужских одежд. Взгляды, бросаемые украдкой, и откровенное любопытство зевак.

Таково было мое первое впечатление, а когда я оторвал голову от ветрового стекла, то осознал, что группа людей сосредоточена вокруг некоего центра. Я приподнялся, пытаясь рассмотреть что-нибудь над головами толпы, но безуспешно.

Я выскочил из машины и протолкался к этому центру.

На белом гравии лицом к земле лежал человек. Это был худой мужчина в темной одежде, над воротником, там, где голова соединяется с шеей, чернела дыра. Я опустился на колени, чтобы увидеть его лицо. Потом выбрался из толпы и вернулся к машине. Двигатель продолжал рабо-

тать, Эксфорд в эту минуту вышел из машины.

— Пэнбурн мертв. Застрелен!

Эксфорд медленно снял перчатки, аккуратно сложил их и спрятал в карман. Затем кивком головы подтвердил, что понял мои слова, и двинулся к толпе, стоявшей над мертвым поэтом. Я же принялся высматривать Рея.

Я нашел его на террасе. Я прошел так, чтобы он заметил меня, и скрылся за углом дома, там было несколько темнее.

Вскоре он присоединился ко мне. Хотя ночь не была холодной, он выбивал зубами дробь.

— Кто его прикончил? — спросил я.

— Не знаю, — простонал он. В первый раз я услышал, как он признается в полном своем поражении. — Я был в здании. Следил за остальными.

— Кто эти остальные?

— Жестяная Звезда, какой-то тип, которого я никогда раньше не видел, и девушка. Я не думал, что парень выйдет из дома. У него не было шляпы.

— А что ты узнал?

— Через минуту после того, как я позвонил тебе, девушка и Пэнбурн вышли из своего укрытия и уселись за столик с другой стороны террасы, где довольно темно. Они ели, а потом пришел тот тип

и присоединился к ним. Высокий, модно одетый.

Это мог быть Килкурс.

— Они разговаривали, потом к ним подсел Джоплин. Они сидели с четверть часа, смеялись и болтали. Я занял столик, откуда мог наблюдать за ними, народу было много, и я опасался, что потеряю этот столик, если отойду, поэтому я и не пошел за парнем. Он был без шляпы, вот я и не подумал, что он собирается выйти. Но он прошел через дом и вышел на улицу, а через минуту я услышал какой-то звук… я подумал, что это выхлоп мотора. И тут же послышался шум быстро движущегося автомобиля. И тогда кто-то крикнул, что на дворе лежит труп. Все выбежали. Это был Пэнбурн.

— Ты абсолютно уверен, что Джоплин, Килкурс и девушка были за столиком, когда убили Пэнбурна?

— Абсолютно, — сказал Рей, — если этого типа зовут Килкурс.

— Где они теперь?

— У Джоплина. Пошли туда сразу, когда увидели, что Пэнбурн мертв.

Я отнюдь не питал иллюзий в отношении Рея. Я знал, что он без колебаний может предать меня и создать алиби убийце поэта. Но если это

Джоплин, Килкурс или девушка ликвидировали его — перекупили моего информатора, нельзя доказать их ложное алиби. Джоплин располагал толпой ребят, которые, не моргнув глазом, под присягой подтвердят все, что ему надо. Я знал, что найдется дюжина свидетелей их присутствия на террасе.

Итак, я должен был поверить, что Рей говорит правду. Другого выхода у меня просто не было.

— Ты видел Дика Фоли? — спросил я, потому что именно Дик следил за Килкурсом.

— Нет.

— Поищи его. Скажи ему, что я пошел поболтать с Джоплином. Пусть он тоже пройдет туда. Потом будь под рукой, может быть, ты понадобишься.

Я вошел в дом через балконную дверь, миновал пустую площадку для танцев и поднялся наверх, в жилище Джоплина на третьем этаже. Я знал дорогу, был здесь не раз. Старые приятели.

На этот раз я шел с весьма хилой надеждой на успех: ведь я не имел против них доказательств. Я мог, конечно, подцепить на крючок девушку, но не без оглашения того факта, что умерший поэт подделал подпись своего родственника на чеке. А это исключалось.

— Войдите, — прозвучал громкий знакомый го-

лос, когда я постучал в дверь гостиной Джоплина. Я отворил дверь и вошел.

Джоплин Жестяная Звезда стоял посреди комнаты — бывший великий медвежатник, детина с непомерно широкими плечами и тупой лошадиной физиономией. Позади него сидел на столе Килкурс, пряча настороженность под маской веселого оживления. У противоположной стены комнаты на подлокотнике большого кожаного кресла сидела девушка, которую я знал как Джейн Делано. Поэт не преувеличил, утверждая, что она прекрасна.

— Ты? — буркнул Джоплин, когда увидел меня. — Чего ты, к дьяволу, хочешь?

— А что у тебя есть?

Я не слишком сосредотачивался на этом обмене фразами, а присматривался к девушке. Было в ней что-то знакомое, но я никак не мог понять, что именно. Возможно, я никогда не видел ее, а это ощущение возникло потому, что я так долго всматривался в фотографию? С фотографиями так бывает.

Тем временем Джоплин говорил:

— Однако у меня не так много времени, чтобы бросать его на ветер.

— Если бы ты поберег время, которое получил

от судей, у тебя было бы его навалом.

Где-то я уже видел эту девушку. Стройная, одета в голубое платье, открывающее то, что стоило показать: шею, плечи, спину. Густые, темные волосы и овальное розовое личико. Широко расставленные серые глаза действительно, как это определил поэт, напоминали полированное серебро. Я мерил ее взглядом, но никак не мог вызвать нужную ассоциацию. Килкурс продолжал сидеть на столе, покачивая ногой.

Джоплин начал терять терпение.

— Может, ты перестанешь пялить глаза на девочку и скажешь, чего ты хочешь?

Девушка усмехнулась иронично, приоткрыв свои острые, как иглы, мелкие зубки. И по этой улыбке я ее узнал.

Меня сбили с толку ее волосы и кожа. Когда я видел ее в последний раз последний и единственный, — ее лицо было мраморно-белым, а волосы короткими, цвета огня. Она, трое мужчин, одна старушка и я забавлялись в тот вечер игрой в прятки в одном доме на Турецкой улице. Ставкой в игре было убийство банковского посыльного и кража акций стоимостью в сто тысяч долларов. Трое участников организованной ею аферы погибли в тот вечер, а четвертый, китаец, угодил

на виселицу.

Звали ее тогда Эльвирой, и мы безуспешно разыскивали ее по всей стране и за границей.

Хотя я и старался не подавать вида, она догадалась, что я ее узнал. По-кошачьи соскочила с кресла и двинулась ко мне. Ее глаза теперь были скорее стальными, чем серебряными.

Я вынул пистолет. Джоплин сделал шаг в моем направлении.

— В чем дело?

Килкурс спрыгнул со стола, расслабил галстук.

— Дело в том, — сказал я, — что эта девушка разыскивается за убийство, совершенное несколько месяцев назад, а может, и за десять других тоже. Так или иначе…

Я услышал щелчок выключателя где-то за моей спиной, и комната погрузилась в темноту.

Я двинулся, сам не зная куда, чтобы только не остаться там, где меня застигла темнота.

Ощутив плечом стену, я присел на корточки.

— Быстро!.. — прозвучал резкий шепот со стороны, как я догадался, двери.

Но обе двери комнаты оставались закрытыми, свет из коридора в комнату не проникал. В темноте я слышал какое-то движение, но на фоне несколько более светлого окна не появилась ни

одна фигура.

Что-то мягко щелкнуло почти рядом со мной. Это вполне мог быть звук открываемого пружинного ножа, а я помнил, что Джоплин Жестяная Звезда любит такое оружие.

— Пошли!.. — резкий шепот, как удар, пронзил темноту.

Приглушенный, неразгаданный звук прозвучал совсем рядом.

Внезапно сильная рука стиснула мое плечо, чье-то крепкое тело навалилось на меня. Я ударил пистолетом и услышал стон.

Рука переместилась к горлу.

Я ударил в чье-то колено, и человек снова застонал.

Что-то обожгло мне бок.

Я снова ударил пистолетом, потом несколько отвел его назад, чтобы освободить ствол от мягкого препятствия, и нажал на спуск. Послышался выстрел. Голос Джоплина, прозвучавший в моих ушах удивительно спокойно и деловито.

— Черт! Он попал в меня.

Я отодвинулся от него в направлении желтого пятна света, падающего через открывшуюся дверь. Я не слышал, чтобы кто-то выходил. Я был слишком занят. Однако я понял, что Джоплин

решил отвлечь мое внимание, чтобы дать возможность удрать.

Я не встретил никого, когда, спотыкаясь и скользя, сбегал по лестнице, перескакивая через столько ступеней, сколько удавалось. Возле танцевальной площадки навстречу мне шагнул кто-то из официантов. Не знаю, сделал ли он это специально. Я не спрашивал. Я просто врезал ему наотмашь пистолетом в лицо и помчался дальше. Потом перепрыгнул через чью-то ногу, пытавшуюся подсечь меня, а возле наружной двери обработал еще одну физиономию.

Уже на подъездной дороге я увидел задние фары автомобиля, сворачивающего на шоссе.

Подбегая к автомобилю Эксфорда, я заметил, что тело Пэнбурна уже забрали. Несколько человек еще стояли возле этого места и глазели на меня, разинув рты.

Машина стояла с включенным мотором, как ее оставил Эксфорд. Я дал газ, промчался по дороге мимо клумб и свернул на шоссе. Через пять минут я уже видел впереди себя красные огоньки.

Машина Эксфорда — зверь, я просто не знал, куда девать всю его мощь. Не знаю, с какой скоростью двигался автомобиль впереди меня, но я приближался к нему с такой быстротой, как если

бы он стоял на месте.

Два с половиной километра, может быть, три…

Вдруг впереди я увидел человека, стоявшего еще за пределом света фар моей машины. Когда свет упал на него, я удостоверился, что это Грязный Рей.

Он стоял посреди шоссе с пистолетом в каждой руке.

Пистолеты внезапно полыхнули красным и погасли, вспыхнули еще раз и погасли снова — как две лампочки в системе сигнализации.

Переднее стекло разлетелось.

Грязный Рей — информатор, имя которого на всем Тихоокеанском побережье было синонимом трусости, — стоял посреди шоссе и стрелял в мчавшуюся на него металлическую комету…

Я не видел конца.

Сознаюсь чистосердечно: я закрыл глаза, когда его ожесточенное белое лицо появилось над капотом моей машины. Металлический колосс вздрогнул чуть-чуть, — и дорога впереди меня снова стала пустой, если не считать удаляющихся красных огоньков. Переднего стекла не было. Ветер трепал мои волосы, прищуренные глаза слезились.

Внезапно я осознал, что говорю сам с собой.

Это был Рей. Забавно. Я не удивился тому, что он меня обманул. Этого можно было ожидать. Не удивило меня и то, что он прокрался в комнату и выключил свет. Но то, что он встал так на дороге и погиб…

Оранжевая полоса, метнувшаяся с мчащего впереди автомобиля, прервала мои размышления. Пуля не нашла меня, — трудно метко стрелять из движущегося автомобиля, — но я знал, что при моей скорости я вскоре стану очень хорошей мишенью.

Я включил фару-искатель. Я уже видел, что желтый спортивный автомобиль ведет девушка, а с ней Килкурс.

Я сбросил скорость. Невыгодное положение — одновременно вести машину и стрелять. Следовало сохранять дистанцию, пока мы не доберемся до какого-нибудь населенного пункта, что в принципе неизбежно. В это время, еще до полуночи, на улицах будут люди и полицейские. Тогда я приближусь, и моя победа будет обеспечена.

Однако через несколько километров дичь, на которую я охотился, расстроила мои планы. Желтая машина затормозила, развернулась и стала поперек шоссе. Килкурс и девушка выскочили и спрятались за ней, как за баррикадой.

Я почувствовал искушение попросту протаранить их, но это было слабое искушение, и когда оно закончило свою короткую жизнь, я нажал на тормоз и остановился. Потом поискал рефлектором желтый автомобиль.

Сверкнуло где-то на краю круга света. Рефлектор резко дернулся, но не разбился. Ясно, что рефлектор будет первой мишенью, и…

Я съежился в автомобиле, ожидая, когда пули прикончат рефлектор. Туфли и плащ я осторожно снял.

Третий выстрел разнес рефлектор. Выключив остальные огни, я пустился бежать и остановился только возле желтого автомобиля. Надежный и безопасный номер.

Девушка и Килкурс смотрели на яркий свет рефлектора. Когда он погас, а я выключил остальные лампы, они были совершенно ослеплены, их глазам требовалась, по меньшей мере, минута, чтобы они приспособились к серо-черной ночи. В носках, без обуви, я двигался бесшумно, и через минуту нас разделял только желтый автомобиль. Я об этом знал, они — нет.

До меня донесся тихий голос Килкурса:

— Я его попробую достать из канавы. Стреляй время от времени, отвлекай его.

— Ноя его не вижу, — запротестовала девушка.

— Сейчас глаза привыкнут к темноте. Стреляй в сторону его машины.

Я прижался к капоту. Девушка выстрелила в сторону моего автомобиля.

Килкурс на четвереньках двинулся к канаве, тянувшейся вдоль южной стороны шоссе. Сейчас нужен прыжок и удар пистолетом в затылок. Я не хотел убивать, но мне нужно убрать его с дороги. Ведь оставалась еще девушка, — по меньшей мере, столь же опасная.

Я приготовился к прыжку, а он инстинктивно обернулся и увидел меня.

Я выстрелил…

Можно не проверять, попал ли я. С такого расстояния промазать невозможно.

Согнувшись вдвое, я проскользнул к багажнику автомобиля и стал ждать.

Девушка сделала то, что, наверное, и я сделал бы на ее месте. Она не выстрелила и не бросилась туда, откуда прозвучал выстрел. Она подумала, что я оказался в канаве раньше Килкурса и что теперь я намереваюсь зайти ей в тыл. Пытаясь меня опередить, она обогнула автомобиль, чтобы устроить засаду со стороны машины Эксфорда.

Ее изящный носик наткнулся на дуло моего

пистолета…

Она вскрикнула.

Женщины не всегда рассудительны. Часто они пренебрегают такими мелочами, как направленный на них пистолет. К счастью, я успел схватить ее за руку. Когда моя рука стиснула ее пистолет, девушка нажала на спуск, прижав курком кончик моего указательного пальца. Я вырвал оружие из ее руки и освободил палец.

Но это еще не был конец. Я стоял, держа пистолет не более чем в десяти сантиметрах от нее, а она вдруг бросилась бежать к группе деревьев, которые чернели у дороги.

Когда я опомнился от изумления, вызванного столь дилетантским поступком, то сунул пистолеты в карманы и, не жалея ног, пустился следом.

Она как раз собиралась перелезть через проволочную изгородь.

— Перестань дурить, — сказал я неодобрительно. Сжав левой рукой ее запястье, я потянул девушку к машине. — Это серьезное дело. Не будь ребенком.

— Больно!

Я знал, что ей вовсе не больно, знал также, что она виновата в смерти четырех, а может, пяти человек, но все-таки ослабил захват чуть ли не до

уровня дружеского рукопожатия. Она послушно пошла рядом со мной к автомобилю. Продолжая держать ее за руку, я включил фары. Килкурс лежал на краю полосы света — лицом к земле, одна нога подогнута.

Я поставил девушку на хорошо освещенное место.

— Стой здесь и будь благовоспитанной. Одно движение, и я прострелю тебе ногу.

Я не шутил.

Отыскав пистолет Килкурса, я спрятал его в карман и опустился на колени возле тела.

Мертв. Пуля продырявила его повыше ключицы.

— Он… — Губы ее дрожали.

— Да.

Она взглянула на него, и по ее телу прошла дрожь.

— Бедный Фэг, — прошептала она.

Я уже говорил, что она была прекрасна, а теперь, в ослепляющем свете фар, она казалась еще прекрасней. Она могла вызвать глупые мысли даже у немолодого охотника на преступников. Она была…

Именно поэтому я взглянул на нее сурово и сказал:

— Да, бедный Фэг и бедный Хук, и бедный Тай, и бедный посыльный из ЛосАнджелеса, и бедный Барк… — Я перечислил тех, о которых знал, что они умерли потому, что любили ее.

Взрыва ярости не последовало. Ее большие серые глаза смотрели на меня проницательно, а прекрасное овальное лицо, обрамленное массой темных волос (я знал, что они крашеные), было печально.

— Ты, наверное, думаешь… — начала она.

С меня было достаточно. Чары перестали действовать.

— Идем. Килкурс и автомобиль пока останутся здесь.

Она не ответила, но прошла со мной к машине и сидела тихо, пока я надевал туфли. На заднем сиденье я отыскал какую-то одежду.

— Будет лучше, если ты набросишь это. Переднего стекла нет. Может быть холодно.

Она без слов последовала моему совету, но когда мы объехали желтый автомобиль и поехали по дороге на восток, положила руку на мое плечо.

— Мы возвращаемся в «Уайт Шэк»?

— Нет, мы едем в Редвуд-Сити, в тюрьму.

Мы проехали примерно полтора километра, и, даже не глядя на нее, я знал, что она изучает

мой не слишком правильный профиль. Потом ее ладонь снова легла на мое плечо, она склонилась ко мне так, что я чувствовал на своей щеке тепло ее дыхания.

— Остановись на минутку. Я хочу тебе… Хочу тебе кое-что сказать.

Я остановил машину на обочине и повернулся.

— Прежде чем ты начнешь, — сказал я, — я хочу, чтобы ты знала, что я остановился только для того, чтобы ты рассказала мне о Пэнбурне. Как только ты свернешь с этой темы, мы тронемся в Редвуд-Сити.

— Ты не хочешь узнать о Лос-Анджелесе?

— Нет. Это уже закрытое дело. Вы все, ты и Хук Риордан, и Тай Чун Тау, и супруги Квейр несете ответственность за смерть посыльного, даже если фактически его убил Хук. Хук и супруги Квейр погибли в ту ночь, когда мы встретились на Турецкой улице. Тай повешен в прошлом месяце. Теперь я нашел тебя. Мы имели достаточно доказательств, чтобы повесить китайца, а против тебя я имею их еще больше. Это уже пройдено и закончено. Если ты хочешь сказать что-нибудь о смерти Пэнбурна, то я слушаю. В противном случае…

Я протянул руку к стартеру.

Меня удержало ее прикосновение.

— Я хочу рассказать тебе об этом, — сказала она с нажимом. — Хочу, чтобы ты знал правду. Я знаю, что ты отвезешь меня в Редвуд-Сити. Не думай, что я ожидаю… что у меня есть какие-то глупые надежды. Но я хочу, чтобы ты знал правду… Зачем — не знаю.

Ее голос дрогнул.

А потом она начала говорить, очень быстро, как человек, который боится, что его прервут прежде, чем он закончит; она сидела, наклонясь вперед, а ее прекрасное лицо было почти рядом с моим.

— Выбежав из дома на Турецкой улице, когда ты сражался с Таем, я намеревалась убежать из Сан-Франциско. У меня было около двух тысяч, я могла бы уехать, куда угодно… А потом я подумала, что вы ждете именно этого, и решила, что безопаснее оставаться на месте.

Женщине легко изменить внешность. У меня были короткие рыжие волосы, светлая кожа, я одевалась ярко. Я покрасила волосы, а чтобы удлинить их, купила шиньон; с помощью специального крема изменила цвет кожи и приобрела темную одежду. Затем, под именем Джейн Делано, я сняла квартиру на Эшбери-авеню…

Я надеялась, что меня никто не узнает, но сочла

разумным побольше сидеть дома. Чтобы убить время, много читала. И случайно наткнулась на книгу Барка… Ты читаешь поэзию?

Я покрутил головой. Со стороны Халфмун-Бей подъехал какой-то автомобиль — первый, который мы увидели с того момента, как оставили «Уайт Шэк». Она подождала, когда машина пройдет, после чего все так же быстро продолжала.

— Барк, — это, разумеется, не гений, но в его стихах было нечто волнующее. Я написала ему на адрес издателя… Через несколько дней получила ответ от Барка и узнала, что он живет в Сан-Франциско, этого я не знала. Мы обменялись еще несколькими письмами, прежде чем он предложил встретиться. Не знаю, любила я его или нет… Мне он нравился, а его любовь была так горяча, и мне так льстило, что за мной ухаживает известный поэт, что я приняла это за любовь. Я пообещала выйти за него замуж.

Я не рассказала ему всего о себе, хотя теперь знаю, что для него это не имело бы значения. Я боялась сказать ему правду, а солгать не могла бы, поэтому я не сказала ничего.

А потом однажды я встретила Фэга Килкурса, он узнал меня, несмотря на мои новые волосы, кожу и наряд. Фэг не был особенно умен, но его трудно

провести. Мне его не жалко. У него такие принципы. Он следил — и пришел ко мне на квартиру. Я сказала, что намерена выйти замуж за Барка… Это было глупо. Фэг был человеком по-своему порядочным. Если бы я сказала, что хочу обработать Барка, поживиться за его счет, он оставил бы меня в покое и следил издалека. Но когда я сказала ему, что хочу завязать, то стала добычей, на которую стоило поохотиться. Ты знаешь, как это бывает среди преступников — человек для них либо приятель, либо потенциальная жертва. А поскольку я уже не была преступницей, он решил, что я могу стать добычей.

Он узнал о родственных связях Барка и поставил вопрос ребром. Двадцать тысяч долларов, или он меня выдаст. Он знал, что меня разыскивают. У меня не было другого выхода. От него мне не сбежать… Я сказала Барку, что мне нужно двадцать тысяч долларов. Я не знала, что он сможет их раздобыть. Спустя три дня он дал мне чек. Я понятия не имела, откуда деньги, но даже если бы и знала, то это бы ничего не изменило. Мне нужны были эти деньги.

Вечером Барк сказал, откуда у него эти деньги. Сказал, что подделал подпись своего родственника. Он боялся, что если это раскроется, меня

могут счесть сообщницей. Может, я и испорчена, но не до такой степени, чтобы посадить его в тюрьму. Я рассказала ему все. Он даже глазом не моргнул. Настаивал, чтобы я заплатила Килкурсу и обезопасила себя.

Барк был уверен, что шурин не посадит его в тюрьму, но на всякий случай хотел, чтобы я переселилась, снова сменила имя и укрылась где-нибудь, пока мы не увидим, как реагирует Эксфорд… Он ушел, а я обдумала свой собственный план. Я любила Барка — слишком любила, чтобы сделать из него козла отпущения, и не слишком верила в доброе сердце Эксфорда.

Было второе число. Если не вмешается случай, думала я, Эксфорд не узнает о фальшивом чеке до начала следующего месяца, когда банк пришлет ему реализованные чеки. В моем распоряжении — месяц.

На следующий день я сняла со счета свои деньги и написала Барку, что должна уехать в Балтимор. Я запутала след до Балтимора, багажом и письмами занялся один мой приятель. Сама же я поехала к Джоплину и попросила, чтобы он укрыл меня. Я дала знать Фэгу, и когда он явился, сказала ему, что через пару дней отдам деньги.

С тех пор он приходил ежедневно, и каждый

раз обманывать его становилось все легче. Однако я понимала, что письма Барка вскоре начнут к нему возвращаться, и я хотела быть на месте, прежде чем он сделает какую-нибудь глупость. И все же я решила не вступать с ним в контакт, пока не буду в состоянии вернуть деньги, прежде чем Эксфорд узнает о мошенничестве.

С Фэгом дело шло все легче, однако он не хотел отказаться от двадцати тысяч долларов, которые, разумеется, все время были при мне, если я не пообещаю, что останусь с ним навсегда. А мне казалось, что я люблю Барка и не нужен мне никакой Фэг.

И тогда однажды вечером меня увидел Барк. Я была неосторожна и поехала в город в автомобиле Джоплина — на том, желтом. И, конечно же, Барк мена узнал. Я сказала ему всю правду, а он рассказал, что нанял детектива… В некоторых делах он был совсем ребенком. Ему не пришло в голову, что шпик прежде всего раскопает дело с деньгами. Теперь я знала, что фальшивый чек может быть обнаружен в любой день.

Когда я сказала об этом Барку, он совсем сломался. Вся его вера в прощение со стороны Эксфорда испарилась. Он выболтал бы все первому встречному. Поэтому я взяла его к Джоплину. Хотела

продержать его там пару дней, пока дело не прояснится. Если в газетах не будет ничего о чеке, это будет означать, что Эксфорд готов замять дело, что Барк может спокойно возвращаться домой и подумать о возмещении убытка. Если бы газеты написали обо всем, Барку следовало бы подыскать надежное укрытие, да и мне тоже.

Во вторник вечером и в среду газеты поместили информацию об исчезновении Барка, однако без упоминания о чеке. Выглядело это неплохо, но мы все же решили подождать еще день. Килкурс уже все знал, поэтому вынуждена была отдать ему двадцать тысяч долларов. Но я надеялась их вернуть, поэтому держала его при себе. Я попросила Жестяную Звезду, чтобы он немного попугал его, и с тех пор Барк был в безопасности.

Сегодня вечером человек Джоплина сказал, что один парень, некий Грязный Рей, крутится здесь второй день и что скорее всего он интересуется нами. Он показал мне Рея. Я рискнула появиться в зале ресторана и сесть за столик поблизости от него. Что он из себя представляет, ты знаешь сам; не прошло и пяти минут, как он уже сидел за моим столиком, а через полчаса я уже знала, что он успел настучать… Он рассказал не все, однако достаточно, чтобы я вычислила остальное.

Я рассказала об этом Фэгу и Джоплину.

Фэг был за то, чтобы немедленно убить и Барка, и Рея. Я постаралась выбить эту мысль из головы: это ничего бы не дало. Рея я обвела вокруг пальца. Он готов был броситься за меня в огонь. Мне показалось, что я убедила Фэга, но… В конце концов мы решили, что Барк и я возьмем машину и уедем, а Рей разыграет перед тобой дурачка, покажет тебе какую-нибудь пару и скажет, что принял их за нас. Я пошла за плащом и перчатками, а Барк направился к машине. И Фэг его застрелил. Я не знала, что он хочет это сделать! Я не позволила бы ему! Поверь мне! Я не позволила бы причинять вред Барку!

А потом у меня уже не было выбора… Мы заставили Рея подтвердить наши алиби. Позаботились, чтобы и другие это подтвердили. А потом ты поднялся наверх — и узнал меня. Такое уж мое счастье, что это был именно ты единственный детектив в Сан-Франциско, который меня знает!

Остальное тебе известно. Грязный Рей вошел в комнату следом за тобой и выключил свет, а Джоплин придержал тебя, чтобы мы могли бежать, а потом, когда ты начал догонять, Рей пожертвовал собой, чтобы тебя задержать и дать нам скрыться, а теперь…

Ее била дрожь. Плащ, который я ей дал, соскользнул с белых плеч. Меня тоже трясло — она была так близко… Я достал из кармана смятые сигареты, закурил.

— И это все… Ты согласился выслушать, — сказала она мягко, — я хотела, чтобы ты это знал. Ты настоящий мужчина, а я…

Я откашлялся, и моя рука, державшая сигарету, внезапно перестала трястись.

— Не смеши, ладно? — сказал я. — До сих пор у тебя шло неплохо, не порть впечатление.

Она засмеялась, и в ее смехе была уверенность в себе. И немножко усталости. Она придвинула свое лицо еще ближе к моему, а ее серые глаза смотрели мягко и спокойно.

— Маленький толстый детектив, имени которого я не знаю… — Ее голос был немного утомленным, немного ироничным. — Ты думаешь, что я играю, не так ли? Что я играю, а ставка в игре — моя свобода? Может быть, и так. Я наверняка воспользуюсь случаем, если мне его предложат. Но… Мужчины считали меня прекрасной, а я играла ими. Таковы женщины. Мужчины любили меня, а я делала с ними, что хотела, считая, что они достойны только презрения. А потом появляется этакий толстяк, детектив, имени которого

я не знаю, и он относится ко мне так, словно я ведьма или старая индианка. Ничего странного, что у меня возникло какое-то чувство к нему. Таковы уж женщины. Или я так безобразна, что мужчина может смотреть на меня без всякого интереса? Я безобразна?

Я покрутил головой.

— Ты в полном порядке, — сказал я, стараясь, чтобы голос мой столь же равнодушным, как и мои слова.

— Ты свинья! — Ее улыбка стала еще нежней. — И именно потому, что ты такой, я сижу здесь и раскрываю перед тобой душу. Если бы ты обнял меня, прижал к своей груди, которую я и так ощущаю, если бы сказал, что меня вовсе не ждет тюрьма, это, конечно, обрадовало бы меня. Но если бы ты приласкал меня, ты стал бы только одним из многих, которые любят меня, которых я использую и после которых приходят следующие. А поскольку ты не делаешь ничего такого, поскольку ты сидишь рядом со мной, как деревянный, я жалею тебя… Маленький толстый детектив, если бы это была игра…

Я пробормотал что-то неразборчивое и с трудом удержался, чтобы не облизать пересохшие губы.

— Я войду сегодня в тюрьму, если ты действи-

тельно тот самый твердый мужчина, который без всякого интереса слушает, как я объяснюсь ему в любви. Но до того, как я войду туда, разве ты не можешь признать, что я больше чем «в полном порядке»? Или хотя бы дай мне понять, что если бы я не была преступницей, твой пульс бился бы чуточку чаще, когда я касаюсь тебя. Я иду на долгий срок в тюрьму, может, даже на виселицу. Сделай что-нибудь, чтобы я знала, что не говорила все это мужчине, который попросту скучал, слушая меня.

Ее серебристо-серые глаза были полузакрыты, голова откинута.

Какое-то время она смотрела на меня широко открытыми серыми глазами, в которых только что были спокойствие и нежность и которые теперь слегка хмурились, словно боль свела ее брови.

Я отодвинулся от нее и включил двигатель.

Уже перед Редвуд-Сити она снова положила ладонь на мое плечо, легонько похлопала и убрала руку.

Я не смотрел на нее, и она не смотрела на меня, когда записывали анкетные данные. Она назвалась Джейн Делано и отказалась говорить без адвоката. Все это длилось недолго.

Когда ее уводили, она задержалась и сказала, что хочет поговорить со мной с глазу на глаз.

Мы отошли в угол.

Она придвинулась ко мне так, как в автомобиле, и я снова ощутил тепло ее дыхания на щеке. И тогда она наградила меня самым гнусным эпитетом, какой только знает английский язык.

Потом она пошла в камеру.

Зигзаги подлости

— О смерти доктора Эстепа мне известно из газет, — сказал я.

Худая физиономия Вэнса Ричмонда недовольно сморщилась:

— Газеты о многом умалчивают. И часто врут. Я расскажу, что известно мне. Позже вы познакомитесь с делом, и, возможно, добудете какие-то сведения из первых рук.

Я кивнул, и адвокат начал свой рассказ, тщательно подбирая каждое слово, словно боясь, что я могу понять его неправильно.

— Доктор Эстеп приехал из Сан-Франциско давно. Было ему тогда лет двадцать пять. Практиковал в вашем, городе и, как вы знаете, стал со временем опытным хирургом, всеми уважаемым человеком. Через два-три года по приезде он женился; брак оказался удачным. О его жизни до Сан-Франциско ничего не известно. Он как-то сказал жене, что родился в Паркерсберге, в Западной Вирджинии, но его прошлое было таким безрадостным, что не хочется вспоминать. Прошу вас обратить внимание на этот факт.

Две недели назад, во второй половине дня, на прием к доктору пришла женщина. Он принимал у себя в квартире на Пайн-стрит. Люси Кой, помощница доктора, провела посетительницу в кабинет, а сама вернулась в приемную. Слов доктора она расслышать не могла, зато хорошо слышала женщину. Та говорила довольно громко, хотя, судя по всему, была чем-то напугана и умоляла доктора помочь ей.

Люси не расслышала всего, что говорила женщина, но отдельные фразы смогла разобрать. Такие как: «Прошу вас, не отказывайте», «Не говорите „нет“».

Женщина пробыла у доктора минут пятнадцать, а когда наконец вышла из кабинета, то всхлипывала, держа платочек у глаз. Ни жене, ни помощнице доктор не сказал ни слова. Жена вообще узнала о визите неизвестной только после его смерти.

На следующий день, после окончания приема, когда Люси надевала пальто, собираясь домой, доктор Эстеп вышел из своего кабинета. На голове его была шляпа, в руке — письмо. Люси заметила, что он бледен и очень взволнован. «Он был цвета халата, — сказала она. — И ступал неуверенно и осторожно. Совсем не так, как обычно».

Люси спросила, не заболел ли он, но доктор ответил, что все это пустяки, всего лишь легкое недомогание, и что через несколько минут он придет в норму.

С этими словами он вышел. Люси, выйдя вслед за ним, увидела, как доктор опустил в почтовый ящик на углу письмо и тотчас вернулся домой.

Минут через десять вниз направилась жена доктора, госпожа Эстеп. Но, не успев выйти из дому, она услышала звук выстрела, донесшийся из кабинета. Она стремглав бросилась назад, никого не повстречав по дороге, — и увидела, что ее супруг стоит у письменного стола, держа в руках револьвер, из которого еще вьется дымок. И как раз в тот момент, когда она подбежала, — доктор замертво рухнул на письменный стол.

— А кто-нибудь из прислуги, бывшей в то время дома, может подтвердить, что миссис Эстеп вбежала в кабинет только после выстрела?

— В том-то и дело, что нет, черт возьми! — вскричал Ричмонд. — Вся сложность именно в этом!

После этой внезапной вспышки он успокоился и продолжил рассказ:

— Известие о смерти доктора Эстепа попало в газеты уже на следующее утро, а во второй по-

ловине дня в доме появилась женщина, которая приходила к нему накануне смерти, и заявила, что она — первая жена доктора Эстепа. Точнее говоря, законная жена. И, кажется, это действительно так. Хочешь не хочешь. Они поженились в Филадельфии. У нее есть заверенная копия свидетельства о браке. Я распорядился сделать запрос, и вчера пришло сообщение: доктор Эстеп и эта женщина — ее девичье имя Эдна Файф — были действительно повенчаны…

Женщина утверждает, что доктор Эстеп прожил с ней два года в Филадельфии, а потом вдруг бесследно исчез. Она предполагает, что он ее попросту бросил. Это случилось незадолго до его появления здесь, в Сан-Франциско. Это веские доказательства: ее в самом деле зовут Эдна Файф, и мои люди успели выяснить, что доктор Эстеп действительно занимался врачебной практикой в Филадельфии в те годы. Да, еще одно! Я уже говорил, что доктор Эстеп утверждал, будто он родился и вырос в Паркерсберге. Так вот, я навел справки, но не нашел никаких следов этого человека. Более того, я нашел довольно веские доказательства того, что он никогда в Паркерсберге не жил. А это означает, что он лгал своей жене. Таким образом, нам остается только предполо-

жить, что разговоры о якобы трудном детстве были просто, отговоркой. Он хотел избежать неприятных вопросов.

— А вы успели выяснить, развелся ли доктор Эстеп со своей первой женой?

— Как раз сейчас я и пытаюсь это узнать, но, судя по всему, они так и не развелись. Все факты говорят за это. Иначе все было бы слишком просто. Ну, а теперь вернемся к рассказу. Эта женщина — я имею в виду первую жену доктора Эстепа — заявила, что лишь недавно узнала, где находится ее супруг, и приехала в надежде помириться. Он попросил дать ему время подумать, взвесить все «за» и «против» и обещал дать ответ через два дня.

Сам я, переговорив с этой женщиной, сделал кое-какие выводы. Мне лично кажется, что она, узнав, что супруг успел сколотить капиталец, решила просто поживиться за его счет. Ей нужен был не он, а его деньги. Но это, конечно, мое субъективное мнение. Я могу и ошибиться.

Полиция сперва пришла к выводу, что доктор Эстеп покончил жизнь самоубийством. Но после того, как на горизонте появилась его первая жена, вторая жена, моя клиентка, была арестована по подозрению в убийстве своего супруга.

Полиция представляет теперь дело следующим образом: после визита своей первой жены доктор Эстеп рассказал обо всем своей второй жене. Та поразмыслила и решила, что совместная жизнь была сплошным обманом, пришла в ярость, отправилась в кабинет мужа и убила его из револьвера, который, как она знала, всегда лежал в письменном столе. Я не знаю точно, какими вещественными доказательствами располагает полиция, но, судя по газетным сообщениям, можно понять, что на револьвере нашли отпечатки ее пальцев раз, на письменном столе была опрокинута чернильница и брызги попали ей на платье — два, на столе валялась разорванная газета — три.

Действия миссис Эстеп легко понять. Вбежав в кабинет, она первым делом выхватила из рук мужа револьвер. Поэтому на нем, естественно, остались отпечатки ее пальцев. Доктор упал на стол в тот момент, когда она к нему подбежала, и, хотя миссис Эстеп не очень хорошо помнит подробности, можно предположить, что он, падая, как-то задел ее, а может быть, и увлек за собой, опрокинув при этом чернильницу. Этим я объясняю чернильные брызги на платье и разорванную газету. Тем не менее, я уверен, что

обвинение постарается убедить присяжных, что все это произошло до выстрела и что это следы борьбы.

— Это не так уж неправдоподобно, — заметил я.

— В том-то все и дело… Ведь на эти факты можно посмотреть и так, и этак. Тем более, что сейчас неподходящий момент — за последние месяцы произошло пять случаев, когда жены, считая себя обманутыми и обиженными, убивали своих мужей. Удивительно, но ни одна из преступниц не была осуждена. И вот теперь все вдруг возопили о справедливости и возмездии — и пресса, и граждане, и даже церковь. Пресса настроена к миссис Эстеп настолько враждебно, что дальше некуда. Против нее даже женские слезы. Все кричат о том, что она должна понести заслуженную кару.

К этому следует добавить, что прокурор два последних процесса проиграл и теперь жаждет взять реванш. Тем более, что до выборов осталось немного.

Адвоката давно покинуло спокойствие — он даже покраснел от волнения:

— Я не знаю, какое у вас сложилось впечатление от моего рассказа. Вы профессиональный детектив, и вам неоднократно приходилось стал-

киваться с такими или подобными историями. В какой-то степени вы, наверное, и очерствели, и вам, возможно, кажется, что все вокруг преступники. Но я уверен, что миссис Эстеп не убивала своего супруга. Я говорю это не потому, что она моя клиентка. Я был большим другом доктора Эстепа и его поверенным. Поэтому, если бы я был уверен, что миссис Эстеп виновна, сам бы ратовал за ее наказание. Но такая женщина просто не способна на убийство! В то же время я хорошо понимаю, что суд признает ее виновной, если явиться туда только с теми картами, которые сейчас на руках. Народ и так считает, что закон слишком снисходителен к женщинам-преступницам. Так что теперь гайки будут завинчивать круто. А если миссис Эстеп признают виновной, то она получит высшую меру наказания… Сделайте все возможное, чтобы спасти невинного!

— Единственной зацепкой является письмо, которое доктор Эстеп отослал незадолго до своей смерти, — заметил я. — Если человек пишет кому-то письмо, а потом кончает жизнь самоубийством, то естественно предположить, что в этом письме есть какие-нибудь ссылки или намеки на самоубийство. Вы не спрашивали его первую жену об этом письме?

— Спрашивал… Но она утверждает, что ничего не получала.

Здесь было что-то не так. Если Эстеп решил покончить счеты с жизнью в связи с появлением первой жены, напрашивается вывод, что письмо было адресовано именно ей. Он мог, конечно, написать прощальное письмо второй жене, но тогда вряд ли отправил бы его по почте.

— А его первая жена… У нее есть какие-либо причины не сознаваться в получении этого письма?

— Да, есть, — неуверенно ответил адвокат. — Во всяком случае, мне так кажется. Согласно завещанию, капитал переходит ко второй жене. Но первая жена, — конечно, если они не были официально разведены, — имеет основания оспаривать завещание. И даже если будет доказано, вторая жена не знала о существовании первой, то и в этом случае первая жена имеет право получить часть капитала. Но если суд присяжных признает вторую виновной, то с ней вообще считаться не будут, и первая жена получит все до последнего цента.

— Неужели у него такой большой капитал, чтобы кто-то решился послать невинного человека на электрический стул и прибрать к рукам

деньги?

— Он оставил после себя около полумиллиона, так что игра стоит свеч.

— И вы считаете, что его первая жена способна на это?

— Откровенно говоря, да! У меня сложилось впечатление, что она совершенно не имеет представления, что такое совесть.

— Где она остановилась? — спросил я.

— В настоящий момент в отеле «Монтгомери». А вообще проживает в Луисвилле, если не ошибаюсь. Мне кажется, вы ничего не добьетесь, если попытаетесь у нее что- нибудь выведать. Ее интересы представляет фирма «Сомерсет и Квилл» — очень солидная фирма, кстати. Вот к ним-то она вас и отошлет. А те вообще ничего не скажут. С другой стороны, если дело нечисто, если она, например, скрывает, что получила письмо от доктора Эстепа, то я уверен, что и адвокатской фирме ничего не известно.

— Могу я поговорить с миссис Эстеп?

— В данный момент, к сожалению, нет. Может быть, дня через два-три. Сейчас она в весьма плачевном состоянии. Миссис Эстеп всегда была натурой впечатлительной и нервной. Так что смерть мужа и арест слишком сильно подейство-

вали на нее. В настоящее время она находится в тюремной больнице, и ее не выпускают даже под залог. Я пытался добиться перевода в тюремное отделение городской больницы, но мне и в этом было отказано. Полиция считает, что с ее стороны это всего лишь уловка. А я очень тревожусь. Она действительно в критическом состоянии.

Адвокат снова разволновался. Заметив это, я поднялся, взял шляпу и, сказав, что немедленно примусь за работу, ушел.

Я не люблю многословных людей, даже если они говорят по существу. Самое главное — получить факты, а выводы я буду делать сам. От детектива требуется только это.

Последующие полтора часа я потратил на расспросы слуг в доме доктора Эстепа, но ничего существенного узнать не удалось — ни один из них не находился в служебной части дома, когда прозвучал роковой выстрел, и не видел миссис Эстеп непосредственно перед смертью доктора.

Потратив несколько часов на поиски, я нашел наконец и Люси Кой, помощницу доктора Эстепа. Это была маленькая серьезная женщина лет тридцати. Она повторила мне только то, что я уже слышал от Вэнса Ричмонда. Вот и все об Эстепах.

И я отправился в отель «Монтгомери» в надеж-

де, что все-таки удастся узнать что- либо о письме, отправленном доктором накануне смерти. Судя по всему, письмо было адресовано его первой жене. Говорят, что чудес не бывает, но я привык проверять решительно все.

У администрации отеля я был на хорошем счету. Настолько хорошем, что мог попросить обо всем, что не очень далеко выходило за дозволенные законом границы. Поэтому, приехав туда, я сразу же отыскал Стейси, одного из заместителей главного администратора.

— Что вы можете рассказать о некоей миссис Эстеп, недавно поселившейся у вас? — спросил я.

— Сам я ничего не могу рассказать, — ответил Стейси. — Но вот если вы посидите тут пару минут, я постараюсь разузнать о ней все, что можно.

Стейси пропадал минут десять.

— Странно, но никто ничего толком не знает, — произнес он, вернувшись. — Я расспросил телефонисток, мальчиков-лифтеров, горничных, портье, отельного детектива — никто не мог о ней сказать ничего определенного. Она появилась у нас в отеле второго числа и в регистрационной книге постоянным местом жительства указала Луисвилл. Раньше она у нас никогда не оста-

навливалась. Похоже, плохо знает город. Наш сортировщик почты не помнит, чтобы она получала письма, а телефонистка, просмотрев журнал, заявила, что никаких разговоров эта женщина ни с кем не вела. Дни она проводит обычно так: в десять — чуть раньше или чуть позже — уходит из отеля и возвращается лишь к полуночи. Судя по всему, друзей у нее здесь нет, поскольку к ней никто не заходит.

— Сможете проследить за ее почтой?

— Конечно, смогу!

— И распорядитесь, чтобы девушки из администрации и телефонистки держали ушки на макушке, если она с кем-нибудь будет говорить.

— Договорились!

— Она сейчас у себя?

— Нет, недавно ушла.

— Отлично! Мне очень хотелось бы заглянуть на минутку в ее номер и посмотреть, как она там устроилась.

Стейси хмуро взглянул на меня и, кашлянув, спросил:

— А что, это действительно так необходимо? Вы знаете, что я всегда иду вам навстречу, однако есть вещи, которые…

— Это очень важно, Стейси, — уверил я. — От

этого зависит жизнь и благополучие еще одной женщины. И если мне удастся что-нибудь разнюхать…

— Ну, хорошо, — согласился он. — Только мне нужно предупредить портье, чтобы он дал знать, если вдруг она надумает вернуться.

В ее номере я обнаружил два небольших чемоданчика и один большой. Они не были заперты и не содержали ничего интересного — ни писем, ни каких-либо записей, ни других подозрительных предметов. Следовательно, она была уверена, что рано или поздно ее вещами заинтересуются.

Спустившись в холл отеля, я устроился в удобном кресле, откуда была видна доска с ключами, и стал ждать возвращения миссис Эстеп.

Она вернулась в четверть двенадцатого. Высокая, лет сорока пяти пятидесяти, хорошо одетая. Волевые губы и подбородок ее отнюдь не уродовали. У нее был вид твердой и уверенной в себе женщины, которая умеет добиваться своего.

На следующее утро я вновь появился в отеле «Монтгомери», на этот раз ровно в восемь, и снова уселся в кресло, откуда виден лифт.

Миссис Эстеп вышла из отеля в половине одиннадцатого, и я на почтительном расстоянии последовал за ней. Поскольку она отрицала, что

получила письмо от доктора Эстепа, а это никак не укладывалось в моей голове, я решил, что будет совсем неплохо последить за ней. У детективов есть такая привычка: во всех сомнительных случаях следить за подозреваемыми объектами.

Позавтракав в ресторанчике на Фаррел-стрит, миссис Эстеп направилась в деловой квартал города. Там она бесконечно долго кружила по улицам, заходя то в один, то в другой магазин, где было народу погуще, и выбирая самые оживленные улицы. Я на своих коротеньких ножках семенил за ней, как супруг, жена которого делает покупки, а он вынужден таскаться за ней и скучать. Дородные дамы толкали меня, тощих я толкал сам, а все остальные почему-то постоянно наступали мне на ноги.

Наконец, после того, как я, наверное, сбросил фунта два веса, миссис Эстеп покинула деловой квартал, так ничего и не купив, и не спеша, словно наслаждаясь свежим воздухом и хорошей погодой, пошла на Юнион-стрит.

Пройдя какое-то расстояние, она вдруг остановилась и неожиданно пошла назад, внимательно вглядываясь во встречных. Я в этот момент уже сидел на скамейке и читал оставленную кем-то газету.

Миссис Эстеп прошла по Пост-стрит до Кейни-стрит. Причем она останавливалась у витрин, рассматривая, — или делая вид, что рассматривает, — выставленные товары, а я фланировал неподалеку: то впереди, то сзади, а то совсем рядом.

Все было ясно. Она пыталась определить, следит ли кто-нибудь за ней или нет, но в этой части города, где жизнь бьет ключом, а на улицах много народу, меня это мало беспокоило. На менее оживленных улицах я, конечно, мог бы попасть в ее поле зрения, да и то совсем не обязательно.

При слежке за человеком существуют четыре основных правила: всегда держаться по возможности ближе к объекту слежки, никогда не пытаться спрятаться от него, вести себя совершенно естественно, что бы ни происходило, и никогда не смотреть ему в глаза. Если соблюдать все эти правила, то слежка — за исключением чрезвычайных случаев — самая легкая работа, которая выпадает на долю детектива.

Когда миссис Эстеп уверилась, что за ней никто не следит, она быстро вернулась на Пауэлл-стрит и на стоянке Сан-Френсис села в такси. Я отыскал невзрачную машину, сел и приказал ехать следом.

Мы приехали на Лагуна-стрит. Там такси остановилось, она вылезла и быстро поднялась по ступенькам одного из домов. Мое такси остановилось на противоположной стороне, у ближайшего перекрестка.

Когда такси, привезшее миссис Эстеп, исчезло за углом, она вышла из дома и направилась вверх по Лагуна-стрит.

— Обгоните эту женщину, — сказал я.

Наша машина начала приближаться к шедшей по тротуару миссис Эстеп. Как раз в тот момент, когда мы проезжали мимо, она подошла к другому дому и на этот раз нажала звонок.

Это был четырехквартирный дом с отдельным входом в каждую квартиру. Она позвонила в ту, что на правой стороне второго этажа.

Осторожно поглядывая сквозь занавески такси, я не спускал глаз с дома, а шофер тем временем подыскивал подходящее место для стоянки.

В семнадцать пятнадцать миссис Эстеп вышла из дома, направилась к остановке на Саттер-стрит, вернулась в отель «Монтгомери» и исчезла в своем номере.

Я позвонил Старику, главе Континентального детективного агентства, и попросил выделить помощника. Надо выяснить, кто живет в доме на

Лагуна-стрит, в который заходила миссис Эстеп.

Вечером моя подопечная ужинала в ресторане отеля, совершенно не интересуясь, наблюдают ли за ней. В начале одиннадцатого она вернулась в свой номер, и я решил, что на сегодня моя работа окончена.

На следующее утро я передал свою даму на попечение Дику Фоли и вернулся в агентство, чтобы поговорить с Бобом Филом, детективом, которому было поручено выяснить все о владельце квартиры на Лагуна-стрит. Боб появился в агентстве в одиннадцатом часу.

— В этой квартире окопался такой себе Джекоб Лендвич, — сказал он мне, — судя по всему, блатной, только не знаю, какого профиля. Водится с Хили-Макаронником — значит, наверняка, блатной. Раньше крутил по мелочам, а теперь шпарит с игровыми. Правда, и Пенни Грауту не очень-то можно верить: если он почует, что можно наварить на «стуке», то не постесняется и епископа выдать за взломщика…

— Ладно, давай о Лендвиче.

— Он выходит из дому только по вечерам; деньжата водятся. Вероятно, подпольные доходы. Есть у него и машина — «бьюик» под номером 642–221, который стоит в гараже неподалеку от его дома,

но Лендвич, кажется, редко им пользуется.

— Как приблизительно он выглядит?

— Очень высокий, футов шесть, если не больше, да и весит, пожалуй, не менее 250 фунтов. Лицо у него какое-то странное — большое, широкое и грубое, а ротик маленький, как у девочки. Короче говоря, рот непропорционально мал… Молодым его не назовешь… Так, среднего возраста.

— Может, ты последишь за ним Пару деньков, Боб, и посмотришь, что он предпримет? Лучше всего, конечно, снять какую-нибудь комнатушку по соседству…

На том и порешили.

Когда я назвал Вэнсу Ричмонду имя Лендвича, тот просиял.

— Да, да! — воскликнул он. — Это был приятель или по меньшей мере знакомый доктора Эстепа. Я даже видел его как-то у него. Высокий такой человек с необычно маленьким ртом. Мы случайно встретились с ним в кабинете доктора Эстепа, и он представил нас друг Другу.

— Что вы можете сказать о нем?

— Ничего.

— Вы даже не знаете, был ли он другом доктора Эстепа или его случайным знакомым?

— Нет, не знаю. Он мог быть и тем, и другим.

А может быть, просто пациентом. Этого я совершенно не знаю. Эстеп никогда не говорил о нем, а я не успел составить мнение об этом человеке или понять, что их с доктором связывает. Помню, что в тот день забежал к Эстепу лишь на минутку — утрясти кое-какие вопросы и, получив нужный совет, сразу ушел. А почему вас заинтересовал этот человек?

— С Лендвичем встречалась первая жена доктора Эстепа. Вчера. И причем предприняла целый ряд предосторожностей, чтобы не привести за собой «хвост». Мы сразу же навели справки о Лендвиче, и оказалось, что за ним водятся грешки, и немалые.

— А что все это может значить?

— Не могу сказать вам что-либо определенное. Может быть несколько гипотез. Лендвич знал как доктора, так и его первую жену; поэтому, например, можно предположить, с изрядной долей уверенности, что он уже давно знал, где проживает ее муж. Следовательно, миссис тоже могла давно об этом знать. А если так, то напрашивается вопрос: не выкачивает ли она уже длительное время из него деньги? Кстати, вы не можете взглянуть на его счет в банке и посмотреть, не делал ли он каких-либо непонятных отчислений?

Адвокат покачал головой:

— Посмотреть-то я могу, но там все равно ничего не узнаешь. Его счета в таком беспорядке, что сам черт ногу сломит. К тому же у него неразбериха и с налоговыми отчислениями.

— Так, так… Ну, хорошо, вернемся к моим предположениям. Если его первая жена давно знала, где он проживает, и вытягивала из него деньги, то спрашивается, зачем ей было самолично являться к нему? Тут, конечно, можно предположить…

— Мне кажется, — перебил меня адвокат, — что как раз в этом вопросе я смогу вам помочь. Месяца два или три тому назад, удачно поместив деньги в одном предприятии, доктор Эстеп почти вдвое увеличил свое состояние.

— Ах, вот в чем дело! Значит, она узнала об этом от Лендвича, потребовала через того же Лендвича часть этой прибыли — и, по всей вероятности, гораздо больше того, что согласился дать ей доктор. Когда же он отказался, она появилась в его доме собственной персоной и потребовала денег, пригрозив ему, что в противном случае поведает правду общественности. Доктор понял, что она не шутит, но он или не имел возможности достать такую сумму наличными, или шантаж встал уже поперек горла. Как бы то ни было, но он, тщатель-

но все взвесив, решил, наконец, покончить со своей двойной жизнью и застрелился. Конечно, это всего-навсего предположения, но они кажутся мне вполне подходящими.

— Мне тоже, — сказал адвокат. — Так что же вы собираетесь теперь предпринять?

— Будем продолжать следить за обоими. В подобной ситуации я другого выхода не вижу. Кроме того, я наведу справки в Луисвилле об этой женщине. Правда, вы и сами должны понять, что я могу узнать всю подноготную этих людей, но… не найти письма. Того самого, которое доктор Эстеп написал перед смертью. Скорее всего, женщина просто-напросто уничтожила это письмо. Из соображений безопасности. И тем не менее, когда я узнаю о ней побольше и она почувствует, что со мной лучше не ссориться, то, возможно, удастся убедить ее сознаться в получении письма и объявить в полиции, что в этом письме доктор Эстеп написал ей о решении покончить с собой. А этого вашей клиентке будет вполне достаточно. Кстати, как она себя чувствует? Ей лучше?

Тень набежала на лицо адвоката. Оно сразу потеряло живость, стало хмурым и вялым.

— Вчера у нее был сердечный приступ; ее наконец перевели в больницу, что давно пора было

сделать. Откровенно говоря, если в ближайшее время миссис Эстеп не выпустят, ей уже ничто не поможет. Она буквально тает на глазах. Я пошел на самые крайние меры, лишь бы добиться, чтобы ее выпустили под залог, нажал, как говорится, на все рычаги, но боюсь, что ничего не выйдет… Для миссис Эстеп невыносимо сознавать, что ее считают убийцей мужа. Молоденькой ее уже не назовешь; она всегда была женщиной нервной и впечатлительной. А тут сразу такое: и смерть мужа, и обвинение в убийстве… Мы просто обязаны вызволить ее из тюрьмы — и причем как можно скорее.

Он нервно заходил по комнате. Я решил, что разговор окончен, и испарился.

Из конторы адвоката я сразу же направился в наше агентство. Там я узнал, что Бобу Филу удалось снять квартиру на Лагуна-стрит; он оставил мне адрес. Я сразу же покатил туда посмотреть, что это за квартирка.

Но до цели своего путешествия я так и не добрался.

Выйдя из трамвая и направившись по Лагуна-стрит, я вдруг увидел, что навстречу мне шагает сам Боб Фил. Между мной и Бобом шел еще один высокий мужчина, он тоже направлялся в мою

сторону. Большая круглая физиономия, маленький ротик. Джекоб Лендвич!

Я спокойно прошел мимо них, даже не подняв глаз. Но на углу остановился, вынул пачку сигарет и, словно невзначай, посмотрел в их сторону.

И тут же обратил внимание на кое-какие любопытные детали.

Пройдя несколько домов, Лендвич остановился у табачного киоска, расположенного у входа в магазин, а Боб Фил, хорошо знающий свое ремесло, прошел мимо него и направился дальше по улице. Видимо, решил, что Лендвич вышел просто за сигаретами, и скоро вернется домой. Если же он продолжит свой путь, Боб сможет его подхватить на трамвайной остановке.

Но в тот момент, когда Лендвич остановился у табачного киоска, один из прохожих на другой стороне улицы внезапно нырнул в парадное и исчез в тени. Этот человек шел немного позади Лендвича и Боба, держась другой стороны улицы. Я сразу обратил на него внимание и теперь убедился, что он тоже ведет слежку.

Когда Лендвич запасся куревом, Боб уже успел добраться до трамвайной остановки. Лендвич не повернул обратно, а направился дальше. Человек, прятавшийся в парадном, — следом. Я, в

свою очередь, — за ним.

На Сатгер-стрит как раз показался трамвай, Лендвич и я сели в него почти одновременно. Таинственный незнакомец, следивший за Лендвичем, какое-то время торчал на остановке, делая вид, что завязывает шнурки, и вскочил в трамвай уже на ходу.

Он остановился на задней площадке, неподалеку от меня, прячась за здоровяком в комбинезоне и поглядывая из-за его спины на Лендвича. Боб, зашедший в вагон самым первым, сидел с таким видом, будто его вообще никто и ничто не интересует.

Детектив-любитель (я не сомневался, что встретил профана) в очередной раз вытянул шею, дабы не потерять из виду Лендвича. Я окинул его взглядом: лет так за пятьдесят, мал и щупл, с изрядным носом, вздрагивающим от волнения. Костюм весьма старомодный и вытертый.

Понаблюдав пару минут, я пришел к выводу, что о существовании Боба он не подозревает. Все его внимание было направлено на Лендвича.

Вскоре освободилось место рядом с Бобом, и я, бросив окурок, вошел в вагон и сел. Теперь человек со вздрагивающим носом находился впереди меня.

— Выходи через остановку и возвращайся на квартиру.

За Лендвичем следить пока нет смысла. Наблюдай только за его домом. У него на хвосте сидит еще кто-то; хочу узнать кто и что ему надо.

Все это я проговорил очень тихо, шум трамвая полностью перекрывал мои слова. Боб неопределенно хмыкнул, давая тем самым понять, что все услышал, и вышел на следующей остановке.

Лендвич вышел на Стоктон-стрит. За ним — человек со вздрагивающим носом, а следом — я. В такой связке мы довольно долго бродили по городу. Наш гид не пропускал ни одного увеселительного заведения. Я знал, что в любом из этих злачных мест можно поставить на любую лошадь на любом ипподроме Северной Америки. Но что именно делал Лендвич в этих шалманах, я, разумеется, не знал.

В данный момент меня больше интересовал детектив-любитель, появившийся неизвестно откуда с неизвестной целью. В бары и лавки он, конечно, тоже не заходил, а бродил где-нибудь поблизости, поджидая, пока Лендвич выйдет. Следил он, разумеется, неумело, поэтому ему приходилось очень стараться, чтобы не попасться на глаза Лендвичу. До сих пор ему это, правда,

удавалось, но мы находились на многолюдных улицах, где, как я говорил, вести слежку совсем нетрудно.

И все же неизвестный упустил Лендвича. Тот нырнул в очередную забегаловку и появился оттуда с каким-то типом. Оба сели в машину, припаркованную неподалеку, и укатили. Человек со вздрагивающим носом заметался, не зная, что предпринять. Сразу за углом находилась стоянка такси, но либо он этого не знал, либо не мог оплатить проезд.

Я подумал, что он вернется на Лагуна-стрит, но ошибся. Он прошел по всей Варин- стрит, добрался до Портсмут-сквер и улегся там на траве. Закурив черную трубку, он задумчиво уставился на памятник Стефенсону, видимо, даже не замечая его.

Я тоже прилег на травке в некотором удалении — между итальянкой с двумя карапузами и стариком-португальцем в своеобразном пестром костюме. Так, в блаженном бездействии, мы провели всю вторую половину дня.

Когда солнце начало клониться к закату, а от земли потянуло холодком, маленький человечек поднялся, отряхнул костюм и отправился в обратный путь. Вскоре он зашел в дешевую столовку,

перекусил и двинулся дальше. Добравшись до одного из отелей, он вошел, снял с доски ключ и исчез в темном коридоре.

Я посмотрел регистрационную книгу и выяснил, что он приехал только накануне. Номер был записан на некоего Джона Бойда, прибывшего из Сент-Луи, штат Миссури. Отель этот принадлежал к числу тех, в которых я не мог безбоязненно задавать вопросы администрации, поэтому я вышел на улицу и выбрал себе неподалеку наблюдательный пункт.

Начало смеркаться, зажглись уличные фонари, ярким светом загорелись витрины. Вскоре совсем стемнело. Мимо меня то и дело проносились по Карини-стрит машины с горящими фарами. Парнишки-филиппинцы в чересчур пестрых костюмах спешили в «Черный Джек», где их каждый вечер ждали азартные игры. Проходили мимо меня женщины, жизнь которых начиналась под вечер, а кончалась утром. Сейчас глаза у них были совсем сонные. Прошел знакомый полицейский в штатском платье. Видимо, спешил в участок доложить, что часы его дежурства кончились. После этого он отправится домой отдыхать. То и дело мелькали китайцы, снующие в разные стороны. И, наконец мимо меня проплыли толпы

людей, спешивших в итальянские рестораны.

Время шло и шло. Наступила полночь, но Джон Бойд по-прежнему не показывался. Тогда я решил, что ждать дальше бесполезно, и отправился спать.

Но прежде чем лечь, я позвонил Дику Фоли. Тот сообщил мне, что миссис Эстеп- первая не совершила в течение дня ни одного подозрительного поступка, ей никто не звонил и писем она ни от кого не получала. Я сказал, чтобы он прекратил за ней слежку — во всяком случае до того, пока я не выясню, что связано с Джоном Бойдом.

Я опасался, как бы Бойд не заметил, что за женщиной организовано наблюдение. Бобу Филу я приказал следить только за квартирой Лендвича — по той же причине. Кроме того, меня интересовало, когда тот вернется домой и вернется ли вообще.

Мне почему-то казалось, что этот Бойд работал вместе с женщиной и именно по ее поручению следил за Лендвичем. Видимо, женщина ему не доверяла. Но, как я уже сказал, это были всего лишь предположения.

На следующее утро я натянул на голову старую выцветшую шляпу, надел гимнастерку, оставшуюся у меня после армии, высокие сапоги — старье

и хлам. Теперь я выглядел не лучше, чем Бойд.

Тот вышел из своего отеля в начале десятого, позавтракал в той же столовой, где вчера ужинал, а потом направился на Лагуна-стрит и, остановившись на углу, стал поджидать Джекоба Лендвича. Ждать ему пришлось довольно долго — почти целый день, ибо Лендвич вышел из дому лишь с наступлением сумерек. Что ж, этого человечка нельзя было назвать нетерпеливым. Он то ходил взад и вперед по улице, то стоял, прислонившись к стене, иногда даже на одной ноге, чтобы дать отдохнуть другой.

Мы с Бобом просидели в комнате целый день, покуривая и перекидываясь ничего не значащими фразами, поглядывая на маленького человечка, который упорно ждал появления Лендвича.

Как я уже сказал, тот вышел, когда начало смеркаться. Он сразу же направился к трамвайной остановке. Я выскользнул на улицу, и мы снова образовали «гусиное шествие» — впереди Лендвич, за ним Джон Бойд и, наконец, я. Так мы прошли несколько десятков ярдов, и тут мне в голову пришла неплохая мысль.

Гениальным мыслителем меня, конечно, не назовешь.

Если я успешно справляюсь со своей работой, то это в первую очередь благодаря терпению и выносливости. И отчасти — везению. Но на этот раз меня действительно осенило…

Лендвич находился впереди меня приблизительно на расстоянии квартала. Я ускорил шаг, перегнал Бойда и вскоре добрался до Лендвича. Тут я снова замедлил шаг и, не поворачивая головы в его сторону, сказал:

— Послушайте, дружище, это, конечно, не мое дело, но имейте в виду, что у вас на пятках висит ищейка!

Лендвич чуть было не испортил мне все дело. Он на мгновение остановился, но сразу опомнился и зашагал дальше, как будто ничего не произошло.

— А кто вы такой? — наконец буркнул он.

— Ай, бросьте вы! — прошипел я в ответ, продолжая идти рядом с ним. Какая вам разница, кто я такой? Просто случайно заметил, что эта ищейка пряталась за фонарем и ждала, пока вы не пройдете… вернее, не выйдете из дома.

Эти слова подействовали на него:

— Вы серьезно?

— Какие уж здесь могут быть шутки! Если хотите убедиться в этом, сверните за ближайший

угол и проверьте.

Я был доволен спектаклем, и сыграл его, как мне показалось, неплохо.

— Нет, не нужно! — сказал он сухо. Маленький рот презрительно скривился, а голубые глаза небрежно скользнули по мне.

Я распахнул куртку, чтобы он мог увидеть рукоятку револьвера.

— В таком случае может быть, одолжить вам эту штучку? — снова спросил я.

— Нет. — Он продолжал оценивающе поглядывать на меня, пытаясь понять, что я за человек. Ничего удивительного — на его месте я бы поступил так же.

— Но, надеюсь, вы не будете против, если я останусь здесь и посмотрю эту комедию?

У него уже не было времени для ответа — Бойд, ускорив шаг, сворачивал за угол. Нос у него продолжал вздрагивать, как у настоящей ищейки.

Лендвич неожиданно встал поперек тротуара, так что маленький человечек, издав какой-то хрюкающий звук, натолкнулся прямо на него. Какое-то время они безмолвно смотрели друг на друга; я сразу же пришел к выводу, что они знакомы.

В следующую секунду Лендвич неожиданно

выбросил правую руку вперед и схватил маленького человечка за плечо.

— Зачем ты следишь за мной, погань? — прошипел он. — Я же сказал тебе, чтобы ты не совался во Фриско!

— Простите меня, — запричитал Бойд. — Но я не хотел причинять вам никаких неприятностей. Я просто подумал, что…

Лендвич заставил его замолчать, сильно встряхнув. Тот замолк, а Лендвич повернулся ко мне.

— Оказывается, это мой знакомый, — насмешливо сказал он. В его голосе снова прозвучало недоверие, и он внимательно осмотрел меня с ног до головы.

— Что ж, тем лучше, — бросил я — Всего хорошего, Джекоб…

Я повернулся, собираясь уйти, но Лендвич остановил меня:

— Откуда тебе известно мое имя?

— Ну, это не удивительно, — ответил я. — Вы человек известный. — Я постарался сделать вид, будто удивлен наивностью его вопроса.

— Только без выкрутасов! — Лендвич сделал шаг в сторону и сказал с угрозой в голосе: — Спрашиваю еще раз, откуда тебе известно мое имя?

— Катись-ка ты подальше! — процедил я. — Ка-

кая тебе разница?

Моя злость, казалось, успокоила его.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Можешь считать меня своим должником. Спасибо, что сказал мне об этом человеке… Как у тебя сейчас дела?

— Бывало и похуже… Нельзя сказать, что полностью сижу в дерьме, но и хорошего тоже мало.

Он задумчиво перевел взгляд на Бонда, а потом снова посмотрел на меня.

— Ты знаешь, что такое «Цирк»?

Я кивнул. Я знал, что подонки называют «Цирком» шалман Хили-Макаронника.

— Если ты пойдешь туда завтра вечером, я, возможно, помогу тебе в чем-нибудь.

— Не выйдет. — Я решительно покачал головой. — Сейчас мне опасно показываться в общественных местах.

Этого еще не хватало! Встречаться с ним там! Ведь больше половины клиентов Хили- Макаронника знают, что я детектив. Значит, нужно сделать вид, что я замешан в каком-то грязном деле и не могу показываться на людях.

Мой отказ, судя по всему, поднял меня в его глазах. Какое-то время он молчал, а потом дал мне номер своего телефона на Лагуна-стрит.

— Забеги ко мне завтра приблизительно в это

же время. Возможно, я найду для тебя кое-какую работенку.

— Хорошо, я подумаю, — небрежно сказал я и повернулся, собираясь уйти.

— Минутку, — окликнул он меня. — Как тебя зовут?

— Вишер, — ответил я. — Шейн Вишер, если уж говорить о полном имени.

— Шейн Вишер, — задумчиво повторил он. — Это имя мне, кажется, незнакомо.

Меня это совсем не удивило — это имя я сам выдумал четверть часа назад.

— Только не надо кричать об этом на всю улицу, — поморщился я. — А то его узнает весь город.

С этими словами я снова повернулся и на этот раз действительно ушел, в душе очень довольный собой, — намекнув о том, что за ним следит Бойд, я, кажется, оказал ему большую услугу и в то же время показал, что принадлежу к той же категории людей, что и он. А своим независимым поведением дал понять, что я плевать хотел на его отношение ко мне — и тем самым еще больше укрепил свои позиции.

Если я встречусь с ним завтра, то при встрече, разумеется, получу какое-нибудь предложение.

Он даст мне возможность немножко подработать конечно, незаконным путем. Скорее всего, его предложение будет иметь отношение к делу Эстепа, но поскольку он замешан, любая связь пригодится.

Побродив по городу еще полчасика, я вернулся на квартиру, снятую Бобом Филом.

— Лендвич вернулся?

— Да, — ответил Боб. — И привел с собой какого-то маленького человечка. Вернулся минут двадцать назад.

— Отлично! А женщина не показывалась?

— Нет.

И тем не менее у меня почему-то было предчувствие, что миссис Эстеп придет вечером. Предчувствие меня обмануло — она не пришла.

Мы с Бобом сидели в комнате и наблюдали за домом, в котором жил Лендвич. Так прошло несколько часов.

Лендвич вышел из дому в час ночи.

— Пойду посмотрю, куда это его понесло, — сказал Боб взял шляпу.

Лендвич исчез за углом. Вскоре из моего поля зрения исчез и Боб. Минут через пять он вернулся.

— Выводит свою машину из гаража, — сообщил

он. Я бросился к телефону и заказал машину. Боб, стоя у окна, воскликнул:

— Вот он!

Я успел подскочить к окну как раз в тот момент, когда Лендвич входил в дом. Его машина уже стояла у подъезда. Через несколько минут Лендвич снова вышел из дому в обнимку с маленьким человечком. Тот, тяжело опираясь на Лендвича, шел к машине. В темноте мы не могли различить лиц, но одно мы поняли наверняка: Бонд или напился, или почувствовал себя плохо.

Лендвич помог своему спутнику сесть в машину, и они поехали. Красный сигнальный огонек машины еще какое-то время мерцал вдали, потом исчез.

Заказанная мною машина прибыла только минут через двадцать; я отослал ее обратно. Теперь уже не было смысла их разыскивать.

Лендвич вернулся домой в четверть четвертого. Вернулся один и пришел пешком. Пришел, правда, со стороны, где находился его гараж. Он отсутствовал ровно два часа. За это время можно многое сделать.

Ни я, ни Боб не возвращались этой ночью домой — переночевали в той же квартире. Утром Боб отправился в магазин купить что-нибудь на

завтрак. Принес он и свежие газеты.

Я начал готовить завтрак, а Боб расположился у окна и посматривал то на дом Лендвича, то в газету.

— Ого! — вдруг воскликнул он. — Смотри-ка!

Я вернулся из кухни, держа в руках сковородку, на которой приятно шипела поджаренная ветчина.

— В чем дело?

— Слушай! «Таинственное убийство в парке», — прочитал он. — «Сегодня рано утром в Голден-Гейт-парке, неподалеку от дороги, найден труп неизвестного. По данным полиции, у человека проломлен череп, а отсутствие повреждений на теле позволяет сделать вывод, что этот человек не упал и не был сбит машиной. Предполагают, что его убили в другом месте, а потом привезли и бросили в парке».

— Ты думаешь, это Бойд? — спросил я.

— Конечно, — ответил Боб.

Съездив после завтрака в морг, мы убедились, что наши предположения верны. Найденный в парке человек — Джон Бойд.

— Лендвич выводил его из дома мертвым.

Я кивнул.

— Да, конечно! Он был очень маленьким, а для

такого верзилы, как Лендвич, не составляло особого труда протащить его до машины, удерживая в вертикальном положении — ведь расстояние было всего 2–3 ярда. А в темноте нам показалось, что ведет пьяного. Надо сходить в полицейское управление и узнать, что им известно.

В отделе расследования убийств мы разыскали О'Гара, секретаря уголовной полиции.

— Этот человек, которого вы нашли сегодня в парке… — начал я. — Вы что-нибудь знаете о нем?

0'Гар сдвинул на затылок свою широкополую шляпу с узенькой ленточкой и посмотрел на меня, будто я сморозил черт знает какую глупость.

— Мы знаем только то, что он мертв, — наконец, сказал он. — И больше ничего.

— А как вы отнесетесь к информации, из которой будет ясно, с кем встречался этот человек непосредственно перед смертью?

— Эта информация наверняка не помешает мне напасть на след убийцы, ответил О'Гар. — Это ясно, как божий день.

— Например, такая мелочь: его звали Джон Бойд, он останавливался в отеле в двух шагах отсюда. А перед смертью встречался с человеком, который находится в каких- то непонятных от-

ношениях с первой женой доктора Эстепа… Вы, наверное, знаете о докторе Эстепе и его второй жене, которую обвиняют в убийстве своего супруга? Не правда ли, интересные сведения?

— Конечно, — согласился со мной О'Гар. — Так куда же мы направимся в первую очередь?

— С этим Лендвичем — так зовут человека, который был с Бондом незадолго до его смерти, — справиться будет довольно трудно. Поэтому, я думаю, что лучше начать с первой жены доктора Эстепа. Возможно, когда она услышит, что Лендвич ухлопал Бойда, то испугается и расскажет что-нибудь интересное. Ведь она наверняка связана с Лендвичем. А если предположить, что они сообща решили отделаться от Бойда, то тем более не мешает познакомиться с этой женщиной и посмотреть, что она собой представляет. А уж потом направимся к Лендвичу. Мне все равно не хочется наведываться к нему раньше вечера. Я договорился с ним о встрече, и мне интересно, что он собирается мне предложить.

Боб Фил направился к двери:

— Пойду посмотрю за ним. Иначе может статься, что он вообще исчезнет из поля зрения.

— Хорошо, — сказал я. — И следи за ним повнимательнее. Если почувствуешь, что он собирается

дать тягу, не церемонься, зови полицию, упрячьте его за решетку.

В холле отеля «Монттомери» мы с О'Гаром сперва поговорили с Диком Фоли. Он сообщил, что женщина находится у себя в номере. Она распорядилась, чтобы ей принесли завтрак. Писем она не получала, по телефону ни с кем не разговаривала.

Пришлось снова прибегнуть к помощи Стейси.

— Мы хотели бы поговорить с миссис Эстеп. Возможно, нам придется взять ее с собой. Не могли бы вы послать горничную, чтобы узнать, одета ли дама? Наш визит внезапный, но мы не хотим застать ее в постели или полураздетой.

Мы захватили с собой горничную и поднялись наверх. Девушка постучала в дверь.

— Ну, кто еще там? — послышался нервный женский голос.

— Это горничная… Мне хотелось бы…

Послышался звук поворачиваемого ключа, и миссис Эстеп с сердитым лицом открыла дверь.

Мы сразу вошли в комнату. О'Гар предъявил полицейское удостоверение.

— Полиция, — сказал он. — Хотели бы поговорить с вами.

Миссис Эстеп не оставалось ничего другого,

как впустить нас. Прикрыв дверь, я сразу задал ей вопрос, который, по моим предположениям, должен был вывести ее из равновесия:

— Скажите, пожалуйста, миссис Эстеп, с какой целью Джекоб Лендвич убил Джона Бойда?

Пока я говорил эту фразу, выражение ее глаз успело смениться несколько раз. Услышав имя Лендвича, она удивилась, при слове «убил» испугалась, а при имени Джона Бойда вообще недоуменно пожала плечами.

— С какой целью? Кто? Что сделал? — заикаясь, спросила она, стараясь выиграть время.

— С какой целью Джекоб Лендвич убил у себя на квартире Джона Бойда, а потом отвез и бросил труп в парке?

Снова смена выражений на ее лице, снова недоумение, а потом внезапное просветление и попытка сохранить спокойствие. Все это читалось, конечно, не так ясно, как в книге, но для человека, часто играющего в покер и считающего себя хорошим физиономистом, этого было вполне достаточно.

Теперь я понял, что Бойд не был с нею заодно. Одновременно с этим я понял, что она знает, что Лендвич кого-то убил, только не этой ночью и не Бойда… Кого же в таком случае? Доктора Эстепа?

Вряд ли… Если он и был убит — то только своей Женой, своей второй женой… Да, недостаток фактов может испортить нам всю историю. Кого же убил Лендвич до Бойда? Он что профессиональный убийца?

Все эти мысли молнией пронеслись в моей голове. А миссис Эстеп между тем спросила:

— И вы пришли сюда только ради того, чтобы задать мне эти дурацкие вопросы? Какая чушь…

И она проговорила минут пять без единой паузы. Слова так и лились из ее губ, но, что удивительно, она ни разу не произнесла ни одной фразы по существу. Она говорила и говорила, чтобы выиграть время, а сама лихорадочно соображала, какую позицию ей выгоднее занять.

И прежде чем мы успели посоветовать ей рассказать, обо всем чистосердечно, она нашла выход, приняла решение: молчать! молчать!

Она внезапно замолчала, и мы больше де услышали от нее ни одного слова, а ведь молчание — это самое действенное оружие против строгого допроса. Обычно подозреваемый на словах пытается доказать свою невиновность и, независимо от того, опытен человек в таких делах или нет, рано или поздно он все равно проговорится. Но когда человек молчит, с ним ничего нельзя

поделать.

Миссис Эстеп так и поступила. Она даже не сочла нужным слушать то, о чем мы ее спрашивали. Правда, выражение ее лица часто менялось. Тут были и возмущение, и недоумение, и другие оттенки чувств, но нам-то от этого было не легче. Нужны слова, а слов не было. И тем не менее мы решили не сдаваться и провели у нее добрых три часа. Мы уговаривали, льстили, чуть не танцевали вокруг, но так ничего и не добились. В конце концов нам это надоело, и мы забрали ее с собой. Правда, против миссис Эстел не было никаких улик, но мы не могли оставить ее на свободе, пока Лендвич не разоблачен.

Приехав в управление, оформили ее не как арестованную, а как свидетельницу, и посадили в одну из комнат управления — под надзор женщины, работающей в полиции, и одного из людей О'Гара. Мы надеялись, что, может быть, им удастся что-нибудь вытянуть. Сами же отправились решать дела с Лендвичем. В управлении миссис Эстеп, разумеется, обыскали, но не нашли ничего интересного.

После этого мы с О'Гаром отправились обратно в отель и тщательно перетряхнули номер, но тоже ничего не нашли.

— А вы сами вполне уверены в том, что мне рассказали? — спросил О'Гар, когда мы вышли из отеля. — Ведь если это ошибка, меня по головке не погладят.

Я пропустил его вопрос мимо ушей.

— Встречаемся в 18.30, - сказал я. — И поедем вместе к Лендвичу.

О'Гар понимающе улыбнулся, а я отправился в контору Вэнса Ричмонда. Увидев меня, адвокат вскочил из-за письменного стола. Лицо его казалось еще более бледным и изможденным, чем обычно. Морщины стали рельефнее, под глазами — синие круги.

— Вы просто обязаны сделать что-нибудь! — выкрикнул он хриплым голосом. — Я только что вернулся из больницы. Состояние миссис Эстеп чрезвычайно опасное. Если эта история затянется еще на день-два, она просто не выдержит и покинет этот мир…

Я перебил его, сообщив о событиях этого дня и тех последствиях, которые, по моему мнению, должны наступить вслед за ними. Он выслушал меня молча, но не успокоился, а лишь безнадежно покачал головой.

— Неужели вы не понимаете, что это всего лишь капля в море! воскликнул он. — Я, конечно,

уверен, что доказательства ее невиновности рано или поздно появятся, но боюсь, что это произойдет слишком поздно… Я не имею к вам претензий — вы сделали все, что могли… И, может быть, даже больше, но этого пока слишком мало! Нам нужно еще кое-что… Что-то, похожее на чудо. И если нам не удастся вытряхнуть правду из Лендвича или из этой авантюристки, называющей себя миссис Эстеп, то, возможно, все ваши усилия пропадут даром. Конечно, правда может выплыть на судебном процессе; но на это никак нельзя надеяться… К тому же моя клиентка может вообще не дожить до суда… Но если я прямо сейчас освобожу ее, то, возможно, она выкарабкается. А пара дней в тюрьме наверняка доконает ее, и тогда вообще безразлично, виновна ли она. Смерть забирает с собой все заботы и неприятности. Ведь я вам уже сказал, что она находится в крайне тяжелом состоянии…

Я ушел от Вэнса Ричмонда так же, как и пришел — неожиданно. Этот адвокат ужасно действовал мне на нервы. А я не люблю волноваться, когда выполняю задание. Волнение только мешает работе, а работе детектива — тем более.

Вечером, без четверти семь, я позвонил в дверь Лендвича, О'Гар пасся неподалеку. Поскольку

последнюю ночь я провел вне дома, на мне все еще была старая военная форма, в которой я представился как Шейн Вишер.

Дверь открыл сам Лендвич.

— Добрый день, Вишер, — сказал он равнодушным тоном и провел меня наверх.

Четырехкомнатная квартира; два выхода — главный и черный; обстановка обычных меблирашек в доходных домах. На своем веку мне довелось повидать множество таких квартир.

Мы уселись в гостиной, закурили и принялись трепаться о пустяках, внимательно изучая друг друга. Мне, например, показалось, что Лендвич нервничал; складывалось впечатление, что он совсем не рад моему приходу. Скорее, наоборот.

— Вы мне обещали немного помочь, — наконец, напомнил я.

— Мне очень жаль, — ответил он, — но выяснилось, что в настоящее время я ничего не могу для вас сделать. У меня были кое-какие планы, но в последние часы обстановка изменилась. — Он немного помолчал и добавил: Может быть, немного попозже…

Из его слов я понял, что он хотел поручить мне Бойда, но поскольку Бонд уже вышел из игры, работы у Лендвича для меня не нашлось.

Лендвич встал и принес бутылку виски. Какое-то время мы еще беседовали о том о сем. Он не хотел показать, что желает поскорее избавиться от меня, а я тоже не спешил.

Несмотря на то, что разговор шел о всяких пустяках, мне все-таки удалось понять, что он всю жизнь промышлял мелким жульничеством, а в последнее время нашел более выгодный бизнес. Это подтверждало слова Пенни Траута, сказанные им Бобу Филу.

Потом я стал рассказывать о себе. Рассказывал намеками, недомолвками, делая многозначительные жесты. Короче говоря, дал ему понять, что за мной тоже водятся грешки, а в довершение всего намекнул, что в свое время был членом банды Джимми- Пистолета, которая сейчас почти в полном составе отбывает наказание в Уолл-Уолле.

Наконец Лендвич решил дать мне взаймы некоторую сумму, которая поможет мне встать на ноги и обрести уверенность. Я ответил, что мелочишка мне, конечно, не помешает, но хотелось бы найти какую-нибудь возможность подработать основательно.

Время шло, а мы так и не могли договориться до чего-нибудь определенного. Наконец мае надое-

ло говорить обиняками, и я решительно сказал:

— Послушай, приятель, — говоря это, я внешне был совершенно спокоен. Мне кажется, ты здорово рисковал, ухлопав шустряка, которого я наколол.

Я хотел внести элемент оживления в нашу скучную беседу, и мне это удалось как нельзя лучше. Лицо его сразу же исказилось от ярости, а в следующее мгновение в руке блеснул кольт. Но я был начеку и сразу же выстрелил. Выстрел превзошел самые смелые мои ожидания: револьвер вылетел из его руки.

— Вот так-то будет лучше, — сказал я. — И не вздумай рыпнуться!

Лендвич сидел, потирая онемевшую от удара руку и с удивлением таращась на дымящуюся дыру в моем кармане. Я был ошарашен. Это и понятно, выбить выстрелом оружие из руки противника — очень эффектная вещь, и удается она крайне редко. Но, тем не менее, удается. Не очень опытный стрелок — а я именно таковым и являюсь — всегда стреляет лишь приблизительно в ту сторону, куда хочет попасть. Это получается автоматически. Раздумывать тут некогда. А если противник делает какое-либо подозрительное движение, то стреляешь обычно в том направле-

нии, где это движение возникло. Когда Лендвич выхватил револьвер, я, естественно, выстрелил в сторону его оружия. Остальное сделала пуля. Но выглядело это, повторяю, очень эффектно.

Я погасил тлеющую ткань куртки и прошел к тому месту, куда отлетел револьвер.

— Нельзя играть с огнем, — назидательно сказал я. — Так и до беды недалеко.

Он презрительно скривил свой маленький ротик.

— Выходит, вы из легавых, — процедил он не то утвердительно, не то вопросительно, но тем не менее постарался вложить в свои слова все то презрение, которое питал к полицейским и частным детективам, а презрение, судя по всему, он питал к ним немалое.

Возможно, мне удалось бы его убедить в противном: что я не легавый, а действительно Шейн Вишер, за которого себя выдаю, но я не стал этого делать.

Поэтому я кивнул.

Он глубоко задумался, все еще потирая себе руку. Лицо его было совершенно бесстрастно, и лишь неестественно блестевшие глаза выдавали работу мысли.

Я продолжал молча сидеть и ждать результатов

его раздумий. Конечно же, он пытался в первую очередь разгадать, какую роль я играю в этом деле. А поскольку я встретился на его пути только вчера, намекнув ему о слежке, то он, видимо, решил, что я ни о чем не знаю. Кроме того, что он прикончил Бойда. Видимо, он посчитал, что я не знаю даже о деле Эстепа, не говоря уже о других грехах, которые водились за ним.

— Вы не из полиции? — спросил он чуть ли не радостным тоном, тоном человека, который понял, что еще не все потеряно. Ему, может быть, еще удастся выкрутиться из неприятного положения.

Я рассудил, что правда мне не повредит, и сказал:

— Нет, не из полиции. Из Континентального агентства.

Он подвинулся ближе.

— Какую роль вы играете в этом деле?

Я снова решил сказать правду:

— Меня беспокоит судьба второй жены доктора Эстепа. Она не убивала своего супруга.

— И вы хотите добыть доказательства ее невиновности, чтобы она могла выйти на свободу?

— Да.

Он хотел придвинуть свой стул еще ближе к

моему, но я сделал знак оставаться на месте.

— Каким образом вы собираетесь это сделать? — снова спросил он, и его голос стал еще тише и доверительней.

— Перед смертью доктор Эстеп написал письмо, — сказал я, — и я почти уверен, что оно содержит доказательство невиновности его второй жены.

— Ах, вот оно что! Ну, и что дальше?

— Дальше ничего. Неужели этого мало?

Он откинулся на спинку стула. Его глаза и рот снова уменьшились: видно, он опять задумался.

— А почему вас интересует человек, который умер вчера? — медленно спросил он.

— Дело не в этом человеке, дело в вас самом, — сказал я, не скрывая правды и на этот раз. — Ведь следил-то я за вами, а не за ним. Второй жене доктора Эстепа это, возможно, и не поможет непосредственно, но я знаю, что вы вместе с его первой женой затеяли какую-то опасную игру против нее. Из своего же опыта я знаю: что вредит одному — на пользу другому. Поэтому и решил, что если прижму вас немного, то это пойдет на пользу миссис Эстеп. Скажу откровенно, мне многое еще неясно; я бреду в потемках, но я всегда быстро иду вперед, как только завижу свет.

И темнота вокруг меня рано или поздно рассеивается, уступая место солнечному дню. И одну из светящихся точек я уже узрел: я уже знаю, что произошло с Бондом и кто виноват в этом деле.

Глаза Лендвича снова широко раскрылись. Раскрылся и его рот — насколько вообще мог раскрыться такой маленький ротик.

— Ну, что ж, пусть будет так, — сказал он тихо. — Только имейте в виду, что дешево вы меня не купите. Тут нужно будет приложить много усилий…

— К чему вы клоните?

— Вы думаете, что меня будет просто обвинить в убийстве Джона Бойда? Ведь у вас нет никаких вещественных доказательств!

— Вот тут-то вы и ошибаетесь…

Но в глубине души я и сам был уверен, что он прав. Хотя бы потому, что ни я, ни Боб не были уверены, что человек, которого Лендвич вытаскивал из квартиры, был Бойд. Вернее, мы были уверены в этом, но поклясться в этом перед судом присяжных не смогли бы. Ведь если они проведут следственный эксперимент, то выяснят, что с такого расстояния в темную ночь мы не могли бы увидеть его лица. К тому же мы тогда посчитали, что Бонд был не мертв, а пьян. И лишь позднее,

узнав о трупе, найденном в парке, мы поняли, что, когда Лендвич выводил его из дома, тот уже был мертв. Все это, конечно, мелочи, но частный детектив должен иметь безукоризненные доказательства.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, — повторил я вопреки своим размышлениям; — Если хотите знать, мы добыли против вас столько материала, что его хватит не только для того, чтобы засадить вас за решетку, но и в более тепленькое местечко. То же самое относится и к вашей сообщнице.

— Сообщнице? — протянул он не очень удивленно. — Вы, наверное, имеете в виду Эдну? И вы ее, наверное, уже взяли?

— Ты угадал!

Лендвич рассмеялся:

— Ну, ну, с богом! Только вряд ли вы узнаете от нее что-нибудь. Во-первых, потому что она сама мало что знает, а во-вторых… Да и вы сами, наверное, уже убедились, что ее не так-то легко расколоть. Поэтому предупреждаю заранее: не вкручивайте мне мозги, уверяя, что она все выболтала!

— Я этого и не собираюсь утверждать.

Несколько минут мы оба молчали, а потом он вдруг сказал:

— Я хочу сделать вам предложение… Хотите верьте, хотите нет, но письмо, которое доктор Эстеп написал перед смертью, было адресовано мне. И из него ясно видно, что он покончил жизнь самоубийством. — Лендвич сделал паузу и добавил: — Дайте мне возможность скрыться! Всего полчаса… а потом действуйте так, как сочтете нужным. Я же, со своей стороны, обещаю переслать вам это письмо…

— Вы способны выполнить такое обещание? — спросил я не без сарказма.

— Значит, вы мне не верите? Что ж, в таком случае мне придется поверить вам, — сказал он. — Я отдам письмо, если вы пообещаете, что ничего не предпримете в течение получаса!

— К чему мне давать такие обещания, — бросил я, — ведь я могу забрать и вас, и письмо в придачу!

— Не удастся! Неужели вы думаете, что я настолько глуп, чтобы хранить письмо в ненадежном месте?

Этого я, конечно, не думал, но тем не менее считал, что письмо найти можно. Нужно только хорошенько постараться.

— Чего мне с вами нянчиться? — буркнул я. — Ведь я и так загнал вас в угол. Могу обойтись и

без обещаний.

— Ну, а если я скажу, что освободить миссис Эстеп можно только с моей помощью? Тогда вы согласитесь?

— Возможно… Только сначала я должен выслушать, что вы скажете.

— Хорошо. Я расскажу всю правду, но ее не доказать, если я сам не сознаюсь. Если вы сблефуете, то не удастся установить, что все было действительно так. А присяжные подумают, что пройдоха-детектив их морочит.

С этим я был полностью согласен. Мне приходилось выступать свидетелем на судебных процессах, но я никогда не видел, чтобы суд доверял частному детективу — считают, что мы ведем двойную игру, выгораживая своего клиента.

Между тем Лендвич начал свой рассказ:

— Один молодой врач попал в грязную историю. От суда отвертелся, но власти лишили его частной практики. Бедняга по пьянке поплакался делашу — и тот предложил доктору фальшивые документы. Врач согласился; делаш исполнил обещание… Этого врача вы и знаете под именем доктора Эстепа, и это я вновь поставил его на ноги и помог обрести место в обществе. Да, еще одно… Настоящее имя человека, которого нашли

сегодня в парке мертвым, — Хамберт Эстеп…

Это новость… Правда, нельзя поручиться, что Лендвич не лжет. Тот между тем продолжал:

— Сейчас фальшивые документы достать легко. Ими торгуют все, кому не лень. Но тогда, двадцать пять лет назад… Мне помогла Эдна Файф… Эту женщину вы знаете как первую жену доктора Эстепа.

Эдна вышла замуж за настоящего Хамберта Эстепа. Хамберт — чертовски плохой врач, и, прожив какое-то время впроголодь, Эдна уговорила его закрыть практику. Она вообще могла из Хамберта веревки вить.

Я передал диплом и лицензию молодому доктору: тот уехал в Сан-Франциско уже под именем Хамберта Эстепа и открыл здесь частную практику. Настоящая супружеская чета Эстепов пообещала никогда не пользоваться своим настоящим именем — это было им только на руку.

Я, соответственно, продолжал держать связь с молодым доктором, получая свои проценты. Короче говоря, я держал его в руках, а он был не настолько глуп, чтобы сделать попытку освободиться. Через несколько лет я узнал, что его дело процветает, и тоже поселился в Сан-Франциско — здесь легче следить за его доходами. Примерно

в то же самое время он женился, и дела его шли все лучше и лучше. Он даже стал помещать капитал в предприятия. В общем, доходы росли, а моя доля оставалась довольно скромной. Доктор, правда, никогда не нарушал наш первоначальный договор, но на повышение моего гонорара не соглашался. Он отлично понимал, что я не стану резать курицу, которая несет золотые яйца. Конечно, его деньги мне помогали, но капитала, как он, я не сколотил, и это меня очень огорчало. И вот несколько месяцев тому назад, узнав, что он увеличил капитал почти вдвое, я перешел к более активным действиям.

За эти годы я изучил характер доктора, когда выколачиваешь деньги, то волей- неволей изучаешь человека. Так, например, я знал, что доктор никогда не говорил жене о своем прошлом, отговаривался какими-то общими словами. Сказал, между прочим, что родился в Западной Вирджинии. Кроме того, я знал, у него в письменном столе всегда лежит револьвер, и понимал зачем: если все откроется — он покончит с собой. Доктор рассуждал так: власти, учитывая его безупречную жизнь здесь, в Сан-Франциско, наверняка замнут это дело и не допустят огласки. В этом случае жена не будет опозорена перед общественностью,

хотя и узнает правду. Мне самому, разумеется, никогда бы не пришла в голову подобная мысль, но доктор был человек со странностями — ради репутации мог пожертвовать жизнью.

Вот таким я его себе представлял и не ошибся. Мой план на первый взгляд может показаться очень сложным, но на самом деле он прост. Я пригласил супружескую чету Эстепов приехать ко мне. Их, правда, нелегко было разыскать, но в конце концов я напал на их след. Собственно, я пригласил только Эдну, а ее супругу приказал оставаться на месте. И все сошло бы как нельзя лучше, если бы Хамберт послушался меня… Но он испугался… Испугался того, что мы с Эдной обманем его. Поэтому и приехал: разнюхать, что мы собираемся делать. Я узнал об этом только тогда, когда вы сказали мне о слежке…

Я пригласил Эдну, но не стал посвящать ее в подробности, сказал, что нужно, и приказал как следует выучить свою роль. За несколько дней до ее приезда я сходил к врачу и потребовал 100 000 долларов. Он высмеял меня, и я сразу же ушел, бросив напоследок, что готов на все.

Как только приехала Эдна, я послал ее к нему. Она попросила сделать ее дочери криминальный аборт. Он, конечно, наотрез отказался. Эдна

начала умолять — достаточно громко, чтобы слышала сестра или кто-нибудь другой в соседней комнате. Она придерживалась текста, который мог быть истолкован в нужном смысле. Эдна безупречно сыграла свою роль и ушла от доктора вся в слезах.

После этого я приступил ко второй части: попросил знакомого наборщика сделать клише и оттиск небольшого сообщения. В нем говорилось, что городские власти напали на след врача, который практикует под чужим именем, и что документы он, несомненно, добыл незаконным путем. Клише было размером 10 на 16 дюймов. Если вы внимательно просматриваете «Ивнинг Таймс», то обратили внимание, что ежедневно на первой странице помещается фотография точно таких размеров.

Знакомый вытравил из одного экземпляра фотографию и на ее место впечатал эту заметку. Остальное — совсем просто. Я знал, что почтальон оставляет газеты прямо в двери доктора, не заходя в дом. Нужно было просто подкараулить его и подсунуть на место свежей газеты газету с фальшивкой.

Во время рассказа Лендвича я старался не показать, как меня это заинтересовало, и в то же

время не перебивал его, стараясь не упустить ни единого слова. Сперва я думал, что он наворотит с три короба лжи, но вскоре убедился: не врет. Он прямо-таки наслаждался своей подлостью, смаковал ее… Говорил и говорил — больше, чем нужно, просто не мог не хвастаться. Он весь кипел от тщеславия, которое обычно одолевает преступников, удачно провернувших дельце и созревших для кутузки.

Глазки Лендвича блестели, а его маленький ротик победно улыбался. Он продолжал свой рассказ:

— Доктор прочитал эту заметку и… застрелился. Но до этого написал мне письмо. Я никак не ожидал, что полиция примет самоубийство за убийство, поэтому считаю, что нам здорово повезло.

Я рассчитывал на то, что в суматохе, вызванной смертью доктора, никто не обратит внимания на фальшивую заметку, а после самоубийства Эдна должна будет сделать свой второй ход и заявить, что она — первая жена доктора Эстепа. Это должно было найти подтверждение в словах помощницы доктора, которая слышала их разговор, и в том факте, что доктор покончил с собой после визита Эдны. Таким образом, я представлял

его перед всеми как двоеженца.

Я был уверен, что никакое следствие не сможет опровергнуть этого факта. О прошлом доктора никто не знал, а Эдна действительно вышла замуж за доктора Эстепа и прожила с ним два года в Филадельфии. Ну, а о том, что Эстеп на самом деле не Эстеп, трудно было разнюхать. Двадцать семь лет — слишком большой срок. Оставалось лишь убедить жену доктора и его адвоката, что она фактически не жена, точнее говоря, незаконная жена, поскольку он женился на ней, уже будучи женатым. И мы этого добились! Все поверили, что Эдна законная жена.

Следующим шагом должно было быть соглашение между Эдной и миссис Эстеп о разделе имущества и состояния доктора. Причем Эдна должна была получить львиную долю или по меньшей мере половину его состояния, только в этом случае мы ничего не доводили до общественности. В противном случае мы грозили обратиться в суд. Положение наше было отличное. Я лично удовольствовался бы и половиной состояния. Несколько сот тысяч долларов это тоже деньги. Мне бы их наверняка хватило — даже за вычетом тех 20 тысяч, которые я пообещал Эдне.

Но когда полиция засадила за решетку жену доктора Эстепа, я понял, что можно рассчитывать и на все состояние. Мне и делать-то ничего не нужно было. Только ждать, когда она будет осуждена.

Единственное доказательство ее невиновности — письмо доктора находилось в моих руках. И даже если бы я захотел ее спасти, то не мог бы этого сделать, не выдав себя с головой.

Когда врач прочел заметку в газете, то понял, что она обозначает. Он вырвал ее из газеты, написал прямо на ней несколько строк и прислал мне, Его послание и выдает меня… Но я не собирался его показывать.

Итак, до сих пор все шло как нельзя лучше. Оставалось ждать, когда капитал сам придет в руки. И как раз в этот момент на горизонте появился настоящий доктор Эстеп, чтобы испортить все дело.

Он сбрил свои усики, нацепил какие-то лохмотья и приехал следить за нами. Как будто он мог что-нибудь сделать!

После того, как вы намекнули мне, что за мной следят, я привел его сюда, собираясь спрятать где-нибудь, пока все козыри не будут разыграны. И вас-то я пригласил, чтобы вы посторожили его

некоторое время. Но он оказался несговорчивым, мы крупно поссорились, и в результате я его пристукнул. Убивать я, естественно, не хотел, но так уж получилось, что он проломил себе затылок.

Эдне я ничего не сказал. Она не стала бы слишком горевать, но лучше поостеречься: женщины — смешной народ, никогда не знаешь, чего от них ждать…

Я рассказал все. Делайте выводы. Доказательств нет… Можно рассказать, что Эдна не была женой доктора Эстепа и что я его шантажировал. Но нельзя доказать, что законная жена доктора Эстепа не верила, что Эдна была его первой и законной женой. Тут ее утверждения будут стоять против двух наших. А мы поклянемся, что успели убедить ее в этом. А раз так, она, естественно, имела мотив для убийства. И газетный подлог вы не сможете доказать материал у меня в руках. И вообще, если вы начнете рассказывать все это перед судом, вас сочтут психом. Уличить меня во вчерашнем убийстве вы тоже не сможете — у меня есть алиби. Я могу доказать, что вчера вечером я уехал из дома с одним моим пьяным приятелем, привез его в отель и с помощью портье и мальчика-лифтера уложил в постель. И утверждениям частного детектива, что это не так, наверняка

не поверят.

В обмане вы меня, конечно, уличите. Но вызволить миссис Эстеп без моей помощи не сможете. Поэтому вам лучше меня отпустить. А взамен я отдам письмо, написанное доктором. Мы оба только выиграем от этого — можете быть уверены. В нескольких строчках, написанных мной, простите, оговорился, доктором, сказано, что он покончил с собой, причем написано недвусмысленно…

Игра стоила свеч, в этом не было сомнения. Лендвич не врет… Я все хорошо понимал, и тем не менее мне не хотелось отпускать этого подлеца…

— Напрасно вы пытаетесь убедить меня в этом, Лендвич, — сказал я. — Вы и сами понимаете, что ваша песенка спета. В тот момент, когда вы сядете за решетку, миссис Эстеп выйдет на свободу.

— Что ж, попробуйте! Без письма вы ее не вытащите. И я не думаю, что вы меня считаете круглым дураком и надеетесь найти письмо собственными силами.

Меня не очень беспокоили трудности, связанные с поисками доказательств виновности Лендвича и невиновности миссис Эстеп. Достаточно навести справки о нем и его сообщнице Эдне Файф на Восточном побережье, и все будет в

порядке. Но на это уйдет неделя, а может, и больше. А этой недели у меня нет. Я вспомнил слова Вэнса Ричмонда: «Еще день-два, проведенных в заключении, и ее не станет. И тогда ее мало будет беспокоить, что говорят люди. Смерть сделает свое дело».

Надо действовать решительно и быстро. Ее жизнь находилась в моих руках. К черту законы! Человек, сидящий сейчас передо мною, был подлецом, шантажистом, по меньшей мере дважды убийцей. Но совершенно невиновная женщина при смерти…

Не спуская глаз с Лендвича, я подошел к телефону и набрал номер Вэнса Ричмонда.

— Как сейчас чувствует себя миссис Эстеп? — спросил я.

— Ей стало хуже. Полчаса назад я говорил с врачом, и он считает…

Подробности меня не интересовали, и поэтому я довольно бесцеремонно перебил его:

— Поезжайте в больницу, держитесь там поближе к телефону. Возможно, мне удастся сообщить вам новости еще до наступления ночи.

— Что? У вас есть шанс? Где вы?

Я не пообещал ему ничего конкретного и повесил трубку. После этого сказал Лендвичу:

— Принято. Тащите сюда письмо. Я верну вам револьвер и выпущу через черный ход. Но предупреждаю: на углу стоит полицейский, и тут я ничем не смогу вам помочь.

Его лицо радостно засияло:

— Вы даете честное слово?

— Да. Только пошевеливайтесь.

Он прошел мимо меня к телефону, набрал номер, который мне удалось подсмотреть, и сказал:

— Это Шулер. Пришлите немедленно мальчика с конвертом, который я вам отдал на хранение. Возьмите такси.

После этого он сообщил свой адрес, дважды сказал «да» и повесил трубку.

Ничего удивительного в том, что он принял мое предложение, не было. В моем честном слове он не сомневался, кроме того, как все удачливые шантажисты, он так уверился в собственной безнаказанности, что вел себя, как глупая овечка.

Минут через десять в дверь позвонили. Мы вышли вместе, и Лендвич получил из рук посыльного большой конверт. А я тем временем посмотрел на номер посыльного, красовавшийся на шапке. Потом мы вернулись в комнату.

Там Лендвич вскрыл конверт и протянул мне его содержимое — обрывок газеты с неровными

краями. Поперек сфабрикованной заметки было написано: «Не ожидал от вас такой глупости, Лендвич. Льщу себя надеждой, что пуля, которая покончит мои счеты с жизнью, покончит и с вашим паразитизмом. Отныне вам придется самому зарабатывать себе на пропитание. Эстеп».

Да, ничего не скажешь. Врач решительно пошел навстречу своей смерти!

Я взял у Лендвича конверт, вложил в него письмо, сунул конверт в карман. После этого подошел к окну. Там я увидел силуэт 0'Гара, терпеливо ждавшего меня там, где я его оставил…

— Полицейский все еще стоит на углу, — сказал я Лендвичу. — А вот вам и ваша пушка. — Я протянул ему револьвер, который выбил у него из рук в начале нашей милой беседы. — Забирайте его и скрывайтесь через черный ход. И не забывайте: я вам больше ничего не обещаю. Только револьвер и возможность скрыться. Если вы будете держаться нашего уговора, то обещаю ничего не предпринимать, чтобы вас разыскать. Разумеется, только в том случае, если меня не обвинят в сообщничестве с вами.

— Договорились!

Он схватил револьвер, проверил, заряжен ли он, и помчался к черному ходу. Но в дверях по-

вернулся, помедлил секунду, а потом обратился ко мне. Предосторожности ради я держал свой револьвер наготове.

— Окажите мне еще одну услугу… Она вам ничего не будет стоить.

— Какую?

— На конверте, видимо, остались мои отпечатки пальцев, кроме того, надпись на нем сделана моей рукой. Может быть, вы переложите письмо в другой конверт? А этот заберу с собой и уничтожу? Не хочется оставлять лишних следов.

Держа револьвер в правой руке, я левой вынул из кармана письмо и бросил ему. Он взял со стола чистый конверт, тщательно протер его носовым платком, сунул в него газетную вырезку и протянул мне. Я едва не расхохотался ему в лицо. Старый трюк с носовым платком: письмо снова находится у Лендвича. Чистая работа.

— Живее сматывайся! — прошипел я, боясь не выдержать и рассмеяться. Он быстро повернулся и бросился к выходу. Вскоре хлопнула дверь черного хода.

Я достал конверт из кармана и убедился, что был прав в своих предположениях. Следовательно, наш договор потерял силу.

Я быстро подскочил к окну и распахнул его.

О'Гар сразу увидел меня в светлом проеме. Я знаком дал ему понять, что Лендвич ушел через черный ход. О'Гар, как метеор, помчался в сторону переулка. Я бросился к кухонному окну и высунулся почти по пояс. Лендвич как раз открывал калитку. В следующий момент он уже выскочил из нее и помчался по переулку, — а там, как раз под фонарем, уже появилась тяжелая фигура О'Гара. Лендвич держал револьвер наготове, а О'Гар опаздывал на какие-то доли секунды.

Лендвич поднял руку с револьвером. Щелчок — и в тот же момент револьвер О'Гара изрыгнул пламя.

Лендвич как-то странно взмахнул руками, еще секунду постоял у белого забора, а потом медленно сполз на землю.

Я неторопливо спустился по лестнице. Мне не хотелось спешить. Никому не приятно смотреть на труп человека, которого ты сознательно послал на смерть. Неприятно это делать даже в том случае, когда спасаешь жизнь невиновному, а тот человек, которого посылаешь на смерть, лучшей доли и не заслуживает…

— Как же все это получилось? — спросил О'Гар, когда я наконец подошел к нему.

— Обманул и смылся.

— Это я уже понял.

Я нагнулся и обыскал карманы. Заметка из газеты, разумеется, была у него.

А О'Гар, между тем, рассматривал револьвер Лендвича.

— Смотри-ка ты! — вдруг воскликнул он. — Вот это повезло! Ведь он нажал на спуск раньше меня, а револьвер не выстрелил! Теперь я понимаю, в чем дело. По револьверу кто-то словно топором прошелся! Боек весь покорежен…

— Вот как? — с наигранным удивлением спросил я, хотя отлично знал, что револьвер Лендвича пришел в негодность, когда моя пуля выбила его из руки преступника, покорежив боек.

«Золотая подкова»

— На этот раз для вас ничего из ряда вон выходящего нет, — сказал Вэнс Ричмонд после того, как мы пожали друг другу руки. — Но надо бы найти одного человека… Он вообще-то не преступник…

Ричмонд словно бы извинялся. Последние два задания, которые давал мне этот сухопарый адвокат, были связаны со стрельбой и другими эксцессами, и он, кажется, решил, что я засыпаю от скуки, когда занимаюсь спокойной работой. В свое время так и было, тогда я, двадцатилетний парень только начинал службу в сыскном агентстве. Но пятнадцать лет, что минули с тех пор, поубавили у меня аппетита к авантюрным выходкам.

— Человек, которого надо разыскать, — продолжал адвокат, когда мы сели, — английский архитектор. Норман Эшкрафт, так его зовут. Тридцать семь лет, рост — метр семьдесят три, хорошо сложен, светлокожий, светловолосый, голубоглазый. Четыре года назад он мог служить образцом симпатичного блондина-британца. Теперь вряд ли… Жизнь основательно потрепала

его за эти четыре года.

Произошло вот что. Четыре года назад супруги Эшкрафты: жили в Англии в Бристоле. Миссис Эшкрафт, по всей видимости, очень ревнива, а ее муж парень вспыльчивый. Кроме того, на хлеб себе он зарабатывал сам, а миссис получила в свое время богатое наследство. Эти деньги стали для Эшкрафта больным местом, он из кожи лез, чтобы доказать свою независимость и то, что деньги вообще не имеют для него никакого значения. Неумно, но вполне типично для человека с таким характером. Так вот, однажды вечером жена устроила мужу сцену ревности — он, якобы, слишком много внимания уделяет другой женщине. Супруги крепко повздорили. Эшкрафт собрал свои пожитки и уехал.

Спустя неделю миссис поняла, что ее подозрения не имели никаких оснований, и попыталась его разыскать. Но муж исчез. В конце концов миссис узнала, что он отправился из Бристоля в Нью-Йорк, где ввязался в пьяный скандал и попал под арест. Потом беглый муж снова выпал из поля зрения жены и через десять месяцев вынырнул в Сиэтле.

Адвокат порылся в бумагах на письменном столе и нашел нужную записку.

— Двадцать пятого мая в позапрошлом году выстрелом пистолета он убил в местной гостинице вора. В этом деле для городской полиции оставалось кое-что неясным, но обвинять в чем-либо Эшкрафта не было оснований. Человек, которого он убил, вне всяких сомнений был вором. Затем Эшкрафт опять исчезает и дает о себе знать только в прошлом году.

Однажды миссис Эшкрафт получила от мужа письмо из Сан-Франциско. Это было весьма официальное послание, в котором содержалась просьба не публиковать объявлений в газетах. Он писал, что отказался от своих прежних имени и фамилии и ему осточертело видеть чуть ли не в каждой газете обращения к Норману Эшкрафту.

Миссис послала письмо до востребования сюда, в Сан-Франциско, и в очередном объявлении сообщила мужу об этом. Он ответил. Она написала второе письмо с просьбой вернуться домой, но получила отказ, хотя на этот раз и менее язвительный. Так они обменялись несколькими письмами, в результате чего миссис Эшкрафт узнала, что ее муж стал наркоманом и остатки гордости не позволяют ему вернуться, по крайней мере до тех пор, пока он не избавится от своей слабости. Ей удалось убедить его принять от нее

деньги, чтобы облегчить этот процесс. Деньги она выслала, опять-таки, до востребования.

Затем миссис Эшкрафт закрыла свое дело в Англии, где у нее не осталось никого из близких, и переехала в Сан-Франциско, чтобы быть поближе к мужу на тот случай, если он надумает вернуться в семью. Прошел год. Миссис все еще высылает мужу деньги. Все еще надеется на его возвращение. Он же продолжает упорно отклонять предложения о встрече, отделываясь ничего не значащими ответами. Куда больше он пишет о том, как борется с собой, то перебарывая пагубную привычку, то снова уступая ей.

Теперь миссис Эшкрафт подозревает, что муж вообще не собирается ни возвращаться, ни слезать со шприца, а жену использует попросту как источник легкого дохода. Я уговаривал ее на некоторое время прекратить денежные инъекции, но она не захотела даже слышать об этом. Мало того, считает, что сама виновата в несчастье мужа, поскольку вынудила его уехать, устроив сцену ревности. Она вообще боится что-либо предпринимать, чтобы не ранить его самолюбие и не причинить еще большего вреда. И здесь она непреклонна. Хочет его найти, хочет помочь ему избавиться от страшного порока, но если

не удастся, готова содержать бедолагу до конца жизни. Однако ее мучит неопределенность, она не знает, чего ждать от завтрашнего дня.

А потому мы хотим, чтобы вы отыскали Эшкрафта. Хотим знать, есть ли хоть какой- то шанс вернуть ему человеческий облик, или же надо поставить крест на парне. Таково ваше задание. Вы найдете этого беднягу, разузнаете о нем все, что можно, а потом решим, есть ли смысл ему встречаться с женой… стоит ли ей пытаться как-то повлиять на него.

— Попробую, — сказал я. — Когда миссис Эшкрафт высылает ему это свое вспомоществование?

— Первого числа.

— Сегодня двадцать восьмое. Значит, в моем распоряжении три дня на все дела. Фотография его есть?

— Фотографии нет. Миссис Эшкрафт в порыве ревности уничтожила все, что напоминало ей о любимом муженьке.

Я встал и надел шляпу.

— Увидимся второго.

Первого числа пополудни я пошел на почту и поймал Лиска, который работал там почтовым полицейским в отделе до востребования.

— Я тут засек одного мошенника с севера, — сказал я Лиску. — Кажется, он получает почту в вашем окошке. Организуй, чтобы мне дали знать, когда появится этот парень.

Надо сказать, что масса всяких правил и распоряжений запрещают почтовому полицейскому помогать частным детективам, кроме некоторых исключительных случаев. Но если полицейский настроен по отношению к тебе доброжелательно, он просто не станет вникать в твои дела. Ты подсовываешь ему какую-нибудь туфту, чтобы он мог оправдаться, если попадет из-за тебя в переплет, и совсем не обязательно, чтобы он тебе при этом верил.

Вскоре я снова оказался внизу. Я бродил по залу, не теряя из виду окошко с буквой «Э». Служащего, сидевшего за этим окошком, предупредили, чтобы он сообщил мне, если кто-нибудь станет справляться о корреспонденции на имя Эшкрафта. Письмо миссис Эшкрафт еще не пришло, оно вполне могло и не прийти сегодня, но я не хотел рисковать. Так я слонялся, пока почта не закрылась.

Операция началась на следующее утро в десять часов с минутами. Почтовый служащий подал мне знак. Щуплый человечек в синем костюме

и мягкой шляпе как раз отошел от окошка с конвертом в руке. Ему наверняка не было больше сорока, но выглядел он гораздо старше: землистый цвет лица, шаркающая старческая походка, одежда, что давненько уже не видала ни утюга, ни щетки.

Он подошел к столику, возле которого стоял я с какими-то случайно подвернувшимися под руку бумагами, усердно изображая сосредоточенность, и вытащил из кармана большой конверт. Я успел заметить, что на конверте уже есть марка и адрес. Повернув конверт надписанной стороной к себе, он вложил полученное в окошке письмо и провел языком по клейкому краю, стараясь, чтобы адрес остался мною не замечен. Затем старательно разгладил конверт ладонью и двинулся к почтовому ящику. Ничего не оставалось, как применить один старый приемчик, который никогда не дает осечки.

Я догнал мужчину и сделал вид, что оступился на мраморном полу. Падая, ухватился за пиджак этого джентльмена. Трюк получился прескверно, я поскользнулся по- настоящему, и мы оба грохнулись, словно борцы на ковре.

Я вскочил, помог этому типу встать на ноги, бормоча извинения, и слегка оттеснил его в

сторону, чтобы опередить и первым поднять письмо. Я хотел перевернуть конверт, прежде чем передать его владельцу, и прочитал адрес.

«Мистеру Эдварду Бохенону.

Кофейня „Золотая подкова“, Тихуана,

Байя Калифорния, Мексика»

Таким образом я добился своего, но и сам засветился. Не было ни малейшего сомнения в том, что этот хлюпик в синем костюме сообразил, что мне был нужен именно адрес.

Я отряхивался от пыли, когда мой поднадзорный бросил конверт в почтовый, ящик. Он прошел не мимо меня, а к выходу на Мишнстрит. Я не мог позволить ему сбежать и унести с собой свою тайну, меньше всего хотелось, чтобы он предупредил Эшкрафта раньше, чем я до него доберусь. Поэтому я решил испробовать еще один фокус, такой же древний, как и тот, который был проделан так неудачно на скользком полу. Я снова двинулся за тощим человечком. В тот момент, когда мы поравнялись, он как раз повернул голову, чтобы удостовериться, нет ли сзади «хвоста».

— Привет, Микки! — обратился я к нему. — Что слышно в Чикаго?

— Вы меня с кем-то путаете, — пробормотал он сквозь зубы, не убавляя шагу. — Я ничего не

знаю о Чикаго.

Глаза у него были белесо-голубые, а зрачки напоминали булавочные головки — глаза человека, систематически употребляющего морфий или героин.

— Не валяй дурака! — сказал я. — Ты же сегодня утром сошел с поезда.

Он остановился посреди тротуара и повернулся ко мне лицом.

— Я? За кого вы меня принимаете?

— Ты Микки Паркер. Голландец дал нам знать, что ты едешь.

— Ты что, шизонутый? — возмутился он. — Понятия не имею, о чем ты плетешь.

И я тоже не имел. Ну и что? Я слегка выставил палец в кармане плаща.

— Сейчас поймешь…

Он инстинктивно отступил при виде моего вздувшегося кармана.

— Послушай, корешок, — взмолился наркоша. — Ты меня с кем-то спутал, даю тебе слово. Я никакой не Паркер, и во Фриско живу уже целый год.

— Тебе придется доказать это.

— Да хоть сейчас! — выкрикнул он с жаром. — Идем со мной, и ты убедишься. Меня зовут Райен,

я живу совсем недалеко отсюда, на шестой улице.

— Райен? — спросил я.

— Да… Джон Райен.

Это заявление было ему не на пользу. Вряд ли в стране нашлась бы пара преступников старой школы, которые хоть раз в жизни не воспользовались фамилией Райен. Это все равно, что Джон Смит.

Тем временем Джон Райен довел меня до дома на шестой улице. Нас встретила хозяйка — словно топором вытесанная пятидесятилетняя баба с голыми волосатыми руками, мускулатуре которых позавидовал бы любой деревенский кузнец. Она тут же заверила меня, что ее жилец пребывает в Сан-Франциско уже несколько месяцев и в течение этого времени она видит его по меньшей мере раз в неделю. Если бы я вправду подозревал, что Райен — это мой мифический Микки Паркер из Чикаго, я не поверил бы ни единому слову этой женщины, но поскольку все обстояло иначе, притворился, что ответом вполне доволен.

Таким образом, дело было улажено. Райен дал себя надуть, поверил, что я принял его за другого бандита и что письмо Эшкрафту мне до фени. Но, не доведя дело до конца, я не мог успокоиться.

Ведь этот тип был наркоманом, жил под вымышленной фамилией, а значит…

— На что же ты живешь? — спросил я его.

— Два последних месяца… я ничем не занимался, — запинаясь, ответил он. — Но на будущей неделе мы с одним парнем собираемся открыть свою столовую.

— Пойдем к тебе, — предложил я, — хочу с тобой кое о чем потолковать.

Не скажу, чтобы мое предложение сильно его обрадовало, но деваться некуда, он отвел меня наверх. Апартаменты его состояли из двух комнат и кухни на третьем этаже. Квартира была грязная и вонючая.

— Где Эшкрафт? — спросил я его напрямую.

— Я не знаю, о ком ты говоришь, — пробормотал он.

— Советую тебе пораскинуть мозгами, — сказал я. — Прохладная, очень приятная камера в городской тюрьме по тебе давно уже скучает.

— Ты на меня ничего не имеешь.

— Да? А что ты скажешь насчет месячишка-другого за бродяжничество?

— Какое бродяжничество? — неуверенно огрызнулся он. — У меня пятьсот долларов в кармане. Я рассмеялся ему в физиономию.

— Не прикидывайся дурачком, Райен. Бабки в кармане не помогут тебе в Калифорнии. Ты безработный, откуда у тебя деньги? Так что под статью о бродяжничестве загремишь как миленький.

Я был почти уверен, что эта пташка — мелкий торговец марафетом. А если так, или если он на крючке у полиции в связи с какими-то другими грешками, то наверняка ради собственной шкуры заложит Эшкрафта. Особенно, если сам Эшкрафт с уголовным кодексом не в конфликте.

Он раздумывал, глядя в пол, а я продолжал:

— На твоем месте, дорогуша, я был бы куда более любезен. Я послушался бы умного совета… и все бы выложил начистоту. Ты…

Он внезапно метнулся вбок и сунул руку за спину.

Я что было силы пнул его ногой.

Стул подо мной качнулся — в противном случае этот тип не собрал бы косточек. Удар, нацеленный в челюсть, пришелся в грудь, наркоша кувыркнулся через голову и кресло-качалка грохнулось сверху. Я отшвырнул его в сторону и отобрал у моей не в меру резвой пташки опасную игрушку — дрянную никелированную хлопушку калибра 8,1 миллиметра. Затем вернулся на свое место за столом.

Душевного огня у торгаша хватило только на одну вспышку. Он поднялся, шмыгнул носом.

— Я расскажу тебе все… Я не хочу иметь неприятностей… Этот Эшкрафт говорит, что водит жену за нос и ничего больше. Дает мне двести долларов в месяц за то, что я получаю письмо и пересылаю его в Тихуану. Я познакомился с Эшкрафтом здесь, когда он уезжал на юг. Это было шесть месяцев назад. У него там баба… Я обещал… Я не знал, что это за деньги… Он говорил, что получает от жены алименты… Но я не думал, что это может иметь такие последствия.

— Что за тип этот Эшкрафт? Как перебивается?

— Не знаю. Вид у него — что надо. Англичанин, а называть себя велел Эдом Бохеноном. А так… Знаешь, в таком городе, как этот, кого только не встретишь. Я не имею понятия, чем он занимается.

Это было все, что я сумел из него вытянуть. Он не мот или не хотел сказать мне, ни где жил Эшкрафт в Сан-Франциско, ни кто его приятели.

Райен страшно обиделся, когда узнал, что я таки намерен упрятать его за бродяжничество.

— Ты же обещал отпустить, если я все расскажу, — канючил он.

— Не обещал. Но если бы даже обещал… Когда

кто-то поднимает на меня ствол, все договора с ним автоматически аннулируются. Иди.

Я не мог отпустить его, пока не найду Эшкрафта. Прежде чем я добрался бы до второго перекрестка, этот ханурик уже отбил бы телеграмму, и моя дичь тут же забилась бы в самую глубокую нору.

Чутье не изменило мне, не зря я прищучил Района. Когда у него взяли отпечатки пальцев во Дворце Правосудия, оказалось, что это некий Фред Руни по кличке Торопыга, контрабандист и торговец наркотиками, который сбежал из федеральной тюрьмы в Ливенуорте, не досидев восемь лет из десяти положенных.

— Можешь упрятать его на пару дней? — спросил я шефа городской тюрьмы. — Есть у меня работенка, которая пойдет куда легче, если этот хмырь какое-то время поскучает в одиночестве.

— Чего проще, — ответил он. — Парни из федералки заберут его не раньше чем через два-три дня. Так что твой Руни и словом ни с кем не перебросится.

Из тюрьмы я отправился в контору Вэнса Ричмонда и сообщил ему новости:

— Эшкрафт получает почту в Тихуане. Он живет под фамилией Бохенона, вроде бы у него есть там пассия. Только что я отправил в тюрьму

одного из его приятелей… беглого зэка, который пересылал ему почту.

Адвокат поднял трубку и набрал номер.

— Это миссис Эшкрафт? Говорит Ричмонд. Нет, мы пока не нашли его, но, кажется, знаем, где искать… Да… Через пятнадцать минут…

Он положил трубку и поднялся.

— Поедем к миссис Эшкрафт.

Спустя четверть часа мы выбрались из машины Ричмонда на Джексон-стрит. Миссис Эшкрафт жила в трехэтажном особняке из белого камня, дом отделяли от улицы отлично ухоженный газон и железная оградка.

Миссис Эшкрафт приняла нас в зале на втором этаже. Это была высокая женщина лет тридцати, худощавая, красивая. На ней было серое платье. Ясноликая — вот лучшая характеристика, которой вполне отвечали и голубизна глаз, и розовато-белая кожа, и волосы с каштановым оттенком.

Ричмонд представил меня, после чего я рассказал то, что успел узнать, умолчав, разумеется, о девице в Тихуане. Не стал говорить и о том, что наш беглец, видимо, связался с уголовниками.

— Мистер Эшкрафт находится в Тихуане, Из Сан-Франциско он уехал шесть месяцев назад. Его

приятель пересылает ему почту на адрес местной кофейни на имя Эда Бохенона.

Ее глаза радостно блеснули, но она не дала воли чувствам. Эта женщина умела владеть собой.

— Мне поехать туда? Или поедете вы?

Ричмонд отрицательно покачал головой.

— Ни то, ни другое. Уверен, миссис Эшкрафт, что вы не должны этого делать, я же не могу… по крайней мере, сейчас. — Он повернулся ко мне. Поехать в Тихуану надо вам. Вы наверняка уладите это дело лучше меня. Вы лучше знаете, где как поступать. Миссис Эшкрафт не желает навязываться мужу, но не хочет и упускать возможности хоть как-то ему помочь.

Миссис Эшкрафт протянула мне свою сильную узкую руку.

— Вы сделаете то, что сочтете наиболее уместным.

Ее слова отчасти были вопросом, отчасти выражением доверия.

— Можете быть уверены.

Мне нравилась эта женщина.

Тихуана не слишком изменилась за два года, что прошли с тех пор, как я побывал здесь в последний раз. Я увидел те же двести ярдов пыльной, грязной улицы, тянувшейся между двумя

непрерывными рядами кабаков, те же переулки с притонами, которые не уместились на главной улице.

Автобус, прибывший из Сан-Диего, изрыгнул меня посреди городка во второй половине дня, когда дела здесь только начинают раскручиваться. Это означает, что среди собак и праздных мексиканцев по улице шаталось всего несколько пьяниц, хотя толпы желающих увеличить их число уже перекатывались из кабака в кабак.

За первым перекрестком я увидел большую позолоченную подкову. Прошел квартал, отделяющий меня от нее, и вошел в заведение. Это была типичная местная таверна. По левую сторону от входа тянулся, занимая половину стены, бар с несколькими автоматами в конце. Справа располагалась площадка для танцев и помост с весьма мерзким оркестром, который как раз собирался начать игру. За помостом находился ряд небольших кабин, в каждой стояли стол и две скамейки.

В такую раннюю пору в заведении торчало всего несколько клиентов. Я подозвал бармена. Им оказался грузный ирландец с красной физиономией и двумя рыжими прядями волос, прилипшими к низкому лбу.

— Хочу повидаться с Эдом Бохеноном, — сказал я как можно более доверительно.

Он изобразил на лице полное непонимание.

— Не знаю я никакого Эда Бохенона.

Я вытащил листок бумаги и нацарапал карандашом:

«Торопыга загремел» и сунул записку бармену.

— Можете передать это человеку, который придет сюда и скажет, что его зовут Эдом Бохеноном?

— Почему бы и нет?

— Ладно, — сказал я, — посижу здесь еще малость.

Я пересек зал и сел на скамейку в одной из кабин. Худенькая длинноногая девочка, сотворившая с волосами нечто такое, от чего они превратились в подобие пылающего костра, тут же оказалась рядом.

— Выпить поставишь? — спросила она. Зверская мина на ее лице, видимо, означала улыбку. Как бы там ни было, она принесла успех. Боясь, что увижу ее еще раз, я уступил.

— Да, — сказал я и велел официанту, который уже был тут как тут, принести виски для девушки и бутылку пива для меня.

Девушка с пурпурными волосами уже успела

разделаться с виски и только открыла рот, чтобы повторить свою просьбу — девицы такого сорта в Тихуане зря времени не теряют, — когда я услышал за спиной чей-то голос:

— Кора, Франк тебя вызывает.

Кора скривилась, глядя куда-то поверх моего плеча, снова одарила меня той же жуткой гримасой и сказала:

— 0'кей, Лала. Ты не позаботишься о моем приятеле? — И ушла.

Лала проскользнула на место подруги рядом со мной. Это была несколько полноватая девушка лет восемнадцати — во всяком случае, ни на день не старше, совсем почти ребенок. У нее были короткие каштановые вьющиеся волосы, обрамлявшие круглое мальчишечье личико, которое украшали дерзкие, веселые глаза. Я предложил ей выпить и взял одну бутылку пива.

— О чем ты думаешь? — спросил я ее.

— О выпивке! — она улыбнулась. Улыбка ее тоже была мальчишеской, как и прямой взгляд карих глаз. — О целой бочке выпивки.

— А еще о чем?

Я догадывался, что смена девушек за моим столом не была случайной.

— Похоже, ты ищешь моего приятеля, — ска-

зала Лала.

— Может быть. И кто же они, эти твои приятели?

— Ну, например, Эд Бохенон. Ты знаешь Эда?

— Нет… пока нет.

— Но ты ведь его ищешь?

— Ага.

— А в чем дело? Я могла бы дать ему знать.

— Обойдемся, — сказал я. — Этот Эд — тебе не кажется? — слишком недоступен. Речь идет о его шкуре, а не о моей. Поставлю тебе еще стаканчик и слиняю.

Она вскочила с места.

— Подожди. Может, я его поймаю. Как тебя зовут?

— Можешь звать меня Паркер, — сказал я, потому что это была первая пришедшая в голову фамилия: ею я пользовался, когда обрабатывал Райена.

— Подожди, — повторила она, направляясь к двери в глубине комнаты. Пожалуй, я его найду.

— Я тоже так думаю, — согласился я.

Спустя минут десять через входную дверь вошел мужчина и направился прямо к моему столику. Это был светловолосый англичанин, по возрасту приближающийся к своему со-

рокалетию, с явными чертами джентльмена, опустившегося на дно. То есть, он еще не окончательно опустился, но по замутненной голубизне глаз, по мешкам под глазами, сероватому оттенку кожи было заметно, что он изрядно продвинулся по этому пути. Он еще вполне мог сойти за приличного человека, в нем еще сохранились кое-какие запасы прежней жизненной силы.

Он сел на противоположную скамью.

— Вы меня искали?

— Вы Эд Бохенон?

Он кивнул.

— Торопыгу взяли два дня назад, — сказал я, — и теперь наверняка отправят обратно в Канзас, туда, откуда он смылся. Он просил, чтобы я предупредил вас. Он знал, что я намерен податься в эти края.

Эд поморщился, снова бросил на меня быстрый взгляд.

— Это все, что он хотел сообщить?

— Сам он ничего мне не говорил. Мне передал эти слова его человек. Торопыгу я не видел.

— Вы здесь еще побудете?

— Да. Дня два-три, — ответил я. — Надо еще уладить кое-какие делишки.

Он улыбнулся и протянул мне руку.

— Благодарю за доставленные сведения, Паркер. Если захотите прогуляться со мной, я могу вам предложить кое-что более достойное, чем это, по части выпивки.

Я не имел ничего против. Мы вышли из «Золотой подковы», и он провел меня по переулку к дому из кирпича-сырца, что стоял на краю пустыря. В первой комнате Эд сделал знак, чтобы я сел, а сам пошел в соседнюю.

— Что будете пить? — спросил он, стоя в дверях. — Ржаное виски, джин, шотландское…

— Последнее выигрывает, — прервал я чтение этого каталога.

Он принес бутылку «Блэк энд Уайт», сифон с содовой и стаканы, после чего мы принялись за дело. Мы пили и разговаривали, пили и разговаривали, и каждый старался показать, что более пьян, чем есть на самом деле, хотя вскоре действительно надрались до чертиков.

Внешне это очень напоминало обычную пьянку. Он пытался накачать меня под завязку, чтобы затем выудить все мои секреты, а я старался проделать то же самое с ним. И ни один не мог похвастаться большим успехом.

— Знаешь, — сказал он, когда уже начало смеркаться. — Я осел. Я жуткий осел. У меня есть

жена… милейшая в мире женщина. Хочет, чтоб я вернулся к ней… и вообще. А я сижу здесь в дерьме, лакаю… а мог бы быть человеком. Архитектором мог бы быть, понимаешь? Еще каким архитектором… А так… Привык к этому пойлу… Связался с подонками. Не могу вырваться. Но я вернусь к ней… без трепа. Вернусь к моей женушке, самой милой на свете женщине… Взгляни на меня. — Мы уже были на «ты». — Разве я похож на нар-ркомана? Нисколько! И ты думаешь, почему? Потому, что я лечусь. Сейчас я тебе покажу… Увидишь, я могу закурить, а могу и не закурить.

Он неловко сорвался с кресла, прошел, пошатываясь, в соседнюю комнату и вернулся, неся очень красивый прибор для курения опиума, прибор из серебра и слоновой кости на серебряном подносе. Поставил поднос на стол и пододвинул трубку ко мне.

— Кури, Паркер, я угощаю.

Я сказал, что останусь верен виски.

— Может, хочешь «снежка»? — спросил он.

Когда я отказался и от кокаина, он удобно развалился на полу возле столика, зарядил свою трубку, и забавы продолжались — он курил, а я трудился над бутылкой, и оба мы старательно взвешивали слова, чтобы не выболтать лишнее.

К полуночи, когда я уже изрядно нагрузился виски, появилась Лала.

— Вижу, вы славно развлекаетесь, парни, — сказала она весело, наклоняясь и целуя англичанина в растрепанные волосы.

Потом села к столу и потянулась за рюмкой.

— Вел-ликолепно! — похвалил я Лалу сильно заплетающимся языком.

— Ты должен всегда быть под мухой, малыш, — посоветовала мне она. Смазав, ты выглядишь куда интересней.

Не знаю, что я ответил. Помню только, что сразу после этого улегся рядом с англичанином на полу и заснул.

Следующие два дня протекали так же, как первый. Эшкрафт и я не разлучались двадцать четыре часа в сутки, и девушка почти не покидала нас. Не пили только тогда, когда отсыпались, сраженные алкоголем. Большую часть времени мы провели в доме из необожженного кирпича и в «Золотой подкове», о других кабаках не забывали тоже. Остались весьма туманные воспоминания о том, что происходило вокруг, хотя я, вроде бы, ничего существенного не упустил из виду.

Внешне мы держались с Эшкрафтом, как два корефана из одной малины, но ни один из нас

не избавился от недоверия в отношении другого. И это несмотря на то, что оба были пьяны, и напивались очень крепко. Он успешно боролся с желанием приложиться к трубке с опиумом, а девица, хотя и не курила, но выпить была не дура.

После трех дней, проведенных таким вот образом, я тронулся обратно в Сан- Франциско, трезвея по мере удаления от Тихуаны. По дороге привел в порядок свои впечатления, которые сложились в отношении Нормана Эшкрафта, иначе Эда Бохенона.

В результате я пришел к следующим выводам:

1. Он подозревал (или даже был уверен), что я приехал по поручению его жены: слишком ровно он держался и слишком хорошо принимал меня, чтобы я мог в этом усомниться.

2. Скорее всего, он решил вернуться к жене, хотя полной гарантии на этот счет никто бы не дал.

3. Он не имел неизлечимого пристрастия к наркотикам.

4. Он мог бы взять себя в руки под влиянием жены, хотя и это вызывало большие сомнения: он узнал, что такое дно общества, и, похоже, ему там нравилось.

5. Эта девушка, Лала, была влюблена в него до безумия; он также в какой-то мере любил ее, но

сходить с ума от этой любви не собирался.

Я отлично выспался за ночь, проведенную в поезде между Лос-Анджелесом и Сан- Франциско, вышел на углу Таунсенд-авеню и Третьей улицы, чувствуя себя почти нормально. За завтраком слопал больше, чем за три дня в Тихуане, после чего отправился к Вэнсу Ричмонду в его контору.

— Мистер Ричмонд уехал в Эврику, — сказала мне его стенографистка.

— Не могли бы вы связать меня с ним по телефону?

Она могла и связала.

Не называя никаких фамилий, я рассказал адвокату, что видел и до чего додумался.

— Понимаю, — сказал он. — Поезжайте к миссис Эшкрафт и скажите, что я сегодня отправлю ей записку, а в город вернусь через два дня. Думаю, до этого времени нет нужды что-либо предпринимать.

Я доехал на трамвае до Ван-Несс-авеню, а потом прошел пешком к дому миссис Эшкрафт. Позвонил в дверь. Никакого ответа. Позвонил еще раз и только тогда заметил в подъезде две газеты. Взглянул на даты — сегодняшняя и вчерашняя.

Какой-то старичок в линялом комбинезоне поливал газон в соседнем дворе.

— Вы не знаете, из этого дома кто-нибудь выезжал? — крикнул я ему.

— Вроде бы нет. Сегодня утром дверь черного хода была открыта. — Старик стоял, скребя подбородок. — А может, и уехали, — сказал он медленно. — Мне вот пришло на ум, что я никого из них не видел… пожалуй, ни разу за весь вчерашний день.

Я обошел дом сзади, перелез через невысокий заборчик и поднялся по лестнице черного хода. Кухонная дверь оказалась незапертой, за дверью слышался плеск воды, вытекающей из крана.

Я громко постучал. Никто не ответил. Тогда я пнул дверь и вошел на кухню. Вода текла из крана.

Под тонкой струйкой воды лежал большой кухонный нож с лезвием длиною в фут. Нож был чистый, но на стенках фарфоровой раковины там, куда попадали лишь мелкие капельки воды, я увидел ржавые пятнышки. Сковырнул одно из них ногтем — засохшая кровь.

Если бы не эта раковина, все на кухне было бы в образцовом порядке. Я отворил дверь кладовой. Здесь тоже все находилось на месте. Дверь с другой стороны кухни вела в переднюю часть дома. Я вышел в коридор. Свет из кухни освещал его

слишком слабо. Я поискал ощупью на стене выключатель, который должен был там находиться. И наступил на что-то мягкое.

Отдернув ногу, я сделал шаг назад, нашарил в кармане спички и зажег одну. Предо мной — голова и плечи на полу, бедра и ноги на нижних ступенях лестницы — лежал бой-филиппинец. В одном нижнем белье.

Он был мертв. Правый глаз выбит, горло распахано от уха до уха. Не требовалось особого воображения, чтобы представить, как произошло убийство. Стоя наверху лестницы, убийца левой рукой схватил филиппинца за лицо, выдавив ему пальцем глаз, запрокинул его голову назад, полоснул ножом по смуглому напряженному горлу и спихнул мальчишку вниз.

Я чиркнул второй спичкой и нашел выключатель. Включил свет, застегнул плащ и поднялся по лестнице. Пятна высохшей крови виднелись тут и там, а на лестничной площадке второго этажа кровью были забрызганы даже обои.

Я щелкнул другим выключателем, из коридора попал в прихожую, заглянул в следующие две комнаты, казавшиеся нетронутыми, потом свернул за у гол… и резко остановился, едва не упав на человека, который там лежал.

Женщина лежала, скорчившись на полу, лицом вниз, подтянув под себя колени и прижав руки к животу. Была она в халате, а волосы были заплетены в косу.

Я коснулся пальцем ее шеи. Холодная, как лед.

Опустившись на колени — чтобы не переворачивать труп, — заглянул ей в лицо. Это была служанка, которая четыре дня назад впускала меня и Ричмонда в дом.

Я встал и огляделся. Затем обошел убитую и отворил дверь. Спальня, но не служанки, богато и изысканно убранная, — выдержанная в кремово-серых тонах опочивальня с репродукциями французских картин на стенах. Только постель была разбросана. Смятое, сбитое в кучу белье лежало посреди кровати и выглядело как- то неестественно.

Наклонившись, я начал исследовать постель. Простыни были в кровавых пятнах. Я отбросил в сторону одеяла.

Под ними лежала мертвая миссис Эшкрафт.

Ее тело было скрючено, а голова криво висела, едва держась на шее, рассеченной до самой кости. На лице от виска до подбородка — четыре глубокие царапины. Один рукав голубой шелковой пижамы оторван. Матрас и постель пропитаны

кровью, которая не успела засохнуть под кучей белья.

Прикрыв труп одеялом, я протиснулся через узкий проход между порогом и телом служанки и пошел по парадной лестнице, включая по пути свет. Нашел телефон. Сперва позвонил в полицию, потом в контору Взнса Ричмонда.

— Прошу срочно уведомить мистера Ричмонда, что миссис Эшкрафт убита, сказал я стенографистке. — Я в доме погибшей, и он сможет меня там найти.

Потом я вышел через парадный ход, сел на верхнюю ступеньку и закурил, ожидая полицию.

Чувствовал я себя мерзко. В жизни мне приходилось видеть и больше, чем трех убитых сразу, но то, что случилось здесь, очень уж тяжко обрушилось на меня. Видимо, и трехдневная пьянка сказалась на состоянии нервов.

Прежде чем я успел выкурить сигарету, из-за угла вылетел полицейский автомобиль, из которого посыпались люди. О'Гар, сержант-детектив из отдела расследования убийств, первым поднялся по лестнице.

— Привет! — обратился он ко мне. — Что попало в твои руки, старина, на этот раз?

— Нашел три трупа, — ответил я, открывая

дверь. Мы вошли в дом. Может, ты, как профессиональный сыщик, найдешь больше.

— Хм… Для молодого паренька ты считаешь совсем неплохо…

Слабость прошла, я снова был готов работать.

Сперва показал О'Гару филиппинца, потом двух женщин. Больше трупов мы не нашли. Детальное изучение места происшествия заняло несколько часов. Нужно было осмотреть весь дом от подвала до крыши, взять показания у соседей, потянуть кое- кого за язык в посредническом бюро, через которое нанимали прислугу. Нужно было также отыскать и допросить родных и знакомых филиппинца и служанки, найти и расспросить почтальона.

Собрав большую часть отчетов, мы заперлись в библиотеке.

— Позавчера ночью, не так ли? Со среды на четверг… — пробормотал О'Гар, когда мы устроились в удобных креслах и закурили.

Я кивнул. Заключение врача, который исследовал трупы, две газеты у двери, а также тот факт, что ни лавочник, ни мясник, и ни один из соседей не видели никого из домашних со среды, — все это позволяло предположить, что преступление произошло в ночь со среды на четверг.

— По-моему, — сказал О'Гар, глядя сквозь клубы дыма в потолок, — убийца проник в дом через заднюю дверь, взял на кухне нож и пошел наверх. Возможно, он направлялся прямо в спальню миссис Эшкрафт… а возможно, и нет. Но спустя какое-то время он все-таки туда вошел. Оторванный рукав и царапины на лице свидетельствуют, что без возни не обошлось. Филиппинец и служанка услышали шум, крики… и поспешили в комнату хозяйки. Служанка, по-видимому, подоспела в тот момент, когда убийца уже выходил. Тут он ее и прикончил. А филиппинец, увидя это, попытался бежать. Убийца догнал мальчишку, когда тот метнулся к лестнице. Затем спустился вниз, в кухню, вымыл руки, бросил в раковину нож и смылся.

— Великолепно, — согласился я. — Но ты обходишь вопрос, кто убийца и для чего совершил столько убийств.

— Не обгоняй, — буркнул он. — Дойду и до этого. Пожалуй, мы имеем три версии. Убийца мог быть маньяком, который сделал это для собственного удовольствия; он мог быть взломщик, который случайно засветился и поспешил ликвидировать свидетелей взлома; наконец, преступник мог быть кем-то, кто имел особую причину, чтобы

прикончить миссис Эшкрафт. Потом ему пришлось убрать и слуг, когда его застукали на месте преступления. Я лично считаю, что это сделал тот, кто был крайне заинтересован в смерти миссис Эшкрафт.

— Неплохо, — одобрил я. — А теперь слушай: у миссис Эшкрафт есть муж в Тихуане, легкий наркоман, который вращается среди уголовников. Жена пыталась уговорить его, чтобы он вернулся. Есть у него там подруга — молодая, сходит с ума по нему и не умеет этого скрывать… крутая девчонка. Он, похоже, собирался бросить ее и вернуться домой.

— А следовательно? — спросил О'Гар строго.

— Но я все время был с ним и с той девушкой… когда здесь произошло убийство.

— Итак?

Разговор наш прервал стук в дверь. Пришел полицейский, чтобы позвать меня к телефону. Я спустился на первый этаж и услышал в трубке голос Ричмонда.

— Что случилось? Мисс Генри позвонила мне, но она не знает деталей.

Я рассказал ему обо всем.

— Вернусь сегодня вечером, — сказал он. — Делайте, что сочтете нужным. Будем считать, что

руки у вас развязаны.

— Ладно, — ответил я. — Когда вы вернетесь, меня здесь, наверное, уже не будет. Вы сможете связаться со мной через агентство. Я пошлю телеграмму Эшкрафту, чтобы он приехал… за вашим автографом.

Затем я позвонил в городскую тюрьму и спросил коменданта, там ли еще Джон Райен, он же Фред Руни, он же Торопыга.

— Его нет. Федеральная полиция забрала его вчера утром в Ливенуорт.

Возвратившись наверх в библиотеку, я торопливо сказал О'Гару:

— Хочу поймать вечерний поезд на юг. Ставлю на то, что все это было задумано в Тихуане. Я пошлю телеграмму Эшкрафту, чтобы он приехал. Хочу выманить его из этого мексиканского городка на пару дней, а ты, когда он появится здесь, не спускай с него глаз. Я опишу тебе его внешность, и твои парни смогут сесть ему на хвост, когда он объявится в конторе Вэнса Ричмонда.

Из оставшегося времени я потратил около получаса на то, чтобы написать и отправить три телеграммы. Первая была адресована Эшкрафту:

Эдварду Бохенону.

Кофейня «Золотая подкова». Тихуана. Мексика.

Миссис Эшкрафт мертва. Приезжайте немедленно. Вэнс Ричмонд

Остальные две были зашифрованы. Одна пошла в отделение сыскного агентства в Канзас-Сити: я просил, чтобы кто-нибудь из наших агентов допросил в Ливенуорте Торопыгу. В другой я просил, чтобы кто-нибудь из отделения в Лос-Анджелесе встретил меня завтра в Сан-Диего.

Потом я отправился в свою берлогу за свежими рубашками, после чего первым же поездом отбыл на юг.

Сан-Диего был весел и многолюден, когда в полдень следующего дня я вышел из вагона. Уйма народа нахлынула на открытие скакового сезона по другую сторону границы. Киношники из Лос-Анджелеса, фермеры из Империал-Бэли, моряки Тихоокеанского флота, шулеры, туристы, бродяги всех сортов и даже обычные люди из разных мест — здесь всяких хватало. Я прилично пообедал, снял номер в отеле, отнес туда свою сумку, а потом отправился в отель «Ю.С. Грант» на встречу с агентом из Лос-Анджелеса.

Я нашел его в холле отеля — веснушчатого парня лет двадцати двух, быстрые серые глаза которого увлеченно бегали по строчкам программы скачек. Палец на руке, в которой он держал

программу, был заклеен пластырем. Я прошел мимо него и остановился у прилавка с куревом, где купил пачку сигарет, и, глянув в зеркало, поправил углубление на шляпе. После этого я вышел на улицу. Заклеенный палец и операция со шляпой были нашими опознавательными знаками. Кто-то изобрел эти штучки еще до войны за независимость, но с тех пор, как я сдавал экзамен, у меня не было повода ими воспользоваться.

Я свернул на Четвертую улицу, ведущую в сторону от Бродвея — главной магистрали Сан-Диего, и здесь агент меня догнал. Звали его Гормен. Я ввел его в курс дела.

— Поедешь в Тихуану и возьмешь под наблюдение кофейню «Золотая подкова». Есть там девчонка, которая выставляет клиентов на выпивку. Невысокая, волосы вьющиеся, каштановые, глаза карие, лицо круглое, губы яркие, пухлые, плечи широкие. Наверняка ее узнаешь. Очень славная девочка лет восемнадцати, зовут ее Лала. Не пытайся с ней сблизиться. Появишься там на час раньше меня. Потом появлюсь я, заговорю с ней. Хочу знать, что она предпримет сразу после моего ухода и что будет делать в следующие несколько дней. Со мной можешь связаться… — Я сообщил ему название отеля и свой номер, — Звони вече-

ром. Ни при каких обстоятельствах не открывай, что знаешь меня.

Мы расстались, и я отправился на площадь, посидел часок на скамейке, а потом с боем захватил место в автобусе, идущем на Тихуану.

После пятнадцати миль езды по пыльной дороге — вшестером мы сидели на трех сиденьях, — и минутной задержки на пропускном пункте я вышел из автобуса у входа на ипподром. Бега уже начались, но турникеты продолжали лихо вращаться, проталкивая неиссякающий поток зрителей. Я повернулся к воротам спиной и направился кряду дряхлых, обшарпанных такси, выстроившихся перед «Монте-Карло» — большим деревянным казино, сел в одну из колымаг и поехал в Старый Город.

Старый Город был безлюден. Почти все отправились на собачьи бега. Войдя в «Золотую подкову», я увидел веснушчатую физиономию Гормена над стаканом с мескалем. Ну что ж, будем надеяться, что со здоровьем у него все в порядке: надо иметь очень хорошее здоровье, если собираешься сесть на диету из этого кактусового самогона.

Завсегдатаи «Подковы» приветствовали меня как своего. Даже бармене прилипшей ко лбу прядью волос улыбнулся.

— Где Лала? — спросил я.

— Хочешь потолковать с Эдом? — Крупная молодая шведка глянула на меня вполне благосклонно. — Постараюсь ее найти.

В эту минуту через заднюю дверь вошла Лала. Она тут же бросилась мне на шею, начала обнимать, тереться щекой о мою щеку и все такое прочее.

— Снова приехал гульнуть?

— Нет, — ответил я, препровожая ее в одну из кабин.

— На этот раз по делу. Где Эд?

— На севере. Его жена откинула копыта, вот он и поехал прибрать остатки.

— А тебе досадно?

— Еще как! Жутко досадно, что парень огребет солидный куш!

Я глянул на нее краем глаза, — этак с хитрецой.

— И ты думаешь, Эд притащит этот куш тебе?

Она взглянула на меня довольно хмуро.

— Что ты болтаешь?

Я усмехнулся загадочно.

— Могут случиться две вещи: либо Эд даст тебе отставку — об этом он давненько уже подумывает… либо выскребет все до последнего цента,

чтобы спасти свою шею…

— Ты проклятый лжец!

Наши плечи соприкасались. Быстрым как молния движением ее левая рука скользнула под короткую юбку. Я толкнул Лалу плечом и с силой крутанул. Нож, который она метнула, глубоко вонзился в середину стола. Нож с толстым клинком, отбалансированный так, чтобы его можно было бросать.

Она лягнула меня, попав острым каблучком по щиколотке ноги. Я успел зажать ей локоть в тот момент, когда она вырвала нож из столешницы.

— Какого черта вы тут делаете?

Я поднял глаза.

По другую сторону стола стоял, зловеще уставившись на меня, мужчина. Высокий и жилистый, с широкими плечами, из которых выростала длинная, худая, желтая шея, поддерживающая маленькую круглую головку. Он стоял, широко расставив ноги и держа руки на поясе. Глаза у него были, как черные пуговки на туфлях, и располагались очень близко один от другого над маленьким, расплющенным носом.

— Что ты делаешь с девушкой? — рыкнула на меня эта милая личность.

Он выглядел слишком опасным, чтобы всту-

пать с ним в спор.

— Если ты официант, — сказал я, — то принеси бутылку пива и что-нибудь для девочки. Если ты не официант… то отваливай.

— Я тебе сейчас…

Девушка вырвалась из моих рук и остановила его.

— Для меня виски.

Он что-то буркнул, взглянул на нее, показал мне еще раз свои нечищенные зубы и неторопливо отполз.

— Кто это?

— Лучше держись от него подальше, — посоветовала она, не ответив на вопрос.

Потом спрятала нож под юбку и повернула лицо ко мне.

— Что ты там болтал о каких-то неприятностях у Эда?

— Читала об этих убийствах в газете?

— Да.

— Так что еще я должен тебе сказать? Единственный выход для Эда свалить все на тебя. Но сомневаюсь, что у него это получится. Если же нет, то ему хана.

— Ты спятил! — крикнула она. — Не так уж ты нализался, чтобы не знать, что во время убийства

мы оба были с тобой.

— Я не настолько спятил, чтобы не знать, что это ничегошеньки не доказывает, — ответил я. — Но вполне достаточно для уверенности, что возвращусь в Сан- Франциско с убийцей на поводке.

Она рассмеялась. Я тоже ответил ей смехом и встал.

— Еще увидимся, — бросил я и направился к двери.

Я возвратился в Сан-Диего и послал телеграмму в Лос-Анджелес с просьбой прислать еще одного агента. Потом перекусил, а вечер провел в своем номере в отеле, ожидая Гормена.

Появился он поздно, от него так несло мескалем, что запах можно было учуять, находясь в Сент-Луисе, но голова у него была в полном порядке.

— Одно время дела складывались так, что я готов был вынуть пушку, чтобы вытащить тебя из той конуры, — усмехнулся он.

— Брось эти глупости! — прикрикнул я на него. — Твое дело глядеть в оба. Что ты видел?

— Когда ты смылся, девушка и тот тип сели рядышком, носом к носу. Они были возбуждены… сплошные нервы. Вскоре он вышел из кабака. Я

оставил девушку и последовал за ним. Он пошел в город и послал телеграмму. Я не мог приблизиться к нему настолько, чтобы увидеть адрес. Потом вернулся в «Подкову».

— Кто он, этот тип?

— Судя по тому, что я слышал, приятным парнем его не назовешь. Зовут его Флинн Гусиная Шея. Служит вышибалой в том же кабаке.

Значит, Гусиная Шея был в «Золотой подкове» стражем порядка, а я его ни разу не видел за те три дня… Не мог же я так надраться, чтобы не заметить такое чучело. А ведь именно в один из этих трех дней миссис Эшкрафт и ее прислуга были убиты.

— Я телеграфировал в твою контору, чтобы они подбросили нам еще одного агента, — сказал я Гормену. — Он будет помогать тебе. Поручи ему девушку, а сам займись Гусиной Шеей. Сдается мне, что на его совести три убийства, так что не зевай.

— Есть, шеф! — ответил он и пошел спать.

Следующий день я провел на скачках — ставил по маленькой то на одну клячу, то на другую и ждал ночи.

После последнего заезда зашел перекусить в японский ресторанчик, а потом перебрался в

казино, находившееся в другом конце того же здания. Там жизнь била ключом: свыше тысячи посетителей всех мастей и сортов, казалось, были охвачены единой страстью — спустить с помощью покера, игральных костей, колес фортуны, рулетки и прочих хитрых штучек деньги, оставшиеся после скачек, или все, что выиграли. Я не принимал участия в игре. Я бродил в толпе, охотясь на вполне определенных, нужных мне людей.

Вскоре я высмотрел первого — загорелого мужичка, похожего на поденщика, нарядившегося в воскресный костюм. Мужичок проталкивался к выходу, а на лице его было выражение той особой пустоты, которая отличает любителей азартных игр, проигравшихся до того, как игра закончилась. Таких гнетет не столько проигрыш, сколько то, что пришлось прервать игру.

Я преградил поденщику дорогу.

— Облапошили? — спросил сочувственно.

Он ответил смущенным кивком головы.

— Хочешь получить пятерик за пятнадцать минут работы? — спросил я.

Разумеется, он хотел, но что там за работенка?

— Я хочу, чтобы ты поехал со мной в Старый Город и присмотрелся к одному человеку. Потом

получишь деньги. Это все.

Мое объяснение не совсем удовлетворило его, но пять долларов на полу не валяются, к тому же он мог в любую минуту дать задний ход, если бы ему что-то не понравилось. Он решил попробовать.

Я велел завербованному подождать у двери и пошел искать следующего. Им оказался толстый коротышка с круглыми, исполненными несокрушимого оптимизма глазами. О да, он с превеликой охотой готов заработать пять долларов таким легким способом. Следующий, к которому я обратился, был слишком боязлив чтобы играть в такую странную и непонятную игру. Затем я завербовал филиппинца — очень щеголеватого в своем палевом костюме, и толстого грека, который, по всей видимости, добывал свой хлеб или в кабаке официантом, или в парикмахерской.

Этих было достаточно. Квартет в полной мере отвечал моим намерениям. Парни не выглядели слишком интеллигентно, но и не казались негодяями или пройдохами. Я усадил их в такси, и мы поехали в Старый Город.

— Теперь послушайте, — приступил я к инструктажу, когда мы прибыли на место. — Я иду в

кофейню «Золотая подкова». Подождете несколько минут, потом войдете, закажете выпивку. — Я дал поденщику пятидолларовую бумажку. — Этим расплатишься за всех четверых… В ваш заработок это не входит. Там увидите высокого плечистого мужчину с длинной желтоватой шеей и маленькой гадкой рожей. Уверен, что вы ни с кем его не спутаете. Присмотритесь к нему хорошенько, но так, чтобы он не сообразил, что вы его пасете. Когда убедитесь, что запомнили его и всюду узнаете, кивните мне головами и идите сюда за деньгами. Только не ловите ворон. Я не хочу, чтобы кто-нибудь подсек меня, заметив, что мы знакомы.

Это показалось им странным, но пять долларов маячили перед глазами, а в казино еще шла игра, и, поставив пять долларов, при наличии капельки удачи можно было… Остальное дорисуйте себе сами. Они начали задавать мне вопросы, которые я оставил без ответа. Но ни один из парней не сбежал.

Когда я вошел, Гусиная Шея стоял за стойкой бара и помогал бармену. Помощь, конечно, была нужна: «Подкова» трещала по швам от наплыва гостей.

Я не заметил в толпе веснушчатой физиономии

Гормена, но увидел острый как топор профиль Хупера, второго агента из Лос-Анджелеса, которого прислали в ответ на мою телеграмму. Лала сидела в конце бара и пила в обществе какого-то недомерка. Она кивнула мне, но свой улов не бросила.

Гусиная Шея скривился, подавая мне бутылку пива, которую я заказал. Спустя некоторое время в зал вошла нанятая мной четверка. Свою роль они сыграли отменно!

Вначале напрягали зрение в табачном дыму, заглядывая каждому в физиономию и отводя глаза, когда встречали чей-нибудь взгляд. Это длилось с минуту, после чего первый из них — это был филиппинец — заметил, что за стойкой бара стоит описанный мной человек. Мой агент подскочил на месте, потрясенный открытием, а увидев, что Гусиная Шея зловеще смотрит на него, отвернулся и беспокойно заерзал на своем стуле. Теперь и другие высмотрели Гусиную Шею и украдкой бросали на него взгляды, столь же незаметные, как фальшивые бакенбарды.

Филиппинец обернулся, посмотрел на меня, кивнул несколько раз головой и умчался на улицу. Трое оставшихся поспешно допивали свое виски, одновременно пытаясь перехватить мой

взгляд. А я тем временем не спеша читал надпись, помещенную высоко на стене за баром:

МЫ ПОДАЕМ ТОЛЬКО НАСТОЯЩЕЕ ДОВОЕННОЕ АМЕРИКАНСКОЕ И

АНГЛИЙСКОЕ ВИСКИ.

Я пробовал подсчитать, сколько раз соврали в этих девяти словах, я уже дошел в своем счете до четырех при хорошей дальнейшей перспективе, когда внезапно, как выстрел из выхлопной трубы автомобиля, прозвучал кашель одного из моих заговорщиков, грека. Гусиная Шея с пурпурным лицом, держа в руке деревянный молоток для выбивания втулок из бочек, начал перемещаться за стойкой бара.

Я взглянул на своих помощников. Кивки их не выглядели бы так страшно, если бы они кивали поочередно, но ребята не хотели рисковать — вдруг я снова отведу взгляд.

Их головы склонились почти одновременно — каждый, находящийся в радиусе нескольких метров, не только мог, но и должен был заметить это, — после чего все трое незамедлительно прошмыгнули за дверь, подальше от человека с длинной шеей и его молотка.

Я допил пиво, неторопливо вышел из заведения и свернул за угол.

— Мы узнаем его! Узнаем, где угодно! — рявкнули они хором.

— Великолепно! — похвалил я их. — Вы отлично показали себя! Прирожденные детективы, ничего не скажешь! Вот ваша зарплата. А теперь я на вашем месте постарался бы убраться подальше, потому что этот парень… хотя вы ничем себя не выдали… и были безупречны… мог что-то заподозрить. Нет смысла рисковать.

Они схватили свою плату и слиняли прежде, чем я закончил речь.

Около двух часов ночи в мой гостиничный номер в Сан-Диего явился Хупер.

— Гусиная Шея исчез вместе с Горменом сразу же после твоего ухода, сказал он. — Несколько позднее девушка пошла в дом из необожженного кирпича на краю города. Когда я уходил, она все еще была там. В доме было темно.

Гормен где-то застрял.

В десять утра меня разбудил гостиничный слуга-мальчишка, принесший телеграмму. Телеграмма была из Мехикали:

Приехал сюда вчера вечером. Прячется у корешей.

Послал две телеграммы.

Гормен.

Это была хорошая новость. Я-таки надул Гусиную Шею, который принял моих продувшихся игроков за четырех свидетелей, а их кивки за знак того, что его опознали. Гусиная Шея был тем, кто совершил убийство, и теперь он в панике бежал.

Я снял пижаму и как раз натягивал белье, когда принесли вторую телеграмму. Эта была от О'Гара, пересланная агентством.

«Эшкрафт вчера исчез».

Я воспользовался телефоном, чтобы разбудить Хупера.

— Поезжай в Тихуану, — сказал я. — Понаблюдай за домом, где ты вчера оставил Лалу. Но скорее всего, ты обнаружишь ее в «Золотой подкове». Не спускай с девицы глаз, пока она не встретится с высоким светловолосым англичанином, тогда переключись на него. Не позволяй ему потеряться. Он сейчас самая важная для нас фигура в этой компашке. Я приеду туда. Если я и англичанин останемся вместе, а девушка уйдет, следуй за ней. В противном случае сторожи его.

Я оделся, расправился с завтраком и сел в автобус, идущий в Тихуану. Паренек за рулем вел машину с приличной скоростью, но когда поблизости от Палм-Сити нас обогнал коричневый кабриолет, мне показалось, что мы стоим на ме-

сте. За рулем кабриолета сидел Эшкрафт.

Вскоре я снова увидел этот автомобиль — пустой, он стоял перед домом из необожженного кирпича. Чуть дальше, за перекрестком, Хупер изображал пьяного, болтая с двумя индейцами в мундирах мексиканской армии.

Я постучал в дверь дома.

— Кто там? — услышал голос Лалы.

— Это я… Паркер. Эд воротился?

— Ах! — воскликнула она. Последовала минута тишины. — Войди.

Я толкнул дверь. Англичанин сидел, откинувшись на спинку стула. Правым локтем он опирался на стол, а кисть держал в кармане пиджака — если в этом кармане находился пистолет, то он, несомненно, нацелен был на меня.

— Привет, — сказал Эд. — Я слышал, ты что-то там насочинял обо мне…

— Можешь назвать это как угодно. — Я пододвинул к себе стул и сел. — Но не будем себя дурачить. Ты приказал Гусиной Шее прирезать твою жену, чтобы самому дорваться до ее наследства. Но ты промахнулся, выбрав для этой работы такого дурака, как он… дурака, который сперва учинил там бойню, а потом потерял голову. Слинял, потому что несколько свидетелей

ткнули в него пальцами! И куда же он смылся? В Мехикали! Отличное местечко он себе выбрал! Наверное, так наложил в штаны, что несколько часов езды через горы показались ему путешествием на край света!

Я не переставая работал языком.

— Но ты-то не дурак, Эд, и я тоже. Знаешь, я хочу прихватить тебя с собой на север в наручниках, но я не спешу. Если не получится сегодня, то охотно подожду до завтра. В конце концов, я тебя достану, если кто-нибудь меня не опередит… а вообще, я из-за этого плакать не стану. У меня за поясом под жилеткой ствол. Если ты велишь Лале вытащить его, мы сможем потолковать спокойно.

Он медленно кивнул головой, не отрывая от меня взгляда. Девушка подошла ко мне сзади. Ее рука коснулась моего плеча, скользнула под жилет, и мой черный пистолет покинул меня. Прежде чем отойти, она на мгновение приложила лезвие своего ножа к моему горлу… деликатное напоминание.

— Прекрасно, — сказал я, когда Лала отдала мое оружие англичанину, который левой рукой сунул его в карман. — Вот мое предложение. Вы оба поедете со мной в Штаты… чтобы избежать

возни с ходатайством об экстрадиции...[2] и я упрячу вас под замок. Мы сразимся в суде. Я не уверен абсолютно, что мне удастся доказать вашу виновность в убийстве. Если мне это не удастся, вы выйдете на свободу. Но если я сумею это сделать, а я на это надеюсь, тебе, Эд, не миновать виселицы.

Вы намерены бежать? Но какой смысл в бегстве? Провести в бегах остаток жизни? Только для того, чтобы в конце концов дать себя пришпилить... или погибнуть при попытке к бегству? Голову свою ты, Эд, может быть, и спасешь, но что будет с деньгами, которые оставила твоя жена? А ведь игра затеяна именно ради них... из- за них ты приказал убить свою жену... Стань перед судом, и у тебя будет шанс получить эти деньги. Ну, а если сбежишь, можешь с ними попрощаться.

Мне нужно было любой ценой склонить Эда и его подругу к бегству. Если бы они согласились отправиться в камеру, я с теми данными, что имел, вряд ли мог бы добиться победы в суде. Все зависело от дальнейшего хода событий. От того, сумею ли я доказать, что Гусиная Шея был в ту ночь в Сан-Франциско, а он наверняка запасся

---

[2] Примечания: 2

Экстрадиция — выдача иностранному государству лица, нарушившего законы этого государства.

надежным алиби. Мы не нашли отпечатков пальцев убийцы в доме миссис Эшкрафт. А если бы даже и удалось убедить присяжных, что подозреваемый находился а Сан-Франциско в то время, мне пришлось бы еще доказывать, что именно он совершил преступление. А дальше возникла бы еще более трудная задача: доказать, что преступление совершено по поручению одного из двух этих, а не по собственной инициативе.

Вот почему я из кожи лез, чтобы парочка смылась. Мне было все равно, что бы они откололи и куда подались, лишь бы они сбежали. Я надеялся, что удача и собственная голова позволят мне кое-чего добиться в случае их бегства.

Англичанин напряженно думал. Я знал, больше всего его поразило то, что я сказал о Флинне. Потом он захохотал.

— Ты идиот! — заявил он. — Но…

Не знаю, что он хотел сказать.

Входная дверь с треском распахнулась, и в комнату вошел Гусиная Шея.

Его одежда была белой от пыли, желтая шея вытянута на всю длину.

Его глаза, похожие на пуговки от туфель, увязли во мне. Он сделал неуловимое движение кистями рук… и в каждой из них появился тяжелый

револьвер.

— Руки на стол, Эд! — буркнул он.

Пистолет Эда, если он действительно держал в кармане пушку, был блокирован относительно человека в дверях углом стола. Эд вынул руку из кармана — пустую! — и положил обе на крышку стола.

— Не двигаться! — пролаял Гусиная Шее девушке.

Затем он уперся тяжелым взглядом в меня. Однако слова его были адресованы Эду и Лале.

— Вот, значит, зачем вы прислали мне телеграмму… Мышеловка? Я, значит, должен стать козлом отпущения? Но мы еще посмотрим! Сейчас я скажу все, что должен сказать, а потом рвану отсюда, хотя бы для этого мне пришлось перебить всю мексиканскую армию! Да, я убил твою жену и ее слуг. Убил их за ту тысячу баксов…

Девушка, сделав шаг в его сторону, крикнула:

— Заткнись, ты, черт бы тебя подрал!..

— Сама заткнись! — рявкнул на нее Гусиная Шея и отвел пальцем курок револьвера. — Теперь я говорю. Я убил ее за…

Лала наклонилась. Ее левая рука скользнула под подол. Вспышка выстрела из револьвера Гусиной Шеи отразилась от мелькнувшего в воз-

духе стального клинка.

Девушка дернулась, пораженная пулями, разрывавшими ее грудь. Ударилась спиной о стенку, а потом упала на пол головой вперед.

Гусиная Шея перестал стрелять и теперь пытался заговорить, но безуспешно: мешал нож, коричневая рукоять которого торчала из желтой шеи. Он уронил один из револьверов и попытался ухватиться за рукоятку ножа. Но рука проделала лишь половину пути. Гусиная Шея медленно опустился на колени… уперся в пол кистями рук… завалился набок… и замер.

Я прыгнул на англичанина. Под ногу мне попал револьвер, валявшийся рядом с убитым, и меня отбросило в сторону. Рука коснулась пиджака англичанина, но он отклонился и выхватил оружие.

Глаза у него были твердые и холодные, губы сжались в тонкую линию. Пятясь, отступал он к двери, а я лежал неподвижно там, где свалился. Он не произнес ни слова. В проеме двери задержался на секунду. Потом ухватился за дверную ручку и с треском захлопнул дверь. Сбежал.

Я поднял револьвер, о который споткнулся, бросился к Гусиной Шее, вырвал второй револьвер из его мертвой руки и вылетел на улицу. Корич-

невый кабриолет, волоча за собой тучу пыли, уносился в пустыню. В десяти ярдах от меня стоял покрытый пылью открытый автомобиль. Тот, на котором Гусиная Шея прикатил из Мехикали.

Я прыгнул в него и бросился вдогонку за тучей пыли.

Автомобиль, на котором я гнался за англичанином, несмотря на свой жалкий вид, оказался отличной машиной с мощным двигателем. Я сразу догадался, что имею дело с техникой контрабандистов. Я вел машину ровно, не стараясь выжать из двигателя все до капли. Около получаса и чуть дольше расстояние между мной и беглецом оставалось неизменным, а потом начало сокращаться.

Гонка становилась все тяжелее. Дорога внезапно кончилась. Я прибавил скорости, но машину начало швырять.

Я чуть не налетел на валун и едва не разбился, а когда вырулил и снова посмотрел вперед, то увидел, что коричневый кабриолет уже не пылит впереди. Он остановился.

Он был пуст. Я поехал дальше.

Из-за кабриолета прозвучал пистолетный выстрел, потом второй, третий. Однако попасть в меня было не так-то просто. Меня бросало на

сиденье, как эпилептика во время припадка.

Эд выстрелил еще раз, прячась за автомобилем, а потом бросился к узкому арройо — трехметровой расселине с острыми краями. На краю арройо он обернулся, чтобы еще раз выстрелить в меня, и исчез.

Я крутанул баранку, утопил тормоз, и черный автомобиль застыл на том месте, где только что стоял англичанин. Край обрыва осыпался под передними колесами. Я отпустил тормоз и выпрыгнул.

Автомобиль свалился в расселину следом за Бохеноном.

Лежа на животе, с револьверами Гусиной Шеи в обеих руках, я высунул голову над краем. Англичанин удирал на четвереньках от прыгающего следом автомобиля. Машина была здорово побита, но двигатель еще работал. В руке беглеца я увидел пистолет — мой собственный.

— Брось пушку, Эд! Остановись! — крикнул я.

Быстрый как змея, он повернулся, поднял пистолет… и точным выстрелом я раздробил ему предплечье.

Он сидел на дне арройо, сжимая раненую правую руку левой, когда я, соскользнув вниз, поднял оброненный пистолет и быстро обыскал англича-

нина, чтобы убедиться, что он безоружен. Потом достал носовой платок и перевязал рану.

— Пойдем наверх, потолкуем, — предложил я и помог Эду подняться по крутой тропе в расселине.

Мы сели в его кабриолет.

— Болтай сколько хочешь, — сказал он мне, — но не рассчитывай, что найдешь в моем лице разговорчивого собеседника. У тебя нет против меня никаких доказательств. Ты сам видел, как Лала прикончила Гусиную Шею, чтобы он ее не заложил.

— Вот, значит, на что ты ставишь? Будешь утверждать, что девушка наняла Гусиную Шею, чтобы он убил твою жену… когда узнала, что ты вознамерился бросить ее и вернуться в свой мир? — спросил я.

— Именно.

— Неплохо, Эд, но есть в этом один изъян. Ты вообще не Эшкрафт.

Он подпрыгнул, а потом засмеялся.

— Твои чувства взяли верх над разумом, — язвительно заявил он. — Разве смог бы я провести чужую жену? Ты считаешь, что ее адвокат, Ричмонд, не позаботился об установлении моей личности?

— А ты не думаешь, Эд, что я малость пособразительнее, чем они? У тебя было множество вещей, принадлежащих Эшкрафту. Бумаги, письма, кое-что, написанное им самим. Если ты хоть немного смыслишь в изменении почерка, то вполне мог провести его жену. А что касается адвоката… Он проверял тебя чисто формально. Ему и в голову не приходило, что возможна такая рокировка.

Сначала твой план состоял в том, чтобы получать от миссис Эшкрафт пособие… на лечение от наркомании. Но когда она ликвидировала свои дела в Англии и приехала сюда, ты принял решение ликвидировать ее и наложить лапу на все добро. Ты знал, что у нее нет ни родителей, ни близких, которые могли бы помешать тебе. Ты знал также, что в Америке найдется немного людей, которые знали настоящего Эшкрафта.

— А где, по-твоему, был Эшкрафт, когда я тратил его деньги?

— В гробу.

Я попал не в бровь, а в глаз, хотя Эд и старался этого не показать. Он усмехнулся, но по глазам было видно, что его мозг напряженно работает.

— Может, ты и прав, — процедил он наконец, — но я понять не могу, как ты собираешься это

на меня повесить. Сумеешь доказать, что Лала не принимала меня за Эшкрафта? Сумеешь доказать, что она знала, почему миссис Эшкрафт посылала мне деньги? Сумеешь доказать, что она знала о моих вывертах? Полагаю, что нет.

— Может, это и сойдет тебе с рук, — согласился я. — С присяжными случаются забавные штуки, и вообще я не скрываю, что был бы счастлив, если бы знал побольше об этих убийствах. Интересно, как ты перебрался в шкуру Эшкрафта?

Он подумал, передернул плечами.

— Могу рассказать. Это не будет иметь никакого значения. Коль скоро мне предстоит отправиться в камеру за то, что я выдавал себя за другое лицо, признание в мелком воровстве не принесет мне большого вреда.

Он немного помолчал.

— Моей специальностью были гостиничные кражи. Я приехал в Штаты, когда в Англии и на континенте мне начали наступать на пятки. Как-то ночью в одном из отелей Сиэтла я вошел в комнату на четвертом этаже. Едва закрыл за собой дверь, как услышал скрип другого ключа в замке. В комнате было темно, хоть глаз выколи. Я на миг включил фонарик, увидел дверцу шкафа и укрылся за ней. Шкаф был пустой — счастливое

стечение обстоятельств; постоялец вряд ли стал бы там что-то искать. Он включил… это был мужчина… все лампы.

Потом начал ходить по комнате. Ходил так добрых три часа… туда и обратно, туда и обратно… А я стоял за дверцей шкафа с пистолетом в руке на случай, если бы жильцу пришло в голову сунуться в мое укрытие. Так вот, он ходил и ходил по комнате. Потом сел, и я услышал, как он скребет пером по бумаге. Поскреб так минут десять и снова принялся разгуливать по комнате, но на этот раз недолго. Я услышал, как щелкнули замки чемодана. И выстрел!

Я выскочил из шкафа. Парень лежал на полу с дыркой в виске. Дело оборачивалось скверно. Я уже слышал доносящиеся из коридора возбужденные голоса. Я перешагнул через лежащего и взял письмо, которое он написал. Оно было адресовано миссис Норман Эшкрафт, проживающей на Вайн-стрит в Бристоле, в Англии. Я разорвал конверт. Этот сумасшедший писал, что намерен покончить с собой. И подпись: Норман. Я почувствовал себя немного лучше. Меня не могли обвинить в убийстве.

Тем не менее я находился в его номере с фонарем, отмычками и пистолетом… не говоря уже о

горсти драгоценностей, которые увел из номера на соседнем этаже. Кто-то уже стучал в дверь.

«Вызовите полицию!» — крикнул я, играя на проволочку.

Затем принялся за человека, устроившего мне эту комедию. Я заметил, что он мой земляк, еще до того, как вскрыл конверт. Среди нас тысячи людей такого типа — светлые волосы, довольно высокий рост, хорошее сложение Я воспользовался единственным шансом, который имел. Его шляпа и плащ лежали в кресле, как он их бросил. Я их надел, а свою шляпу положил возле покойника. Опустившись на колени, поменял вещи в наших карманах, поменял пистолеты и открыл дверь.

Я рассчитывал на то, что те, кто ворвется в номер первыми, не знают жильца в лицо или знают недостаточно хорошо, чтобы сразу догадаться, что я не он. Это давало мне несколько секунд на то, чтобы слинять. Но когда я открыл дверь, то сразу же убедился, что мой план не сработает. В коридоре были гостиничный детектив и полицейский, и я подумал, что это уже за мной. Однако я сыграл роль до конца. Сказал, что вошел в свою комнату и увидел, как этот тип копается в моих вещах. Бросился на него и застрелил во

время схватки.

Минуты тянулись как часы, но никто не усомнился в моих словах. Люди называли меня мистером Эшкрафтом. Маскарад удался. Тогда это очень удивило меня, но потом, когда я узнал об Эшкрафте больше, я перестал удивляться. Прожил он в этом отеле всего лишь полдня, его видели только один раз в этом плаще и шляпе… которые теперь были на мне. Мы имели один и тот же тип светлого англичанина.

А потом меня ждала новая неожиданность. Когда детектив обследовал одежду покойника, он установил, что все метки и фирменные нашивки сорваны. Когда позднее я просматривал его дневник, то нашел объяснение этому факту. Эшкрафт играл сам с собой в орлянку и не мог решить, то ли ему продырявить себе башку, то ли сменить фамилию и начать новую жизнь. Проигрывая второй вариант, он и посрывал все этикетки с одежды. Но тогда, стоя в номере среди людей, я этого не знал. Видел только, что происходят чудеса.

Тогда мне следовало сидеть тихо, как мышь. Просматривая вещи умершего, я изучил его не хуже себя самого. После него осталась масса бумаг и дневник, куда Эшкрафт записывал все свои мыс-

ли и дела. Первую ночь я провел, изучая дневник, запоминая все, что в нем вычитал… и упражняясь в отработке подписи этого несчастного. Среди вещей, которые я вытащил из его карманов, были дорожные чеки на сумму в полторы тысячи долларов, и я хотел утром оприходовать их.

Провел в Сиэтле три дня… Как Норман Эшкрафт. Я наткнулся на золотую жилу и не собирался от нее отказываться. Письмо, адресованное миссис Эшкрафт, защищало меня от обвинения в убийстве, если бы я погорел; кроме того, я знал, что безопаснее доводить игру до конца, нежели в середине партии брать ноги в руки. Когда шум вокруг этого дела затих, я собрался и уехал в Сан-Франциско, вернувшись к своей прежней фамилии — Эд Бохенон. Однако я сохранил все вещи Эшкрафта, так как узнал, что его жена богата. Я не сомневался, что смогу заполучить часть ее имущества, если разыграю свою карту, как надлежит. Но она сама облегчила мне дело. Читая как-то «Игземинер», я наткнулся на объявление, ответил на него… ну и все.

— Значит, ты не приказывал убить миссис Эшкрафт?

Он отрицательно покачал головой. Я вынул из кармана пачку сигарет и положил две на сиденье

между нами.

— Хочу предложить тебе игру. Чтобы удовлетворить самолюбие. Она не будет иметь никаких последствий… и ничего не докажет. Если ты это сделал, возьми сигарету, которая лежит ближе ко мне. Если нет, возьми ту, что лежит ближе к тебе. Поиграем?

— Нет. Не хочу, — сказал он резко. — Мне не нравится такая игра. Но мне хочется закурить.

Он протянул здоровую руку и взял сигарету, лежавшую ближе ко мне.

Благодарю тебя, Эд, — сказал я. — С глубоким сожалением должен сообщить, что я все-таки отправлю тебя на виселицу.

— По-моему, ты спятил, малыш.

— Ты думаешь о том, что сработано в Сан-Франциско, Эд, — пояснил я. — А я говорю о Сиэтле. Тебя, гостиничного вора, застали в номере, где находился человек с пулей в виске. Какой вывод, по-твоему, сделает из этого суд присяжных, Эд?

Он залился смехом. Но вдруг смех его перестал быть беззаботным.

— Он, разумеется, сделает вывод, что ты убил парня, — продолжал я. Когда ты начал осуществлять свой план, положив глаз на имущество миссис Эшкрафт, и приказал ее убить, первое,

что ты сделал, ты уничтожил письмо самоубийцы. Потому что знал: как ни стереги его, всегда остается риск, что кто-нибудь найдет письмо и тогда дорого придется платить за игру. Письмо сослужило свою службу, и больше тебе не было нужно,

Я не могу посадить тебя за убийства в Сан-Франциско, задуманные и оплаченные тобою. Но я прихлопну тебя тем убийством, которого ты не совершал. Так что правосудие в конечном счете будет удовлетворено. Ты поедешь в Сиэтл, Эд, и там отправишься на виселицу за самоубийство Эшкрафта.

Так и случилось.

Том, Дик или Гарри

Так никогда я и не узнал, был ли Фрэнк Топлин высоким или низким. Я видел только его круглую голову — лысый череп и морщинистое лицо, то и другое цвета и фактуры пергамента, — лежащую на белых подушках огромного старомодного ложа с четырьмя колонками. Все остальное скрывал толстый пласт постели.

При этом первом свидании в спальне находились следующие лица: его жена, полная женщина с бледным, одутловатым лицом, морщинки на котором напоминали резьбу по слоновой кости; их дочь Филлис, бойкая девица, типа души кружка пресыщенной молодежи, а также молодая служанка, открывшая мне дверь, крепко сложенная блондинка в фартуке и чепчике.

Я выдал себя за представителя Североамериканского страхового общества, филиала в Сан-Франциско, в определенном смысле я им был. Ничего не дало бы, если бы я признался, что в действительности являюсь сотрудником Континентального детективного агентства, временно работающим по поручению страхового общества,

а поэтому я сохранил это для себя.

— Мне нужен подробный список украденных вещей, — заявил я Топлину, — а до того…

— Вещи? — Круглый желтый череп подскочил на подушках, и Фрзнк Тонлин охнул в сторону потолка. — Сто тысяч ущерба, ни центом меньше, а он это называет вещами!

Миссис Топлин своими короткими пухлыми пальцами вернула голову мужа на подушки.

— Ну же, Фрэнк, ты знаешь, что тебе нельзя волноваться, — сказала она успокаивающе.

В темных глазах Филлис Топлин блеснул огонек, и девушка подмигнула мне. Мужчина в постели повернул ко мне лицо, усмехнулся несколько сконфуженно и сказал:

— Ну, если вы определите сумму компенсации за украденные вещи в семьдесят пять тысяч долларов, то, может быть, я и переживу потерю двадцати пяти тысяч.

— Вместе это дает сто тысяч, — заметил я.

— Да. Эти драгоценности не были застрахованы на полную сумму, а кое-что и вообще осталось незастрахованным.

Это ни в какой мере не удивило меня. Я не помню, чтобы когда-нибудь кто-нибудь признал, что украденное было застраховано на полную сумму

— полис всегда покрывает половину, самое большее три четверти стоимости.

— Может быть, вы расскажете мне подробно, что здесь, собственно, произошло, — попросил я и сразу же добавил, чтобы предупредить то, что обычно в таких случаях следует: — Я знаю, что вы обо всем уже рассказали полиции. Но и я должен услышать все об этом деле непосредственно из ваших уст.

— Значит, так… Мы готовились вчера вечером к приему у Бауэров. Я принес из сейфа в банке драгоценности моей жены и дочери, все их самые ценные украшения. Я как раз надел смокинг и крикнул им, чтобы они поспешили, когда раздался звонок.

— В котором часу это было?

— Около половины девятого. Я прошел в гостиную, чтобы положить в портсигар сигары, когда Хильда, — он указал движением головы на служанку, просунулась вперед спиной в комнату. Я хотел ее спросить, не свихнулась ли она, что ходит задом наперед, когда увидел этого бандита. Он держал…

— Минутку! — Я обернулся к служанке.

— Что произошло, когда вы отворили дверь?

— Ну, я отворила дверь и увидела того муж-

чину с револьвером в руке. Он приставил дуло к моему животу и начал толкать меня назад, и так до самой гостиной, где был мистер… Ну и подстрелил его…

— Когда я увидел его с револьвером в руке, — прервал служанку Топлин, я перепугался так, что портсигар выскользнул у меня из пальцев. Я попытался его поймать, потому что хорошие сигары стоит пожалеть, даже когда человека хотят ограбить, но этот тип, видимо, подумал, что я потянулся за револьвером или еще за чем-то. И выстрелил мне в ногу. На звук выстрела прибежала жена, за ней Филлис; и бандит под угрозой револьвера забрал все их драгоценности и приказал опорожнить карманы. Потом заставил их оттащить меня в комнату Филлис и запер нас всех в комнатушке для одежды. И представьте себе, за все это время он не произнес ни слова, ни единого словечка, командуя только револьвером и свободной левой рукой.

— Рана в ногу, которую он нанес вам, серьезная?

— Это зависит от того, кому вы предпочитаете верить, мне или доктору. Этот коновал утверждает: ничего страшного. Царапина! Но ведь это моя нога, а не его!

— И бандит ничего не сказал, когда вы открыли ему дверь? — спросил я служанку.

— Нет, мистер.

— И никто из вас не слышал, чтобы он что-нибудь сказал за все то время, что находился здесь?

Они заявили, что нет.

— А что он сделал после того, как закрыл вас в этой комнатке?

— Мы ничего не знаем о том, что происходило, — ответил Топлин, — пока не пришел Макбирни с полицейским и нас не освободили.

— Кто этот Макбирни?

— Он смотрит за домом.

— А откуда он здесь взялся, да еще и сразу с полицейским?

— Он услышал выстрел и взбежал наверх как раз тогда, когда этот тип выскочил из квартиры и хотел сбежать вниз. При виде его бандит повернул и побежал на седьмой этаж, где затаился в квартире мисс Эвелет. Он держал ее под угрозой револьвера, пока ему не представился случай сбежать. Прежде чем смыться, он ее оглушил. И это все, Макбирни позвонил в полицию, как только увидел бандита, но они, разумеется, приехали слишком поздно.

— Как долго вы сидели в той комнатушке?

— Минут десять, может, пятнадцать.

— Как выглядел этот бандит?

— Щуплый, худой…

— Какого роста?

— Примерно, как вы. Может, немного ниже.

— Видимо, метр шестьдесят пять. А сколько он мог весить?

— Да разве я знаю?.. Пожалуй, чуть больше пятидесяти килограммов.

— Сколько лет ему было?

— Не больше двадцати двух — двадцати трех.

— Но, папа, — запротестовала Филлис. — Ему, наверное, было тридцать или чуть меньше.

— А вы как бы оценили его возраст? — обратился я к миссис Топлин.

— Сказала бы, что ему лет двадцать пять.

— А вы? — спросил я служанку.

— Не знаю, мистер, но наверняка он не был старым.

— Волосы? Светлые, темные?

— Блондин, — ответил Топлин. — Он был небритым, с желтой щетиной.

— Скорее с рыжей, — поправила Филлис.

— Может быть, но не с темной.

— А цвет глаз?

— Не знаю. Его шапка была надвинута на лоб.

Впечатление было такое, будто глаза темные, но, может быть, это потому, что их затенял козырек.

— А как бы вы описали видную часть лица?

— Подбородок узкий, бледный… Но я мало что мог разглядеть. Воротник плаща был поднят, да еще эта шапка, надвинутая на глаза.

— Как он был одет?

— Темно-синяя шапка, темно-синий плащ, черные ботинки, черные перчатки… Шелковые!

— Одежда приличная или скверная?

— Все выглядело дешевым и было ужасно измято.

— Какой револьвер у него был?

Филлис Топлин опередила отца.

— Папа и Хильда называют это револьвером. Но это был пистолет тридцать восьмого калибра.

— Узнали бы вы этого человека, если бы увидела его?

— Да! — В этом они были единодушны.

— Я должен иметь подробный список всего, что он забрал, с точным и детальным описанием каждого предмета, ценой, которую вы за него заплатили, а также сведениями о том, где и приблизительно когда каждая вещь куплена.

Через полчаса список был готов.

— Вы знаете, в какой квартире проживает мисс

Эвелет? — спросил я, протягивая руку за шляпой.

— Квартира 702. Два этажа над нами.

Я поднялся наверх и нажал кнопку звонка. Дверь открыла девушка лет двадцати с небольшим; ее нос был заклеен пластырем. У нее были приятные карие глаза, темные волосы и спортивная фигура.

— Мисс Эвелет?

— Да.

— Я из страхового общества, в котором были застрахованы драгоценности семьи Топлинов. Собираю информацию, касающуюся нападения.

Она коснулась своего заклеенного носа и меланхолично улыбнулась.

— Это часть информации, которую я могу вам предоставить.

— Как это произошло?

— Это наказание за то, что я женщина. Забыла, что надлежит присматривать за своим носом. Но вас интересует, видимо, то, что я могу сказать об этом хулигане? Так вот, вчера я услышала звонок примерно за две минуты до девяти. Как только я открыла дверь, он приставил пистолет к моей груди и скомандовал: «В квартиру, малютка!». Я не колебалась, впустила его моментально, а он захлопнул за собой дверь ногой. «Где здесь по-

жарная лестница?» — спросил он. Из моих окон нельзя выйти ни на одну пожарную лестницу, сказала я ему, но он мне не поверил на слово. Толкая меня перед собой к каждому окну по очереди, но лестницы, конечно, не обнаружил. Начал на меня злиться, как будто в этом была моя вина. Мне надоели прозвища, которыми он меня забрасывал, а выглядел он таким сморчком, что я подумала, что мне удастся его обезвредить. Ну что ж, оказалось, что несмотря ни на что самец в природе всегда берет верх. Попросту говоря, он трахнул меня по носу и оставил там, где я свалилась. Удар оглушил меня, но полностью сознания я не потеряла. Но когда я поднялась, его уже не было. Я выбежала на лестницу и вывалилась прямо на полицейских. Выплакала им свою печальную историю, а они рассказали мне о нападении на Топлинов. Двое вошли со мной в квартиру и обыскали все закоулки. Я, собственно, не видела, как он выходил, а потому мы подумали, что он может быть настолько хитер, чтобы затаиться где-нибудь и ждать, когда пройдет буря. Но у меня они не нашли его.

— Как вы полагаете, сколько времени прошло с того момента, когда он вас оглушил, до того, как вы выбежали на лестничную площадку?

— Ну… может, пять минут. А может, меньше.

— Как выглядел бандит?

— Маленький, ниже меня. С двухдневной светлой щетиной на лице. В потертом темно- синем плаще и черных перчатках из материи.

— Сколько ему могло быть лет?

— Молодой. Щетина у него была редкая, неровная… и лицо мальчишеское.

— Вы не заметили цвет глаз?

— Голубые. Пряди волос, торчавшие из-под шапки, были светлые, почти белые.

— А какой у него был голос?

— Низкий, бас. Хотя он мог, разумеется, голос изменить.

— Вы узнали бы его, если бы увидели?

— Ну, разумеется! — Она осторожно прикоснулась пальцем к своему заклеенному носу.

— Если не я, то мой нос унюхает его за милю.

Выйдя из квартиры мисс Эвелет, я съехал на лифте на первый этаж к дежурке, где застал смотрителя Макбирни с женой. Она была костлявая маленькая женщина со сжатыми губами и острым носом мегеры; он — высокий и плечистый, с рыжими волосами и усами, красным лицом и веселыми водянисто-голубыми- глазами. Парень выглядел добродушным увальнем. Цедя слова, он

начал рассказывать о нападении.

— Я как раз сменил прокладку на четвертом этаже, когда услышал выстрел. Я вышел посмотреть, что происходит, и оказался возле двери Топлинов именно тогда, когда этот оттуда вылетел. Мы увидели друг друга, и он, тут же прицелился в меня из своей пукалки. Но и я ни такой дурак, чтобы пробовать какие-нибудь штучки, я только прикрыл голову и дал деру, чтобы он в меня не попал. Я слышал, как он мчится наверх, поднял голову и увидел, как он свернул с пятого этажа на шестой. Я не гнался за ним. У меня не было никакого оружия, и я думал, что мы и так его достанем. В этом доме можно выбраться на соседнюю крышу с четвертого этажа, в крайнем случае — с пятого, но не с высших. А Топлины живут на пятом, вот я и подумал, что эта сволочь в наших руках. Если человек стоит перед лифтом, он видит парадную и черную лестницу. Поэтому я позвонил лифтеру — Амброуз его имя, — приказал ему включить сигнал тревоги, а потом бежать за дом и следить за пожарными лестницами, пока не прибудет полиция. Через минуту или две прилетела моя жена с револьвером и говорит, что Мартинес — это, стало быть, брат Амброуза, который обслуживает телефонный коммутатор и следит за

входной дверью, позвонил в полицию. И одну, и другую лестницы я видел, как на ладони, и парень не спустился ни по одной из них. Через пару минут явилась куча копов из отделения на Ричмонд-стрит. Они освободили Топлинов из чулана, в котором тот подонок их запер, и принялись обыскивать дом. Тут как раз вылетела на лестницу мисс Эвелет, лицо и платье у нее были в крови… Она сказала, что бандит был в ее квартире. Вот мы и подумали, что там мы его и сцапаем, но нет. Мы перетрясли каждый закоулок во всех квартирах. Парень исчез, как камфора.

— Ясно, что исчез! — язвительно заметила Макбирни. — Если бы ты только…

— Знаю, знаю, — прервал ее смотритель снисходительным тоном человека, привыкшего считать брюзжание супруги составной частью семейной жизни. — Если бы я изобразил героя и бросился на него, чтобы заработать пулю! Не так я глуп, чтобы лежать с простреленной ногой, как тот старый Топлин, или ходить с расквашенным носом, как эта Бланш Эвелет. У меня достаточно ума в голове, чтобы знать, когда следует поджать хвост. Я и не подумаю бросаться на парня, если у него в руке пушка.

— Ну, да! Уж ты не сделаешь ничего, что бы…

Эти супружеские препирательства ни к чему не приводили, поэтому я прервал их вопросом, адресованным к женщине:

— Кто является самым новым жильцом в доме?

— Семейство Джеральдов. Они въехали позавчера.

— В какую квартиру?

— В 704. Рядом с мисс Эвелет.

— А кто эти Джеральды?

— Они приехали из Бостона. Он говорит, что будет организовывать здесь филиал какой-то промышленной фирмы. Ему не меньше пятидесяти лет, и выглядит он так, будто у него несварение желудка.

— И переехал сюда он только с женой?

— Да. Она тоже слабенькая. Год или два провела в санатории.

— А перед ними кто снял квартиру?

— Мистер Хитон, квартира 525. Вселился две недели назад, но сейчас его здесь нет. Он выехал три дня назад в Лос-Анджелес. Сказал, что вернется дней через десять-двенадцать.

— Как он выглядит и чем занимается?

— Работает в каком-то театральном агентстве. Он полный, краснолицый.

— А кто вселился перед ним?

— Мисс Эвелет. Она живет здесь около месяца.

— А кто был перед ней?

— Семейство Уогенеров из квартиры 923. Вот уже почти два месяца, как они здесь живут.

— Что это за люди?

— Он занимался продажей недвижимости, но уже вышел из дела. Живет с женой и сыном Джеком. Парню лет девятнадцать. Успел уже снюхаться с Филлис Топлин.

— А как долго живут в доме Топлины?

— В следующем месяце будет два года.

Я отвернулся от миссис Макбирни и обратился к ее мужу:

— Полиция обыскала квартиры всех этих людей?

— Да-а, — ответил он. — Мы побывали в каждой комнате, заглядывали в каждый шкаф, в каждый чуланчик от крыши до подвала.

— Вы хорошо рассмотрели этого бандита?

— Пожалуй, да. У двери Топлинов есть лампа. Она светила ему прямо в лицо, когда он вылетел на лестницу.

— Не мог ли это быть один из жильцов?

— Н-нет, откуда?

— Вы узнали бы его, если бы еще раз увидели?

— Пожалуй, узнал бы.

— Как он выглядел?

— Такой маленький сопляк. Щенок лет двадцати трех — двадцати четырех. Бледная, рожа, старый темно-синий плащ.

— Смогу ли я найти где-нибудь тех парней, которые вчера дежурили при лифте и у входа? Как их там, Амброуз и Мартииес, так?

Смотритель поглядел на часы.

— Да, они должны уже быть здесь. Сегодня они работают с двух.

Я вышел в вестибюль и застал их играющими в орлянку. Они были братьями — худощавые молодые филиппинцы с блестящими глазами. К тому, что я уже знал, они много не добавили.

Как только Макбирни поднял тревогу, Амброуз съехал в вестибюль и велел брату позвонить в полицию. Потом он выбежал через черный ход и стал следить за пожарными лестницами. Одна из них проходила по тыльной, а другая по боковой стороне дома. Расположившись на некотором расстоянии от угла дома, он отлично видел обе, равно как и черный ход. Везде горел свет, так что лестницы были видны до самой крыши, но никто на них не появлялся.

Мартинес по телефону вызвал полицию, после

чего следил за главным входом и парадной лестницей. Он никого не заметил.

Я как раз кончил допрашивать ребят, когда отворилась дверь на улицу и в вестибюль вошли двое мужчин. Одного из них я знал. Это был Билл Гэррен, полицейский агент, занимающийся ломбардами. Вторым был франтоватый блондинчик в свежевыглаженных брючках, короткой куртке и лакированных полуботинках с бежевыми гетрами, подобранными в тон перчатками и шляпе. На его лице была обиженная, надутая мина. По всей вероятности, общество Гэррена ему не подходило:

— Что ты здесь делаешь? — приветствовал меня Гэррен.

— Изучаю налет на Топлинов по линии страхового общества, — объяснил я.

— И что-то имеешь? — поинтересовался он.

— Птичка уже почти в моих руках, — сказал я полушутя, полусерьезно.

— Ну так будет весело! — Он показал зубы в усмешке. — Потому что я тоже одного имею! — Он кивнул головой в сторону своего элегантного спутника. Пойдем с нами наверх.

Втроем мы вошли в лифт, и Амброуз поднял нас на пятый этаж. Гэррен ввел меня в ситуацию

прежде, чем позвонил в дверь Топлинов.

— Этот милый молодой человек пытался только что реализовать колечко в ломбарде на Третьей улице. Колечко с изумрудом и бриллиантами, похоже на то, что увели у Топлинов. Он — парень твердый, ни слова не произнес с тех пор. Покажу его этим людям, а потом заберу в отделение, и там мы потолкуем по-другому. Там он обретет речь и начнет петь надлежащим образом!

Арестованный хмуро смотрел на лестничную площадку, не обращая внимания на угрозы. Гэррен нажал кнопку звонка, и спустя минуту дверь отворила служанка Хильда. Она сделала большие глаза при виде элегантного молодого человека, но проводила нас без слов в гостиную, где сидели миссис Топлин с дочерью.

— Привет, Джек, — приветствовала арестованного Филлис.

— Привет, Фил, — буркнул он, не глядя на нее.

— Приятель, не так ли? — обратился Гэррен к девушке. — Вы случайно не хотите ли нам что-нибудь сказать, мисс?

Филлис покраснела, но подняла голову и смерила детектива холодным взглядом.

— Может быть, вы соизволите снять шляпу? — сказала она.

Билл — парень неплохой, но кротостью он не грешит. В ответ он лихо сдвинул шляпу на один глаз и обратился к миссис Топлин.

— Видели ли вы когда-нибудь этого молодого человека?

— Ну, разумеется! — ответила миссис Топлин. — Ведь это сын Уогенеров, сверху…

— Так вот, — проинформировал присутствующих Билл, — молодой мистер Уогенер был задержан в ломбарде, где пытался обратить в деньги вот эту штучку. — Он вынул из кармана колечко, искрящееся белым и зеленым.

— Вы узнаете его, миссис?

— Разумеется! — воскликнула миссис Топлин. — Ведь это кольцо Филлис, которое этот бандит… — Она начала понимать, и ее нижняя челюсть отвисла от изумления. — Откуда… мистер Уогенер?..

— Именно, откуда? — повторил Билл.

Филлис сделала шаг вперед и стала между Гэрреном и мной, спиной к нему, а лицом ко мне.

— Я все объясню, — заявила она.

Прозвучало это, как надпись из немого фильма, а потому не было особо обещающе, но что мы должны были делать?

— Мы слушаем, — поощрил я ее.

— Я нашла колечко в коридоре около входной двери, когда нас освободили из этого чулана. Бандит обронил его, когда убегал. Я ничего не сказала родителям, потому что кольцо было застраховано, так что им это было без разницы, а если бы я его продала, то заимела бы немного собственных денег. Я спросила вчера Джека, не мог бы он это устроить, а он сказал, что, конечно же, знает, как за это взяться. Кроме этого, он не имел ничего общего с этой историей. Я только не предполагала, что он будет таким глупым и сегодня же сунется с этим в ломбард. — Она взглянула с сочувствием на своего сообщника.

— Видишь, что ты натворил! — сказала она с упреком.

Он переступил с ноги на ногу, глядя с обиженной миной в пол.

— Ха-ха-ха! Славная шуточка! — кисло засмеялся Билл Гэррен. — А вы знаете, мисс, историю про двух ирландцев, которые по ошибке попали в дамский туалет?

Так я и не узнал, знала ли она ее.

— Скажите, — обратился я к миссис Топлин, — принимая во внимание одежду и небритое лицо, этот молодой человек мог быть вчерашним бандитом?

Она решительно затрясла головой.

— Нет, никогда!

— Поставь на якорь своего подопечного, Билл, — предложил я, — и пойдем куда- нибудь в уголок пошептаться с глазу на глаз.

— Ладно, — согласился он.

Билл вытянул на середину комнаты тяжелое кресло, усадил на него Уогенера и приковал его наручниками к подлокотнику. Эта предосторожность была совершенно излишней, но Билла обозлило то, что присутствующие не опознали в молодом человеке бандита. Мы вдвоем вышли в коридор, откуда могли наблюдать за гостиной без опасения, что наш разговор окажется подслушанным.

— Дело простое, — сказал я негромко в большое, красное ухо Билла. — Мы имеем всего пять возможностей. Первая, что Уогенер совершил нападение по сговору с Топлинами. Вторая, что Топлины организовали нападение сами, а Уогенер использовался только для сбыта добычи. Третья, что вся эта история разыграна филдис и Уогенером без ведома старших. Четвертая, что Уогенер совершил грабеж сам, а девушка его покрывает. Наконец, пятая, что девушка говорит правду. Ни одна из этих теорий не объясняет,

почему парень был настолько глуп, чтобы с этим колечком афишировать свое участие в деле с утра пораньше. Какая из этих пяти теорий тебе больше нравится?

— Мне все они подходят, — буркнул он. — Но больше всего мне нравится то, что этот франтик в моих руках, и я его сцапал, когда он пытался сбыть пресловутое колечко. Мне этого достаточно. Это ты развлекайся здесь с загадками, а мне больше ничего не нужно.

Вообще-то это было не так и глупо.

— Да и мне этого вполне достаточно, — согласился я. — Дело-то как обстоит? Страховое общество имеет основания задержать выплату страховки. Но я хотел бы узнать еще немного и добраться до шкуры того, кто напустил грабителя, чтобы щипнуть общество на солидную сумму. Пока соберем все, что еще найдется на этого пижона, запакуем его в банку, а потом посмотрим, что еще можно сделать.

— Ладно, — ответил Гэррен. — Ты подергай смотрителя и эту самую Эвелет, а я тем временем покажу паренька старому Топлину и прижму служанку.

Я кивнул головой и вышел из квартиры, оставил за собой незапертую дверь. Поднявшись

на лифте на седьмой этаж, я велел Амброузу прислать Макбирни к Топлинам. Потом нажал кнопку звонка на двери Бланш Эвелет.

— Не могли бы вы сойти на минутку вниз? — обратился я к ней. — Есть там у нас кое-кто, кто может быть вашим вчерашним гостем.

— Что за вопрос! — Она бросилась за мной в направлении лестницы. — А если это он, то позволите ли вы мне отплатить ему за ущерб, нанесенный моей красоте?

— Позволю, — обещал я. — Только вы не должны слишком увлекаться: нужно, чтобы он мог предстать перед судом.

Я провел ее в квартиру Топлинов без звонка в дверь и застал всех в спальне Фрэнка Топлина. Один лишь взгляд на разочарованную физиономию Гэррена сказал мне, что ни мистер Топлин, ни служака не опознали в арестованном бандита. Я указал пальцем на Джека Уогенера. В глазах Бланш Эвелет отразилось разочарование.

— Вы ошиблись, — заявила она. — Это не тот человек.

Гэррен сердито взглянул на нее. Легко было сообразить, что если Топлинов что-то связывает с Уогенерами, то они не будут сыпать Джека. Поэтому Билл рассчитывал на то, что его идентифи-

кацию позволят осуществить лица посторонние — Бланш Эвелет и смотритель. Одно из этих лиц как раз отпало.

В этот момент прозвучал звонок, а минуту спустя служанка ввела Макбирни. Я указал ему на Джека Уогенера, который стоял рядом с Гэрреном, уныло глядя в пол.

— Вы его знаете?

— Да-а. Это сын Уогенеров.

— Не он ли угрожал вам пистолетом вчера на лестнице?

Макбирни удивленно выпучил свои водянистые глаза.

— Н-нет! — сказал он решительно, но тут же на его лице появилось сомнение.

— В старой одежде, с шапкой, надвинутой на глаза, небритый — не может ли это быть он?

— Н-не-ет, — протянул смотритель. — Пожалуй, нет, хотя… Хотя, если хорошенько поразмыслить, было в том щенке что-то знакомое. Так что… Кто знает, может, вы, мистер, и правы… Но наверняка я не могу сказать…

— Хватит! — буркнул Гэррен с неудовольствием.

Идентификация, предоставленная нам смотрителем, не стоила ломаного гроша. Даже кате-

гическая и немедленная идентификация не всегда котируется в суде. Такова уж человеческая природа. Возьмите первого попавшегося человека — если это не тот единственный на сто тысяч, который обладает тренированным умом и памятью, да и тот не всегда сохранит трезвость взгляда, — выведите его из равновесия, покажите ему что-то, дайте часа два на раздумье, а потом начните задавать ему вопросы. Можете поставить сто к одному, что трудно будет обнаружить какую-нибудь связь между тем, что он видел, и его словами о том, что он видел. Вот так и этот Макбирни: еще час, и будет готов заложить голову, что Джек Уогенер и есть вчерашний бандит.

Гэррен взял парня под руку и направился к двери.

— Куда теперь, Билл? — спросил я его.

— К его родителям. Идешь со мной?

— Подожди минутку, — попросил я его. — Скажи мне еще раз: полицейские, которые приехали сюда по тревоге, сделали все, что им надлежало сделать?

— Я не принимал участия в этой забаве, — ответил Гэррен. — Когда я заявился сюда, все было кончено. Но, насколько я знаю, они перевернули весь дом вверх ногами…

Я обратился к Фрэнку Топлину. Поскольку все — его жена и дочь, служанка, Макбирни, Бланш Эвелет, Гэррен, его пленник и я — окружали полукругом его ложе, я мог одновременно уголком глаза наблюдать и за всем обществом.

— Кто-то замыливает мне глаза, — начал я свою речь. — Если бы все то, что было мне здесь сказано, имело смысл, то-то же самое можно было бы с таким же успехом сказать и о сухом законе. Ваши показания противоречат одно другому от начала и до конца. Возьмем того типа, который провел налет на вашу квартиру. Выглядит так, будто он был отлично сориентирован в ваших делах. Это могло быть просто случайностью, что он напал на вас как раз тогда, когда в доме были все драгоценности, вместо того, чтобы напасть на другую квартиру или даже на вашу, но в другой момент. Только вот не верю я в такие случайности. И мне почему-то сдается, что он хорошо знал, что делает. Он забрал у вас все побрякушки и поскакала квартиру мисс Эвелет. Может, он хотел сбежать вниз, да натолкнулся на Макбирни, а может, и нет. Фактом является то, что он побежал наверх, в квартиру мисс Эвелет, и там начал искать пожарную лестницу. Разве не славно? Парень знает, когда и где можно сделать детски простой налет,

но не знает, по какой стороне дома проходит пожарная лестница. Никому из находившихся в квартире, как и Макбирни, он не говорит ни слова, а с мисс Эвелет вдруг начинает разговаривать низким басом. Разве не славно? Из квартиры мисс Эведет он улетучивается, как камфора, хотя все выходы находятся под наблюдением. Полиция была здесь прежде, чем он успел ускользнуть, и, разумеется, в первую очередь заблокировала все пути бегства, не говоря уже о том, что раньше то же самое учинили Мартинес, Амброуз и Макбирни. И несмотря на все это пташка упорхнула. Разве не славно? На нем была мятая одежда, которая выглядела так, как если бы он вытянул ее откуда-то перед налетом. Ну и это был очень маленький мужчина. Мисс Эвелет не назовешь такой уж маленькой девушкой, но из нее явно получился бы маленький мужчина. Кто-нибудь достаточно подозрительный мог бы подумать, что мисс Эвелет и есть тот самый бандит.

Фрэнк Топлин, его жена, молодой Уогенер, Макбирни и служанка смотрели на меня с недоверием. Гэррен оценивающе осматривал прищуренными глазами мисс Эвелет, которая сверлила меня взглядом так, словно хотела убить. Филлис смотрела на меня то ли пренебрежительно, то

ли с состраданием по поводу моей глупости. Закончив рассматривать мисс Эвелет, Билл Гэррен медленно кивнул.

— Такой номер она могла бы выкинуть, — сказал он. — Разумеется, в замкнутом помещении и при условии, что не будет говорить.

— Именно, — сказал я.

— Именно ерунда! — взорвалась Филлис Топлин. — Дрянной из вас детектив! Думаете, что мы не отличили бы мужчину от женщины, переодетой мужчиной? У этого типа была двухдневная щетина на лице, настоящая щетина, если вы знаете, что это такое. Или вы предполагаете, что нам могли втереть очки приклеенной бородкой? Щетина была настоящая, и никакая не подделка!

Выражение удивления исчезло с лиц присутствующих, и все согласно закивали головами.

— Филлис права, — поддержал свою дочь Фрэнк Топлин. — Это был мужчина, а не женщина, переодетая мужчиной.

Жена, служанка и Макбирни явно разделяли эту точку зрения. Но я не из тех парней, которых легко сбить со следа, когда все улики ведут в определенном направлении. Я повернулся на каблуках в сторону Бланш Эвелет.

— А вы ничего не хотите добавить по этому

делу? — спросил я.

Она сладко улыбнулась и покачала головой.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Игра окончена. Идем!

Однако теперь оказалось, что ей есть что добавить. Она много кое-чего имела сказать; все это относилось ко мне и, по меньшей мере, не было для меня лестным. Ее голос стал резким от ярости; редко случается, чтобы такая ярость овладела кем-то внезапно. Мне стало очень неприятно. До сих пор дело развивалось гладко и спокойно, не возмущаемое никакими эксцессами, не было ничего, что оскорбило бы глаза и уши присутствующих здесь женщин, и я надеялся, что так будет до конца. Тем временем мисс Эвелет по мере того, как ругала меня, становилась все более вульгарной. Правда, она не знала слов, которых я до того не слышал, но слагала из них сочетания, совершенно для меня новые. Я терпел это так долго, как мог. Однако в конце концов заткнул ей рот своим кулаком.

— Спокойно, спокойно! — воскликнул Билл Гэррен, хватая меня за руку,

— Поберегите силы, Билл, — посоветовал я, отстраняя его руку, чтобы поднять умолкнувшую Эвелет с пола. — Твоя галантность прославила

тебя, но вскоре ты убедишься, что настоящее имя нашей мисс Бланш — Том, Дик или Гарри.

Я поставил ее (или его) на ноги и спросил:

— Ну, теперь расскажешь нам обо всем?

Вместо ответа я услышал шипение.

— В связи с отсутствием информации из первых рук, — обратился я к остальным присутствующим, — я познакомлю вас, господа, со своей версией. Коль мисс Эвелет могла бы быть тем грабителем, если бы не отсутствие щетины и затруднений, возникающих, когда женщина пытается выдать себя за мужчину, то почему настоящий бандит не мог бы перевоплотиться в Бланш Эвелет перед налетом и после него с помощью парика и сильного… как это называется?.. депиллятора, которым он обрабатывал лицо? Женщине трудно подражать мужчине, но есть много мужчин, которые с успехом могут сойти за женщин. Итак, разве не мог наш приятель снять квартиру и все это организовать в облике Бланш Эвелет? Посидеть дня два дома, чтобы отросла борода, после чего спуститься вниз и разыграть этот номер? А затем разве не мог он вернуться наверх, ликвидировать щетину и переодеться в женское платье в течение, скажем, пятнадцати минут? Я утверждаю, что мог. А эти пятнадцать

минут у него были. Не знаю только, как объяснить разбитый нос. Может, он упал, когда бежал наверх, и должен был приспособить к этому свою историю, а может, он разбил нос умышленно.

Мои домыслы оказались недалеки от истины, вот только настоящее имя этого типа было Фред. Фредерик Эйдж-нью Дадд. Девятнадцатилетним пареньком он попал в исправительное заведение в Онтарио за кражу в универмаге, которую он совершил, переодевшись женщиной. Он молчал, как рыба, так что мы так никогда и не отыскали его пистолет, темно-синий плащ, шапку и черные перчатки. Обнаружили мы только углубление в матрасе, где он скрывал все это от глаз полиции до того времени, когда смог без особой опасности вынести все это ночью. Зато драгоценности Топлинов возвращались к владельцам вещь за вещью по мере того, как сантехники раскручивали трубы и калориферы в квартире под номером 702.

Некто Кид

Это началось в Бостоне еще в семнадцатом году. На Тремонт-стрит возле отеля «Турейн» мы столкнулись с Лью Махером и остановились поболтать.

Я что-то рассказывал, когда Лью прервал меня:

— Посмотри незаметно на парня в темной кепке.

Я у видел долговязого малого лет приблизительно восемнадцати, с бледным угреватым лицом, угрюмо сжатыми губами, тусклыми карими глазами и бесформенным носом. Он прошел мимо, не обратив на нас внимания, а я сразу углядел, какие у него уши. Они не были похожи на сломанные уши боксера, но их края как-то смешно загибались. Парень повернул на Бойлстон-стрит и скрылся из виду.

— Этот парень станет знаменитостью, если не попадется или его не пристрелят, — предсказал Лью. — Запомни его имя. Это Кид. Уверен, в недалеком будущем тебе придется ловить его.

— Чем он занимается?

— Вооруженный грабеж. Парень умеет стре-

лять, и он, по-моему, просто сумасшедший, Его не сдерживает ничто — ни воображение, ни страх перед последствиями. А жаль! Легче ловить осторожных и рассудительных бандитов. Могу поклясться, что Кид участвовал в нескольких ограблениях в Бруклине месяц назад, но доказательств нет. Все же я обещаю накрыть его с поличным.

Лью не сдержал свое обещание. Через месяц его грохнул какой-то домушник в перестрелке на Аудубон Роуд.

Через пару недель после этой встречи я уволился из бостонского отделения сыскного агентства «Континенталь», чтобы попробовать солдатской жизни. После войны вернулся в «Континенталь», но не в Бостон, а в Чикаго, и через пару лет перевелся в Сан-Франциско.

Итак, почти восемь лет спустя я увидел изогнутые уши Кида в Дримлэнд Ринке.

По пятницам в зале на Стейнер-стрит проходили вечерние бои. Я пропустил несколько схваток. Однажды все же удалось вырваться. Уселся на твердый деревянный стул недалеко от ринга и стал смотреть, как парни размахивают руками. Прошло почти четверть боя, когда я заметил впереди, через два ряда, странные и чем-то зна-

комые уши.

Сразу не вспомнил, так как не мог разглядеть лицо владельца, который смотрел, как на ринге Киприани и Банни Коф обмениваются ударами. Я пропустил большую часть поединка, пытаясь вспомнить, где я видел эти уши. Во время краткого перерыва между боями, перед выходом следующей пары, мужчина повернул голову, чтобы что-то сказать соседу. Я увидел лицо и моментально вспомнил его. Кид.

Он не сильно изменился за это время и не превратился в красавца. Только глаза стали более тусклыми, а складки у рта — еще жестче. Физиономия Кида по-прежнему оставалась такой же бледной и прыщавой, как и восемь лет назад.

Он сидел прямо передо мной. Теперь, когда я его узнал, можно было спокойно досмотреть бой.

Насколько мне было известно, Кида нигде не разыскивали. Во всяком случае, «Континенталь» за ним не охотился. Если бы он был простым карманником, я бы не стал его трогать. Но налетчики всегда пользовались у нашего брата повышенным вниманием. Самыми важными клиентами агентства являлись страховые компании, платившие большие премии за пойманных грабителей.

Когда Кид с почти половиной других зрителей

в середине следующего боя покинул зал, не обращая внимания на мускулистых тяжеловесов на ринге, я вышел вместе с ними.

Парень был один. Следить за ним оказалось легко, так как улицы заполнили зрители. Кид двинул по Филлмор-стрит, перекусил в закусочной и сел на 22-й трамвай. На Макалистер-стрит мы с ним пересели на 5-й номер.

На Полк-стрит долговязый бандит вышел и двинулся в северном направлении. Пройдя квартал, он опять повернул на запад. Примерно через полтора квартала Кид подошел к грязному крыльцу трехэтажного здания, на втором и третьем этажах, которого находились меблированные комнаты, а на первом — ремонтные мастерские.

Я нахмурился. Дом находился на южной стороне Голден Гейт авеню между Ван Нессом и Франклином. Если бы он сошел на Франклине, ему не пришлось бы топать пешком целый квартал. Однако Кид доехал до Полк-стрит и вернулся назад. Может, захотел размяться?

Я немного послонялся по Гоулден Гейт. Ни в одном окне не зажегся свет. Очевидно, окна его комнаты выходили во двор, или я имел дело с очень осторожным молодым человеком. Я не сомневался, что парень не заметил слежку — у него

просто не было шанса. Пока все складывалось очень удачно.

Фасад здания не дал мне никакой информации. Я отправился на Ван Несс, чтобы посмотреть со двора. Здание занимало Редвуд-стрит, узкий переулок, деливший квартал пополам. В четырех окнах горел свет, но это ни о чем не говорило. Я заметил дверь, ведущую, очевидно, в мастерскую. Вряд ли жильцы пользовались ею.

По пути домой я заскочил в агентство и оставил записку Старику:

«Слежу за Кидом, налетчиком, 25–27, 135, 5ф, 11д., бледное лицо, шатен, карие глаза, толстый нос, изогнутые уши. Работал в Бостоне. Есть ли по нему какие- нибудь сведения? Живет на Голден Гейт рядом с Ван Нессом».

В восемь часов следующего утра я находился в квартале от дома, в котором скрылся Кид. Шея обложной дождь, но я не обращал на него внимания. Внешний вид черного двухместного автомобиля, в котором я сидел, идеально подходил для работы в городе. В этой части Гоулден Гейт авеню находится множество авторемонтных мастерских и магазинов по продаже старых машин. На улице в любое время дня и ночи стояли десятки автомобилей. Здесь можно было околачиваться целый

день без риска вызвать подозрение.

Так и случилось. Девять часов я слушал, как дождь барабанит по крыше автомобиля, и ждал Кида. Кроме «Фатимы»,[3] у меня ничего не оказалось, и я ужасно проголодался. Я не знал, живет ли Кид в доме, за которым я наблюдаю. Парень мог вчера вечером после моего ухода двинуть домой. В сыскном деле трудно избавиться от пессимизма. Я постарался отогнать сомнения и не сводил глаз с грязной двери, в которой вчера скрылась моя дичь.

В начале шестого прибежал с запиской от Старика Томми Хауд, четырнадцатилетний мальчишка с приплюснутым носом из агентства.

«Бостонское отделение подозревает Кида в нескольких грабежах, но доказательств нет. Настоящее имя, возможно, Артур Кори или Кэри. Может, принимал участие в налете на бостонского ювелира Танниклифа в прошлом месяце. При налете погиб служащий и похищено необработанных камней на шестьдесят тысяч долларов. Ограбление совершили двое, но их примет нет. Бостон считает, что им следует заняться всерьез».

---

[3] Примечания: 3
«фатима» — сорт сигарет

Я вернул записку мальчишке (какой смысл таскать ее с собой) и попросил:

— Позвони Старику, чтобы он подменил меня, пока я перекушу. С утра не было маковой росинки во рту.

— Как бы не так! — ответил Томми. — Все заняты. Весь день не видел ни одного оперативника. Не пойму, почему вы не носите с собой хотя бы шоколад?

— Ты начитался статей об арктических экспедициях, — упрекнул я его. Когда у человека брюхо прилипает к хребту, он готов съесть что угодно. Но когда он просто проголодался, то не согласен набивать желудок сладостями. Сбегай, принеси пару сэндвичей и бутылку молока.

На хмуром лице Томми появилось хитрое выражение.

— Скажите, как выглядит ваш приятель и где он прячется, — предложил Хауд, — и я посмотрю за ним, пока вы будете есть, как приличный человек. Идет? Мясо, жареная картошка, пирог, кофе.

Томми мечтал заняться настоящим делом и ловить бандитов толпами. Поэтому он был не прочь воспользоваться случаем. Я тоже не возражал против того, чтобы парень посидел в машине. Но если Старик узнает, что я оставил мальчишку од-

ного среди головорезов, он снимет с меня скальп. Поэтому я покачал головой.

— У этого парня четыре пушки и топор, Томми. Он тебя съест и не подавится.

— А, ерунда. Вы, оперативники, всегда пытаетесь убедить, что кроме вас никто не может это делать. Ваши жулики не такие уж лихие бандиты, если позволяют вам ловить себя.

В этом была доля истины, но я все равно выгнал парня из машины.

— Один сэндвич с языком; второй с ветчиной и бутылку молока. Одна нога здесь, другая там.

Однако, когда он вернулся, меня уже не было. Только Томми скрылся из виду, как из дверей меблированных комнат вышел Кид. Он поднял воротник плаща и повернул на юг, на Ван Несс.

Когда я доехал до угла, долговязая фигура исчезла. Он не мог дойти до Макалистер-стрит. Если парень не спрятался в здании, то он на Редвуд-стрит. Я проехал еще квартал до Голден Гейт авеню, повернул на юг и очутился на углу Франклина и Редвуд-стрит как раз вовремя — Кид нырнул в заднюю дверь жилого дома, выходящего на Макалистер-стрит.

Я медленно ехал и думал.

Дом, где Кид провел ночь, и дом, в который

он только что вошел, выходили дворами в один переулок. Между ними было расстояние с полквартала. Если окна комнаты Кида смотрят во двор и если у него есть сильный бинокль, то он мог без труда видеть, что происходит в здании напротив, на Макалистер-стрит.

Вчера вечером парень вышел за квартал от своего дома. Увидев, как он только что вошел через черный ход, я понял, почему Кид вышел на Полк-стрит. Если бы он сошел ближе к своему дому, его бы могли заметить из этого здания. Скорее всего, парень следит за кем-то из дома на Макалистер-стрит и не хочет, чтобы его видели.

То, что Кид воспользовался черным ходом, объяснить было нетрудно. Парадная дверь заперта, а задняя почти во всех зданиях, наверное, весь день открыта. Если он не наткнется на привратника, то без труда попадет в нужную квартиру. Трудно сказать, был ли хозяин дома. Во всяком случае, Кид вел себя скрытно.

Меня не очень беспокоило то, что я не знаю, в чем дело. Главное сейчас — найти удобное место для наблюдения.

Если он покинет дом через черный ход, то следующий квартал на Редвуд-стрит между Франклин авеню и Голден Гейт, самое подходящее

место. Но парень не клялся мне, что выйдет из здания через черный ход. Скорее всего, он воспользуется парадным. Если Кид выйдет именно так, а не будет красться со двора, то привлечет меньше внимания. Лучше, следовательно, ждать на углу Макалистер-стрит и Ван Несс, откуда видна парадная дверь и Редвуд-стрит.

Прошел почти час.

Кид вышел через парадную, застегивая на ходу плащ, поднимая воротник и нагнув голову, чтобы спрятаться от дождя.

Мимо меня проехал черный «кадиллак» с зашторенными окнами. Кажется, я видел эту машину около городского муниципалитета, когда ждал Кида.

«Кадиллак» заехал на тротуар и набрал скорость. Занавеси раздвинулись, и в окне несколько раз что-то сверкнуло. Раздалось семь выстрелов из пистолета маленького калибра.

С головы Кида медленно сползла мокрая шляпа, однако у него самого движения вовсе не были столь плавными. Он нырнул в какой-то магазин.

«Кадиллак» доехал до угла и повернул на Франклин авеню. Я устремился за ним.

Проезжая мимо магазина, в котором спрятался парень, я мельком увидел, как он стоит на коле-

нях и все еще пытается достать пушку. За Кидом виднелись возбужденные лица. Однако на улице было спокойно. Люди настолько привыкли к шуму автомобилей, что обращали внимание только на грохот шестидюймовой пушки.

Когда я достиг Франклин-стрит, «кадиллак» обогнал меня на квартал. Он мчался по направлению к Эдди-стрит.

Я погнал по параллельной. Черная машина мелькнула на площади Джефферсона. Ее скорость снизилась. Через пять-шесть кварталов наши улицы соединились. Я почти догнал «кадиллак» на Стейнер-стрит и разглядел номера. Машина теперь двигалась с нормальной скоростью. Наверное, бандиты были уверены, что им удалось скрыться, и не хотели привлекать внимание высокой скоростью. На всякий случай я отстал на три квартала, хотя и не боялся, что могу вызвать их подозрение.

На Хейт-стрит около парка из «кадиллака» вышел стройный мужчина небольшого роста с бледным лицом, темными глазами и усиками. Черное пальто, серая шляпа и трость выдавали в нем иностранца.

«Кадиллак» поехал дальше по Хейт-стрит, и мне не удалось заметить, сколько в нем человек.

После коротких раздумий я решил сесть на хвост коротышке.

Усатый иностранец зашел в аптеку, расположенную на углу, и позвонил. Не знаю, что он там еще делал. Через несколько минут приехало такси и отвезло его к отелю «Маркиз». Портье дал ключ от 761-го номера, и он вошел в лифт.

В «Маркизе» у меня были друзья. Я нашел местного детектива Дюрана и поинтересовался;

— Кто живет в 761-м?

Дюран, немолодой, седой мужчина, похожий на президента очень крепкого банка, когда-то работал капитаном детективов в одном из больших городов Среднего Запада. Однажды он переусердствовал на допросе медвежатника и убил его. Газеты недолюбливали Дюрана, и, благодаря прессе, он потерял работу.

— 761-й? — переспросил Дюран, словно дедушка, расспрашивающий внука. Кажется, мистер Маруа. Вы интересуетесь им?

— Да, — признался я. — Что вы знаете об этом Маруа?

— Немного. Он живет у нас примерно две недели. Спустимся в холл. Может, там что- нибудь знают.

Внизу мы переговорили с портье, телефонист-

ками и старшим коридорным. Затем поднялись наверх и опросили горничных. Жилец из 761-го номера прибыл две недели назад и зарегистрировался как Эдуард Маруа из Дижона. Ему часто звонили, почты не получал, посетителей не было, поздно вставал, поздно ложился, не скупился на чаевые. В гостинице никто не знал, чем он занимается.

— Можно полюбопытствовать о природе вашего интереса? — спросил Дюран, который всегда говорил как поэт.

— Я еще точно не знаю, — правдиво ответил я. — Сам Маруа, может быть, в порядке, но он связан с подозрительным типом. Сообщу, как только что-нибудь разузнаю.

Я не мог рассказать Дюрану, что его гость стреляет среди бела дня в налетчика недалеко от городского муниципалитета. «Маркиз» — респектабельный отель, и они немедленно вышвырнули бы француза на улицу, а пугать его не было смысла.

— Пожалуйста, не забудьте, — попросил Дюран. — Вы наш должник. Так что, пожалуйста, не скрывайте от нас информацию, которая может принести нам ненужную известность.

— Договорились, — пообещал я. — Не окажете

еще услугу? Я ничего не держал во рту с половины восьмого утра. Может, посмотрите за лифтами, пока я заскочу в гриль?

— Конечно.

По пути в гриль позвонил в агентство и назвал номер «кадиллака».

— Кому он принадлежит?

— Это машина Джона Петтерсона из Сан-Пуэбло.

Можно, конечно, заняться Петтерсоном, но сто против одного, что это ложный след. Когда делом занимаются профессионалы, проследить их машину по номерам почти безнадежное занятие.

Я томил в заточении голод целый день и теперь в гриле выпустил его на свободу. За едой поразмыслил над событиями дня, стараясь не напрягаться, чтобы не Испортить аппетит. К тому же, думать было особенно не о чем.

Кид живет в берлоге, из которой виден дом на Макалистер-стрит. Он тайком посетил это здание. Когда Кид выходил оттуда, по нему открыли стрельбу из машины, ждавшей, наверняка, где-то поблизости. Жил ли напарник или напарники француза в квартире, в которую забрался Кид?

Может, его заманили в то здание, чтобы избавиться? Или люди из «кадиллака» наблюдали

за парадным входом, а Кид смотрел за черным? Если да, то знали ли они друг о друге? И кто тогда живет в этом доме?

Ни на один из этих вопросов я не мог ответить. Я только знал, что француз и его товарищи, похоже, недолюбливают Кида.

Закончив есть, вернулся в холл. Когда я проходил мимо телефонисток, одна из девушек кивнула мне. У нее были такие кудрявые рыжие волосы!

Я остановился.

— Вашему другу только что звонили.

— О чем говорили?

— Его ждет человек на углу Керни и Бродвея. Просил поторопиться.

— Когда был звонок?

— Они только что закончили разговаривать.

— Называли какие-нибудь имена?

— Нет.

— Благодарю.

Я подошел к Дюрану, следившему за лифтами.

— Еще не спустился?

— Нет.

— Хорошо. Рыжая телефонистка сказала, что его только что вызвали на угол Керни- стрит и Бродвея.

Я вышел из гостиницы и сел в машину, которую оставил за углом. Черный «кадиллак» с новыми номерами уже стоял перед отелем. Я проехал мимо и заглянул вовнутрь. За рулем сидел коренастый мужчина лет сорока в кепке, надвинутой на глаза. Из-под нее виднелись только большой рот и тяжелый подбородок.

Я остановился недалеко от «Маркиза». Ждать пришлось недолго. Француз сел в «кадиллак», который медленно покатил по Бродвею. Я последовал за ними.

Поездка оказалась короткой. «Кадиллак» остановился так, что пассажирам было удобно наблюдать за «Венецией», одним из лучших итальянских ресторанов города.

Прошли два часа.

Я думал, что в «Венеции» ужинает Кид. Когда он выйдет, опять начнется стрельба и продолжится фейерверк, прерванный на Макалистер-стрит. Хотя я и не собирался помогать Киду в неравном бою, все же надеялся, что на этот раз он сумеет быстро достать пушку.

Судя по всему происходила война между головорезами. Я не хотел вмешиваться в их личные дела. По-моему, дождавшись чьей-нибудь победы, я тоже немножко выиграю, задержав оставшихся

в живых налетчиков.

Предположение о Киде оказалось неверным. Француз ждал мужчину и женщину. Я не разглядел их лиц, так как они быстро сели в такси.

Мужчина был высоким и широкоплечим гигантом. Рядом с ним его попутчица выглядела маленькой девочкой. Да и не мудрено. Любой предмет, весивший меньше тонны, показался бы крошечным рядом с этим громилой.

«Кадиллак» поехал за такси, а я — за «кадиллаком». Ехать пришлось недалеко.

Такси свернуло в темный квартал на окраине Китайского квартала. Раздался скрип тормозов, крики, шум разбиваемого стекла, скрежет металла.

— Эй! Что вы делаете? — глупо закричал мужской голос. — Убирайтесь!

Я не спеша подъехал ближе. Сквозь дождь и темноту оказалось трудно разглядеть подробности. Я находился футах в двадцати, когда из такси на тротуар выпрыгнула женщина. Она приземлилась на колени, вскочила и побежала.

Я открыл дверь. Хотел разглядеть ее, когда она будет пробегать мимо. Если женщина примет открытую дверь за приглашение, я не стану возражать против беседы.

Женщина из такси приняла приглашение и бросилась к машине, словно и не сомневалась, что я жду именно ее. Над меховым воротником виднелось маленькое овальное лицо.

— Помогите! Быстрее… Увезите меня отсюда!

Несмотря на то, что в ее голосе почти не слышался акцент, я понял, что передо мной иностранка.

— Как насчет?.. — Я закрыл рот, так как она ткнула мне в ребро короткоствольным пистолетом. — Конечно! Садитесь, — живо согласился я.

Женщина нагнула голову, чтобы сесть в машину. В этот момент я схватил ее за шею и затащил вовнутрь. Со мной боролось маленькое, но мускулистое тело. Я вырвал пушку и оттолкнул ее на соседнее сиденье. Пальцы незнакомки вцепились в мою руку.

— Быстрее! Быстрее! Пожалуйста, отвезите…

— Как насчет вашего друга?

— Это не друг! Он с ними заодно! Пожалуйста, побыстрее!

В открытой двери моей машины появился человек с большим подбородком, сидевший за рулем «кадиллака». Он схватил женщину за меховой воротник. Она попыталась вскрикнуть, но из ее горла донесся лишь булькающий звук, который издает человек с перерезанной глоткой.

Я ударил водителя «кадиллака» в подбородок пистолетом. Парень попытался упасть в машину, но я вытолкнул его.

Не успела его голова коснуться тротуара, как я захлопнул дверцу и развернулся. Когда мы поворачивали за угол, раздались два выстрела. Может, они стреляли еще, не знаю. Я несколько раз свернул и наконец понял, что погони нет.

Пока все в порядке. Я начал с Кида, бросил его, чтобы заняться Маруа, а теперь отпустил того, чтобы узнать, кто эта женщина. Трудно сказать, из-за чего вся возня, но теперь я, кажется, понял, из-за кого она.

— Куда? — спросил я через несколько минут.

— Домой, — она назвала адрес.

Я не стал возражать, так как моя попутчица жила в том самом доме на Макалистер- стрит, в котором днем побывал Кид. Хотелось опередить Француза и Большого Подбородка, поэтому мы быстро добрались на место. Не знаю, догадывалась ли моя пассажирка или нет, но я не сомневался, что все действующие лица знают этот адрес.

Во время поездки женщина не произнесла ни единого слова. Она сидела рядом со мной и дрожала. Я смотрел на дорогу, думая, как бы получить

приглашение к ней домой. Жаль, что я выронил ее пушку, когда выталкивал из машины Большого Подбородка. Позже это могло бы пригодиться. Если она не пригласит меня сейчас, у меня не будет повода для визита.

Но беспокойства оказались напрасными. Она не пригласила, она потребовала, чтобы я пошел с ней. Незнакомка была сильно напугана.

— Не покидайте меня, — просила она, пока мы ехали по Макалистер-стрит. — Какой кошмар! Вы не можете бросить меня! Если вы уйдете, я отправлюсь с вами!

Я хотел попасть в ее квартиру, но не хотел оставлять машину рядом с домом.

— Поставим машину за угол и пойдем к вам.

Я проехал квартал, смотря по сторонам, но черной машины нигде не было видно. Оставив автомобиль на Франклин-стрит, мы вернулись к дому на Макалистер-стрит. Незнакомка заставила меня почти бежать. К этому времени ливень превратился в слабый дождик.

Дрожащей рукой женщина попыталась открыть входную дверь. Пришлось взять ключ и помочь ей. Никого не встретив, мы поднялись на лифте на третий этаж. Я открыл дверь квартиры.

Не отпуская мою руку, хозяйка включила свет.

Я не понимал, чего она ждет, пока женщина не закричала:

— франа! Франа! Франа!

Откуда-то донесся приглушенный собачий лай. Однако самой собаки не было видно.

Обеими руками женщина вцепилась в меня.

— Они здесь! — В ее голосе слышался ужас. — Они здесь!

— В квартире должен кто-то быть? — поинтересовался я, отодвинув хозяйку, чтобы она не загораживала обе двери, выходящие в прихожую.

— Нет! Только моя собачка Франа, но…

Одну руку я сунул в карман, чтобы при необходимости быстро достать пушку. Другой — отвел женские руки.

— Оставайтесь здесь. Я посмотрю.

Подойдя к ближайшей двери, я вспомнил, как восемь, лет назад Лью Махер сказал: «Парень умеет стрелять, и он просто сумасшедший. Его не сдерживает ничто — ни осторожность, ни страх перед последствиями».

Левой рукой я нажал на дверную ручку и распахнул ногой дверь.

Ничего не произошло.

Нашел выключатель а включил свет. Уютная

гостиная. Полный порядок.

Через открытую дверь в противоположном конце комнаты донеслось приглушенное тявканье. Сейчас оно стало громче и возбужденнее. Я двинулся к этой двери. Свет из гостиной освещал тихую и пустую комнату. Я вошел в нее и включил лампу.

Открыл дверь, из-за которой раздавался собачий лай. Темная пушистая собачонка прыгнула на меня. Я схватил ее там, где шерсть была самой густой. Франа оказалась фиолетовой, как виноград! Ее выкрасили в фиолетовый цвет. Держа этого крашеного, тявкающего пса, я направился в пустую спальню. В шкафу никто не прятался. В ванной и на кухне не было ни души. Очевидно, Кид запер фиолетового щенка еще днем.

Возвращаясь в прихожую с собачкой, я увидел лежащий на столе лицом вниз надрезанный конверт. Конверт был из дорогой бумаги и адресовался Инес Альмад.

Похоже, я имею дело с международной компанией. Маруа — француз, Кид американец из Бостона, у собаки чешское имя (по крайней мере, несколько месяцев назад я взял одного фальшивомонетчика — чеха, которого звали Франа) и Инес, у которой, по-моему, испанское или пор-

тугальское имя. Что касается ее фамилии, то она тоже, несомненно, была иностранной, хотя, кажется, не французской. Я вернулся в прихожую к хозяйке, которая так и не тронулась с места.

— Все, кажется, в порядке. Собачка просто забралась в чулан.

— Никого нет?

— Никого.

Она взяла обеими руками собачонку и поцеловала ее в пушистую мордочку, успокаивая словами на непонятном языке.

— Ваши друзья, люди, с которыми вы поссорились сегодня вечером, знают, где вы живете?

Я не сомневался, что они-то знают, но хотел выяснить, известно ли это ей?

Инес бросила собаку, словно забыла о ней, и нахмурилась.

— Не знаю, — медленно ответила она. — Возможно. Если знают, то…

Она задрожала и захлопнула ногой входную дверь.

— Может, они были здесь днем, — продолжила она. — Я такая трусиха, я всего боюсь! Но сейчас здесь никого нет?

— Никого, — заверил я ее…

Мы вошли в гостиную. Я впервые увидел незна-

комку без шляпы и темной накидки.

Передо мной стояла женщина лет тридцати со смуглой, как у индианки, кожей, чуть ниже среднего роста, в ярко-оранжевом платье. Круглые коричневые обнаженные плечи, изящные руки и ноги, на пальцах множество колец. Тонкий с горбинкой нос, ярко накрашенные полные губы, очень узкие глаза с длинными и густыми ресницами. Глаза какого-то темного цвета, который невозможно определить через узкий просвет между ресницами. Словно два темных луча пробиваются через закрытые веки. Черные волосы в беспорядке. На смуглой груди нитка жемчуга, в ушах серьги в форме дубинок.

Да, это была странная штучка. Я не хочу сказать, что она не была красива. Нет, Инес была прекрасна какой-то дикой красотой.

Закусив нижнюю губу белыми зубами и дрожа от испуга, она включила электрообогреватель. Я воспользовался моментом и переложил револьвер из плаща в брюки, затем снял плащ.

Хозяйка вышла на секунду из гостиной и вернулась с бутылкой с коричневой жидкостью и двумя бокалами на бронзовом подносе, который поставила на маленький столик рядом с обогревателем.

Первый бокал Инее наполнила почти до краев. Я остановил ее, когда она наполнила второй бокал наполовину.

— Мне хватит.

Напиток оказался бренди и пошел отлично. Она опрокинула свой бокал, словно ее мучила жажда, повела голыми плечами и удовлетворенно вздохнула.

— Вы, конечно, думаете, что я ненормальная, — улыбнулась Инее. Бросаюсь на улице к первому встречному незнакомцу, отнимаю у него время, доставляю хлопоты.

— Вовсе нет, — серьезно солгал я. — По-моему, вы довольно рассудительны для женщины, которая, несомненно, не привыкла к таким вещам.

Она пододвинула маленькую, обтянутую материей скамеечку поближе к обогревателю и столу, на котором стояла бутылка с бренди, села и кивком пригласила меня устроиться рядом.

Фиолетовая собачка запрыгнула на колени к хозяйке, которая сбросила ее на пол. Когда Франа попробовала вернуться, Инее пнула ее в бок острым носком бальной туфельки. Собачонка завыла и заползла под стул.

Я старался держаться подальше от окна. Оно было зашторено, но не настолько плотно, чтобы

Кид, если он сидит у окна с биноклем, не мог видеть, что происходит в гостиной.

— Но я вовсе не рассудительна, — возразила смуглая женщина, когда я сел на скамеечку рядом с ней. — Я ужасная трусиха. Даже привыкнув… Это мой муж или, вернее, тот, кто был моим мужем. Ваша доблесть заслуживает объяснения. Я не хочу, чтобы у вас сложилось обо мне неправильное представление.

Я попытался произвести впечатление доверчивого и легковерного мужчины. На самом же деле не верил не единому ее слову.

— Он безумно ревнив, — продолжила Инее низким, мягким голосом, выговаривая слова так, что в ее речи едва слышался иностранный акцент. — Он невероятно злобный старик. Бывший муж подослал этих людей! Сначала была женщина, так что сегодняшние головорезы не первые. Не знаю, что они хотят. Может, убить меня… искалечить, обезобразить… не знаю.

— И мужчина, бывший с вами в такси, один из них? Я ехал за вами, когда на вас напали, и заметил, что вы не одни. Он был с ними?

— Да! Сначала я не знала, но, судя по всему, он заодно с ними. Он не защищал меня! По-моему, мой спутник просто притворялся.

— Не пробовали натравить на своего муженька легавых?

— Что?

— В полицию обращались?

— Да, — она пожала шоколадными плечами. — Но я могла бы с таким же успехом молчать. Это произошло в Буффало. Они обязали мужа сохранять спокойствие, так, кажется, это называется. Тысяча долларов штрафа! Фу! Что значит тысяча для такого Отелло? И я… я не могу выносить газеты, их шуточки. Пришлось уехать из Буффало. Да, однажды я попыталась натравить на мужа легавых.

— Буффало? — я решил немного проверить. — Я там некоторое время жил… На Кресент авеню.

— О, да. Это недалеко от Делавэрского парка.

Все верно. Но ее знание Буффало не доказывает, что все остальное правда.

Женщина налила еще бренди. Мне нужно было остаться трезвым, так как еще предстояла работа. Она вновь выпила полный бокал, затем предложила сигареты из лакированного ящика — изящные сигареты, завернутые вручную в черную бумагу.

Они воняли и горели, как порох.

— Вам не нравятся мои сигареты?

— Я старомоден, — извинился я, гася сигарету на бронзовом подносе и доставая из кармана свои собственные. — Что в ваших хлопушках?

Мадам Альмад мелодично рассмеялась.

— Извините меня. Они мало кому нравятся. Я подмешиваю к табаку индусские благовония.

Я промолчал. Что можно ожидать от женщины, которая выкрасила свою собаку в фиолетовый цвет?

В этот момент собачонка заскребла когтями по полу. Смуглая женщина бросилась мне на грудь, схватив за шею. Вблизи ее глаза оказались не темными, а серо-зелеными. Чернота была лишь тенью от густых ресниц.

— Это всего лишь собака, — успокоил я и отодвинул ее на конец скамеечки.

— Фу, — с огромным облегчением вздохнула Инее. Затем она налила еще раз.

— Видите, я ужасная трусиха, — сказала она, выпив третий бокал бренди. — Но у меня, ах, такие неприятности. Это просто чудо, что я до сих пор не сошла с ума.

Я мог бы ей сказать, что она не настолько далека от сумасшествия, чтобы хвалиться этим, но вместо этого сочувственно кивнул.

Инее уронила сигарету и сейчас же закурила

новую. Ее глаза опять превратились в черные щелочки.

— Наверное, неприлично, — она улыбнулась, и на щеках появились маленькие ямочки, — бросаться в объятия мужчины, о котором я ничего не знаю, даже его имени.

— Это легко исправить. Меня зовут Янг, — соврал я. — Я могу продать ящик шотландского виски по цене, которая потрясет вас. Не стану особенно возражать, если вы станете называть меня Джерри. По крайней мере, большинство леди, которые сидели у меня на коленях, называли меня Джерри.

— Джерри Янг, — словно про себя повторила смуглая женщина. — Прекрасное имя. Так вы бутлеггер?

Все, кроме страха, в этой женщине было фальшиво. Инес здорово перепугалась и не собиралась проводить ночь одна. Она намеревалась держать меня рядом на случай, если подвернутся еще подбородки, которые нужно погладить. Она собиралась охмурить меня. Инес не сдерживали ни природная стыдливость, ни напускная скромность. Она не принадлежала к пуританкам. Мне же хотелось, когда раздастся финальный удар гонга, отвести эту бэби и кое-каких ее дружков в

тюрьму. Это была еще одна причина в числе прочих, почему мне не следует раскатывать губы.

Я был не против разбить в ее берлоге лагерь, пока что-нибудь не произойдет. Квартира напоминала сцену следующего действия, в котором я играю свою игру. Я не мог позволить Инее Альмад догадаться, что ей отведена второстепенная роль. Надо притворяться, что за моим согласием остаться не стоит ничего, кроме желания защитить крошку. Ее можно взять рыцарством, притворившись благородным защитником слабого пола. Но не более того. Тут нужно было держать ухо востро. Инес выпила так много бренди, что уже не скрывала своих игривых намерений.

Я не тешил себя мыслью, что ее теплое отношение вызвала моя красота. Я мужик с толстыми ручищами и большими кулаками. Она попала в переплет и сразу увидела, что я — защита. Я являлся буфером, который Инее собиралась поместить между собой и своими неприятностями.

Существовала еще одна причина, из-за которой я не мог раскиснуть. Я не настолько молод, но и не настолько стар, чтобы сходить с ума по каждой юбке. Сейчас я нахожусь между тридцатью и сорока, как раз в том возрасте, когда мужчина ценит дружбу, например, выше красоты. Эта смуглая

женщина раздражала меня тем, что уж очень была уверена в себе. Работала Инее грубо. Она пыталась обращаться со мной, как с фермером. Но вопреки внешнему виду, я не такой уж олух. Инее чувствовала себя, как рыба в воде, когда нужно было поиграть плечиком. Она не нравилась мне. Я надеялся в конце спектакля запереть ее в боксе. Однако я был бы лгуном, если бы не признался, что она немного зацепила меня.

В гостиной происходила жесткая игра безо всяких сантиментов.

Пару раз мое терпение мне едва не изменило. Взглянул на часы — 2.06. Она накрыла часы унизанной кольцами ручкой.

— Пожалуйста, Джерри, — взмолилась Инее, на этот раз без всякого притворства. — Вы не можете уйти. Вы не должны бросать меня. Если вы уйдете, я пойду с вами. Вы не можете оставить меня здесь одну. Ведь меня могут убить.

Я снова сел. Через несколько минут раздался звонок. Она задрожала и бросилась мне на шею. Я с трудом освободился от ее обнаженных рук.

— Что это?

— Это парадный вход. Не обращайте внимания.

— Ну, ну. Будьте хорошей девочкой, — я потре-

пал ее по плечу. Ответьте. Посмотрим, кто это. Ее руки сжались.

— Нет! Нет! Это они!

Опять зазвонил звонок.

— Ответьте, — настаивал я.

— Нет! — она уткнулась носом мне в грудь.

— Ладно. Тогда я отвечу сам.

Я освободился от женщины и вышел в прихожую. Инес следовала за мной. Я опять попытался убедить ее ответить, но она стояла на своем, хотя и не возражала, если я отвечу сам. Мне бы не хотелось, чтобы гость знал, что Инес не одна, но делать было нечего.

— Ну, в чем дело? — сказал я в трубку.

— Кто вы, черт побери? — спросил хриплый мужской голос.

— Что вам нужно?

— Я хочу поговорить с Инес.

— Скажите мне. Я передам.

Женщина стояла рядом со мной и все слышала.

— Это Билли, — прошептала она. — Скажите ему, чтобы он ушел.

— Уходите, — передал я послание.

— Да? — голос стал жестче. — Откроете или ломать дверь?

В вопросе не было ни капли юмора. Не советуясь с хозяйкой, я нажал кнопку и открыл парадную дверь там внизу.

— Входите, — произнес я в трубку.

— Он поднимается, — объяснил я Инее. — Стать за дверью и двинуть ему по черепу, когда он войдет? Или сначала хотите поговорить с ним?

— Не бейте его! — воскликнула женщина. — Это Билли.

Это устраивало меня. Я не собирался проламывать ему котелок, пока не узнаю, кто он и зачем пришел. К тому же я хотел услышать, что он скажет.

Билли не заставил себя долго ждать. Инес стояла рядом со мной. Когда он позвонил, я открыл дверь. Но не успел я приоткрыть ее, как в прихожую ворвался громадный рыжий детина с красным лицом, огромный во всех измерениях. Причем, в этой глыбе не было ни грамма жира. Кожа на носу была содрана. На одной щеке — глубокая царапина, на другой — большая опухоль. Рыжие волосы взъерошены. Шляпа исчезла. Глаза гиганта сверкали!

На пальто отсутствовал карман, а на вырванном шестидюймовом клоке болталась пуговица. Я узнал его. Громила Билли находился с Инес

Альмад в такси.

— Что это за тип? — поинтересовался он, протягивая ко мне здоровенные лапы.

Я знал, что Инес дура. Не удивился бы, если бы она попыталась отдать меня на растерзание этому потрепанному громиле. Однако смуглая хозяйка не сделала этого. Мадам Альмад положила руку на его грабли и попыталась успокоить Билли.

— Не надо так. Билли, это Друг. Без него я бы не спаслась.

Билли нахмурился. Затем его лицо просветлело, и он схватил ее руку своими лапами.

— Хорошо, что вы убежали, — прохрипел гигант. — Если бы не вы, я бы им показал. Негде было развернуться. Один из них здорово огрел меня по чердаку.

Смех, да и только! Громадный клоун извинялся за то, что его едва не покалечили, когда он защищал женщину, смывшуюся и бросившую его одного.

Инес ввела Билли в гостиную. Они уселись на скамеечку, а я выбрал стул, с которого меня не видел бы Кид.

— Что случилось, Билли? — она коснулась пальчиками поцарапанной щеки и ободранного

носа. — Вам больно?

Он ухмыльнулся со стыдливым восторгом. Я увидел, что опухоль на щеке на самом деле большой кусок жевательного табака,

— Не знаю, что случилось. Один из этих типов так огрел меня, что я очнулся только через пару часов. Таксист в драку не вмешался. Он не стал поднимать шум, а просто отвез меня к доку, который быстренько привел меня в чувство, и вот я здесь.

— Разглядели хоть одного бандита? — поинтересовалась Инес.

— Еще как! Я их разглядел и пощупал.

— Сколько их было?

— Двое. Малыш с тростью и здоровый мордоворот с большим подбородком.

— И больше никого? Среди них не было высокого молодого человека?

Наверняка, Кид. Неужели она думала, что они работают с Французом в паре?

— Нет, — покачал Билли косматой и побитой головой, — Их было только двое.

Женщина нахмурилась и закусила губу.

Билли покосился на меня. Его взгляд говорил: «Дергай отсюда!»

Хозяйка заметила взгляд и дотронулась до го-

ловы гиганта.

— Бедный Билли, — проворковала она. — Он защищал меня, и ему разбили голову, а теперь, когда он должен отдыхать дома, я мучаю его расспросами. Идите, Билли. Позвоните утром, когда голове станет легче.

Красное лицо верзилы нахмурилось, и он сердито взглянул на меня.

Инес рассмеялась и игриво шлепнула его по щеке, за которой находилась табачная жвачка.

— Можете не ревновать к Джерри. Он рыцарь белокурой дамы и предан только ей. Ему совсем не нравятся темненькие. Ведь так, Джерри? — Она с улыбкой бросила мне вызов.

— Нет, — возразил я. — И кроме того, все женщины черные.

Билли переправил табак за поцарапанную щеку и пожал плечищами.

— Ну и шутка, черт побери! — прогрохотал он.

— Это только каламбур, Билли, — засмеялась Инес.

— Гм, — кисло хмыкнул рыжий громила. Мне стало казаться, что я ему не нравлюсь. — Скажите своему толстячку, чтобы он держал свои остроумные шуточки при себе. Они мне не нравятся.

Довольно прозрачный намек. Билли искал

ссоры. Женщина опять засмеялась. Бесполезно искать причину ее поступков. Она была просто дурой. Наверное, Инес думала, что чем держать в кулаке нас двоих, лучше дать нам сцепиться и принять сторону того, кто уцелеет.

В любом случае надвигалась ссора. Я редко лезу в драку по собственной инициативе. Прошли времена, когда я дрался ради развлечения. Но, с другой стороны, мне пришлось побывать в стольких переделках, так что возражать против еще одного, мордобоя? Подумаешь, в худшем случае отдубасят. Я не собирался становиться на задние лапки только потому, что у этого громилы больше мяса, чем у меня. Мне всегда везло с верзилами. К тому же, его уже обработали вечером. Так что сейчас он вряд ли будет в форме. Я хотел еще посидеть у Инес. Если Билли хочет потасовки, он ее получит.

Захватить инициативу оказалось нетрудно. Я усмехнулся прямо в красную физиономию и торжественно предложил хозяйке:

— Думаю, если вы окунете его в синьку, у вас появится второй щенок такого же цвета.

Несмотря на всю глупость остроты, она подействовала. Билли вскочил на ноги и сжал кулаки.

— Пойдем прогуляемся, — решил он. — Здесь

мало места.

Я встал, отодвинул ногой стул и процитировал ему Бернса: «Места всегда хватит по-настоящему близким людям».

Громилу не нужно было долго уговаривать. Мы стали ходить кругами.

Первым номером программы оказался бокс. Он начал, запустив мне в голову кулак. Я нырнул под его лапу и дал ему изо всей силы в поддыхало сначала правой, затем левой. Билли проглотил жвачку, но не согнулся. Он был одним из тех немногих верзил, которые действительно очень сильны.

Билли ничего не знал о драках. Его представление кулачного поединка заключалось в нанесении ударов в голову — правой, левой, правой, левой. Огромные, как корзины для мусора, кулаки молотили воздух. Рыжий гигант целился только в голову, а при этом легче всего уклоняться.

Места мне вполне хватало, чтобы сближаться и вновь уходить. Я наносил удары в живот, сердце, опять в живот.

После каждого удара он только становился выше на дюйм, тяжелее на фунт, сильнее на одну лошадиную силу. Не подумайте, что я филонил.

Нет, бил всерьез, но этому человеку-горе все было нипочем. Единственное, что мне удалось, заставить его проглотить табак.

Я всегда гордился своим умением драться. Теперь я с разочарованием смотрел, как этот тяжеловес не хрюкает даже от моих лучших ударов. Но унывать я не собирался. Он не мог держаться вечно, и я настроился на длительную работу.

Дважды Билли зацепил меня. Раз удар его большого кулака в плечо наполовину развернул меня. Гигант не знал, что делать дальше. Он нанес удар не той рукой, и мне удалось увернуться и уйти. Второй раз он попал мне в лоб. Если бы за мной не стоял стул, я бы упал. Было больно, но ему должно было быть больнее, так как череп крепче, чем суставы пальцев. Когда рыжий гигант приблизился, я ушел, оставив ему на память славный удар по шее.

Билли выпрямился, и над его плечом мелькнуло смуглое лицо. Глаза блестели из-за густых пушистых ресниц, а из приоткрытого рта сверкали белые зубы.

В конце концов Билли надоел бокс, и он решил заняться борьбой. Я бы предпочел кулаки, но делать было нечего — оружие выбирал не я. Он схватил меня за руку, и через секунду мы сцепи-

лись в объятиях.

Он знал о борьбе столько же, сколько и о боксе. Хотя для чего ему что-то знать? Билли был достаточно силен и огромен, чтоб играть со мной без всяких приемов.

Когда мы упали и начали кататься по полу, я оказался внизу. Я безуспешно пытался освободиться. Трижды пробовал ставить ножницы, но мои короткие ноги не могли обхватить его громадную тушу, и он стряхивал меня, словно ребенка.

Ничего нельзя было сделать этому монстру. Пришлось удовольствоваться тратой последних сил на то, чтобы не остаться калекой. Единственный мой шанс заключался в том, что он утратит бдительность, и мне удастся перехитрить его.

Билли долго вертел меня, как куклу, пока наконец не потерял осторожность. Я лежал на спине. Рыжий громила стоял на коленях рядом и схватил меня за шею.

Он даже не знал такой простой вещи, что нельзя задушить противника, если его руки свободны и он знает, что рука сильнее пальца. У любого силача палец слабее руки среднего человека.

Я рассмеялся в его багровое лицо, взметнул обе руки, схватил его мизинцы и дернул. Раздался

треск. Билли заревел. Я схватил следующие пальцы. Один из них хрустнул. Прежде чем сломался второй палец, он отпустил меня.

Я боднул его в физиономию и проскользнул между коленями. Мы оба вскочили на ноги.

В этот момент раздался звонок в дверь.

Азарт на лице Инес сменился страхом. Она закрыла рот ладонью.

— Спросите, кто там, — велел я.

— Кто… кто там? — спросила она ровным голосом.

— Миссис Кейл! — донесся с лестничной площадки негодующий голос. Немедленно прекратите шум. Не удивительно, что жильцы жалуются. Неподходящее время вы выбрали для развлечений!

— Хозяйка дома, — прошептала смуглая женщина и громко добавила: Извините, миссис Кейл. Это больше не повторится.

Из-за двери раздалось фыркание и звук удаляющихся шагов.

Инее Альмад с укором взглянула на рыжего Билли.

— Вам не следовало начинать драку, — обвинила она его.

Гигант униженно посмотрел на пол, потом на

меня. Когда громила взглянул на меня, его лицо вновь побагровело.

— Извините, — пробормотал он. — Я предлагал этому парню выйти. Мы продолжим на улице, чтобы никому не мешать.

— Билли! — резко произнесла Инес, словно читала этому монстру правила поведения. — Вы уйдете и позаботитесь о своих ранах. Вы не выиграете этот поединок, потому что меня здесь убьют одну.

Гигант переминался с ноги на ногу избегая ее взгляда. На его физиономии появилось выражение крайнего несчастья, но он упрямо покачал головой.

— Я не могу уйти один, Инес. Мы должны закончить спор с этим парнем. Он сломал мне пальцы, а я должен сломать ему челюсть.

— Билли!

Она топнула ножкой и повелительно взглянула на него. Глядя на верзилу, можно было подумать, что он вот-вот ляжет на спину и задрыгает в воздухе лапами. Но Билли не уступал.

— Я должен, — повторил гигант. — Другого выхода нет.

С ее лица исчез гнев. Она нежно улыбнулась.

— Дорогой старина Билли, — прошептала смуг-

лянка и направилась к секретеру, стоящему в углу. Когда Инее повернулась, у нее в руке находилась пушка, единственный глаз которой смотрел на Билли. — Убирайся! промурлыкала она.

Рыжий парень соображал медленно. Только через минуту до него дошло, что женщина, которую он любит, гонит его, угрожая пистолетом. Этому громадному олуху было невдомек, что с тремя сломанными пальцами он не сможет ничего сделать. Через минуту наконец он направился к двери. Гигант в глубоком изумлении медленно передвигал копыта, не веря в происходящее. Женщина следовала за ним. Я обогнал процессию, чтобы открыть дверь.

Едва я повернул ручку, как дверь распахнулась, отбросив меня к стене.

На пороге стояли Эдуард Маруа и парень, которому я испортил портрет. Оба держали пистолеты.

Я посмотрел на Инес Альмад. Интересно, что предпримет в такой ситуации эта ненормальная. Однако она оказалась не такой безумной, как я думал. Ее крик и стук от упавшего пистолета слились в один звук.

— Ах, — заметил Француз. — Джентльмены уходят? Можно их задержать?

Тип с большим подбородком, ставшим еще больше после моего удара, был менее вежлив.

— Руки вверх, пташки! — приказал он, подбирая оброненную женщиной пушку.

Я все еще держался за дверную ручку. Тихо нажал защелку, чтобы замок не защелкнулся, и закрыл незапертую дверь. Если понадобится помощь, я хотел, чтобы между ней и мной находилось как можно меньше замкнутых дверей.

Затем Билли, Инее Альмад и я промаршировали в гостиную. На Маруа и его напарнике были заметны следы потасовки в такси. Один глаз Француза закрыл прекрасный синяк. Несмотря на помятую и перепачканную одежду, он держался элегантно, и из- под мышки торчала трость.

Большой Подбородок держал нас под прицелом двух пистолетов, пока Маруа обыскивал меня и Билли. Он спрятал в карман мой револьвер. Билли оказался безоружным.

— Не могли бы вы стать к стене? — попросил Француз.

Мы отошли к стене. Я стоял ближе к окну и плечом отодвинул штору примерно на фут. Если Кид сейчас наблюдал за нами, он должен был ясно видеть Француза, стрелявшего в него вчера вечером. Я надеялся на Кида и оставил дверь открытой.

Если долговязый налетчик проберется в здание, что для него вовсе не трудно, дорога окажется свободной. Я не знал, какую роль он исполняет в этом спектакле, но хотел, чтобы он вышел на сцену, и надеялся, что Кид не разочарует меня. Когда соберутся все действующие лица, может, дело прояснится. Пока же я ничего не понимал.

А между делом старался, чтобы меня не было видно в просвет между шторами. Кто знает, вдруг Кид захочет стрелять через окно.

Маруа стоял перед Инес, а Большой Подбородок держал нас с Билли под прицелом.

— Наверное, я не очень хорошо понимаю английский, — начал насмехаться он над хозяйкой. — Так вот значит, где ты назначила встречу. А я-то думал, что ты сказала Новый Орлеан. Ничего не помню о Сан-Франциско. Какая жалость, что я ошибся! Извини, что заставил тебя ждать. Но теперь я здесь. Где моя доля?

— У меня ее нет, — Инес протянула пустые руки. — Кид отнял… все.

— Что? — с лица Маруа сошла ехидная усмешка, а здоровый глаз гневно засверкал. Его водевильный акцент исчез. — Как это ему удалось, если?..

— Он заподозрил нас, Эдуард, — ее губы дрожали, глаза молили поверить, но женщина

лгала. — Кид следил за мной. Он пришел и все забрал. Я не отважилась ждать тебя с пустыми руками. Я боялась, что ты не поверишь. Ты не…

— Невероятно! — воскликнул Маруа. — Я на первом же поезде направился на юг. Неужели Кид ехал на том же поезде, а я этого не знал? Нет! Но как иначе он умел опередить меня? Ты играешь со мной, моя маленькая Инес. Я не сомневаюсь, что вы сговорились с Кидом, но не в Новом Орлеане. Ты туда даже не ездила, а приехала сразу в Сан-Франциско.

— Эдуард! — патетически воскликнула мадам Альмад, схватив одной рукой Француза, а другой — держась за горло, словно ей было трудно говорить. — Как ты мог подумать такое? Разве за время, проведенное в Бостоне, ты не понял, что это невозможно? Неужели я предам тебя ради этого урода Кида? Не может быть, чтобы ты знал меня так плохо!

Инес была неплохой актрисой. Француз оттолкнул ее и сделал шаг назад. Вокруг рта под крошечными усиками появились белые морщины, на скулах заиграли желваки. Здоровый глаз с беспокойством смотрел на женщину. Она зацепила его, хотя и не так сильно, чтобы окончательно убедить. Но до кульминационного момента было

еще далеко.

— Не знаю, что и думать? — медленно произнес он. — Если я ошибся… Сначала нужно найти Кида. Тогда все прояснится.

— Не надо искать, братишка. Я здесь!

В дверях стоял Кид. В каждой руке он держал по черному револьверу со взведенными курками.

В дверях гостиной возвышался худощавый парень лет тридцати. Сейчас у Кида был еще более злобный вид, чем восемь лет назад. То же самое бледное лицо, отвисшая челюсть, тусклые глаза.

Смуглая женщина прижала руки к щекам. Ее глаза раскрылись настолько широко, что приняли свой истинный серо-зеленый оттенок. Испуг, который я видел на ее лице раньше, не шел ни в какое сравнение с теперешним ужасом.

Француз повернулся к Киду и навел на него пистолет. Он все еще держал под мышкой трость, а его лицо превратилось в застывшую белую маску.

Большой Подбородок направил пушку на новое действующее лицо. Он полуразвернулся и смотрел через плечо на дверь.

Билли, огромная, полуразвалившаяся статуя, не сказал ни слова с тех пор, как Инее начала выгонять его.

И, наконец, я, который чувствовал себя не так комфортабельно, как дома в постели, но и в панику не впал. Я, общем, не был разочарован таким поворотом событий. Вот-вот начнется заключительный акт. Я не подружился ни с кем из присутствующих настолько, чтобы беспокоиться об их судьбах. Наверняка, будут трупы. У меня двадцатилетний опыт игры в кошки-мышки со смертью. Так что я вполне резонно надеялся оказаться одним из выживших и арестовать остальных счастливчиков.

Однако сейчас главные роли играли люди с оружием — Кид, Маруа и Большой Подбородок.

Долговязый налетчик первым прервал молчание. Из-под толстого носа раздался противный скулящий голос.

— Это, по-моему, вовсе не Чи, однако мы все наконец собрались вместе.

— Чикаго, — воскликнул Маруа. — Так ты не поехал в Чикаго?

Кид ухмыльнулся.

— А ты? А она? Зачем мне туда было ехать? Ты думаешь, что мы с ней облапошили тебя? Возможно, так бы и случилось, если бы она не обвела меня вокруг пальца так же, как тебя, так же, как мы втроем облапошили того олуха.

— Возможно, — сказал Француз. — Но тебе не удастся убедить меня в том, что вы с Инес не в паре. Ведь я видел, как вчера ты выходил отсюда.

— Верно, ты видел меня, — согласился долговязый парень. — Но если бы моя пушка не зацепилась за что-то, это было бы последним, что ты видел на белом свете. Однако я ничего против тебя не имею. Я думал, что ты с ней сговорился: то же самое ты думал обо мне. Из того, что я здесь услышал, я понял, что ошибался. Она обвела вокруг пальца нас обоих, Французик, так же, как мы провели того олуха. Неужели ты до сих пор не понял это?

Маруа медленно покачал головой.

Оба бандита не спрятали пушки, и это добавляло пикантности их беседе.

— Послушай! — нетерпеливо воскликнул Кид. — Мы должны были собраться в Чикаго и разделить добычу на три части, не так ли?

Француз кивнул.

— Но она мне сказала, — продолжил долговязый парень, — что в Сент-Луисе мы разделим барахло на две части, без тебя, а тебе сказала, что вы встретитесь в Новом Орлеане и разделите барахло без меня. Однако Инее одурачила нас обоих и смылась с барахлом в Сан-Франциско. Мы

с тобой пара сосунков, Французик. Так что нам теперь нет смысла дуться друг на друга. Бабок вполне хватит на двоих. Я предлагаю забыть, что было раньше, и поделить их между собой. Пойми, я не прошу, а предлагаю. Если тебе не нравится мое предложение, катись к черту! Ты меня знаешь! Ты знаешь, что я без труда могу грохнуть и тебя, и кого угодно. Так что решай!

Француз некоторое время молчал. Он уже решил, что делать, однако не хотел соглашаться так быстро. Не знаю, поверил ли он Киду, но пушка долговязого налетчика его, наверняка, убедила. Взведенный револьвер стреляет значительно быстрее пистолета. Здесь Кид имел преимущество. В его пользу было и то, что ему, скорее всего, наплевать, что произойдет.

В конце концов Маруа вопросительно посмотрел на Большого Подбородка. Тот облизнул губы, но промолчал.

Маруа опять взглянул на Кида и кивнул.

— Ты прав. Поделим поровну.

— Хорошо! — Кид продолжал стоять в двери. — Что это за пташки?

— Эти двое, — Француз кивнул на нас с Билли, — друзья нашей Инес. А это, — он показал на Большого Подбородка, — мой напарник.

— Ты хочешь сказать, что он с тобой? Ладно, я не возражаю. Но ты, конечно, понимаешь, что тебе придется делиться с ним из твоей доли, — твердо сказал Кид. — Я беру половину.

Француз нахмурился, но кивнул.

— Половина твоя, если мы их найдем.

— Не переживай, — посоветовал ему долговязый налетчик. — Они здесь, и мы их получим.

Он опустил один револьвер и подошел к женщине. Кид двигался так, чтобы не поворачиваться спиной к Маруа и Большому Подбородку.

— Где барахло? — потребовал он.

Инес Альмад провела языком по красивым губам, нежно посмотрела на Кида и начала свою игру.

— Мы все одинаково плохие, Кид. Вы с Эдуардом забыли прошлое. Чем я хуже вас? Они у меня, верно, но не здесь. Может, подождете до завтра? Я съезжу за ними, и мы поделим их на три части, как договаривались раньше.

— Нет! — в голосе Кида слышалась непоколебимость.

— Но это же несправедливо! — взмолилась Инее. Ее подбородок задрожал. Разве вы не сделали того же, что сделала я? Разве вы?..

— С нами совсем другое дело, — ответил ей

Кид. — Мы с Французиком попали в переделку и нам необходимо объединиться. С тобой иначе. Ты нам не нужна. Мы можем просто забрать барахло! Где оно?

— Не здесь! Неужели я такая дура, чтобы держать их в квартире, где вы можете их легко найти? Без меня вам не найти. Вы не сумеете без меня…

— Дура! Я мог бы клюнуть, если бы не знал тебя. Но я знаю, какая ты жадюга. Ты не станешь держать их далеко от себя. К тому же твоя подлость еще больше, чем жадность. Если тебе заехать пару раз, ты сразу расколешься. Не думай, что я стану колебаться, прежде чем отделать тебя! — И он поднял руку.

Инес съежилась.

В этот момент торопливо заговорил Француз.

— Давай сначала обыщем комнаты. Если не найдем, тогда решим, что делать дальше.

Кид засмеялся с издевкой.

— Ладно, но заруби себе на носу, что я не уйду отсюда без барахла. Если надо, я выпотрошу эту крысу. Мой способ быстрее, но, если хочешь, можно сначала обыскать комнаты. Пусть твой дружок держит этих пташек под прицелом, пока мы будем заниматься берлогой.

Они приступили к работе. Кид спрятал револьвер и вытащил кнопочный нож с длинным лезвием. Француз открутил нижнюю часть трости, превратив ее в кинжал полуторафутовым клинком. Они искали тщательно. Сначала прошерстили всю гостиную. Кид и Маруа обыскивали мебель, разрезали картины, раздирали обшивку, ковры, не оставив нетронутыми даже обои. Ребята не торопились. Ни один не поворачивался к другому спиной.

Когда они перешли в следующую комнату, оставив меня, Билли и женщину под прицелом пушек Большого Подбородка, гостиная лежала в руинах.

Как только Кид и Маруа вышли, Инее попыталась испробовать свое искусство на нашем охраннике. Уверен, она считала, что может скрутить в бараний рог любого мужика.

Некоторое время смуглая хозяйка стреляла глазами, а затем негромко поинтересовалась:

— Могу я?..

— Не можешь! — хрипло и громко ответил Большой Подбородок. — Заткнись!

В дверях показался Кид.

— Если все будут молчать — останутся целы, — прорычал он и вернулся к работе.

Однако смуглая красавица ценила себя слишком высоко, чтобы так легко отступиться. Сначала она говорила глазами, да так, что Большой Подбородок покраснел и вспотел. Он был простым бандитом. Не думаю, что Инес чего-нибудь добилась. Если бы они были вдвоем, другое дело. Большой Подбородок не мог себе ничего позволить в присутствии зрителей.

В соседней комнате раздалось тявканье фиолетовой Франы, которая убежала из гостиной, когда появились Маруа и Большой Подбородок. Лай неожиданно оборвался. Это значило, что встреча с поисковой командой закончилась для собачонки плачевно.

Кид и Маруа, потратив почти час на остальные комнаты, вернулись в гостиную с пустыми руками.

— Я говорила, что их здесь нет, — с триумфом заметила Инее. — А теперь?..

— Я не верю ни одному твоему слову. — Кид спрятал нож в карман. — Я не сомневаюсь, что барахло здесь. Он схватил женщину и протянул ей под нос ладонь. — Или ты сейчас же отдашь мне барахло, или я сам заберу его.

— Их здесь нет! Клянусь!

Уголки рта Кида приподнялись в зверской

гримасе.

— Мерзкая тварь! Так я тебе и поверил!

Он выкрутил руки Инее, заставив ее опуститься на колени. Его свободная рука схватила бретельки оранжевого платья.

— Я быстро их найду, — пообещал долговязый налетчик.

И здесь ожил Билли.

— Эй! — запротестовал он. Его грудь бурно вздымалась. — Вы не можете это сделать!

— Подожди, Кид! — Маруа опять сложил кинжал в трость. — Давай посмотрим, может, есть другой способ?

Кид отпустил Инее и медленно отошел от нее. Его глаза превратились в мертвые бесцветные круги. Это были тусклые глаза человека, утратившего способность возбуждаться.

— Французик, давай выясним все до конца, — сказал он скулящим голосом. — Ты с ней или со мной?

— С тобой, конечно, но…

— Тогда будь на самом деле со мной! Что я ни предложу, ты против. Я собираюсь пощупать эту куколку, и не думай, что ты сумеешь остановить меня. Что ты на это скажешь?

Маруа сморщил губы так, что маленькие

черные усики коснулись кончика носа. Он нахмурился и задумчиво посмотрел здоровым глазом на Инее. Француз не собирался препятствовать Киду. В конце концов он пожал плечами.

— Ты прав, — сдался он. — Ее нужно обыскать.

Кид презрительно фыркнул и опять направился к женщине, которая бросилась мне на шею.

— Джерри! — закричала она. — Вы не позволите ему дотронуться до меня? Пожалуйста, Джерри!

Я молчал. Я не считал, что обыск Инес Альмад джентльменский поступок, но существовало несколько причин, из-за которых я не попытался остановить Кида.

Во-первых, я хотел, чтобы «барахло», о котором было так много болтовни, побыстрее нашлось. Во-вторых, я не Галахад.[4] Эта женщина сама выбрала себе друзей и несла всю ответственность за такой поворот событий. И третья основательная причина — пушки Большого Подбородка напоминали, что если я хочу жить, мне лучше не трепыхаться.

Кид оттащил Инес от меня. Я не пошевелил даже пальцем. Он толкнул ее на остатки скамьи, стоящей около электрического обогревателя, и

---

[4] Примечания: 4

Галахад — благородный и храбрый рыцарь, всегда готовый защитить честь дамы, персонаж двора легендарного короля Артура

кивком подозвал Француза,

— Подержи ее, пока я буду щупать.

Женщина наполнила легкие воздухом. Но перед тем, как она закричала, длинные пальцы Кида сжали ее горло.

— Только чирикни, и я мигом сверну тебе шейку, — пригрозил он.

Инее выпустила воздух через нос.

Билли пыхтел и переминался с ноги на ногу. Его лоб под рыжими волосами блестел от пота. Я надеялся, что гигант дождется, пока найдется барахло. Если он потерпит, то может рассчитывать на мою поддержку.

Однако кавалер Инес не стал ждать. Когда Кид начал раздевать женщину, которую держал Маруа, он сделал шаг вперед. Большой Подбородок попытался остановить Билли, махнув пистолетом, но тот, по-моему, даже не заметил оружия. Его горящий взгляд был устремлен на троих людей около скамеечки.

— Эй, не трогайте ее! — прогрохотал гигант. — Не смейте обыскивать ее!

— Да? — Кид взглянул на него. — Смотри.

— Билли! — взмолилась Инес, толкая рыжего верзилу на опрометчивый поступок.

И Билли бросился вперед.

Большой Подбородок пропустил его и навел обе пушки на меня. Кид отскочил от скамьи, а Маруа толкнул женщину на рыжего гиганта, вытаскивая пистолет.

Билли и Инес столкнулись и на мгновение потеряли равновесие.

Кид бросился на гиганта сзади. В его руке блеснул нож. Долговязый налетчик знал, как обращаться с этим оружием. Никаких неуклюжих ударов снизу. Когда Билли выпрямился, Кид нанес сильный удар чуть ниже плеча, направляя лезвие большим и указательным пальцами.

Рыжий верзила рухнул на пол, потянув за собой женщину. Он скатился с нее и замер среди обрывков и обломков мебели. Мертвый, он казался еще больше и заполнял почти всю гостиную.

Левой рукой Кид вытер нож о ковер и сунул его в карман. Правая рука находилась у бедра рядом с револьвером. Долговязый налетчик не сводил глаз с Маруа.

Но если он ждал, что Француз заверещит, то ему пришлось разочароваться. Усики Маруа лишь дрогнули, а лицо еще больше побледнело и напряглось.

— Лучше поторопиться. Пора дергать отсюда, — предложил он.

Инес хныкала на полу рядом с трупом Билли. Ее лицо приняло пепельный оттенок. Она проиграла. Дрожащей рукой смуглая красавица достала откуда-то из-под платья плоский маленький шелковый мешочек.

Маруа, стоявший рядом с Инес, взял его, но не смог открыть пальцами, так как мешочек был крепко зашит. Кид разрезал его ножом, пока Француз поддерживал мешочек, и Маруа высыпал содержимое на руку.

На его ладони сверкали алмазы, жемчуг и несколько цветных камней.

Большой Подбородок тихо свистнул. Его глаза заблестели. Остальные тоже не могли оторваться от сверкающих камней.

Большой Подбородок отвлекся от меня. Сейчас я мог достать его подбородок и сбить с ног. Сила почти вернулась ко мне. Я смог бы вырубить Большого Подбородка и завладеть, по меньшей мере, одним из его пистолетов, пока Маруа и Кид откроют стрельбу. Наступило время действий. Я долго позволял этим комедиантам играть главные роли. Камешки наконец-то нашлись. Если я позволю им сейчас разойтись, то вряд ли опять сумею когда-либо собрать всех вместе.

Однако я не поддался искушению и решил еще

подождать. Даже захватив пушку, я окажусь в меньшинстве против Кида и Маруа. Смысл сыскной работы заключается в поимке бандитов, а не в совершении подвигов.

Маруа ссыпал камни обратно в мешочек и начал засовывать его в карман.

— Не надо, — Кид взял его за руку.

Брови Эдуарда Маруа удивленно поднялись.

— Вас двое, а я один, — объяснил долговязый парень. — Я доверяю тебе и все такое, но все равно хочу сразу получить свою долю.

— Но…

Протесты Француза прервал звонок в дверь.

Кид бросился к хозяйке.

— Отвечай и без фокусов!

Она поднялась с пола и вышла в прихожую.

— Кто там?

— Еще один звук, миссис Альмад, — раздался суровый и гневный голос домовладелицы, — и я вызову полицию. Как вам не стыдно!

Интересно, что бы она сказала, если бы открыла незапертую дверь и увидела квартиру — изрезанную и ободранную мебель и труп, лежащий на полу среди руин, шум падения которого заставил ее во второй раз подняться наверх. Да, интересно. Я решил рискнуть.

— А иди ты к черту! — велел я.

Домовладелица негодующе фыркнула. Я надеялся, что обида заставит ее поспешить к телефону. Мне может понадобиться помощь полиции, которую она собиралась вызвать.

Кид выхватил пушку. Несколько секунд дуло смотрело на меня. Это был, наверное, решающий момент. Если бы долговязый налетчик мог пришить меня тихо, он бы не колебался. Но за моей спиной была стена, и Кид знал, что я не буду тихо стоять и ждать, пока он меня прирежет. Он не хотел ненужного шума теперь, когда они нашли камни.

— Заткни свою пасть, пока я не закрыл ее, — и Кид снова повернулся к Французу, который успел спрятать мешочек в карман.

— Или мы разделим их здесь, или камни понесу я, — заявил долговязый бандит. — Вас двое, и я не собираюсь рисковать своей долей.

— Но, Кид, мы не можем здесь больше оставаться! Даже если хозяйка не позвонит в полицию, все равно надо смываться. Разделим камешки где-нибудь в другом месте. Почему ты не доверяешь мне сейчас, когда мы вместе?

Кид сделал два шага и оказался между дверью и Маруа и Большим Подбородком. Он держал два

револьвера.

— Спокойно! — произнес он через нос. — Мои камешки не покинут этот дом в чужом кармане. Если хочешь делить, я не возражаю. Если ты против, понесу их я. Все. Баста!

— Но полиция!

— Это твоя забота. Всему своя очередь. Сейчас очередь камней.

На лбу Француза набухла голубая вена, маленькое тело напряглось. Он пытался набраться храбрости для перестрелки с Кидом. И он, и Кид знали, что когда занавес опустится, все камни окажутся у одного из них. Бандиты давно начали дурить друг друга и вряд ли сейчас изменят привычки. Кто-то завладеет всей добычей. Другой же не получит ничего кроме похорон.

Большой Подбородок не в счет. Он слишком прост, чтобы тягаться с такими акулами. Если бы его котелок хоть капельку варил, напарник Француза пристрелил бы и Кида, и Маруа, а он вместо этого продолжал держать под прицелом меня, одним глазом наблюдая за Кидом и Французом.

Инес стояла рядом с дверью. Она смотрела на бывших партнеров. Я тратил драгоценные минуты, тянувшиеся, как часы, пытаясь поймать ее взгляд. В конце концов мне это удалось.

Я посмотрел на выключатель, находящийся всего в футе от нее, потом на нее, на выключатель, на нее и так несколько раз, пока она не поняла.

Ее рука начала скользить по стене. Я наблюдал за главными игроками.

Глаза Кида были мертвыми кругами, а здоровый глаз Маруа слезился. Француз не решился открывать стрельбу и достал шелковый мешочек.

Коричневый пальчик Инее лег на выключатель. В это же мгновение, даже долей секунды раньше, я двинулся вперед. Мне пришлось положиться на нее. Большой Подбородок сразу начнет стрельбу. Если Инес не выключит свет, я покойник.

Ее ноготь на выключателе побелел.

Я прыгнул на Маруа.

Темноту пронзили вспышки выстрелов. Я схватил Француза, и мы упали на труп Билли. Я ударил Маруа в лицо и поймал его руку. Его свободная рука нашла мою физиономию. Значит, камешки в той руке, которую я держу. Пальцы вцепились мне в рот, и я впился в них зубами. Одно колено поставил на его портрет и сильно надавил; Теперь обе мои руки освободились.

Некрасиво, зато эффективно.

Гостиная превратилась во внутренность черного барабана, на котором какой-то гигант выбивал длинную барабанную дробь. Одновременно гремели четыре пушки, и звуки выстрелов слились в пульсирующий грохот.

Ногти Маруа начали рвать мой рот, и мне пришлось разжать зубы. Я вывернул большой палец, которым он держал мешочек, и Француз закричал. Камешки оказались у меня в руке.

Попытался встать, но Маруа схватил меня за ногу. Попробовал ударить ногой, но промахнулся. Француз дважды вздрогнул и затих. Наверное, в него попала шальная пуля. Перекатившись по полу, я подполз к нему и начал шарить по телу, пока не наткнулся на то, что было нужно. Вытащил из кармана свой револьвер и пополз на коленях к двери в другую комнату, держа в одной руке револьвер, а в другой — мешочек с камнями. Когда я очутился в соседней комнате, стрельба в гостиной прекратилась.

Прислонившись к стене, я спрятал драгоценности и пожалел, что не остался с французом. В комнате было темно. В ней горел свет, когда Инее выключила свет в гостиной. Раньше во всех комнатах горел свет. Я не знал, почему он погас, и мне это не понравилось. Из гостиной не доносилось

ни звука. В открытом окне тихо шелестел дождь. До меня донесся еще один звук приглушенное клацание зубов,

Конечно, Инее, перепуганная до смерти, Мне стало смешно. В темноте она выскользнула из гостиной и выключила везде свет.

Я тихонечко дышал через широко раскрытый рот и ждал. Искать женщину без шума было невозможно. Маруа и Кид разбросали везде обломки мебели и куски обшивки. Жаль, что я не знаю, вооружена ли она. Не хотелось бы, чтобы Инее открыла по мне пальбу.

Я не двигался с места и ждал. Ее зубы продолжали стучать.

В гостиной раздался шорох, и последовал грохот выстрела.

— Инес, — прошипел я по направлению клацания зубов.

Тишина. Из гостиной донеслись одновременно два выстрела, и начались стоны.

— Камни у меня, — прошептал я под прикрытием стонов.

— Джерри! Идите ко мне, — сразу ответила Инее.

Стоны в соседней комнате начали слабеть. Я медленно пополз на коленях на звуки женского

голоса, стараясь не задевать валявшиеся на полу предметы. В темноте ничего не было видно. Где-то по дороге я влез рукой во влажный комок шерсти — труп маленькой Франы. Инее дотронулась до моего плеча.

— Дайте мне их, — были ее первые слова.

Я усмехнулся, потрепал ее по руке и прошептал на ухо:

— Пошли в спальню. Скоро придет Кид. — Я не сомневался, что он уложил Большого Подбородка. — В спальне с ним справиться будет легче.

Я пополз на коленях в спальню вслед за хозяйкой. Пока мы ползли, попытался проанализировать ситуацию. Кид еще не знал, что случилось со мной и Маруа. Он мог предположить, что Француз пришил меня, и я лежу рядом с Билли. Скорее всего, он уже понял, что грохнул Большого Подбородка. В гостиной стояла кромешная тьма, но к этому времени до него должно было дойти, что он единственный живой человек в гостиной.

Кид блокировал выход из квартиры. Итак, он, наверняка, считает, что Маруа и Инес тоже живы и что драгоценности у них. Что он сделает? Теперь, конечно, вся их дружба рассыплется, как карточный домик. Она уже испарилась, когда погас свет. Кид хотел камни и хотел их все.

Я не колдун, но без особого труда предположил следующий ход долговязого налетчика. По-моему, он должен скоро отправиться за нами. Он знал, он должен был догадываться, что скоро придет полиция, но, на мой взгляд, этот тип достаточно безумен, поэтому не будет обращать внимание на такие мелочи. Он, конечно, вычислит, чтобы успокоить пьяных соседей. Он мог справиться с двумя фараонами или, по крайней мере, так считал. А сейчас Кид займется камешками.

Мы с Инее вползли в спальню, самую дальнюю комнату квартиры, в которой находилась только одна дверь. Я слышал, как она пытается закрыть ее, и вставил в проем ногу.

— Оставьте ее открытой, — прошептал я.

Я не хотел запираться от Кида, я хотел заманить его. Подполз на животе к двери и положил на порог часы. Затем отполз на шесть-восемь футов, находясь по диагонали от светящегося циферблата. Из другой комнаты они не были видны, так как циферблат был обращен ко мне. Если Кид не прыгнет, а войдет, то хотя бы на долю секунды окажется между мной и часами.

Я лежал на животе, уперев револьвер в пол, и ждал мига, когда светлое пятно часов погаснет. Ждать пришлось долго, и в голову полезли

сомнения может, он не придет, может, нужно отправляться за ним, может, он убежал, и я потерял его навсегда после всей этой возни.

А рядом тряслась Инее.

— Не трогайте меня, — проворчал я, когда женщина попыталась прильнуть ко мне, так как от ее дрожи тряслась моя рука.

Из соседней комнаты донесся хруст стекла — и опять тишина.

От светящегося циферблата часов мои глаза начали чесаться, однако я не мог мигать. За эту долю секунды нога могла пересечь порог. Я не мог позволить себе такой роскоши, но и не мог ничего с собой поделать. Мигнул. Я не знал, прошло ли что-нибудь между мной и часами. Желание снова мигнуть стало нестерпимым. Попытался широко раскрыть глаза, но не выдержал и мигнул второй раз. Мне показалось, что между мной и часами что-то мелькнуло.

Кида не было слышно.

Смуглая Инес зарыдала. Звуки рыдания могли послужить ориентиром для бандита, и я выругал ее от всего сердца, хотя и шепотом.

Глаза щипало от слез. Я попытался мигнуть и смахнуть слезы, оторвав на драгоценные доли секунды взгляд от часов. Ручка револьвера ста-

ла скользкой от вспотевшей руки. Было очень некомфортно и внутри, и снаружи. В этот момент в дверях сверкнула вспышка выстрела.

Инее Альмад завопила и бросилась на меня, поэтому моя ответная пуля угодила в потолок.

Я оттолкнул женщину и откатился назад. Она стонала где-то под боком. Я не мог ни видеть, ни слышать Кида. Часы по-прежнему светились.

Вдруг раздался шорох, и светящееся пятно погасло.

Я выстрелил.

Увидел две ответные вспышки и, держа револьвер как можно ниже, дважды пальнул в пространство между этими вспышками.

Опять сверкнули два огня-близнеца.

Правая рука онемела, и пришлось переложить револьвер в левую. Я еще дважды выстрелил в дверь. Остался последний патрон.

Голова наполнилась веселыми мыслями. Казалось, что вокруг нет ни комнаты, ни темноты, ничего…

Когда очнулся, в спальне горел тусклый свет. Я лежал на спине. Около меня шумно дышала и дрожала Инее. Стоя на коленях, она обыскивала меня. Нашла мешочек с драгоценными камнями.

Я вернулся к жизни и схватил ее за руку. Женщина закричала, словно я воскрес из мертвых. Камни остались у меня.

— Отдайте мне их, Джерри, — завыла она, неистово пытаясь разжать мои пальцы. — Это мое. Отдайте!

Я сел и оглянулся.

Рядом валялась разбитая ночная лампа, упавшая или из-за неосторожного движения моей ноги, или от пули Кида и вырубившая меня. У Двери лицом вниз, разбросав руки, словно распятый на кресте, растянулся мертвый Кид.

Из прихожей донеслись слабые удары, почти не слышные из-за шума в моей голове. Это полиция стучалась в открытую дверь.

Инее притихла. Я повернул голову, и это движение спасло мою жизнь. Щеку поцарапал нож, разодравший лацкан пиджака. Я отнял оружие у женщины.

Какой смысл для нее убивать меня? Полиция уже находилась в квартире. Я решил повеселиться напоследок и притворился, что внезапно полностью пришел в себя.

— А, это вы! Вот камешки! — и я протянул ей шелковый мешочек, когда в спальню вошел первый фараон.

Больше я Инее Альмад не видел. Ее отправили на восток, в Массачусетс отсиживать пожизненный срок. Никто из полицейских, ворвавшихся в ту ночь в ее квартиру, меня не знал. Нас развели, прежде чем я встретил знакомого легавого, что дало мне возможность так и остаться для нее Джерри Янгом, бутлеггером. Самое трудное было не попасть в газеты. Ведь пришлось рассказать коронеру о том, как погибли Билли, Большой Подбородок, Маруа и Кид.

Старик разговаривал с Инес перед ее отъездом из Фриско. Сопоставив сведения, полученные из нашего бостонского отделения и от нее, удалось восстановить ход событий.

У бостонского ювелира Танниклифа работал служащий по имени Байндер, который пользовался полным доверием хозяина. Он влюбился в Инее Альмад. Смуглая красотка, в свою очередь, имела пару ловких друзей — француза Маруа и уроженца Бостона по имени Кэри или Кори, но которого все называли Кид. Такая комбинация могла дать только один результат.

Альмад, Маруа и Кид разработали план. В обязанности верного Байндера входило открывать магазин утром, закрывать его вечером и, кроме того, он прятал в сейф самые дорогие необрабо-

танные камни. Однажды вечером он передал камешки Инес, которая должна была продать их. Для того, чтобы скрыть кражу Байндера, Кид и Маруа должны были ограбить магазин сразу после открытия на следующее утро. В это время там находились только Байндер и привратник, который не заметил отсутствия самых дорогих камней. Грабители могли взять все, что захотят. Кроме того, им должны были заплатить каждому по двести пятьдесят долларов. А в случае поимки Байндер их просто не опознает.

Однако простофиля Байндер не подозревал о существовании другого плана. Инес, Маруа и Кид втайне от служащего магазина заключили соглашение, кое в чем отличавшееся от плана, известного Байндеру.

Инес должна была отправиться в Чикаго, как только незадачливый любовник принесет драгоценности, и ждать там Кида и Маруа. Она и Француз не возражали бежать и бросить Байндера без алиби. Но Кид настаивал на запланированном налете. Кроме того, он хотел пристрелить этого олуха Байндера. Он знает о них многое, убеждал долговязый грабитель, и расколется, как только догадается, что его облапошили.

Во время налета Кид застрелил Байндера. Затем

начались умопомрачительные интриги, которые привели всю троицу к трагическому финалу. Инес заключила секретные соглашения с обоими бандитами. Киду она обещала приехать в Сент-Луис, а Маруа — в Новый Орлеан, а сама сбежала с добычей в Сан-Франциско.

Билли оказался невинным зрителем. Он был торговцем лесом, которого Инес где-то подцепила и держала при себе в качестве подушки против острых углов на каменистой дороге, по которой она путешествовала.

Обгоревшее лицо

— Мы их ждали вчера, — закончил свой рассказ Альфред Бэнброк. — Но когда они не появились и сегодня утром, жена позвонила по телефону миссис Уэлден. А миссис Уэлден сказала, что их там не было… и что они вообще не собирались приезжать.

— Итак, — заметил я, — ваши дочери уехали сами и по собственной воле остаются вне дома?

Бэнброк кивнул. Его лицо выглядело усталым, щеки обвисли.

— Да, так может показаться, — согласился он. — Поэтому я обратился за помощью в ваше агентство, а не в полицию.

— Такие исчезновения и раньше случались?

— Нет. Если вы следите за прессой, то вам, наверное, попадались заметки о… как бы это сказать… нерегулярном образе жизни молодого поколения. Мои дочери уезжают и приезжают, когда им того захочется. Но я, хотя и не могу сказать, что мне известны их намерения, вообще-то всегда знаю, где они.

— Вы не догадываетесь, почему они так уеха-

ли?

Он затряс опущенной головой.

— Вы в последнее время часто ссорились? — рискнул предположить я.

— Нет… — начал он, но внезапно переменил тон. — Да… хотя я и не считаю, что этот случай может иметь значение, да и вообще не вспомнил бы о нем, если бы вы меня не спросили. В четверг вечером…

— И о чем шла речь?

— О деньгах, разумеется. Кроме денег, у нас не было причин для разногласий. Я давал дочерям на карманные расходы довольно много… может быть, слишком много. Так что им не приходилось себя ограничивать. Как правило, дочери не выходили за пределы того, что я выделял… Но в четверг вечером они попросили у меня сумму, которая значительно превышала разумные потребности двух девушек. Я был возмущен… хотя в конце концов все же дал денег, правда, несколько меньше, чем у меня требовали. Это не назовешь ссорой в полном смысле слова… но некоторое охлаждение наших отношений все же произошло.

— И именно после этой размолвки они сказали, что едут на уик-энд в Монтри, к миссис Уэлден?

— Возможно. Я не уверен. Кажется, я узнал об этом только на следующий день. Но, может быть, они сказали моей жене?

— Вам не приходит на ум другая причина бегства?

— Нет. Да и этот наш спор о деньгах… который, вообще, не столь уж необычен… не мог быть тому причиной.

— А как считает их мать?

— Их мать умерла, — поправил меня Бэнброк. — Моя жена — их мачеха. Она всего лишь на два года старше Миры, моей старшей дочери; жена так же, как и я, совершенно обескуражена.

— Ваши дочери и их мачеха живут в согласии?

— Да! Да! В полном согласии! И всегда, когда в семье возникают разногласия, они образуют единый фронт против меня.

— Ваши дочери выехали в пятницу после полудня?

— В полдень или несколькими минутами позже. Автомобилем.

— И автомобиля, разумеется, тоже нет?

— Естественно.

— Какой марки машина?

— Кабриолет. Такой, со складным верхом. Черный.

— Его регистрационный номер? Номер двигателя?

— Сейчас.

Он повернулся в кресле к большому письменному столу с выдвижной столешницей, что загораживал четверть стены конторы, порылся в бумагах и продиктовал мне номера. Я записал их на обратной стороне конверта.

— Я включу вашу машину в полицейский список украденных автомобилей, сказал я. — Здесь не обязательно упоминать о ваших дочерях. Если полиция найдет автомобиль, нам легче будет обнаружить девушек.

— Отлично, — согласился он, — коль скоро это можно сделать без огласки… разве что окажется, что с девочками плохо.

Я понимающе кивнул и встал.

— Мне необходимо поговорить с вашей женой, — сказал я. — Она дома?

— Кажется, да. Я позвоню и скажу, что вы придете.

…Я разговаривал с миссис Бэнброк в огромном, напоминающем крепость доме из белого известняка на вершине холма, возвышающегося над заливом. Это была высокая, темноволосая женщина лет двадцати двух, склонная к полноте.

Она не сказала ничего такого, о чем не упомянул бы ее муж, но сообщила больше деталей.

Я получил описание девушек.

Мира — двадцать лет, рост 173 см, вес 68 кг, физически развита, имеет несколько мужские манеры. Короткие каштановые волосы, глаза карие, кожа темная, лицо квадратное, с широким подбородком и коротким носом, над левым ухом под волосами — шрам. Любит лошадей и всякие развлечения на свежем воздухе. Когда она уходила из дома, на ней было голубовато-зеленое шерстяное платье, маленькая голубая шляпка, короткая черная шубка и черные туфли.

Рут — восемнадцать лет, рост 162 см, вес 48 кг, глаза карие, волосы короткие, каштановые, кожа смуглая, лицо овальное, с мелкими чертами. Тихая, робкая, склонна искать опору в старшей, более сильной сестре. Одета была в серое шелковое платье и табачно-коричневый плащ, отделанный мехом; в комплекте с широкополой коричневой шляпой.

Я получил по фотографии каждой девушки и в придачу снимок Миры, стоящей перед кабриолетом. Получил список вещей, которые они с собой взяли, — такие обычно берут с собой на уик-энд. И, что куда важнее, миссис Бэнброк продиктова-

ла мне список друзей своих падчериц, их родных и знакомых.

— Они упоминали о приглашении от миссис Уэлден перед ссорой с отцом? спросил я, пряча бумаги в карман.

— Пожалуй, нет, — ответила миссис Бэнброк, поразмыслив. — Вообще-то я не склонна видеть здесь связь. Потому что девочки, в сущности, с отцом и не ссорились. Перепалка, которая произошла между ними, была не настолько острой, чтобы ее можно было назвать ссорой.

— Вы знаете, когда они выехали?

— Разумеется! Они выехали в пятницу, в половине первого. Поцеловали меня, как обычно, на прощание. Их поведение не наводило на подозрение.

— И вы понятия не имеете, куда бы они могли податься?

— Нет. Среди фамилий и адресов, которые я вам назвала, есть родные и знакомые девушек в других городах. Они могли отправиться туда. Вы полагаете, что мы должны…

— Я займусь этим, — пообещал я. — Не могли бы вы сказать, к кому скорее всего могли поехать девушки?

— Нет, — ответила она решительно. — Не могу.

С этого свидания я прямиком отправился в агентство и привел в действие обычный механизм: договорился, чтобы агенты других отделов Континенталя занялись некоторыми фамилиями из моего списка, занес черный кабриолет в полицейский реестр угнанных автомобилей и передал фотографам снимки девушек для изготовления копий. Выполнив все это, я был готов беседовать с людьми из списка миссис Бэнброк. Прежде всего я решил нанести визит Констанс Дели, проживающей на Пост- стрит. Мне отворила служанка. Она сказала, что мисс Дели выехала из города, но не пожелала сообщить, куда отбыла и когда вернется.

Оттуда я пошел на Ван-Несс-авеню и отыскал в автомобильном салоне некоего Вэйна Ферриса — молодого человека с прилизанными волосами, великолепными манерами и нарядами, которые полностью скрывали все остальное, чем он мог обладать, например, ум. Вэйн очень хотел помочь, но не знал, как. Чтобы объяснить это, он истратил уйму времени. Славный парень.

Следующая осечка: «Мистер Скотт находится в Гонолулу».

В посреднической конторе по торговле недвижимостью на Монтгомери-стрит я застал второго

прилизанного, стильного молодого человека с хорошими манерами и в отличном костюме. Звали его Раймонд Элвуд. Я мог бы принять его за близкого родственника Вэйна Ферриса, если бы не знал, что мир изобилует людьми подобного типа. Он тоже не сумел ничего рассказать.

Потом еще несколько осечек: «Он за городом…», или: «Пошла за покупками…», или: «Не знаю, где вы можете его найти, мистер…».

Прежде чем отказаться от дальнейших поисков, я нашел приятельницу сестер Бэнброк, миссис Стюарт Коррелл. Она жила на Пресидо-Террас, неподалеку от Бэнброков.

Это была маленькая женщина, больше похожая на девочку, примерно такого же возраста, что и миссис Бэнброк. Пушистая блондиночка с большими глазами той особой разновидности голубизны, которая, вне зависимости от того, что за ней скрывается, всегда демонстрирует честность и искренность.

— Я не видела ни Рут, ни Миру вот уже две недели, — ответила она на мой вопрос.

— Ну, а во время последней встречи они говорили что-нибудь об отъезде?

— Нет.

Глаза ее были широко открыты и предельно

искренни. Но на верхней губе дрогнула какая-то маленькая мышца.

— И вы не представляете, куда они могли бы поехать?

— Нет.

Ее пальцы смяли кружевной платочек в шарик.

— После вашей последней встречи они давали о себе знать?

— Нет.

Прежде чем это сказать, она увлажнила губы кончиком языка.

— Не можете ли вы сообщить фамилии и адреса ваших общих знакомых?

— Зачем?.. Или…

— Есть шанс, что кто-нибудь из них видел девушек после вас, — пояснил я. — А может, видел их даже после пятницы.

Она без особого энтузиазма продиктовала мне несколько фамилий. Все они уже были в моем списке. Два раза миссис Коррел допустила некоторые колебания, как если бы пыталась изменить фамилию, которую не хотела называть. На меня глядели все так же широко раскрытые искренние глаза. А пальцы уже не мяли платок — щипали материю платья.

Я не прикидывался, что верю. Но и уверенности, достаточной, чтобы припереть миссис Коррелл к стене, я не ощущал. Уходя, пообещал, что еще вернусь; она при желании могла счесть это угрозой.

— Благодарю вас, — сказал я. — Знаю, как трудно временами вспомнить что-нибудь точно. Если я наткнусь на что-то, способное помочь вашей памяти, — вернусь и скажу.

— Что?.. Да, пожалуйста! — воскликнула она.

Прежде, чем потерять дом из поля зрения, я внезапно оглянулся. В окне на втором этаже колыхалась занавеска. Уличный фонарь давал не так уж много света для полной уверенности в том, что за колышущейся занавеской мелькнула светловолосая головка.

Девять тридцать. Слишком поздно для визитов. Я вернулся домой, написал отчет о работе за день и лег в постель, думая больше о миссис Коррелл, нежели о сестрах Бэнброк. С нею надо разобраться…

Утром в агентстве меня ждало несколько телеграмм. Но ни одна из них ничего не вносила в дело. Поиски, предпринятые в других городах, не дали результатов. Из Монтри сообщили, что там не обнаружили ни девушек, ни черного каб-

риолета.

Я вышел, чтобы съесть сэндвич, и купил газету.

Завтрак оказался испорченным.

> САМОУБИЙСТВО ЖЕНЫ БАНКИРА
>
> «Прислуга миссис Стюарт Коррелл, жены вице-президента Голден Гейт Трест Компани, обнаружила сегодня утром свою хозяйку мертвой в спальне дома на Пресидо-Террас. На полу возле кровати валялась склянка из-под яда. Муж убитой не смог указать причины самоубийства. Он сообщил, что она не производила впечатления особы, находящейся в состоянии депрессии, а также…»

Пришлось немного слукавить, чтобы попасть к мистеру Корреллу. Был он высоким, худощавым мужчиной лет тридцати пяти с землистым нервным лицом и голубыми неспокойными глазами.

— Прошу простить меня за беспокойство в такую минуту, — сказал я, когда, наконец, предстал перед ним. — Постараюсь не отнимать у вас больше времени, чем это необходимо. Я — агент Континентального детективного агентства. Пытаюсь отыскать Рут и Миру Бэнброк, которые

исчезли несколько дней назад. Думаю, вы их знаете, мистер Коррелл.

— Да, — ответил он равнодушно. — Знаю.

— Вы знаете, что они исчезли?

— Нет. — Его взгляд переместился с кресла на ковер. — А почему я должен знать?

— Когда вы видели Рут и Миру последний раз? — спросил я, игнорируя его вопрос.

— На прошлой неделе… пожалуй, в среду. Собственно, они выходили… стояли в дверях и разговаривали с моей женой, когда я вернулся из банка.

— Жена не говорила вам ничего об их исчезновении?

— Нет. И мне совершенно нечего сказать относительно мисс Бэнброк. Простите, но…

— Еще одну минутку, — попросил я. — Не стал бы докучать вам, если бы не было необходимости. Я заглядывал сюда вчера вечером… пришел, чтобы задать несколько вопросов вашей жене. Мне показалось, что она нервничала. Знаете, создалось впечатление, что ее ответы были… хм… уклончивыми. Я хочу…

Он сорвался с кресла.

— Ты! — выкрикнул он. — Из-за тебя она…

— Спокойно, мистер Коррелл, — попытался я

утихомирить его. — Нет ничего, что…

Но он был предельно взбудоражен.

— Ты довел мою жену до смерти! — обрушился он на меня. — Ты убил ее! Совал свой проклятый нос… убил своими угрозами… своими…

Глупо. Жаль парня. Но я находился на работе. Поэтому приходилось дожимать гайку.

— Не будем ссориться, Коррелл. Я приходил сюда, чтобы выяснить, не знает ли ваша жена что-нибудь о дочерях Бэнброка. Она мне врала. Потом совершила самоубийство. Я хочу знать, почему. Откройте мне правду, и я сделаю все, что только смогу, чтобы пресса и общественное мнение не связали ее смерть с исчезновением дочерей Бэнброка.

— Да разве такое возможно? — воскликнул он. — Абсурд!

— Может быть… но между этими двумя событиями есть связь! — Я сочувствовал, но мне следовало делать то, что положено. — Ни малейших сомнений! Если вы скажете, в чем может состоять эта связь, возможно, удастся избежать огласки. Так или иначе я все узнаю. Или вы мне расскажете… или я все узнаю сам.

Какое-то время я думал, что он меня ударит. И не винил бы его. Он, казалось, оцепенел… Потом

отошел. Сел в кресло. Отвел глаза.

— Ничего не могу вам сказать, — пробормотал он. — Сегодня утром горничная зашла в комнату жены и нашла ее мертвой. Моя жена не оставила никакого письма, никакого объяснения… ничего.

— Вы видели ее вчера вечером?

— Нет. Ужинал я не дома. Пришел поздно и сразу же отправился в свою комнату. Не хотел будить жену. Я не видел ее со вчерашнего утра.

— Не показалась ли она тогда обеспокоенной или озабоченной?

— Нет!

— А почему, по вашему мнению, она пошла на такое?

— Бог мои, откуда мне знать? Именно над этим и ломаю голову.

— Что-нибудь со здоровьем?

— Она не выглядела больной. Никогда не болела, никогда не жаловалась.

— Может быть, ссоры в последнее время…

— Мы никогда не ссорились… ни разу за полтора года нашего супружества!

— Финансовые затруднения?

Он без слов затряс головой, не отрывая взгляда от ковра.

— Может, какие-нибудь сложности?

Он снова покачал головой.

— Не заметила ли горничная вчера вечером чего-нибудь особенного в поведении госпожи?

— Нет.

— Вы просматривали вещи жены… искали какие-нибудь бумаги, письма?

— Да… и ничего не обнаружил. — Он поднял голову и взглянул на меня. Только одно… — произнес он медленно. — В камине в ее комнате я заметил кучу пепла… Похоже, она сожгла какие-то свои бумаги.

У Коррелла больше ничего не было для меня… по крайней мере, я не сумел ничего больше из него выжать.

Секретарша Альфреда Бэнброка сказала, что шеф на конференции. Я велел уведомить его о моем приходе. Бэнброк вышел и пригласил меня к себе.

На его измученном лице не было написано ничего, кроме вопроса.

Я не заставил долго ждать себя с ответом. Бэнброк — взрослый мужчина, и можно говорить без обиняков.

— Дело приобрело скверный оборот, — сказал я, когда дверь за нами закрылась. — Полагаю, что

мы должны просить о помощи полицию и прессу. Миссис Коррелл, приятельница ваших дочерей, солгала мне вчера, когда я ее расспрашивал. А ночью она совершила самоубийство.

— Ирма Коррелл? Самоубийство?

— Вы ее знаете?

— Да! Очень хорошо! Она была… Была доброй приятельницей моей жены и девочек. Она убила себя?

— Да. Яд. Прошлой ночью. Какое отношение она может иметь к исчезновению ваших дочерей?

— Какое отношение? — повторил он. — Не знаю. А она должна иметь?

— Полагаю, что да. Она говорила мне, что не видела подруг уже две недели. А ее муж на следующий день сказал, что они были у нее в последнюю среду после полудня, когда он вернулся из банка. И она очень нервничала, когда я ее расспрашивал. Вскоре приняла яд. Так что трудно сомневаться в наличии здесь какой-то связи.

— А это означает…

— Что ваши дочери, может быть, в безопасности, но нам нельзя рисковать, — закончил я за него.

— Вы полагаете, что с ними что-то случилось?

— Я ничего не предполагаю, — ответил я

уклончиво, — но считаю, что коль скоро с их исчезновением так тесно вяжется смерть, то пора кончать шутить.

Бэнброк позвонил своему адвокату — румяному седовласому старичку по фамилии Норуэлл, который славился тем, что знал об акционерных обществах больше, чем все Морганы, но не имел ни малейшего понятия о полицейских процедурах, и велел ему явиться для встречи во Дворец Правосудия.

Там мы провели полтора часа, пуская полицию по следу и отбирая для прессы то, что, по нашему мнению, следовало опубликовать. Было много фотографий, много общих данных о девушках, но ни слова о связи между ними и миссис Коррелл. Полиция, разумеется, знала о самоубийстве. Когда Бэнброк и его адвокат ушли, я возвратился, чтобы прожевать это дело с Патом Редди, которого назначили полицейским детективом.

Пат Редди был самым молодым среди своих коллег — большой светловолосый ирландец, который весьма любил эффектные штучки на свой особый ленивый манер.

Около двух лет назад, только что упакованный в полицейскую форму, он патрулировал участок в одном из лучших районов города. Однажды

вечером Пат выписывал квитанцию о штрафе на автомобиль, припаркованный возле противопожарного гидранта. Внезапно явилась хозяйка машины и вступила с полицейским в перепалку. Это была Элти Уоллес, единственная и капризнейшая дочь владельца Уоллес Коффи Компани — худенькая, легкомысленная девушка с яркими огоньками в глазах. Она, должно быть, немало наговорила Пату, потому что он препроводил ее в полицейское отделение и посадил в камеру.

На следующее утро в отделение ворвался яростно брызжущий пеной старый Уоллес с половиной адвокатского сословия Сан-Франциско. Пат, однако, не уступил, и девушка уплатила штраф. Старый Уоллес потом едва не набросился на Пата в коридоре с кулаками. Пат усмехнулся сонно в лицо императору кофе и процедил сквозь зубы:

— Ты лучше отцепись от меня… а то я перестану пить твой кофе.

Слова ирландца попали во все газеты страны и даже в одну из пьес на Бродвее.

Однако Пат не удовольствовался сим ответным ударом. Спустя три дня он поехал с Элти Уоллес в Аламеду и там вступил с ней в брак. Это я видел собственными глазами. Так сложилось, что я прибыл на одном пароме с ними, вот они и пово-

локли меня с собой, — им нужен был свидетель.

Старый Уоллес немедленно лишил свою дочь наследства, но кроме него самого, этот факт никого не огорчил. Пат продолжал обходить свой участок, но теперь, когда он прославился, его достоинства были оценены довольно скоро. Его выдвинули в полицейские сыщики.

Старый Уоллес перед смертью смягчился и оставил Элти свои миллионы.

Пат взял выходной на полдня, чтобы пойти на похороны тестя, а вечером вернулся на работу и в ту же ночь задержал автомобиль с бандитами. От службы Пат не отказался. Не знаю, что его жена делала с деньгами, но Пат даже не начал курить сигареты получше — а следовало бы. Теперь молодые жили в резиденции Уоллесов, и временами, если утро было дождливым, парня привозил к ратуше изысканный старомодный автомобиль, но в остальном Редди совсем не изменился.

Вот каким был большой светловолосый ирландец, который сидел сейчас по другую сторону письменного стола и окуривал меня, потягивая нечто, имеющее форму сигары.

Наконец он вынул сей сигарообразный предмет изо рта и начал говорить сквозь клубы дыма.

— Миссис Коррелл, которая, как ты говоришь,

связана с дочками Бэнброка… месяца два назад на нее напали и ограбили. Восемьсот долларов. Ты в курсе?

Я не был в курсе.

— У нее забрали что-нибудь, кроме наличных? — поинтересовался я.

— Нет.

— Ты в это веришь?

Он усмехнулся.

— Именно, — кивнул он. — Мы не схватили пташку, которая тут поработала.

С женщинами, которые теряют наличные, никогда не знаешь, что тут ограбление или приобретение.

Он втянул в легкие немного отравы из своей сигарообразной штуки и добавил:

— Но не исключено, что нападение и в самом деле произошло. Что теперь ты намерен делать?

— Сходим в агентство, посмотрим, не появилось ли что-нибудь новенькое.

Потом я хотел еще раз поговорить с миссис Бэнброк: может, она что-нибудь расскажет нам о миссис Коррелл.

В агентстве я получил отчеты по оставшимся в списке лицам. Никто не знал, где находятся девушки. Мы с Редди отправились в дом Бэнброков

в Си-Клиф.

Бэнброк позвонил жене и рассказал ей о смерти миссис Коррелл. Нам она сказала, что понятия не имеет, каковы причины самоубийства. И представить не может, что между самоубийством и исчезновением ее падчериц существует какая-то связь.

— Когда я последний раз видела миссис Коррелл — две или даже три недели назад, — она выглядела, как всегда, довольной и счастливой, — сказала миссис Бэнброк. — Она действительно была капризна по своей натуре, но не до такой степени, чтобы совершить подобное.

— Не было ли у нее неприятностей с мужем?

— Нет. Насколько я знаю, они были счастливы, хотя…

Она оборвала фразу. В ее глазах мелькнули сомнение, озабоченность.

— Хотя? — повторил я.

— Если теперь я вам не скажу, вы подумаете, что я что-то скрываю, сказала она, покраснев, с усмешкой, в которой было больше нервов, чем веселья. — Я всегда немного ревновала к Ирме. Она и мой муж… ну, все думали, что они поженятся. Это было перед нашим браком. Я никогда не выдавала своих чувств, здесь, наверное, про-

сто мнительность, но я всегда подозревала, что Ирма вышла замуж за Стюарта скорей из духа противоречия, нежели по другой какой-то причине… и что она по-прежнему любит Альфреда… моего мужа.

— Был ли какой-нибудь определенный повод, чтобы так полагать?

— Нет, откуда! Я никогда по-настоящему не верила… Так, неясное чувство. Скорее всего, просто моя подозрительность…

Приближался вечер, когда мы с Патом вышли и? дома Бэнброков. После того, как мы разбежались, я зашел к Старику — директору филиала агентства в Сан-Франциско, моему шефу, и попросил его, чтобы он дал задание кому-нибудь из агентов изучить прошлое Ирмы Коррелл.

Я просмотрел утренние газеты, — те, что появляются чуть ли не сразу после захода солнца, — прежде чем пойти спать. Они подняли немалый шум вокруг нашего дела. Поместили все факты, кроме тех, которые касались Ирмы Коррелл, плюс фотографии и богатейший набор обычных в таких случаях домыслов и всяческого вздора.

На следующее утро я подался на поиски тех приятелей девушек, с которыми еще не разговаривал. Кое-кого из них нашел, но ничего стоящего

узнать не удалось. Около полудня я позвонил в агентство, чтобы выяснить, не появилось ли что-нибудь новенькое. Появилось.

— Был недавно телефонный звонок из конторы шерифа в Мартинесе, — сказал Старик. — Один виноградарь-итальянец из Кноб-Вэлли нашел два дня назад обгоревшую фотографию, на которой он, после того, как познакомился с сегодняшними утренними газетами, опознал Рут Бэнброк. Поедешь туда? Помощник шерифа ждет тебя с тем итальянцем в полицейском отделении в Кноб-Вэлли.

— Еду.

На пристани я использовал оставшиеся до отплытия парома четыре минуты на то, чтобы попытаться дозвониться до Пата. Безрезультатно.

Кноб-Вэлли — городишко с неполной тысячей жителей, грязный и унылый. Меня доставил туда местный поезд Сан-Франциско — Сакраменто сразу же после полудня.

Я немного знал тамошнего шерифа — Тома Орта. У него я застал ожидавших меня людей. Орт представил нас друг другу. Помощник шерифа, Эбнер Пейджет, неповоротливый тип лет сорока с небольшим обвислым подбородком, худым лицом и блеклыми умными глазами, мне сразу

понравился. Итальянца звали Джио Кереджино — низкорослый брюнет с пышной шевелюрой, крепкими желтыми зубами, которые он демонстрировал в вечной усмешке, обитавшей под черными усами, и кроткими карими глазами.

Пейджет показал мне фотографию. Обгоревший кусочек бумаги величиной с монету в полдоллара, вероятно, часть снимка, которую не уничтожил огонь. Рут Бэнброк — никаких сомнений. Необычно возбужденное, как у людей, чем-то одурманенных, и глаза больше, чем на всех других фотографиях, но ее, несомненно ее лицо.

— Говорит, — пояснил Пейджет сухо, указывая движением головы на итальянца, — что нашел это позавчера. Ветер швырнул снимок ему прямо под ноги, когда он шел неподалеку от своей усадьбы. Он поднял фотографию и, сам не зная почему, сунул ее в карман.

Эбнер замолчал, задумчиво глядя на Кереджино. Тот энергично закивал головой.

— Так или иначе, — продолжал помощник шерифа, — он приехал сегодня утром в город и увидел снимки в газетах из Фриско. Тогда пришел сюда и рассказал обо всем Тому, а мы с Томом решили, что лучше всего будет позвонить в твое

агентство, так как в газетах писали, что вы ведете дело.

Я взглянул на итальянца. Пейджет, читая мои мысли, пояснил:

— Кереджино живет на холмах. Там у него виноградники. В наших краях он несколько лет, и я еще не слышал, чтобы он кого-нибудь убил.

— Вы помните, где нашли снимок?

Улыбка под усами стала еще шире, а голова совершила движение вверх и вниз.

— Пожалуй, помню.

— Едем туда, — предложил я Пейджету.

— Ладно. Едешь с нами, Том?

Шериф ответил, что он не может: неотложные дела в городе. Пейджет, Кереджино и я уселись в пропыленный форд помощника шерифа.

Ехали около часа по дороге, вьющейся по склону Моунт-Диабло. Потом, соответственно указаниям итальянца, свернули с шоссе на пыльную и разбитую дорогу. По ней проехали еще милю.

— Где-то здесь, — сказал Кереджино.

Пейджет затормозил. Мы вылезли из машины. Полянка. Деревья и кусты отступили от дороги метров на семь, образовав в лесу небольшую площадку.

— Примерно здесь, — заявил итальянец. — Сда-

ется мне, что здесь, возле пня. Наверняка, между тем и этим поворотом…

Пейджет был сельским жителем. Я — нет. Поэтому я ждал, чтобы он начал действовать.

Стоя между мной и итальянцем, Эбнер Пейджет неторопливо разглядывал поляну. Потом его блеклые глаза оживились. Он обошел форд и направился к дальнему краю поляны. Я и Кереджино шли следом.

Там, где начинались кусты, костистый помощник шерифа остановился, чтобы присмотреться к чему-то. На земле виднелись следы покрышек. Какой-то автомобиль сворачивал сюда.

Пейджет пошел дальше в глубь леса. Итальянец едва не наступал ему на пятки. Я оказался замыкающим. Пейджет шел по чьим-то следам. Я никаких следов не видел: то ли они с итальянцем стирали их, то ли не такой уж из меня индеец. Так мы шли некоторое время.

Помощник шерифа остановился. Остановился и итальянец.

— Ага, — сказал Пейджет так, как если бы нашел то, что надеялся найти.

Итальянец выкрикнул что-то с упоминанием имени Бога. Я придавил ногою куст, чтобы увидеть то, что увидели они. И увидел.

Возле дерева, на боку, с подтянутыми к подбородку коленками лежала мертвая девушка. Вид у нее был не особо приятный. Птицы уже добрались до жертвы.

Табачно-коричневый плащ наполовину сполз с плеч. Я знал, что это Рут Бэнброк, еще до того, как перевернул ее на другой бок, чтобы увидеть часть лица, прижатую к земле, которую птицы не расклевали.

Кереджино стоял и глядел на меня, когда я осматривал девушку. Его лицо выражало спокойную скорбь. Помощник шерифа не обращал внимания на труп, а бродил по зарослям, всматриваясь в следы на земле. К трупу он вернулся тогда, когда закончил осмотр.

— Ее застрелили, — сказал я. — Один выстрел в висок. Перед тем, пожалуй, была борьба. На прижатой телом руке остались следы. При девушке ничего нет… ни денег, ни драгоценностей.

— Согласен, — кивнул Пейджет. — На поляну из автомобиля вышли две женщины. Может быть, три, если две несли эту. Не могу сообразить, сколько их вернулось в машину. Одна была крупнее, чем та, что лежит здесь. Началась возня. Ты нашел пистолет?

— Нет.

— Я тоже нет. Наверное, его увезли в машине. Там есть следы костра. Он кивнул налево. — Жгли бумаги. От них ничего не осталось. Думаю, что тот снимок, который нашел Кереджино, унес из костра ветер. В пятницу вечером или в субботу утром, по-моему… Не позднее.

Я поверил помощнику шерифа на слово. Дело свое он знал.

— Пойдем, я что-то тебе покажу, — сказал он и повел меня к кучке пепла.

Нечего было там показывать. Он хотел поговорить со мной так, чтобы итальянец не слышал.

— По-моему, с ним все в порядке, — сказал Пейджет, — но будет лучше, если я малость задержу его, чтобы убедиться. Этот участок дороги несколько в стороне от его дома, а кроме того, что-то малый запинался, когда объяснял, как оказался здесь. Возможно, ничего особого. Все местные итальянцы потихоньку торгуют вином; возможно, именно с этим и связано появление тут Кереджино. Так или иначе, но я задержу его на день-другой.

— Ладно, — согласился я. — Твоя территория, ты знаешь здешних людей. А нельзя ли пошарить по округе? Может, кто-нибудь что-то заметил? Видел кабриолет… или что другое.

— Пошарю, — пообещал Пейджет.

— Отлично. В таком случае я возвращаюсь в Сан-Франциско. Ты останешься возле трупа?

— Да. Возьми мой форд и поезжай в Кноб-Вэлли. Расскажешь Тому, что тут и как. Пусть приедет сам или пришлет кого-нибудь. Итальянца я задержу здесь.

В ожидании поезда из Кноб-Вэлли я позвонил в агентство. Старика не было. Рассказал одному из сотрудников, как обстоят дела, и попросил, чтобы он как можно скорее передал эти сведения шефу.

Когда я вернулся в Сан-Франциско, то застал всех в агентстве. Альфреда Бэнброка с мертвым, как камень, розово-серым лицом. Его седого и румяного адвоката. Пата Редди, развалившегося в кресле. Старика с его добродушными глазками за стеклами очков в золотой оправе и с мягкой улыбкой, скрывающей тот факт, что пятьдесят лет работы детективом выжали из него все чувства.

Никто не произнес ни слова, когда я вошел. Я сказал то, что должен был сказать, так коротко, как только мог.

— Таким образом, та другая женщина… та, которая убила Рут, была?..

Бэнброк не закончил вопрос. И никто на него не ответил.

— Я не знаю, что там произошло, — произнес я после затянувшейся паузы. — Ваша дочь поехала туда с кем-то, кого мы не знаем. Может быть, она была убита до того, как там оказалась. Может, ее…

— Но Мира! — Пальцы Бэнброка рвали ворот рубашки. — Где Мира?

Я не мог ответить. Ни я, ни кто-либо другой.

— Вы поедете теперь в Кноб-Вэлли? — спросил Бэнброк.

Я не сожалел о том, что не могу поехать.

— Нет. Нужно кое-что сделать здесь. Я дам записку для шерифа. Хотелось бы, чтобы вы хорошенько рассмотрели кусочек фотографии, который нашел итальянец… может, вспомните этот снимок.

Бэнброк и его адвокат вышли.

Редди раскурил одну из своих отвратительных сигар.

— Мы нашли автомобиль, — заявил Старик.

— Где он был?

— В Сакраменто. Его оставили в мастерской в пятницу вечером или в субботу утром. Фоли поехал, чтобы заняться. А Редди обнаружил новый след.

Пат, окруженный клубами дыма, кивнул.

— Сегодня утром к нам пришел владелец ломбарда, — сказал он, — и сообщил, что Мира Бэнброк и еще одна девушка были у него на прошлой неделе и оставили много вещей. Они назвались вымышленными именами, но он клянется, что одной из них была Мира. Он узнал ее, как только увидел фотографии в газете. Женщина, бывшая с ней, — не Рут, а какая-то маленькая блондинка.

— Миссис Коррелл?

— Ага. Обдирала вряд ли согласится присягнуть, но, мне кажется, именно так. Часть драгоценностей принадлежала Мире, часть — Рут, а часть — еще кому-то. То есть, мы не можем пока доказать, что вещи принадлежали миссис Коррелл… но докажем.

— Когда это произошло?

— Драгоценности они сдали в ломбард в понедельник, перед отъездом.

— Ты виделся с Корреллом?

— Угу. Я много ему наболтал, но мало из него вытянул. Говорит, что не знает об исчезновении драгоценностей жены, и это его не касается. Драгоценности принадлежали жене, говорит он, и она могла делать с ними что угодно. Я не назвал бы его очень любезным. Лучше пошло дело с одной из горничных. Она рассказала, что на

прошлой неделе несколько побрякушек миссис Коррелл исчезло. Вроде бы госпожа одолжила их на время приятельнице. Завтра я покажу горничной те вещи из ломбарда, может, она сумеет опознать их. Больше она ничего не знает… вот разве что: миссис Коррелл на какое-то время в пятницу вышла из кадра… в день отъезда сестер Бэнброк.

— Что значит «вышла из кадра»? — поинтересовался я.

— Она вышла из дома утром и вернулась только в третьем часу ночи. Муж устроил ей скандал, но она так и не сказала, где была.

— Интересно. Это могло что-то значить.

— А кроме того, — продолжал Пат, — Коррелл вспомнил, что у жены есть дядя в Питтсбурге, который спятил, и миссис Коррелл жила в страхе перед возможностью душевного заболевания. Разве не любезно со стороны Коррелла, что он наконец согласился поднапрячь память?

— Очень мило, — согласился я, — но нам его откровенность ничего не дает. Она даже не свидетельствует о том, что он что-то знает. Предположим, что…

— К черту предположения! — воскликнул Пат, вставая и поправляя шляпу. Твои предположе-

ния меня не касаются. Пойду домой, съем ужин, почитаю Библию и завалюсь спать.

Так он, пожалуй, и поступил. Во всяком случае, из агентства вышел.

Собственно, все мы могли бы без хлопот провести следующие три ночи в постелях: ни одно место, которое мы посетили, ни один разговор — ничто не внесло в дело новизны. Мы были в тупике.

Стало известно, что кабриолет оставила в Сакраменто Мира Бэнброк, а не кто-либо иной, но осталось тайной, куда она затем подалась. Убедились мы, что часть драгоценностей, сданных в ломбард, принадлежала миссис Коррелл. Автомобиль из Сакраменто перегнали в Сан-Франциско. Миссис Коррелл похоронили. Газеты нашли другие тайны, а мы с Патом Редди копали, копали и ни до чего не могли докопаться.

Следующий понедельник принес мне ощущение, что я дошел до предела своих возможностей. Теперь я мог только сидеть и ждать, пока объявления, которыми мы облепили всю Северную Америку, принесут какие-то результаты. Редди был откомандирован на выполнение других заданий. Я не бросил дело, поскольку Бэнброк просил меня, чтобы я не щадил сил, пока существует хотя

бы тень надежды. Но к понедельнику я исчерпал все ресурсы.

Перед тем, как отправиться в контору Бэнброка, чтобы заявить ему, что я абсолютно беспомощен, я зашел во Дворец Правосудия. Решил обменяться с Патом Редди несколькими словами, прежде чем уложить наше дело в гроб. Пат сидел, склонившись над письменным столом, и писал отчет.

— Ну, как успехи? — приветствовал он меня, отодвигая папку и посыпая ее пеплом своей сигары. — Как продвигается дело Бэнброка?

— Вообще не продвигается, — признался я. — Поверить не могу, что, имея в своих руках столько данных, я застрял намертво! Должна же быть какая-то разгадка! Нужда в деньгах перед одним и другим несчастьем, самоубийство миссис Корелл, когда я спросил ее о девушках, тот факт, что она сожгла какие-то вещи перед смертью, уничтожая что-то до или сразу после смерти Рут…

— А может, все затруднения в том, что ты никудышный сыщик? предположил Пат.

— Может быть.

После его оскорбительного замечания мы несколько минут курили молча.

— Видишь ли, — изрек наконец Пат, — между исчезновением сестер Бэнброк и смертью

Рут, с одной стороны, и самоубийством миссис Коррелл, с другой, необязательно должна существовать связь.

— Необязательно. Но наверняка есть связь между исчезновением девушек и смертью одной из них. А прежде чем несчастье произошло, существовала связь… в ломбарде… между поведением девушек и миссис Коррелл. Если связь состоит в том… — Я не закончил фразу, потому что в голове у меня зароились мысли.

— Что случилось? — спросил Пат. — Язык отнялся?

— Слушай! — Я был полон энтузиазма. — Я знаю, что случилось с тремя женщинами. Если бы можно было добавить еще кое-что к нашему букету!.. Так вот, мне нужны фамилии всех женщин и девушек в Сан-Франциско, которые в течение минувшего года были убиты или совершили самоубийства, или пропали без вести.

— Думаешь, что дело может оказаться групповым?

— Думаю, что чем больше связей мы сумеем обнаружить, тем больше получим путей для поиска. Не может быть, чтобы все они вели в никуда. Сооруди такой список, Пат!

Мы потратили на составление списка вторую

половину дня и большую часть ночи. Он был огромен и выглядел, как часть телефонной книги. Много всякого произошло в городе в течение года. Часть, касающаяся исчезнувших жен и дочерей, оказалась самой большой, потом шли самоубийства, но даже самая маленькая часть — убийства — вообще-то тоже была не короткой.

Сведения полиции позволили вычеркнуть фамилии совершенно посторонних в нашем деле лиц. Оставшихся мы разделили на две группы: с большей или меньшей вероятностью участия в нашем деле. Даже после этого первая группа была больше, чем я надеялся. В ней насчитывалось шесть самоубийств, три убийства и двадцать одно исчезновение.

Редди занялся другой работой. Я сунул список в карман и начал обход.

Я четыре дня работал, воплощая свою идею. Отыскивал, выпытывал, выслушивал друзей и родных женщин и девушек из списка. Все было направлено на выявление интересующей нас связи. Знала ли данная особа Миру Бэнброк? Рут? Миссис Коррелл? Потребовались ли ей перед смертью или исчезновением деньги? Знает ли она кого- нибудь из других женщин в списке?

Три раза я получил утвердительный ответ.

Сильвия Варни, двадцатилетняя девушка, совершившая самоубийство пятого октября, взяла из банка шестьсот долларов за неделю до смерти. Никто из родных не мог сказать, что Сильвия сделала с деньгами. Ее приятельница, Ада Юнгмен, замужняя женщина лет двадцати с небольшим, второго декабря пропала без вести, и до сих пор ее не нашли. Сильвия побывала у миссис Юнгмен в день своей смерти.

Миссис Дороти Саудон, молодая вдова, застрелилась ночью тринадцатого декабря. Не обнаружили даже следов денег, которые оставил ей муж, равно как и кассы клуба, казначеем которого она являлась. Исчезло также толстое письмо, переданное горничной госпоже после полудня.

Связь этих трех женщин с делом Бэнброк-Коррелл не была достаточно строгой. Ни одна из них не совершила ничего, что не совершили бы девять человек из десяти, решившихся на самоубийство или бегство из дома. Но все случаи произошли на протяжении последних месяцев… и все три женщины занимали такое же, как Бэнброки и Коррелл, общественное и финансовое положение.

Я добрался до конца списка безо всяких результатов и вернулся к трем дамам.

У меня были фамилии и адреса шестидесяти двух приятелей сестер Бэнброк. Я принялся за составление подробного каталога для каждой из трех женщин, которых пытался вовлечь в игру. Конечно, я не смог бы все сделать сам. К счастью, несколько агентов как раз сидели без дела.

И мы кое-что откопали.

Миссис Саудон знала Раймонда Элвуда. Сильвия Варни тоже знала его. Ничто не указывало на то, что и миссис Юнгмен была знакома с ним, но ничто и не исключало возможности знакомства. Она очень дружила с Сильвией.

Я уже разговаривал с Раймондом Элвудом в связи с делом сестер Бэнброк, но не обратил на парня особого внимания. Принял за одного из тех учтивых, гладко прилизанных молодых людей, из которых, однако, многие находятся на заметке в полиции.

Теперь я вернулся к нему с куда большей заинтересованностью. Результат оказался любопытным.

Как уже упоминалось, Элвуд имел посредническую контору по торговле недвижимостью на Монтгомери-стрит. Я не сумел выйти на след хотя бы одного клиента этой конторы. Элвуд жил в одиночестве на Сансет-Дистрикт. Квартиру свою

он снимал едва ли не десяток месяцев, но мы так и не смогли точно установить, когда он въехал. Скорее всего, он не имел никаких родственников в Сан-Франциско. Являлся членом нескольких модных клубов. Туманно намекали на его «хорошие связи на Востоке». Сорил деньгами.

Я не мог сам следить за Элвудом, поскольку не так давно говорил с ним. Дик Фоли сделал это за меня. В течение первых трех дней слежки Элвуд редко показывался в своей конторе. Редко посещал местный банк. Однако ходил в свои клубы, танцевал, пил чай и так далее и ежедневно бывал в одном доме на Телеграф-Хилл.

В первый день после полудня он направился туда в обществе высокой светловолосой девушки из Берлингема. На второй день, вечером, — с пухленькой молодой женщиной. На третий вечер побывал там с очень молоденькой девушкой, которая, по всей вероятности, жила в одном доме с ним.

Обычно Элвуд и его спутницы проводили на Телеграф-Хилл от трех до четырех часов. В то время, когда Дик наблюдал за зданием, туда входили и выходили другие люди — все явно состоятельные.

Я вскарабкался на Телеграф-Хилл, чтобы как

следует присмотреться. Большой деревянный особняк цвета яичницы. Стоит над высоким откосом, где когда-то добывали камень. Непосредственных соседей нет. Подходы прикрыты кустами и деревьями.

Часть вечера я посвятил добросовестному посещению всех домов, находившихся на расстоянии выстрела от желтого. Никто ни о нем, ни о его обитателях ничего не знал. Жители Холма не особенно любопытны — вероятно, потому, что и сами имеют кое-что, не подлежащее разглашению.

Восхождение на Холм ничего не дало, Пока я не узнал, кто является владельцем желтого особняка: оказалось, что восемь месяцев назад дом снял в аренду Раймонд Элвуд, выступающий от имени некоего Т.Ф. Максвелла.

Мы не смогли отыскать Максвелла. Не смогли отыскать никого, кто знал бы Максвелла. Не смогли найти никаких доказательств тому, что Максвелл является чем-то большим, чем просто имя.

Один из агентов подошел к желтому дому на Холме и с полчаса звонил в дверь, но никто не отворил. Попытку мы не повторяли, чтобы до поры не поднимать лишнего шума.

Я еще раз поднялся на Холм — в поисках квартиры. Не нашел ничего так близко, как хотелось, но все же удалось снять трехкомнатное помещение, из которого неплохо просматривались подходы к желтому зданию.

Мы с Диком разбили там лагерь — Пат Редди тоже приходил, когда у него не было других дел, — и наблюдали, как автомобили сворачивают в сторону освещенной аллеи, ведущей к дому цвета яичницы. Приезжали и во второй половине дня, и вечерами. В большинстве — молодые женщины. Мы не обнаружили никого, кто был бы здесь постоянным жильцом. Элвуд приезжал ежедневно, один раз без спутницы, а в остальных случаях с женщинами, лица которых мы не могли рассмотреть из нашего окна.

За некоторыми из гостей мы организовали наблюдение. Все они без исключения выглядели очень состоятельными и в большинстве, видимо, принадлежали к высшим общественным кругам. Ни с кем мы в контакт не вступали. Даже выбранный очень удачно предлог может испортить всю работу, особенно если приходится действовать вслепую.

Три дня ничего такого… и наконец счастье нам улыбнулось.

Был ранний вечер, уже сгущались сумерки. Пат Редди позвонил и сказал, что провел на службе два дня и одну ночь, а потому теперь будет отсыпаться двадцать четыре часа. Мы с Диком сидели у окна нашей квартиры, наблюдали за приближающимися автомобилями и записывали их номера, когда машины пересекали голубовато-белый круг света от лампы под нашим окном.

Какая-то женщина шла по улице. Высокая, крепко сложенная. Лицо скрывала темная вуаль, хотя и не такая темная, чтобы сразу дать всем понять, что дама хочет оставаться неузнанной. Она шла мимо нашего наблюдательного пункта по противоположной стороне улицы.

Ночной ветер с Тихого океана поскрипывал вывеской магазина внизу и раскачивал лампу на столбе. Женщина вышла из-за нашего дома, который служил ей прикрытием, и попала под порыв ветра. Плащ и платье плотно охватили ее. Она повернулась к ветру спиной, придерживая рукой шляпку. Вуаль соскользнула, открывая лицо.

Это было лицо с фотографии… лицо Миры Бэнброк.

Дик узнал ее одновременно со мной.

— Наша взяла! — воскликнул он, вскакивая на ноги.

— Погоди, — сказал я. — Она идет в этот притон на краю Холма. Пусть себе идет. Мы последуем за ней, когда она окажется внутри. Это будет отличный предлог, чтобы обыскать дом.

Я прошел в соседнюю комнату, где был телефон, и набрал номер Пата Редди.

— Она туда не пошла! — крикнул Дик от окна. — Миновала аллею.

— Лети за ней! — приказал я. — Какой ей смысл? Что случилось? — Я испытывал некоторое возмущение. — Она должна войти туда! Беги за ней. Я отыщу тебя, как только дам знать Пату.

Дик выскочил.

Трубку подняла жена Пата. Я представился.

— Не можете ли вы сбросить Пата с кровати и прислать его ко мне? Скажите ему, пожалуйста, что он нужен мне немедленно.

— Я это сделаю, — пообещала она. — Он будет у вас через десять минут… где бы вы ни ждали.

Я вышел на улицу и начал искать Дика и Миру Бэнброк. Их нигде не было видно. Я миновал заросли, заслоняющие желтый дом, и пошел дальше, оставляя вымощенную камнем аллею слева от себя. Никаких следов ни Дика, ни девушки…

Я повернул как раз вовремя, чтобы увидеть Дика, входившего в наш дом. Я поспешил обратно.

— Она внутри, — сказал Дик, когда я его догнал. — Шла по дороге, потом через кусты, по краю обрыва, и проскользнула через подвальное окошко.

Отлично. Как правило, чем более идиотски ведут себя люди, за которыми следишь, тем ближе конец твоим огорчениям.

Редди приехал на две минуты позже срока, определенного его женой. Он вошел, застегивая пуговицы.

— Что ты, черт побери, сказал Элти? — буркнул он. — Она велела мне набросить плащ на пижаму, а остальную одежду бросила в автомобиль; пришлось одеваться по дороге.

— Позволь мне поплакать с тобой позже, — пренебрег я его сетованиями. Мира Бэнброк минуту назад вошла в желтый дом через подвальное окно. Элвуд там уже час. Пора кончать это дело.

Пат — парень рассудительный.

— Мы должны иметь ордер, — воспротивился он.

— Разумеется, — признал я его правоту. — Но формальностями можно заняться позже. Для этого ты и находишься здесь. Полиция Контра-Коста разыскивает нашу подопечную, чтобы обвинить в убийстве. Мы имеем неплохую зацепку, чтобы

проникнуть в притон. Идем туда. Если случайно наткнемся на что-то другое, то тем лучше.

Пат покончил с пуговицами жилета.

— Ну ладно уж, ладно, — произнес он кисло. — Пусть будет по-твоему. Но если меня вышвырнут со службы за незаконное проведение обыска, ты должен будешь дать мне работу в твоем агентстве по нарушению закона.

— Согласен, — сказал я, после чего обратился к Фоли: — Тебе придется остаться снаружи, Дик. Наблюдай за беглецами. Никому не заступай дорогу, но когда увидишь мисс Бэнброк, не отставай от нее ни на шаг.

— Я этого ждал, — вздохнул Дик. — Всякий раз, когда готовится забава, я вынужден торчать на углу улицы!

Пат Редди и я пошли прямиком по скрытой кустами аллее к парадному входу и позвонили.

Дверь отворил огромный негр в красной феске, в красной шелковой куртке, надетой на красную рубашку и перехваченной красным поясом, в красных штанах «зуав» и красных туфлях. Он заполнил собой всю дверь.

— Мистер Максвелл здесь? — спросил я.

Негр потряс головой и сказал что-то на неизвестном мне языке.

— А мистер Элвуд?

Он снова потряс головой и снова произнес что-то непонятное.

— Ну так мы посмотрим, кто здесь есть.

Из той галиматьи, которой он разразился, мне удалось выудить несколько искаженных английских слов, в которых я угадал «мистер», «дома» и «нет».

Дверь начала закрываться. Я придержал ее ногой. Пат сверкнул своим полицейским значком. Негр, хотя и не говорил по-английски, о полицейских значках был осведомлен прекрасно.

Он топнул по полу позади себя. В глубине дома оглушающе зазвучал гонг.

Негр всей тяжестью налег на дверь. Я перенес вес тела на ногу, которой блокировал вход, наклонился и снизу, от бедра, провел хук в живот негра. Редди пнул дверь, и мы вторглись в холл.

— О раны божьи! — проговорил негр с хорошим вирджинским произношением. — Достал ты меня, паразит!

Мы поспешили в глубь холла, погруженного во мрак.

Нащупав ногой лестницу, я задержался.

Сверху прозвучал револьверный выстрел. Стреляли, пожалуй, в нас. Но не метко.

— Наверх, парень? — рявкнул Редди мне в ухо.

Мы побежали по лестнице, но человека, который стрелял, не нашли.

Наверху нам преградила путь запертая дверь. Редди высадил ее ударом плеча.

Мы оказались в блеске голубоватого света. Комната была большая, вся в золоте и пурпуре. Опрокинутая мебель, смятые ковры. Возле двери в другом конце комнаты валялась серая туфля, а ближе к центру — зеленое шелковое платье. В комнате никого не было.

Мы с Патом наперегонки бросились к двери, возле которой лежала туфля. Дверь поддалась легко. Редди распахнул ее настежь.

Мы увидели в углу трех съежившихся девушек и мужчину, у всех были испуганные лица. Никто из них не имел ни малейшего сходства с Мирой Бэнброк, Раймондом Элвудом или вообще с кем-либо из наших знакомых.

Рассмотрев их, мы сразу же перестали обращать на них внимание. Нас привлекла открытая дверь с другой стороны.

За дверью находилась небольшая комнатка.

В ней царил хаос.

Комната была переполнена, забита человеческими телами. Телами живыми, дергающимися,

толкающимися. Как будто какая-то воронка всасывала мужчин и женщин. И выходила она прямо в окно. Мужчины и женщины, молодые люди и девушки — все кричали, метались, толкались, боролись. Некоторые были в чем мать родила.

— Пробьемся и блокируем окно! — крикнул Пат мне в ухо.

— Черта… — начал было я, но он уже ворвался в клубок. Я двинулся следом.

Я не собирался блокировать окно. Я хотел спасти Пата от его собственной глупости. Даже пятеро мужчин не смогли бы пробиться через этот бурлящий клубок маньяков. Даже десятерым не удалось бы оторвать их от окна.

Пат, хотя и был крупным, сильным мужчиной, лежал на полу, когда я до него добрался. Полуголая девчонка, почти ребенок, рвала его физиономию своими острыми ногтями. Руки, ноги молотили его со всех сторон. Я освободил приятеля, колотя стволом револьвера по рукам и лицам… Оттащил подальше.

— Миры здесь нет! — крикнул я, помогая Пату подняться. — Элвуда тоже!

Уверенности не было, но я их не видел; сомнительно, что они окажутся в такой толчее. Толпа дикарей, снова бросившаяся к окну, совершен-

но не обращала на нас внимания; кем бы они ни были, но наверняка не принадлежали к посвященным в тайну. Это было сборище, среди которого искать вожаков не имело смысла.

— Проверим другие комнаты! — прокричал я снова. — Эти люди нам не нужны.

Пат потер окровавленное лицо тыльной стороной ладони и рассмеялся.

— Уж мне-то они не нужны наверняка…

Мы вернулись на лестничную площадку. И не нашли никого. Троица из соседней комнаты испарилась.

У лестницы мы остановились. Никаких звуков, если не считать отголосков давки наверху возле окна.

И тут внизу с треском хлопнула дверь.

Кто-то, выросший внезапно, словно из-под земли, обрушился на меня и опрокинул на пол.

Я ощутил прикосновение шелка. Сильные руки тянулись к моему горлу.

Я согнул руку так, что револьвер в моей ладони лег плашмя мне на щеку. Молясь о сохранности своего уха, нажал на спуск.

Лицо опалило огнем. В голове загудело.

Шелк соскользнул с моей шеи.

Пат рывком поставил меня на ноги.

Мы помчались по лестнице вниз.

Свист!

Что-то промелькнуло мимо лица и тысячами обломков стекла, фарфора, штукатурки взорвалось у ног.

Я поднял одновременно голову и револьвер.

Облаченные в красный шелк руки негра еще были распростерты над балюстрадой.

Я послал в него две пули. Пат тоже.

Негр перевернулся через барьер и обрушился на нас, раскинув руки, лебединый полет покойника.

Мы побежали по лестнице. Падение чернокожего сотрясло весь дом, но мы на негра уже не смотрели. Нашим вниманием завладела гладкая, прилизанная голова Раймонда Элвуда. Она показалась на какой-то миг из-за столбика балюстрады у нижнего конца лестницы. Показалась и исчезла.

Пат Рэдди, который был ближе, чем я, к перилам, перемахнул через них и полетел вниз, в темноту. Я в два прыжка оказался у основания лестницы, схватился за столбик, сделал поворот на сто восемьдесят градусов и прыгнул навстречу шуму, возникшему во мраке холла.

Я врезался в невидимую стену. Отраженный

ею, попал в комнату, с занавешенными окнами; сумерки здесь казались ярким блеском дня после темноты холла.

Пат Редди стоял, прижимая руку к животу, а другой опираясь на спинку кресла. Его лицо было мышино-серым. Остекленевшие глаза источали страдание. Он выглядел как человек, которого лягнули.

Пат попробовал усмехнуться, но это ему не удалось. Движением головы он указал направление. Я бросился туда.

В маленьком коридорчике я нашел Раймонда Элвуда.

Рыдая, он дергал, как сумасшедший, ручку запертой двери.

Лицо его было белым, как мел. Видимо, парень испугался по-настоящему.

Я измерил взглядом разделяющее нас расстояние.

Он обернулся в ту секунду, когда я прыгнул.

Я вложил все силы в удар револьвером сверху...

Тонна мяса и костей обрушилась на мою спину.

Я столкнулся со стеной, теряя дыхание, чувствуя, как ноги у меня подгибаются.

Меня стиснули руки в красном шелке, заканчивающиеся коричневыми ладонями.

Или здесь целый полк ярко разодетых негров, мелькнуло в голове, или я непрерывно сшибаюсь с одним и тем же?

Он, однако, не оставил мне времени для долгих раздумий.

Был он огромный. Сильный. И не обнаруживал добрых намерений.

Руку с револьвером я прижимал к боку. Попробовал выстрелить негру в ногу. Не попал. Попытался еще раз. Негр ногу отодвинул. Я перекрутился в его захвате, став боком.

Элвуд атаковал меня с другой стороны. Негр пинал сзади, сжимая мой позвоночник в гармошку.

Я боролся, стараясь удержаться на ногах. Однако слишком большая тяжесть прижимала меня. Колени подгибались. Тело выгнулось дугой.

В дверях возник силуэт Пата Редди, показавшийся мне самим архангелом Гавриилом.

Лицо Пата было серым от боли, но глаза глядели вполне осознанно, в правой руке он держал пистолет, левой доставал пружинный кастет из заднего кармана. Кастет обрушился на бритый лоб негра.

Негр отпустил меня, тряся головой.

Пат успел ударить его еще раз, прежде чем тот начал обороняться. И хотя удар был нанесен прямо в лицо, «вырубить» своего противника Пат не смог.

Дернув освободившуюся руку с револьвером наверх, я продырявил пулей грудь Элвуда, и он соскользнул на пол.

Негр припер Пата к стене и лихо обрабатывал кулаками. Широкая красная спина чернокожего представляла собой отличную мишень. Однако я уже израсходовал пять пуль из шести, имевшихся в барабане. Запасные патроны лежали в кармане, но перезарядка требовала времени.

Я занял позицию позади негра. У него был толстый валик жира на месте, где череп соединяется с шеей. Когда я ударил по этому месту рукояткой револьвера в третий раз, верзила свалился и потянул Пата за собой. Я откатил негра в сторону. Светловолосый сыщик — теперь уже не очень светловолосый поднялся.

В конце коридора мы нашли открытую дверь, ведущую в кухню, но бросились не к ней, а к той, в которую рвался Элвуд. Дверь эта была весьма солидной и имела неплохой замок.

Мы ударили в нее объединенным весом в сто восемьдесят килограммов.

Дверь дрогнула, но не поддалась. Мы ударили еще раз. Что-то легонько треснуло.

Еще раз.

Дверь уступила. Мы ринулись в проход… и кувырком покатились по ступеням. Задержаться удалось только на цементном полу.

Пат первым вернулся к жизни.

— Ну, ты, дьявольский акробат, — произнес он. — Слазь, с моей шеи.

Я встал. Он встал тоже. Было похоже, что весь этот вечер мы проведем падая и поднимаясь с пола.

Если я имел вид хотя бы в некоторой степени такой же, как Пат, то оба мы выглядели кошмарно. Он был изгваздан, как смертный грех, остатки одежды едва прикрывали тело.

Смотреть на него не доставляло особого удовольствия, а потому я стал осматривать подвал, в котором мы оказались. В глубине стояла печь центрального отопления, возле нее — корзина с углем и груда поленьев. Дальше тянулся коридор, в который выходили двери помещений, неизвестно для чего предназначенных.

Первая дверь была заперта на ключ, но легко уступила нашему напору, и мы ворвались в темную комнату, в которой размещалась фото-

лаборатория.

Вторая дверь вела в лабораторию химическую с ретортами, пробирками, горелками и маленькой ректификационной колонкой. Посреди стояла круглая железная печка. В помещении никого де было.

Мы вернулись в коридор и подошли к третьей двери. Без особого вдохновения. Складывалось такое впечатление, что в этом подвале мы ничего не найдем. Только время потратим. Нам следовало бы оставаться наверху. Я попробовал дверь.

Она не дрогнула. Мы вдвоем навалились на нее всей тяжестью. Ничего.

— Подожди.

Пат подошел к куче дров в глубине подвала и вернулся с топором. Размахнувшись, ударил по двери, отщепив кусок дерева. В образовавшемся отверстии серебристо заискрился металл. Дверь либо окована с той стороны железом, либо вообще стальная.

Пат опустил топор и оперся на топорище.

— Теперь твоя очередь.

Я не нашел ничего более подходящего, как предложить:

— Я останусь тут, а ты лезь наверх и посмотри, не появился ли кто из твоей братии. Мы учинили

здесь такой бедлам, что кто-нибудь мог дать знать в управление. Проверь, нельзя ли как-нибудь иначе проникнуть в это помещение… может, через окно… или найди кого-нибудь нам в помощь, чтобы мы могли взломать дверь.

Пат направился к лестнице.

Задержал его какой-то звук… скрип отодвигаемого засова с другой стороны двери.

Одним прыжком Пат оказался в одной из ниш, а я в другой.

Дверь начала медленно открываться. Слишком медленно.

Ударом ноги я распахнул ее настежь. И мы ворвались в комнату.

Пат задел плечом какую-то женщину. Я успел подхватить ее, не дав упасть.

Пат отобрал у нее пистолет. Я поставил ее на ноги.

Лицо ее было белым, как бумага. Перед нами стояла Мира Бэнброк, но без следов той мужественности, о которой свидетельствовали фотографии и описания.

Я поддержал ее одной рукой, которой также блокировал ее руку, и осмотрелся.

Мы стояли в маленькой комнате с металлическими стенами, окрашенными под бронзу. На

полу лежал смешной мертвый человечек.

Человечек в странном наряде из черного шелка и бархата. Черные бархатные куртка и штаны, черные шелковые чулки и шапочка, черные лакированные туфли. Лицо старое, с мелкими чертами, с выступающими костями, но гладкое как камень, без единой морщинки.

В его блузе, застегнутой под самую шею, виднелась дыра. Из нее лениво текла кровь. Вид пола свидетельствовал, что еще недавно кровь лилась куда сильнее.

В углу стоял открытый сейф. На полу валялись бумаги, как если бы кто-то наклонил сейф, чтобы они из него высыпались.

Девушка шевельнулась в моем захвате.

— Вы его убили? — спросил я.

— Да, — ответила она так тихо, что стоящий в метре от нее ничего не услышал бы.

— Почему?

Усталым движением головы она отбросила короткие каштановые волосы с глаз.

— Не все ли равно? — спросила она. — Убила.

— Не все равно. — Я отпустил девушку и подошел к двери, чтобы закрыть ее. Люди обычно говорят свободнее в помещении с закрытыми дверями. — Я работаю на вашего отца. Мистер

Редди является полицейским детективом. Ни один из нас, разумеется, не может нарушить закон, но если вы расскажете нам, в чем дело, возможно, мы как-нибудь поможем вам.

— Вы работаете на отца? — переспросила она.

— Да. Он пригласил меня, чтобы я вас нашел, когда вы с сестрой исчезли. Мы нашли вашу сестру и… Ее лицо, глаза и голос внезапно оживились.

— Я не убивала Рут! — выкрикнула она. — Газеты лгали! Я ее не убивала, даже не знала, что у нее есть револьвер. Не знала! Мы уехали, чтобы скрыться от… все равно! Остановились в лесу, чтобы сжечь те… ну, кое-какие вещи. И тогда только я узнала, что у нее есть револьвер. Мы с ней раньше разговаривали о самоубийстве, но я переубедила ее… думала, что переубедила… чтобы она этого не делала. Я попыталась забрать револьвер, но не сумела. Она застрелилась, когда я старалась его отобрать. Я хотела ее удержать! Я не убивала ее!

Это уже было что-то.

— А потом? — Я хотел, чтобы она продолжила.

— А потом я поехала в Сакраменто, оставила там автомобиль и вернулась в Сан- Франциско. Рут говорила, что написала письмо Раймонду Элвуду… Рассказала мне до того, как я стала отго-

варивать ее от самоубийства… в прошлый раз. Я пыталась забрать письмо у Раймонда. Написала ему, что убью себя. Я хотела забрать письмо, а он сказал, что отдал его Гадору. Вот я и пришла сюда. Только нашла письмо, как наверху поднялся страшный шум. Потом вошел Гадор и застал меня… Он запер дверь на засов. И… я застрелила его из револьвера, который нашла в сейфе. Я убила Гадора, прежде — чем он успел что-нибудь сказать. Пришлось так сделать, потому, что иначе я не могла.

— Вы убили его, хотя он не угрожал вам и не нападал на вас? — спросил Пат.

— Да. Я боялась его, боялась позволить ему говорить. Я ненавидела его. Ничего не поделаешь. Должно было так случиться. Если бы он начал говорить, я не смогла бы выстрелить. Он… не позволил бы.

— Кем он был, этот Гадор? — спросил я.

Ее взгляд скользнул в сторону, на стену, на потолок и остановился на маленьком, смешном человечке на полу.

— Он был… — она откашлялась и начала снова, неотрывно глядя на пол у себя под ногами. — В первый раз привел нас сюда Раймонд Элвуд. Нам это казалось забавным. Гадор — дьявол во плоти.

Он умеет уговорить человека на все. Мы верили. Он говорил, а люди верили. Быть может, под воздействием наркотиков. Нам всегда давали пить такое теплое голубоватое вино. Должно быть, с наркотиком. Мы не могли бы делать все это, если бы не наркотик. Никто бы не смог… Гадор называл себя жрецом… жрецом богини Алзоа. Учил освобождать дух от уз тела через…

Ее голос сломался. Она задрожала.

— Ужасно! Ужасно! — заговорила Мира через минуту в тишине, которую мы с Патом хранили для девушки. — Но мы все ему верили. В том-то и дело. Или, может… не знаю… может, притворялись, что верим, потому что потеряли рассудок… и принимали наркотики. Мы постоянно приходили сюда, неделями, месяцами, до тех пор, пока отвращение не стало непреодолимым. Мы перестали приходить, Рут, я… и Ирма. И тогда убедились, кем он был. Он требовал денег… еще больше денег, чем мы платили, когда верили… или притворялись, что верим… в его культ. Мы не могли дать ему столько денег, сколько он требовал. Я сказала, что не дам. Тогда он прислал нам фотографии… наши фотографии… сделанные во время нашего… наших визитов сюда. Фотографии не требовали объяснений, фотографии

подлинные! Мы знали, что они подлинные! Что нам оставалось делать? Он сказал, что пошлет снимки нашему отцу, всем нашим друзьям и знакомым… если мы не заплатим. Что мы могли сделать? Нам пришлось платить. Добывали деньги всеми путями. И платили… каждый раз все больше и больше… а потом уже ничего не могли добыть. Мы не знали, что делать! Мы не могли ничего поделать, а Рут и Ирма решили… совершить самоубийство. Я тоже… Но отговаривала Рут. Сказала, что мы уедем. Что я заберу ее отсюда… и она будет в безопасности. А потом… потом… это!

Она умолкла, по-прежнему глядя в пол.

Я снова взглянул на мертвого человечка, выглядевшего так неестественно в этом черном наряде и странной шапочке. Кровь уже перестала течь из раны.

Не составляло труда сложить все эти фрагменты в единую картину. Самозванный жрец какого-то культа. Гадор устраивал оргии под прикрытием религиозных обрядов. Элвуд, его сообщник, приводил ему женщин из хороших, состоятельных семей. Надлежаще освещенная комната для фотографирования скрытой камерой. Взносы новообращенных, пока они оставались верными

культу. Потом шантаж… с помощью фотографий.

Я взглянул на Пата Редди. Он, морщась, смотрел на мертвого мужчину. Снаружи не доносилось ни звука.

— Письмо, которое ваша сестра написала Элвуду, у вас? — спросил я девушку.

Она подняла руку к груди, и я услышал шелест бумаги.

— Да.

— Сказано ли в нем явно, что Рут намеревается совершить самоубийство?

— Да.

— Пожалуй, это уладит дело, которым занимаются в Контра-Коста, — сказал я Пату.

Он кивнул:

— Разумеется. Но даже без этого письма сам факт убийства доказать сложно. Ну, а поскольку письмо есть, то дело даже не передадут в суд. Наверняка. А с другой стороны, она сможет избежать неприятностей в связи с этой стрельбой. Ей не только ничего не сделают в суде, но еще и поблагодарят.

Мира Бэнброк внезапно отступила перед Патом, как будто он ударил ее но лицу.

Теперь я вполне ощутил себя человеком, которого нанял ее отец. И понял, что она сейчас

испытывает. Я закурил сигарету, присматриваясь к грязному, окровавленному лицу Пата. Хороший он парень. Порядочный.

— Послушай, Пат, — начал я, стараясь говорить таким голосом, чтобы приятель не подумал, что я собираюсь к нему подъехать. — Как ты сам сказал, ей в суде ничего не сделают, да еще и поблагодарят. Но ей придется рассказать все, что знает. Придется представить все доказательства… Включая и фотографии, которые сделал Гадор… все, какие мы найдем. Некоторые из этих фотографий стали причиной самоубийства женщин, Пат, по меньшей мере двух. Если мисс Бэнброк предстанет перед судом, мы должны будем сделать достоянием общественности фотографии бог знает скольких женщин. Мы ввергаем мисс Бэнброк и неведомо еще скольких девушек в гнуснейшую ситуацию. По меньшей мере две женщины уже совершили самоубийство, чтобы такой ситуации избежать.

Пат смотрел на меня исподлобья, почесывая грязный подбородок еще более грязным пальцем.

Я набрал полные легкие воздуха и повел дальше свою игру:

— Пат, мы пришли сюда следом за Раймон-

дом Элвудом, чтобы допросить его. Мы могли подозревать его в связях с той бандой, которая ограбила банк в прошлом месяце в Сент-Луисе. Или в укрывании украденного из почтовых вагонов в Денвере. Так или иначе, мы положили на него глаз, зная, что он имеет деньги неизвестно из каких источников, и посредническую контору купли и продажи недвижимости, в которой ничего не продают и не покупают. Мы пришли сюда, чтобы допросить его в связи с одним из тех ограблений, которые я перечислил. Наверху на нас напало несколько негров, когда выяснилось, что мы сыщики. Все остальное было продолжением. На религиозный культ мы наткнулись совершенно случайно, он нас вообще не интересовал. Насколько мы можем судить, все эти люди набросились на нас по причине дружеских чувств к человеку, которого мы хотели допросить. Одним из них был Гадор, и, барахтаясь с ним, ты, Пат, застрелил его из своего же собственного револьвера, разумеется, того самого, который мисс Бэнброк нашла в сейфе.

Вообще-то Пату мое предложение не понравилось. Он смотрел на меня явно кисло.

— Постучи по своей голове! — сказал он. — Что это кому даст? Ведь мы не можем скрыть участия

мисс Бэнброк. Она ведь здесь, не так ли? Следовательно, все и так выйдет наружу.

— Но мисс Бэнброк здесь не было, — объяснил я. — Может, наверху уже полно копов, а может, и нет. Так или иначе, ты заберешь мисс Бэнброк и проводишь ее к Дику Фоли, который отвезет ее домой. Она не имеет ничего общего с этим сбродом. Завтра я поеду с ней и с адвокатом ее отца в Мартинес, где мы представим дело окружному прокурору Контра-Коста. Докажем, что Рут совершила самоубийство. А если кто-то дознается, что Элвуд, который, надеюсь, лежит мертвый наверху, знал сестер Бэнброк и миссис Коррелл, так что с того? Если мы не допустим, чтобы дело оказалось в суде… а людей из Контра-Коста убедим, что мисс Бэнброк никоим образом не может быть обвинена в убийстве сестры… тогда в газетах ничего не появится, и ее заботы останутся позади.

Пат явно с трудом удерживался от взрыва.

— Помни, — дожимал я его, — мы делаем это не только для мисс Бэнброк. Мы стараемся для двух мертвых женщин и для множества живых. По всей вероятности, они связались с Гадором по собственной воле, но все-таки они люди, Пат.

Редди упрямо покачал головой.

— Очень сожалею, — обратился я к девушке,

притворяясь, что уже утратил надежду. — Я сделал все, что мог, но, пожалуй, я слишком много требую от Пата. Не знаю, стоит ли винить его за то, что он боится рискнуть…

Пат ведь ирландец.

— Тоже мне, храбрец нашелся! — буркнул он, надлежащим образом реагируя на мое лицемерное заявление. — Только почему именно я должен стать тем, кто убил Гадора? Почему не ты?

Все! Он был мой!

— Потому что ты коп, а я нет, — объяснил я. — Меньше шансов споткнуться, если мы скажем, что Гадор погиб от руки настоящего, носящего звезду плоскостопа, стоящего на страже общественного порядка. Я прикончил большинство тех пташек наверху. Должен же ты сделать что-нибудь в доказательство своего присутствия здесь?

Это была только часть правды. Дело заключалось в том, что если Пат возьмет на себя гибель Гадора, то уже не проболтается о нашей тайне, что бы там в будущем ни произошло. Пат заслуживает доверия, и я мог положиться на него во всем, но на всякий случай лучше было зашнуровать ему рот.

Он молчал, качая головой, но в конце конов

буркнул:

— Сам себе надел петлю на шею… Ну ладно, один раз пусть будет по-твоему.

— Ты добрый парень! — Я поднял валявшуюся в углу шляпку девушки. — Я подожду здесь, пока ты не вернешься. — И протянул девушке шляпу со словами: — Пойдете домой с человеком, которому Редди вас передаст. Ждите меня там. Не говорите никому ничего, кроме того, что я велел вам молчать. Это относится также и к вашему отцу. Скажете ему, что я запретил вам говорить даже о том, где мы встретились. Понятно?

— Да, и…

Благодарность — вещь очень милая, но только тогда, когда есть время выслушивать любезности.

— Двигай, Пат…

Они ушли.

Как только я остался наедине с покойником, я переступил через него и, опустившись на колени перед сейфом, принялся искать среди писем и бумаг фотографии. Но не нашел. Один из ящичков сейфа был заперт на ключ.

Я обыскал карманы погибшего. Ключа не было. Замок ящичка не принадлежал к самым прочным, но и я не самый лучший на Западе

потрошитель сейфов. Прошло некоторое время, прежде чем удалось открыть ящичек.

В нем я обнаружил то, что искал. Толстую пачку негативов. Стопочку фотографий… пожалуй, с полсотни.

Начал их просматривать, разыскивая снимки сестер Бэнброк. Хотел их спрятать до возвращения Пата и не знал, успею ли. Мне не повезло… Кроме того, я потратил много времени на взлом. Пат вернулся, когда я просмотрел шесть фотографий. Снимки были что надо.

— Ну, сделано, — буркнул Пат входя. — Дик ее забрал. — Элвуд мертв, и еще мертв один из негров — тот, которого мы видели наверху. Все остальные, наверное, сбежали. Ни один из наших полицейских еще не показался… я позвонил, чтобы прислали парней и карету скорой помощи.

Я встал, держа в одной руке негативы, а в другой — пачку фотографий.

— Это что? — спросил он.

Я еще раз на него нажал.

— Фотографии. Ты оказал мне огромную услугу. Пат, и я вовсе не такая свинья, чтобы просить тебя еще об одной. Но я хочу кое о чем поразмыслить, Пат. Представляю тебе дело, а ты поступишь, как захочешь. Это источник существования Гадора,

Пат. — Я помахал фотографиями. — Снимки, используя которые, он вымогал или собирался вымогать деньги у людей; преимущественно сняты женщины и девушки, некоторые из фотографий исключительно гнусные.

— Если завтрашние газеты сообщат о том, что в этом доме обнаружен такой клад, то уже в следующих номерах будет помещен длинный список исчезнувших. Если газеты не сообщат о фотографиях, список, возможно, будет короче, но не намного. Некоторые из клиентов знают, что здесь их фотографии. Они будут ожидать, что полиция начнет розыски. Из-за этих снимков женщины совершали самоубийства. Снимки эти — динамит, который может разнести в клочья множество людей, Пат, и множество семей…

Ну а если газеты сообщат, что Гадора убили, а прежде он успел сжечь множество фотографий и бумаг, изобличающих его? Тогда, может быть, самоубийств и не случится. И, возможно, разъяснятся и многочисленные исчезновения людей за последние месяцы. Что ты на это скажешь, Пат? Все зависит от тебя.

Пожалуй, еще никогда в жизни я не демонстрировал подобного красноречия.

Но Пат не стал аплодировать. Он начал ругать-

ся. Он обкладывал меня основательно, с ног до головы, самым жутким образом. Он награждал меня такими эпитетами, отпускал такие словечки, каких я никогда не слышал от человека из плоти и крови, а тем более от такого, которому можно дать в морду.

Когда он закончил, мы отнесли фотографии, бумаги и найденный в сейфе блокнот с адресами в соседнее помещение и загрузили все в железную печурку. В тот момент, когда все ее содержимое превратилось в пепел, мы услышали наверху шаги полицейских.

— Это последняя вещь, которую я для тебя сделал! — заявил Пат. — Больше ни о чем не проси меня, пусть хоть тысяча лет пройдет.

— Последняя, — повторил я за ним, как эхо. Я люблю Пата. Он очень порядочный парень. Шестая фотография из пачки была фотографией его жены… легкомысленной, с огоньками в глазах дочки императора кофе.

Мертвые китаянки

Когда я вошел по вызову Старика в его кабинет, на стуле неподвижно и неестественно прямо сидела длинная девица лет двадцати четырех широкоплечая, с плоской грудью. Ее восточное происхождение выдавала лишь чернота коротко подстриженных волос и желтоватая кожа напудренного лица. От низких каблуков темных туфель до верха ничем не украшенной меховой шапочки это была современная американка китайского происхождения.

Я знал, кто она, еще до того, как Старик представил меня. Все газеты Сан- Франциско занимались делами этой мисс уже несколько дней. Шанг Фанг, ее отец, в свое время дал деру из Китая, прихватив кое-какое золотишко — по всей вероятности, плод многолетнего злоупотребления властью в провинции — и поселился в графстве Сан-Матео, где на берегу Тихого океана отгрохал себе особняк — настоящий дворец, по мнению прессы. Там он жил, там и отдал Богу душу — и то и другое так, как подобает китайскому сановнику и миллионеру.

Что касается дочери, то эта молодая особа была маленькой китаяночкой, десятилетней Ай-Хо, когда отец привез ее в Калифорнию. Имя Ай-Хо, в переводе — Водяная Лилия, претерпело естественную в Америке метаморфозу и превратилось в Лилиан. Как Лилиан Шан она училась в одном из университетов Восточного Побережья и приобрела пару научных степеней.

После смерти отца Лилиан жила с четырьмя слугами-китайцами в доме над океаном — там и написала свою первую книгу. Теперь писала вторую. Чтобы выйти из тупика, в который зашла работа, понадобилась одна старая рукопись, находившаяся в Библиотеке Арсенала в Париже. Лилиан упаковала чемоданы и в обществе китаянки по имени Ванг Мей подалась в Нью-Йорк. Остальной прислуге поручила заботу о доме. Где-то между Чикаго и Нью-Йорком ей стукнула в голову идея, как решить проблему, из-за которой разгорелся весь этот сыр-бор. Не задержавшись в Нью-Йорке даже на одну ночь для отдыха, Шан понеслась обратно в Сан-Франциско. С пристани парома стала звонить своему шоферу. Никакого ответа. Вместе с Ванг Мей добралась домой на такси. Позвонила в дверь. Безрезультатно.

Едва она коснулась ключом замка, как дверь

внезапно отворилась. На пороге стоял молодой незнакомый китаец. Он загораживал дорогу, пока хозяйка не назвала себя. Недовольно буркнул что-то себе под нос и пропустил женщин. Как только они переступили порог, их схватили, связали и завернули в какую-то тряпку вроде портьеры.

Часа через два Лилиан Шан удалось выпутаться, придя в себя в каморке для белья на втором этаже. Она включила свет и начала развязывать служанку. Ванг Мей была мертва. Те ребята, затягивая шнур на ее шее, слегка перестарались.

Лилиан Шан сошла вниз, не встретив ни души, и позвонила в участок в Редвуд-Сити.

Явились два помощника шерифа, выслушали потерпевшую, обшарили дом и нашли еще один труп — тело второй китаянки, спрятанное в подвале. По всей вероятности, она пролежала там с неделю. Лилиан Шан показала, что эта женщина — ее кухарка Ван Лай.

Остальные слуги — Ху Лун и Йин Хунг — исчезли. Из барахла, находившегося в доме и стоящего сотни тысяч долларов, не пропало ни одной мелочи. Никаких следов потасовки не обнаружили. Все в идеальном порядке. Ближайший дом находился на расстоянии почти километра. Соседи ничего подозрительного не заметили.

Рассказано все это было сухо, кратко, по-деловому.

— Я не удовлетворена тем, что делают власти графства Сан-Матео для того, чтобы отыскать убийцу или убийц, — подытожила она свой рассказ, — и хочу воспользоваться услугами вашего агентства.

Старик постучал по крышке письменного стола кончиком своего желтого карандаша, с которым никогда не разлучался, и кивнул головой в мою сторону.

— Что вы сами можете сказать об этом преступлении, мисс Шан? — спросил я.

— Ничего.

— Что вы знаете о своих слугах, которые исчезли? О девушках, которые погибли?

— По правде говоря, очень мало, а точнее — ничего вообще. Их нанимал отец.

— Те двое, которые пропали, как они выглядели?

— Ху Лун — это старик, седой, худой, сгорбленный. Йин Хунг, мой шофер и садовник, помоложе, ему, наверное, около тридцати. Он низкого роста даже для кантонца, но крепкого телосложения. Нос у него сломан и приплюснут посередине.

— Вы не допускаете, что они могли убить жен-

щин? Или один из них?

— Не думаю. Вряд ли.

— А как выглядел тот молодой китаец, чужой, который впустил вас в дом?

— Худощавый, небольшого роста, лет двадцати… На передних зубах золотые коронки. Он показался мне очень смуглым.

— Я попросил бы, мисс Шан, подробнее объяснить, почему вас не удовлетворяет то, что делает шериф?

Она взглянула на Старика, который охотно растянул губы в вежливой, ничего не говорящей улыбке — его физиономия давно стала маской, которая могла скрыть все, что угодно.

Минуту клиентка боролась с раздражением, потом сказала:

— Думаю, они ищут не там, где нужно. Я заметила, что большую часть времени они толкутся возле дома. Ведь это абсурд — ожидать, что убийцы возвратятся.

Не лишне было поразмыслить над ее словами.

— Мисс Шан, надеюсь, вы не думаете, что вас подозревают?

Казалось, она испепелит меня взглядом своих черных глаз:

— Что за вздор!

— Не в том дело, — не отступал я. — Мне важно знать ваше мнение.

— Я не умею читать мысли полицейских. А вы?

— Мы пока ничего не знаем об этом деле, кроме того, что пишут в газетах, и вашего рассказа. Для серьезных подозрений требуется куда больше сведений. Однако постарайтесь понять, почему у людей шерифа появились сомнения. Вы очень спешили. Есть ваше объяснение, почему вы уехали и почему вернулись — но больше ничего. Женщина, обнаруженная в подвале, могла быть убита как до вашего отъезда, так и после. Ванг Мей, которая, видимо, кое-что знала, тоже мертва. Остальная прислуга исчезла. Ничего не украдено. Уверяю вас, этого достаточно, чтобы у шерифа появились мысли…

— Вы меня подозреваете? — спросила она в упор.

— Нет, — ответил я, нисколько не греша против правды. — Но это ничего не доказывает.

Она обратилась к Старику, слегка подняв подбородок и бросая слова как бы через мою голову.

— Вы что, не хотите заниматься этим делом?

— Мы охотно займемся им и сделаем все, что в наших силах.

Когда условия были оговорены, и мисс Шан принялась выписывать чек, шеф повернулся ко мне:

— Ты этим и займешься. В помощники возьмешь, кого захочешь.

— Сперва не худо бы заглянуть в дом и посмотреть, все ли на месте.

Лилиан Шан спрятала в сумочку чековую книжку.

— Превосходно, — сказала она. — Я как раз возвращаюсь домой. Могу вас захватить.

Это была очень спокойная поездка. Энергию на беседы тратить не стали. Похоже, не слишком пришлись друг другу по душе. Но машину она вела неплохо.

Сложенный из грязно-серого кирпича дом Лилиан Шан возвышался среди старательно ухоженных газонов. С трех сторон усадьбу окружала живая изгородь, с четвертой простирался берег океана, зажатый в этом месте двумя скалистыми утесами.

Дом был набит множеством картин, портьер и всего такого прочего мешанина американских, европейских и азиатских вещей. Я послонялся по комнатам, бросил взгляд на чуланчик для белья, на все еще разрытую могилу в подвале

и на бледную датчанку с лошадиной физиономией, — женщине этой предстояло заниматься домом, пока Лилиан Шан не найдет себе новую прислугу, — и вышел во двор. Несколько минут бродил по газонам, сунул нос в гараж, где стояли два автомобиля, кроме того, на котором мы приехали из города, и пошел дальше, чтобы ухлопать остаток послеполуденного времени на болтовню с соседями. Ни один из них ни черта не знал. Людей шерифа искать не стал как-никак мы с ними были конкурентами.

В нашей конторе сидел только Фиск; парень коротал ночное дежурство. Я сделал вид, что страшно интересуюсь программой, идущей в «Орфеуме», и даже попытался острить, однако веселиться пока было рановато…

В Чайнатауне меня знала каждая собака, ничего стоящего не вынюхаешь, глупо даже надеяться. Вызвался помогать один старый корешок филиппинец, но нет никакой уверенности, что выжму из него хоть каплю пользы. Тут требовался кто-то местный, кто плавал бы здесь, как уж в своем болоте.

Развивая возникшую мыслишку, я вспомнил Уля. Еще пять лет назад этот «глухонемой» загребал по двадцать долларов в день на своем

постоянном маршруте между офисами, заставляя раскошеливаться тех, кто верил в его талант. Он обладал великим даром: можно было палить из кольта над его головой, Уль и глазом не моргнул бы. Но героин основательно расшатал парню нервы и довел до того, что он стал вздрагивать от любого шороха за спиной.

С тех пор «глухонемого» мог использовать на посылках каждый, кто готов был расплатиться дневной порцией белого снадобья. Ночевал ханыга где-то в Чайнатауне и не придерживался каких-либо правил игры. Полгода назад я пользовался услугами Уля, чтобы узнать, кто разгрохал в одном богатом доме окно.

Еще один приятель — Люп Пигатти, владелец притона на Пацифик-стрит… Люп умел держать язык за зубами и если уж считал нужным что-то тебе сказать, то говорил без дураков.

Он сам поднял трубку.

— Можете найти мне Уля? — спросил я, предварительно назвавшись.

— Не исключено.

— Пришлите его ко мне. Буду ждать.

— Если он покажется, — пообещал Люп и повесил трубку.

Я попросил Фиска передать Старику, чтобы он

звякнул, когда появится, а потом отправился к себе и стал ждать симпатягу-стукача.

Он явился сразу же после десяти — низенький, приземистый мужичонка лет сорока с мордой как тесто и мышиного цвета шевелюрой со слипшимися прядями нечистой белизны.

— Люп сказал, что у вас что-то есть для меня.

— Да, — ответил я, указывая на стул и закрывая дверь. — Покупаю сведения.

Ханыга скомкал в руках шапку, хотел было сплюнуть на пол, но раздумал, только облизал губы.

— Не знаю, сэр. Но он там. Никто никогда его не видел, но все говорят, что это великий человек.

— Вот как! И дом его находится на Споффорд-аллее?

— Да, сэр. Дом с красными дверями и красными ступеньками. Его легко найти, но лучше с Чанг Ли Чингом не связываться.

— Ты что-нибудь узнало китаянках?

— Нет, сэр, но узнаю. Уверен в этом.

Я похвалил его за хорошую службу, велел попытаться еще что-нибудь вынюхать и вернулся к себе. Из дома позвонил в агентство. Старик сказал, что Дик Фоли — ас среди наших агентов — свободен. В самый раз было запустить его в дело.

Потом зарядил револьвер и, усевшись поудобнее, стал ждать Уля.

Он позвонил в дверь около одиннадцати.

— Сам не знаю, что об этом думать, парень, — сказал он очень важным тоном, скручивая самокрутку. — Что-то готовится, факт. Нет там спокойствия с тех пор, как японцы начали скупать магазины в Чайнатауне, и, может быть, дело именно в этом. Но чужих в районе нет, пусть дьявол их заберет. Подозреваю, что те двое, которыми вы интересуетесь, смылись в Лос-Анджелес; надеюсь, что сегодня вечером все буду знать точно.

— И в городе нет чужих?

— Ни одного.

— Послушай-ка, глухонемой, — сказал я без церемоний. — Ты лжец, и к тому же болван. Я умышленно подставил тебя. Ты приложил руку к этим убийствам вместе со своей братией, а теперь отправишься за решетку. И твои кореша тоже.

И направил револьвер в его перепуганную, посеревшую вывеску.

— Сиди тихо…

Не спуская с него глаз, я протянул свободную руку к трубке.

Но позвонить не успел. Мой «козерог» был

слишком близко. Уль рванулся и выхватил его; я бросился на Уля — но слишком поздно. Он выстрелил. Огонь опалил живот.

Согнувшись пополам, я осел на пол. Уль вылетел из комнаты, оставив распахнутую дверь.

Прижимая ладонь к животу, который жгло нестерпимо, я подбежал к окну и махнул рукой Дику Фоли, укрывшемуся за ближайшим углом. Потом отправился в ванную, где осмотрел рану. Холостой патрон тоже не шутка, если в тебя шмаляют чуть ли не в упор. Жилет, рубашка и майка пришли в негодность; тело обожжено. Я смазал ожог мазью, залепил пластырем, переоделся, зарядил по-настоящему револьвер и отправился в агентство ждать известий от Дика.

По всей видимости, первый ход в начатой игре оказался удачным. Героин героином, но Уль не сорвался бы, не окажись верным мое предположение, а основывалось оно на том, что уж очень ханыга старался не смотреть мне в глаза, слишком рискованно гнал тюльку насчет того, что в Чайнатауне нет чужих.

Дик не заставил себя долго ждать.

— Кое-что есть! — крикнул он с порога. Как всегда в таких случаях, речь напоминала телеграмму скряги. — Телефон. Звонил из будки:

отель «Ирвингтон», поймал только номер. Должно хватить. Затем Чайнатаун. Влетел в подвал на западной стороне Уэверли-плейс. Слишком далеко для точного опознания. Крутиться там долго — риск. «Ирвингтон» — это Щеголь. Пригодится?

— Наверное. Посмотрим, что имеется в нашем архиве о Щеголе.

Нейл Конерс, он же Щеголь, родился в Филадельфии, в предместье Виски-Хилл. В одиннадцатилетнем возрасте впервые замочил рога за попытку присоединиться к маршу протеста безработных на Вашингтон. Мальчишку наладили домой. Через четыре года он снова в руках полиции: в драке во время гуляний пырнул ножом парня. Отдали под надзор родителей. Затем подмели по подозрению в связи с бандой похитителей автомобилей. Темные делишки в компании с известным мошенником Хайесом, который был отправлен на тот свет одной из жертв какой-то своей аферы. Задержание во время знаменитой облавы полиции на железнодорожных грабителей. Каждый раз Конерсу удается выйти сухим из воды.

Рука правосудия впервые дотянулась до него, когда парню стукнуло тридцать два года. Загремел за надувательство посетителей Междуна-

родной панамской выставки и отсидел три года. Освободившись, вместе с одним японцем по имени Хасегава провернул крупную аферу в японской колонии в Сиэтле. Выдавал себя за американского офицера, делегированного в японскую армию во время войны. Конерс имел поддельную побрякушку — орден Восходящего солнца, приколотый на грудь уголовника якобы самим императором. Когда все вылезло наружу, семейство Хасегава вынуждено было раскошелиться в пользу потерпевших на двадцать тысяч. Конерс загреб на этом кругленькую сумму, не понеся даже какого-либо морального ущерба. Дело замяли, он вернулся в Сан-Франциско, купил отель «Ирвингтон», где живет, как король, уже пять лет, и никто не может сказать о нем худого слова. Фармазон что-то замышляет, но что именно никто не в состоянии узнать. О внедрении соглядатая в его отель под маской постояльца не могло быть и речи. Все номера занимали постоянные клиенты. Гостиница эта столь же малодоступное место, как самый дорогой нью-йоркский клуб.

Таков был хозяин заведения, куда звонил Уль, прежде чем исчезнуть в своей норе в Чайнатауне.

Я никогда не видел Конерса. Дик тоже. В досье

мы нашли несколько фотографий. Снимки анфас и в профиль. Конерс, одетый, что твой джентльмен, в вечернем костюме, с фальшивым японским орденом на груди, среди нескольких япошек, которым он пудрил мозги. Любительский снимок, сделанный как раз когда мошенник вел свою жертву на заклание. На этой фотографии он выглядел хоть куда — упитанный, с важной миной, квадратной челюстью и хитрыми глазами.

— Узнаешь его?

— Наверное.

— Неплохо бы присмотреть какой-нибудь угол по соседству, чтобы иметь отель в поле зрения и время от времени приглядывать за нашей пташкой.

На всякий случай я спрятал групповую фотографию в карман, а остальные сунул обратно в папку досье, после чего отправился к Старику.

— Можешь действовать. Этот номер с посредническим бюро тебе обеспечен, — сказал он.

— Отлично. А теперь — в Чайнатаун. — Если не дам о себе знать через пару дней, вам стоит попросить подметальщиков улиц, чтобы они обращали побольше внимания на то, что сгребают с мостовой.

Он обещал это сделать.

Грант-авеню — главная улица и позвоночный столб Чайнатауна — почти на всей своей протяженности являет собой ряды магазинчиков с низкопробным пестрым товаром и ярко освещенных кабачков, где туристам подают мясо с луком и рисом, а лязг американского джаза заглушает звучащие временами писклявые китайские флейты.

Я свернул с Грант-авеню на Клей-стрит и, нигде не задерживаясь, дошагал до Споффорд-аллеи в поисках дома с красными ступеньками и красными дверями, который, по словам Киприано, принадлежит Чанг Ли Чингу.

На Уэверли-плейс приостановился, чтобы оглядеться. Филиппинец сказал, что именно здесь живут прибывшие в Чайнатаун и что, по его мнению, здание связано переходом с домом Чанг Ли Чинга. Как раз до этого места Дик Фоли держал на поводке Уля. Четвертый дом от игорного притона Джейра Квонга, так сказал Киприано, но я понятия не имел, где находится притон.

На Уэверли-плейс царили образцовая тишина и покой. Какой-то толстый китаец расставлял ящики с овощами перед своей лавкой. Полдюжины мелких китайских ребятишек играли в мяч посреди улицы. По другую сторону какой-то блон-

дин в твидовом костюме поднялся по ступенькам из подвала на улицу; за его спиной мелькнуло на мгновение лицо размалеванной китаянки, запирающей дверь.

Я пошел дальше и на Споффорд-аллее без труда нашел нужный дом обшарпанное строение со ступеньками и дверями цвета засохшей крови. Окна были наглухо заколочены толстыми досками. От окружающих зданий он отличался тем, что на первом этаже не было ни одной лавки или конторы.

Я поднялся по трем ступенькам и костяшками пальцев забарабанил в дверь.

Никакого ответа.

Постучал сильнее. Глухо. Попробовал еще раз и услышал, как внутри что-то заскрежетало.

Скрипело и скрежетало не менее двух минут, после чего дверь приоткрылась — на полфута, не больше.

Через щель над тяжелой цепью на меня глянул косой глаз, кроме которого удалось еще рассмотреть часть морщинистого темного лица.

— Что?

— Хочу видеть Чанг Ли Чинга.

— Не понимаю.

— Вздор! Запри дверь и лети к Чанг Ли Чингу.

Скажи ему, что я хочу с ним повидаться.

— Топай отсюда. Чанга нет.

Я молчал. Если он не намерен меня впускать, то пусть знает, что я все равно никуда не уйду. Пауза.

— Чего ты хочешь?

— Хочу повидаться с Чанг Ли Чингом, — сказал я, не поворачивая головы.

Снова пауза, закончившаяся ударом цепочки о дверную раму.

— Ладно.

Я швырнул сигарету на тротуар и вошел в дом. Пришлось ждать, пока китаец перекрывал вход четырьмя стальными поперечинами толщиной в руку и замыкал висячие замки. Потом кивнул головой и, шаркая ногами, пошел впереди — маленький, сгорбленный человечек с лысой желтой головой и шеей, напоминающей кусок веревки.

Из этой комнаты он провел меня в другую, еще более темную, а потом в коридор. Затем мы спустились вниз по нескольким шатающимся ступенькам крепко воняло затхлой одеждой и сырой землей, — и попали в абсолютный мрак. Я вынужден был ухватиться за полу просторного, сшитого, несомненно, на вырост голубого плаща моего проводника.

С самого начала путешествия он ни разу не взглянул на меня, и ни один из нас не проронил ни слова. Эти блуждания по лестницам вверх и вниз, повороты налево и направо особого страха не нагоняли. Если старика это забавляло — ради Бога! Сколько ни води, больше меня уже с толку не собьешь я не имел ни малейшего представления о том, где нахожусь.

Дальше шли по длинному коридору, по обе стороны которого тянулся ряд дверей, размалеванных под бронзу. Все они были закрыты и в полумраке выглядели таинственно. Минуя одну из них, я заметил краем глаза тусклый блеск металла и темный кружок в самой середине двери.

Я бросился на пол.

Падая, как подкошенный, огня не увидел, но услышал выстрел и ощутил запах пороха.

Мой проводник молниеносно повернулся — одна нога его выскочила из шлепанца. В каждой руке он держал по пистолету, здоровенному, как лопата. Удивительно, каким образом этот старикашка ухитрился прятать на себе столько железа!

Два преогромных ствола пристально смотрели в мою сторону. По китайскому обычаю старик палил как сумасшедший: трах, трах, трах!

Я думал, что он промазал, — мой палец коснулся спуска. Но вовремя опомнился и не выстрелил.

Он целился не в меня. Слал пулю за пулей в дверь за моей спиной, в ту дверь, из- за которой грохнул первый выстрел.

Лучше всего было откатиться подальше по полу коридора.

Старичок закончил бомбардировку. Дерево он изрубил, как бумагу, расстреляв все свои боеприпасы.

Дверь отворилась от толчка человека, что был уже трупом, и в последние мгновения жизни старался удержаться на ногах, наваливаясь на нее всем телом. «Глухонемой» Уль, от которого почти ничего не осталось, свалился на пол и превратился в лужу крови.

В коридоре зароились желтые лица, среди которых мелькали черные стволы.

Я встал. Проводник опустил свои хлопушки и горловым голосом пропел целую арию. Китайцы начали исчезать, остались четверо, которым пришлось собирать то, что осталось от Уля.

Жилистый старикашка спрятал пистолеты, подошел ко мне и протянул руку за моим револьвером.

— Дайте мне это, — сказал он вежливо.

Если бы сейчас потребовали мои штаны, я и их бы не пожалел.

Старик сунул револьвер под полу плаща, небрежно взглянул на то, что несли четверо китайцев.

— Ты его не очень любил, а? — спросил я.

— Не очень, — признался он.

— Ладно. Идем.

Наше путешествие возобновилось. Наконец проводник остановился перед какой-то дверью и поцарапал ногтем ее поверхность.

Отворивший тоже был китайцем. Но этот явно не принадлежал к нашим кантонским карликам: могучий, явно питающийся мясом тяжелоатлет с бычьей шеей, широченными плечами, лапами гориллы и кожей толстой, как на ботинке.

Придерживая портьеру, прикрывавшую вход, великан потеснился, давая дорогу. По другую сторону двери стоял его брат-близнец.

Комната имела округлую форму, двери и окна закрывали бархатные драпировки — зеленые, голубые, серебристые. На большом, богато украшенном резьбой черном стуле, стоявшем за черным столом с инкрустацией, сидел старый китаец. Лицо у него было круглое, мясистое, хитрое, с пряжами редкой белой бороды. Голову при-

крывала плотно прилегающая к черепу черная шапочка. Его пурпурная одежда была подбита соболями.

Он не встал, но мягко улыбнулся и наклонил голову, почти коснувшись ею чашки с чаем, стоявшей на столе.

— Только полная невозможность поверить в то, что такой человек, как мой господин, исполненный божественного великолепия, пожелает тратить свое бесценное время на столь убогого простолюдина, удержала последнейшего из слуг моего господина от того, чтобы устремиться и пасть к его благородным ногам, как только я услышал, что Отец Детективов стоит у моего недостойного порога.

Все это он продекламировал на безупречном английском а так гладко, что лучше не скажешь.

— Если Ужас Преступников, — продолжал китаец, — почтит какой-нибудь из моих жалких стульев и пожелает доверить ему свое тело, то стул будет потом сожжен, дабы никто менее знатный не смог его использовать. А может, Повелитель Ловцов Злодеев позволит мне послать слугу в его дворец за стулом, более приличествующим Повелителю?

Я шагнул вперед, силясь сложить в голове

соответствующий обстоятельствам ответ. Этот старый «фазан» издевался надо мной, доводя до абсурда прославленную китайскую учтивость.

— Только потому, что от бесконечного почтения подо мной подгибаются колени при виде могучего Чанг Ли Чинга, осмелится раб его сесть, — сказал я, опускаясь на стул и поворачивая голову, чтобы увидеть, как два великана, охранявшие порог, исчезают. — Благодарю за то, что твой человек спас мне жизнь, когда мы шли по коридору.

Он простер обе руки над столом.

— Только из опасения, что смрад столь подлой крови будет невыносим для благородных ноздрей Императора Детективов, ведено убить нечистую тварь, осмелившуюся нарушить покой моего господина.

Пора было кончать с этой комедией.

— Я хотел бы узнать, кто убил Вант Мей и Ван Лая, служанок Лилиан Шан.

Он играл прядками редкой бороды, накручивая волосы на худой, бледный палец.

— Неужели тот, кто преследует оленя, позарится на зайца? Если Великий Охотник притворяется, что его занимает смерть слуг, что может подумать Чанг? Только то, что великий человек скорее

всего скрывает свою истинную цель.

Так он болтал еще несколько минут, а я сидел и слушал, всматриваясь в его округлое, хитрое лицо в надежде хоть что-нибудь узнать.

— Где находятся Ху Лун и Йин Хунг?

— И снова я чувствую себя погруженным в неведение, как в грязь, промурлыкал он, — и единственно утешаю себя мыслью, что Мастер Разгадывать Загадки знает ответ на свои вопросы и скорее всего скрывает от Чанга свою несомненно достигнутую уже цель.

Вот и все, что удалось добиться.

У входа, уже после того, как железные перекладины были сняты, старичок выудил из-под плаща мой револьвер и вручил его мне.

— Благодарю, что ты застрелил этого… там, наверху, — сказал я.

Старый китаец кашлянул, поклонился и запер дверь.

Кратчайшая дорога в агентство вела по Стоктон-стрит. Можно было не торопиться. Прежде всего стоило поразмыслить над фактом смерти «глухонемого» Уля. Была ли она подготовлена заранее, чтобы наказать бракодела и заодно дать мне кое-что понять? Но что? И для чего? Чтобы непрошеный гость почувствовал себя в долгу? А

если так, то почему? Зачем? Или это всего лишь один из тех загадочных номеров, которые так любят разыгрывать китайцы? Особого внимания стоил маленький тучный человечек в пурпурных одеждах.

Он мне понравился. У него были чувство юмора, умная голова, отвага, словом, все. Победой над таким можно гордиться. Но я вовсе не думал, что уже победил. «Глухонемой» указал на связь, существующую между Щеголем из «Ирвингтона» и Чанг Ли Чингом, среагировал, когда я обвинил его в том, что он замешан в убийстве в доме Шан. Вот и весь навар. Кроме того, Чанг ни словом не обмолвился, что ему плевать на заботы Лилиан Шан.

В свете этих фактов само собой напрашивалось, что смерть Уля не была специально разыгранным представлением. Скорее всего, он попытался меня убрать и сел на мушку «фазану», поскольку в противном случае накрылась бы аудиенция, которой удостоил меня Чанг. Жизнь Уля ломаного гроша не стоила в глазах китайца, да и любого другого.

Вообще же, я не испытывал особого недовольства собой, подводя черту под первым днем работы. Если не добился ничего значительного,

то по крайней мере много лучше представлял то, что обещало будущее. Если все еще бился головой о каменную стену, то знал, где эта стена находится и кому принадлежит.

В агентстве меня ждало сообщение от Дика Фоли. Он снял помещение напротив отеля «Ирвингтон» и теперь держал Щеголя на крючке.

Щеголь около получаса кумарил в ресторане «Толстяк» Томсона на Маркет-стрит, болтая с хозяином и несколькими биржевыми спекулянтами, которые околачиваются там постоянно. Потом проехал на моторе до 0'Фаррел-стрит.

Долго безо всякого результата звонил в одну из квартир, затем достал из кармана собственные ключи. Спустя час вышел оттуда и вернулся в отель. Дик не мог сказать, звонок какой квартиры нажимал Щеголь. Я позвонил Лилиан Шан.

— Вы дома сегодня вечером? Хотелось бы кое-что обговорить, разумеется, не по телефону.

— Буду дома в половине восьмого.

— Отлично.

В семь пятнадцать я стоял у двери особняка мисс Шан.

Отворила она сама. Датчанка, занимавшаяся хозяйством, заглядывала сюда только днем, на ночь возвращаясь в собственный дом, располо-

женный в миле отсюда.

Вечернее платье, в котором мисс Шан предстала, было из разряда строгих, но позволяло предположить, что если бы хозяйка отказалась от очков и проявила больше заботы о себе, она могла бы выглядеть куда более женственно. Лилиан проводила меня в библиотеку. Ухоженный молодой человек лет двадцати с небольшим, в вечернем костюме, встал со стула, когда мы вошли, — красивый светловолосый парень.

Он назвался Джеком Готторном. Девица скорее всего вознамерилась организовать здесь конференцию. Стоило немалых усилий дать ей понять, что нужен разговор с глазу на глаз. Она извинилась перед гостем и отвела меня в другую комнату.

Я уже ощущал некоторое раздражение.

— Кто это?

Она взглянула на меня, приподняв брови:

— Мистер Джек Готторн.

— Вы хорошо его знаете?

— Собственно, почему это вас так интересует?

— Мистер Джек Готторн мне не нравится.

— Не нравится?

Мне пришла в голову неожиданная мысль.

— Где он живет?

Она назвала какой-то номер на 0'Фаррел-стрит.

— Это «Гленвей»?

— Кажется, да. — Взгляд ее выражал абсолютное равнодушие. — Вы хотите что-то объяснить?

— Еще один вопрос, потом объяснения. Знаете ли вы китайца, которого зовут Чанг Ли Чинг?

— Нет.

— Понял. Тогда расскажу кое-что о Готторне. К данному моменту мне удалось выйти на два разных следа, связанных с вашим делом. Один из них ведет к Чанг Ли Чингу из Чайнатауна, а другой к некому Конерсу, который уже отсидел один срок. Присутствующий здесь Готторн был сегодня в Чайнатауне. Я видел его, когда он выходил из подвала, по всей вероятности, сообщающегося с домом Чанг Ли Чинга. Бывший преступник Коиерс посетил сегодня после полудня дом, в котором живет Готторн.

Она открыла рот, а потом закрыла.

— Но это абсурд! Я знаю мистера Готторна довольно давно и…

— Как давно?

— Ну… давно. Несколько месяцев.

— Как вы познакомились?

— Через мою подругу по колледжу.

— На что он живет?

Она замолчала, застыв в напряжении.

— Послушайте, мисс Шан, — сказал я. — С этим Готторном все может быть в порядке, но нужна полная ясность. Он нисколько не пострадает, если чист. Мне надо знать, что о нем знаете вы.

Слово за слово, я вытянул из нее все, что требовалось. По всем признакам, мисс Шан питала к мистеру Готторну немалую симпатию.

Вечером наша парочка собиралась в ресторан. Как и следовало ожидать, на машине Готторна. С немалым трудом удалось заполучить ключи от виллы хотелось побыть в роли сторожевого пса, пока молодые будут прожигать жизнь по кабакам. Я проводил Лилиан со словами:

— Если на обратном пути двигатель закапризничает, то пусть вас это не удивляет. Всех благ!

Взяв такси, я попросил водителя заехать в ближайшее селение, где в магазинчике купил плитку жевательного табака, фонарик и коробку патронов. С покупками в кармане возвратился к особняку.

Слегка почистив хозяйский холодильник, удобно устроился на стуле в коридорчике возле кухни. По одну сторону прохода была лестница, ведущая наверх. Мой наблюдательный пункт находился посередине, откуда при открытых дверях можно

было услышать все.

Прошел час в тишине, если не считать отдельных звуков автомобилей, проезжающих по дороге, до которой было ярдов триста, и шума Тихого океана в маленьком заливе внизу. Я жевал табак, чтобы не курить сигареты, и пытался сосчитать, сколько часов жизни ухлопано таким вот образом, сидя или стоя в ожидании, пока что-то случится.

Зазвонил телефон.

Пусть звонит. Это могла быть Лилиан Шан, которой понадобилась помощь, но рисковать я не мог. Скорее всего кто-то из банды пытался проверить, нет ли кого в доме.

Прошло еще полчаса. От океана подул бриз, зашумели деревья во дворе.

Что-то где-то скрипнуло. Возле окна, но не понять, возле которого. Я бросил табак и вытащил револьвер.

Снова скрипнуло, на этот раз сильнее. Кто-то мудрил с окном. Забренчала ручка, и что-то ударилось о стекло.

Я встал. Когда тонкая, слабая полоска света коснулась моего стула, стоявшего в проходе, я уже был на третьей ступеньке лестницы, ведущей в подвал.

Луч фонарика на секунду задержался на пустом стуле, затем обежал коридор и протянулся в комнату. Я видел только эту полоску света и ничего, кроме нее.

Донеслись новые звуки: урчание автомобильных двигателей около дома со стороны двора, мягкие шаги в прихожей, а затем, по линолеуму кухни, шаги многих ног. Появившийся запах не оставлял сомнений — вонь от немытых китайцев.

Потом стало не до шумов. Свет пополз в сторону и упал на мою ногу.

Я прицелился в точку, которую определил для себя в темноте. Его выстрел опалил мне щеку. Он протянул руку, чтобы схватить меня. Я ухватился за нее, и китаец скатился в погреб, блеснув в свете собственного фонаря золотыми зубами.

Дом наполнился выкриками «Ай!» и «Ой!», топотом ног.

Пришлось покинуть свое место, иначе меня просто спихнули бы с лестницы.

Подвал мог оказаться ловушкой, поэтому я вернулся в проход возле кухни. И там попал в водоворот вонючих тел. Чьи-то руки, чьи-то зубы начали рвать на мне одежду. Дьявол побрал бы все это! Вот так вляпался!

Вынесенный на кухню, уперся плечом в дверную раму, изо всех сил сопротивляясь невидимому противнику. Использовать оружие, которое сжимал в руке, не было никакой возможности.

Я был только частью жуткой, бессмысленной сутолоки. Этим ошалевшим скопищем владела паника. Стоило только привлечь к себе внимание, и меня разорвали бы в клочья.

Под ноги попало ведро. Я упал, опрокидывая соседей, перекатился через чье-то тело, ощутил чью-то туфлю на своем лице, выскользнул из-под нее и приземлился в углу. Теперь мною владело единственное желание: чтобы эти люди исчезли.

Я сунул револьвер в ведро и выстрелил. Раздался страшный грохот. Словно кто-то бросил гранату. Еще один выстрел. Сунул в рот два пальца и свистнул что было силы.

Прозвучало великолепно!

Прежде, чем в револьвере иссякли патроны, а в моих легких воздух, я остался один.

Теперь можно запереть дверь и включить свет. Кухня не была так страшно разгромлена, как следовало ожидать. Несколько кастрюль и других кухонных принадлежностей на полу, один сломанный стул и в воздухе запах немытых тел. Все, если не считать рукава из голубой бумажной

ткани, лежащего посреди кухни, соломенной сандалии возле двери и пряди коротких черных волос со следами крови, валявшейся рядом с сандалией.

В подвале загремевшего туда китайца не оказалось. Открытая дверь указывала путь его бегства.

Часы показывали половину третьего ночи, когда с улицы донесся звук подъезжающего к дому автомобиля. Я выглянул из окна спальни Лилиан Шан на втором этаже. Она прощалась с Джеком Готторном.

Лучше было, конечно, встретить хозяйку в библиотеке.

— Ничего не случилось? — в этих первых словах прозвучала чуть ли не мольба.

— Разумеется, — ответил я. — Позволю себе предположить, что у вас были неприятности с автомобилем.

Какое-то время она думала, что бы соврать, но потом кивнула головой и опустилась в кресло — холодной неприступности у нашей барышни несколько поубавилось.

В агентстве я попросил Старика, чтобы он приставил к Джеку Готторну ангела- хранителя и велел подвергнуть лабораторному исследованию

старую шапку, фонарик, сандалию и остальные трофеи, добытые в особняке, а также собрать следы пальцев, ног, зубов и так далее. Нужно было еще запросить наш филиал в Ричмонде и навести справки о Готторне. Потом я пошел повидаться с моим филиппинским помощником.

Он пребывал в полном унынии.

— В чем дело? — спросил я. — Тебя кто-то побил?

— О нет, сэр! Что вы! Но, наверное, плохой из меня детектив. Видел четыре автомобиля, из них выходили, а затем спускались в подвал люди — чужие китайцы, о которых вы знаете. Когда они вошли, один человек вышел. С забинтованной головой, сэр. Быстро свернул за угол и был таков.

Несомненно, речь шла о моем ночном госте. Человек, которого Киприано пытался выследить, мог быть тем, с кем я схватился на лестнице.

Филиппинцу и в голову не пришло записать номера автомобилей. Не знал, кто водители — белые или китайцы, не знал даже, какой марки машины.

— Ты вел себя отлично. Попробуй еще разок сегодня вечером. И не переживай — наверняка их там застанешь.

От него я позвонил во Дворец Правосудия и

узнал, что о смерти «глухонемого» Уля сообщений не поступало.

Двадцатью минутами позже грохотом кулаков в фасадную дверь был извещен о моем прибытии великий Чанг.

На этот раз отворил не старик, шея которого напоминала обрывок веревки, а молодой китаец с широкой ухмылкой на побитом оспой лице.

— Господин хочет видеть Чанг Ли Чинга, — сказал он, прежде чем я успел открыть рот, и отступил в сторону, уступая дорогу.

Комната с бархатными драпировками была пуста, проводник поклонился и, скаля зубы в улыбке, ушел. Ничего не оставалось, как сесть на стул возле стола и ждать.

Чанг Ли Чинг отказался от театральных трюков и не стал изображать бесплотного духа. Послышались шаги ног в мягких туфлях, прежде чем китаец, раздвинув занавес, вошел. Его белые усы шевельнулись в патриархальной гостеприимной улыбке.

— Победитель Чужеземных Орд вновь решил удостоить чести мое скромное жилище, — изрек он приветствие, а потом долго забавлялся той ерундой, от которой голова трещала еще с первого визита. Мой новый титул явно был связан с

событиями последней ночи.

— Слишком поздно раб твой узнал, с кем имеет дело, и причинил вчера вред одному из слуг великого Чанга, — удалось вставить мне, когда он на какой-то миг исчерпал запас цветистых выражений. — Ничем не смогу искупить свой ужасный поступок, но надеюсь, что великий Чанг прикажет надрезать мне горло и позволит, чтобы я в муках раскаяния истек кровью в одном из его мусорных ящиков.

Легкий вздох, который мог быть и сдержанным смешком, шевельнул губы старца, а черная шапочка дрогнула.

— Укротитель Мародеров знает все, — прошептал он с иронией. — Даже то, чем прогоняют демонов. Если он утверждает, что человек, которого толкнул Повелитель, был слугой Чанг Ли Чинга, то кто такой Чанг, чтобы перечить?

Я попытался надуть его.

— О, что мы знаем… Не знаем даже, почему полиция до сих пор не осведомлена о смерти человека, которого вчера шлепнули здесь.

Он запустил пальцы левой руки в свою бороду и начал играть волосами.

— Ничего не слышал об убийстве…

— Это очень забавно.

— Очень.

В коридоре раздался громкий топот. В комнату вбежали двое китайцев, громко лопоча о чем-то по-своему. Они были сильно возбуждены, глаза блестели. Ли Чинг резким тоном заставил обоих замолчать и повернулся в мою сторону.

— Позволит ли Благородный Охотник за Головами своему слуге на минутку удалиться, чтобы позаботиться о своих жалких домашних делах?

— Разумеется.

Ожидая возвращения Чанга, я курил. Где-то внизу в недрах дома грохотало сражение. Хлопали выстрелы, гремела сокрушаемая мебель, бухали тяжелые шаги. Прошло не менее десяти минут.

И тут я обнаружил, что не один в комнате.

На стене дрогнула драпировка. Бархат вздулся слегка и снова опал. Затем то же повторилось метра на три дальше, потом уже в углу комнаты.

Кто-то, скрытый драпировкой, крался вдоль стены.

Я проследил за движением неизвестного до того места, где находилась дверь. Напрашивался вывод, что кравшееся существо покинуло комнату. И тут занавес внезапно приоткрылся, и я увидел ее.

Ростом она была меньше пяти футов — живая фарфоровая статуэтка, снятая с чье-то полки, — и казалось сверхъестественно изящной, хрупкой и совершенной. Девушка подошла ближе быстрой, неловкой походкой китаянок, которым в детстве бинтуют ноги. Я сорвался со стула и поспешил навстречу.

По-английски малышка говорила очень плохо. Большую часть того, что она выпалила, понять было невозможно, хотя ее «па-ма-зи» могло означать «помогите».

Следующая порция ее английского отнюдь не прояснила ситуацию, разве что «ла-би- на», похоже, означало «рабыня», а «блать от-сю-та» — «забрать отсюда».

— Ты хочешь, чтобы я тебя отсюда забрал?

Она энергично закивала головкой.

— Все ясно, — сказал я, вынимая револьвер. — Если хочешь пойти со мной, то идем.

Ее ручка опустилась на ствол, решительным движением повернула его вниз. Вторая рука скользнула в мой кармашек с часами. Я позволил их вынуть. Кончик ее пальца коснулся цифры двенадцать, а потом описал круг три раза. Это, пожалуй, понятно. Через тридцать шесть часов, считая от сегодняшнего полудня, будут полночь

и четверг.

— Да, — сказал я.

Она бросила взгляд на дверь и потянула меня к столу, сервированному для чаепития. Обмакнув пальчик в холодный чай, начала рисовать на инкрустированной поверхности стола.

— Дом через улицу, напротив овощного магазина, — произнес я медленно, четко выговаривая каждое слово, а когда она постучала по моему часовому кармашку, добавил:

— Завтра в полночь.

Не знаю, сколько из этого девушка поняла, но она так закивала головой, что колечки в ее ушах заколыхались, словно маятник обезумевших часов.

Молниеносным движением маленькая китаянка наклонилась, схватила мою правую руку, поцеловала ее и исчезла за бархатным занавесом.

Носовым платком я стер начерченную на столе карту. Можно было спокойно покуривать. Минут через двадцать вернулся Чанг Ли Чинг.

Вскоре после этого, мы распрощались, обменявшись серией ошеломляющих комплиментов. Рябой китаец проводил меня до выхода.

В агентстве не было ничего нового. Минувшей

ночью Фоли так и не удалось выследить Щеголя.

На следующее утро в десять минут одиннадцатого мы с Лилиан Шан подъехали к парадному Фонг Йика на Вашингтон-стрит.

— Побудьте здесь две минуты, а потом входите, — сказал я ей и вылез из автомобиля.

— Не выключайте мотор, — посоветовал водителю. — Может случиться, что нам придется сматываться.

В агентстве Фонг Йика очень худой седовласый мужчина, подумалось почему-то, что это и есть Фрэнк Пол, находка Старика, жуя сигарету, разговаривал с пол дюжиной китайцев. За потертой стойкой сидел толстый «фазан» и со скукой поглядывал на них через огромные очки в проволочной оправе.

Я окинул взглядом эту шестерку. Один из них резко выделялся своим сломанным носом — это был невысокий, крепко сложенный штемп. Отстранив остальных, я подошел к нему. Не знаю, чем он собирался угостить меня: может, джиуджитсу или чем-то похожим своего, китайского, образца. Во всяком случае, парень изготовился к прыжку и угрожающе развел напрягшиеся руки. Только он немного опоздал.

Я уклонился от выпада, перехватив мелькнув-

ший возле лица кулак, вывернул руку за спину и в конце концов ухватил парня за шиворот.

Другой «фазан» прыгнул мне на спину. Худощавый, светловолосый джентльмен примерился и дал ему в зубы — китаец полетел в угол и там успокоился.

Так обстояли дела, когда в комнату вошла Лилиан Шан.

Я развернул мурика со сломанным носом в ее сторону.

— Йин Хунг! — воскликнула она.

— А кто из них Ху Лун? — спросил я, указывая на присутствующих, созерцавших происходящее.

Она неистово тряхнула головой и начала быстро шпарить по-китайски, обращаясь к моему пленнику. Тот отвечал, глядя ей в глаза.

— Что вы хотите с ним сделать? — наконец спросила она срывающимся голосом.

— Сдать в полицию шерифу. Этот тип вам что-нибудь объяснил?

— Нет.

Я начал подталкивать кирюху в направлении двери. Китаец в проволочных очках преградил дорогу, держа правую руку за спиной.

— Нельзя.

Йин Хунг как бы сам налетел на очкастого. Тот

охнул и врезался спиной в стену.

— Выходите! — крикнул я девушке.

Седовласый господин задержал двух китайцев, которые бросились к двери, и могучим ударом плеча отшвырнул их в противоположный конец помещения.

На улице было спокойно. Мы ввалились в машину и проехали полтора квартала до полицейского управления, где я выгрузил пленника из такси.

Уже высунувшись наполовину из машины, Лилиан Шан вдруг изменила свое намерение.

— Если это не обязательно, — сказала она, — я не пойду туда. Подожду вас здесь.

— Превосходно. — Хорошего толчка было достаточно, чтобы переправить кривоносого китайца на ступени здания.

Внутри возникла довольно интересная ситуация.

Городская полиция ничуть не заинтересовалась такой особой, как Йин Хунг, хотя, разумеется, была готова задержать его до распоряжения шерифа из Сан-Матео.

Йин Хунг делал вид, что не говорит по-английски, а мне было интересно, какую пушку он зарядит, поэтому я заглянул в комнату, где оши-

ваются агенты, и нашел там Билла Тода, навечно откомандированного в Чайнатаун. Тод немного калякал по-китайски.

Он и Йин Хунг тарабанили довольно долго. Потом Билл взглянул на меня, откусил кончик сигары и с комфортом развалился на стуле.

— Он говорит, что эта Ван Лан и Лелиан Шан поссорились, а на следующий день Ван Лан исчезла. Мисс Шан и ее служанка Ванг Мей говорили, что Ван Лан уехала, но Ху Лун видел, как Ванг Мей жгла одежду Ван Лан. Ху Лун и этот парень заподозрили, что что-то здесь не так, а на следующий день убедились в этом. Тот, что сидит перед нами, не мог отыскать свою лопату среди садового инвентаря. Нашел только вечером, еще мокрую от влажной земли. Никто в этот день не копал ни в саду, ни за домом. Тогда он и Ху Лун посоветовались и решили, что лучше всего будет слинять, прежде чем они исчезнут точно так же, как Ван Лан. Это все.

— Где сейчас Ху Лун?

— Говорит, что не знает.

— Следовательно, Лилиан Шан и Ванг Мей были еще дома, когда эта пара смылась? — спросил я. — Они тогда еще не уехали на Восток?

— Так он говорит.

— Что они знали о причинах гибели Ван Лан?

— Этого из него вытянуть не удалось.

— Благодарю тебя, Билл. Скажешь шерифу, что парень находится здесь.

— Можешь не сомневаться.

Когда я вышел на улицу, там, разумеется, не было никаких следов ни Лилиан, ни такси.

Звонок из холла в агентство ничего нового не дал. Никаких вестей от Дика Фоли, равно как и от филера, который присматривал за Джеком Готторном. Пришла телеграмма из нашего филиала в Ричмонде. В ней подтверждалось, что Готторны — состоятельные и известные в округе люди. Молодой Джек всегда находился при деле, но несколько месяцев назад в какой-то кофейне съездил по морде полицейского из бригады, воюющей с нарушителями сухого закона. Отец лишил парня наследства и выгнал из дома, но мать, скорее всего, посылает сыну пиастры.

Это не противоречило тому, что говорила его подруга.

Трамвай довез меня до гаража, где стоял автомобиль, позаимствованный у Лилиан Шан. На нем подъехал я к дому Киприано. Никаких новостей филиппинец тоже не припас. Потом покружил по Чайнатауну, но возвратился ни с чем.

Я был не в наилучшем настроении, когда выезжал на Океанский бульвар. Дело продвигалось вперед не так живо, как хотелось.

На бульваре прибавил скорости, и соленый ветерок по-немногу стал развевать грустные мысли.

На звонок в дверь дома Лилиан Шан вышел мужик с костистым лицом и рыжеватыми усиками. Старый знакомый, помощник шерифа Такер.

— Хелло! — приветствовал он меня. — Что нужно?

— Ищу хозяйку виллы.

— Так ищи дальше, — ощерил он зубы. — Не задерживаю тебя.

— Ее что, нет дома?

— Ясное дело. Шведка, которая здесь работает, говорит, что госпожа приезжала, а потом уехала. За полчаса до моего появления. Так что уже скоро час, как она слиняла.

— Имеешь приказ об аресте? — спросил я.

— Не исключено. Ее шофер все выложил.

— Да, слышал. Перед тобой тот самый гениальный парень, который его сгреб.

Мы поболтали с Такером еще минут десять.

— Дашь знать в агентство, когда ее поймаешь? — спросил я, садясь в машину.

— Не исключено.

Путь лежал обратно в Сан-Франциско.

Сразу же за Дейли-Сити мимо меня пронеслось такси, движущееся на юг. На заднем сиденье сидел Джек Готторн.

Я нажал на тормоз и помахал рукой. Такси затормозило и задним ходом подползло ко мне. Готторн открыл дверцу, но выходить, похоже, не собирался.

Пришлось выйти самому.

— Помощник шерифа ждет в доме Лилиан Шан, если вы направляетесь туда.

Он сделал большие глаза, потом, прищурившись, глянул на меня с подозрением.

— Сядем на обочину и поболтаем минутку, — предложил я ему.

Он вышел из такси, и мы перебрались на другую сторону шоссе, где валялось несколько крупных камней, на которые можно было присесть.

— Где Лил… мисс Шан? — поинтересовался он.

— Спросите у мистера Щеголя.

Нет, этот блондинчик многого не стоил. Прошло немало времени, прежде чем ему удалось вытащить свою хлопушку. Я спокойно позволил ему изображать настоящего мужчину.

— Что вы хотите этим сказать? — заволновал-

ся он.

Мне же просто хотелось посмотреть, как шнурок отреагирует на эти слова.

— Она в руках Щеголя?

— Не думаю, — признался я, хотя и очень неохотно. — Видите ли, ей приходится скрываться, чтобы не быть повешенной за убийство. Щеголь ее сыпанул.

— Повешенной?

— Ага. У помощника шерифа, который ждет ее возле дома, есть приказ об аресте по обвинению в убийстве.

Он спрятал оружие, и в горле у него забулькало.

— Я поеду туда. Расскажу все, что знаю!

Он вскочил, направляясь к машине.

— Минутку! Может быть, вы сперва расскажете все, что знаете, мне? Ведь я работаю на мисс Шан. Он повернулся на каблуках.

— Да, вы правы. Это поможет вам…

— Вы действительно что-то знаете?

— Я знаю все! Все знаю! О смерти этих двух, о главаре… О…

— Стоп, стоп, стоп! Не стоит переводить такое добро на водителя такси.

Пацан немного успокоился, и я начал его потро-

шить. Прошло не менее часа, прежде чем удалось прояснить действительно многое.

История эта началась с того, что Готторн укатил из дома, где впал в немилость у папаши после драки с полицейским из антиалкогольной команды. Приехал в Сан- Франциско, чтобы пересидеть здесь гнев отца. Мамаша тем временем заботилась о кармане сына, однако она не присылала столько денег, сколько мог истратить молодой бездельник в увеселительных заведениях такого города, как Фриско.

Вот в какой ситуации пребывал Готторн, когда встретил Щеголя, который убедил Джека, что парень с его внешностью без хлопот может прилично зарабатывать на контрабанде спиртным, если будет делать, что велят. Готторн охотно согласился. Контрабанда дарами Вакха казалась романтичным делом: выстрелы в темноте, погони, таинственные сигналы и так далее.

Смахивало на то, что Щеголь имел в избытке и лодок, и спиртного, и жаждущих клиентов, не доставало только места, где он мог бы выгружать товар. Маленький заливчик на побережье идеально подходил для таких операций. Не слишком близко, но и не слишком далеко от Сан-Франциско, с двух сторон скалы, а со стороны дороги

большой дом и высокая живая изгородь. Если бы аферист мог бы воспользоваться этим особняком, всем заботам уголовной братии пришел бы конец: спиртное выгружали бы в заливе, перетаскивали в дом, переливали в невинную тару, выносили через переднюю дверь к машинам и доставляли в город.

Готторну предстояло завязать знакомство с несговорчивой, китаянкой. Щеголь раздобыл даже рекомендательное письмо одной из ее подруг по колледжу, девицы, которая, кстати сказать, успела со студенческих времен опуститься весьма низко. Затем Готторн должен был сблизиться с Лилиан Шан настолько, чтобы подбросить ей мыслишку об использовании дома. Точнее говоря, парню следовало прощупать дамочку на предмет, не является ли она той особой, которой можно — более или менее откровенно — предложить долю в барышах империи Щеголя.

Готторн успешно справлялся: Лилиан Шан уже настолько раскрыла перед ним сердце, что, собираясь в Нью-Йорк, уведомила о своем отъезде на несколько месяцев. Благословение Божье для контрабандистов! На следующий день Готторн позвонил в дом Лилиан и узнал, что Вант Мей убыла вместе со своей госпожой, а дом оставлен

на попечение трех слуг.

Сведения были, что называется, из первых рук. Парню не пришлось повозиться с товаром, хотя и хотелось. Щеголь приказал держаться в стороне, чтобы после возвращения мисс он мог играть свою роль первого любовника.

Щеголь сказал, что купил трех китайских слуг, которые обещали помочь, однако при дележе товара кухарку Ван Лан пришили свои же кореша. Во время отсутствия Лилиан транспорт с «горючим» только раз прошел через ее дом. Неожиданное возвращение хозяйки испортило всю обедню. Часть завезенного виски находилось еще в доме. Люди Щеголя были вынуждены схватить мисс Шан и Вант Мей; сунули их в какой-то закуток на время, необходимое, чтобы вывезти товар. Ванг Мей придушили случайно — слабенькой оказалась.

Это были, однако, цветочки. Ягодки ждали впереди: уже подходил следующий транспорт. Его разгрузка намечалась в ближайшую среду, и не было никакого способа предупредить суда, что соваться в залив нельзя. Щеголь послал за нашим героем и приказал ему увезти подругу в среду из города и задержать как- нибудь по меньшей мере до двух часов ночи. Готторн пригласил Лилиан на

ужин в «Полумесяц». Она приняла приглашение. Естественно, на обратном пути двигатель забарахлил — трудно сказать, насколько убедительно эта сцена была разыграна, но мисс Шан торчала за городом до половины третьего. Позже Щеголь сказал, что все прошло на мази.

О том, что было потом, я мог только догадываться — парень бормотал что-то бессмысленное и заикался. Думаю, что в общих чертах это может выглядеть так: он не задумывался, достойно ли поступает с девушкой, она не слишком прельщала его, была чересчур строга и серьезна. И не прикидывался влюбленным — даже не пытался флиртовать. Потом последовало неожиданное открытие: девушка вовсе не была так равнодушна. Это просто поразило парня. В первый раз происходящее предстало в истинном свете. Раньше все заботы сводились к тому, чтобы сорвать куш как можно больше. Появление чувства меняло дело — даже если чувство проявляла лишь одна сторона.

— Я сказал Щеголю сегодня днем, что кончаю с этим.

— И такое заявление ему понравилось?

— Не очень. По правде говоря, пришлось немного поработать над его физиономией.

— Даже так? И что вы намерены теперь делать?

— Я собирался встретиться с мисс Шан, сказать ей правду, а потом… потом, наверное, исчезнуть.

— Так будет лучше всего. Щеголю могло не понравиться ваше обхождение.

— Теперь я не стану ничего скрывать. Сдамся на милость мисс Шан и выложу ей всю правду.

— Лучше вам не торопиться, — посоветовал я ему. — Не нужно. Вы слишком мало знаете, чтобы помочь ей.

Это не совсем соответствовало истине, поскольку Готторн точно знал, что шофер и Ху Лин пробыли в доме еще целый день после отъезда Лилиан Шан в Нью-Йорк. Но выводить парня из игры время еще не наступило.

— На вашем месте хорошо бы подыскать себе укромный уголок и подождать там, пока я не дам знать. У вас есть такое место?

— Да-а, — произнес он медленно, — у меня есть друг, который не подведет… Это недалеко от Латинского Квартала.

— Недалеко от Латинского Квартала? Может, в Чайнатауне? На Уэверли-плейс?

Он подпрыгнул.

— Откуда вы знаете?

— Детектив должен знать все. Вы слышали о Чанг Ли Чинге?

— Нет. — Изумление на его лице не было наигранным.

Я с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. Когда в первый раз молокосос попался мне на глаза, выходя из дома на Уэверли-плейс, за ним в открытой двери мелькнуло лицо какой-то китаянки. Это был дом, расположенный напротив овощного магазина. Кукла, которая пудрила мне мозги у Чанга, угощая историей о рабыне, приглашала к тому самому дому. Благородного Джека она попотчевала тем же, однако он не знал, что девушку что-то связывает с Чанг Ли Чингом, не знал даже о существовании Чанга и не подозревал, что Чанг и Щеголь — сообщники. Теперь у мальчика неприятности, и он хочет поплакаться на груди именно у этой девушки!

— Как зовут вашу приятельницу?

— Хсю Хсю.

— Отлично, — одобрил я его бредовую идею. — Идите к ней. Это великолепное укрытие. Но если я захочу послать вам весточку с каким-нибудь китайчонком, то как вас найти?

— С левой стороны от входа есть лестница. Ваш посланец должен будет перескочить вторую

и третью ступеньки, так как там вмонтирован сигнал тревоги. В перилах тоже. Вторая дверь направо в коридоре ведет в комнату, где напротив входа стоит шкаф. В шкафу находится дверка, прикрытая старой одеждой. Ход ведет в другую комнату. Там часто бывают люди, поэтому следует дождаться подходящей минуты. В комнатке два окна, из любого можно залезть на маленький балкон. Он устроен так, что человека не видно ни с улицы, ни с Других домов. На балконе есть две оторванные доски, которые прикрывают вход в маленькую комнатку между стенами, где в полу находится люк, ведущий в другую такую же комнату. Там, скорее всего, я буду прятаться. Оттуда есть и другой выход через лестницу, но ходить там не доводилось.

Кто-то умел морочить голову! Это напоминало какую-то детскую игру. Но, выкладывая мне весь этот вздор, наш дурачок ни разу не запнулся. Принимал все за чистую монету.

— Вот, значит, какой лабиринт, — сказал я. — Тогда посоветую вам отправиться туда как можно скорее и не выглядывать, пока не получите сигнала. Моего посланца легко узнать, он слегка косит, а для уверенности снабдим его паролем. «Наугад» — таким будет ваше секретное слово.

Входная дверь не запирается на ключ?

— Нет, я никогда не видел ее запертой.

— Хорошо. А теперь сматывайтесь.

В тот же вечер, ровно в десять пятнадцать, я отворил дверь в доме напротив овощного магазина на Уэверли-плейс — на час сорок пять раньше условленного с Хсю Хсю времени. Без пяти десять Дик Фоли позвонил по телефону и сообщил, что Щеголь вошел в дом с красными дверями на Споффорд-аллее.

Оказавшись в темноте, я тихо затворил дверь и сосредоточился на инструкции, данной мне Готторном. Понимание того, что указания были глупыми, нисколько не помогло, потому что другой дороги мне никто не показал.

Лестница причинила кое-какие затруднения, но все же удалось перебраться через вторую и третью ступеньки, не касаясь перил. Нашел вторую дверь в коридоре, шкаф в помещении, дверь в шкафу, комнату, балкон и прочее и прочее, пока не добрался до люка. Без труда откинул его крышку и сунул в отверстие голову по самые плечи, чтобы убедиться, что внизу имеется точно такая же крышка.

Встал на нее обеими ногами, и она уступила. Я просто вывалился на свет под треск прогнивших

досок.

Вовремя успел схватить Хсю Хсю и зажать ей рот, прежде чем она закричала.

— Хелло! — сказал я изумленному Готторну. — У моего посланца сегодня выходной, поэтому пришлось идти самому.

— Хелло! — прошептал он сдавленно.

Я передал Хсю Хсю в руки парня.

— Пусть сидит тихо, пока…

Щелчок ключа в замке заставил меня замолчать. Я отскочил к стене и занял место рядом с дверью как раз в тот момент, когда она приоткрылась, заслонив входившую особу.

Дверь открылась совсем, и тогда я вышел из-за нее, сжимая в руке револьвер.

На пороге стояла королева…

Это была высокая, с гордой осанкой женщина. Голову ее венчала корона в виде огромной бабочки, усеянной драгоценными камнями — чтобы добыть такие, кому-то пришлось грабануть, пожалуй, не меньше дюжины ювелирных магазинов. Платье цвета аметиста было шито золотом вверху, а внизу переливалось всеми цветами радуги. Но что там одежда! Чтобы описать царицу, мне просто не хватает слов!

— Бог мой! — хрипло прошептал Готторн. — По-

думать только… Кто бы мог ожидать…

— Что вы тут делаете? — спросил я ее, стараясь держаться как можно увереннее.

Она не слышала. Она смотрела на Хсю Хсю, как тигрица на домашнюю кошку. И Хсю Хсю смотрела на нее, как домашняя кошка на тигрицу. На лице Готторна выступили капли пота, жалкая гримаса искривила губы.

— Что вы здесь делаете? — повторил я, подходя ближе к Лилиан Шан.

— Здесь мое место, — ответила она медленно, не спуская глаз со своей рабыни. — Настал час возвратиться к своему народу.

Что за бред! Я повернулся к Готторну, который продолжал таращить глаза на Лилиан.

— Возьмите Хсю Хсю наверх. И чтобы сидела тихо, даже если для этого придется ее слегка придушить. Мне надо поговорить с мисс Шан.

Пребывающий в тихой прострации Готторн подвинул стул под люк в потолке, влез наверх, подтянулся и взялся за Хсю Хсю. Кукла дрыгала ногами и пиналась, пришлось поднять ее и передать Джеку. Потом я закрыл дверь и повернулся к Лилиан Шан.

— Как вы здесь оказались?

— Я оставила вас и поехала домой, так как зна-

ла, что скажет Йин Хунг, он предупредил меня. А когда оказалась в доме… когда оказалась в доме, то решила прийти сюда, ибо мое место здесь.

— Ерунда! Возвратившись домой, вы нашли там весточку от Чанг Ли Чинга, который просил… приказывал вам сюда явиться.

Она смотрела на меня, не говоря ни слова.

— Чего хотел Чанг?

— Ему казалось, что он может мне помочь, — сказала она. — Поэтому я пришла и осталась.

Еще больший вздор!

— Чанг сказал вам, что Готторн в опасности, так как порвал со Щеголем.

— Со Щеголем?

— Вы заключили с Чангом соглашение, — продолжал я, проигнорировав ее вопрос. Она вполне могла не знать афериста.

Шан затрясла головой, звеня всеми своими драгоценностями.

— Мы не заключали никакого соглашения, — она выдержала мой взгляд с подозрительным спокойствием.

Верить девице было бы глупостью.

— Вы предоставили свой дом Чангу в обмен на обещание, что он защитит… — Чуть не вырвалось «этого молокососа». — Готторна от Щеголя, а вас

от закона.

Она выпрямилась.

— Разумеется. Именно так, — сказала совершенно спокойно.

С женщиной, которая выглядит как настоящая королева, по-приятельски не потолкуешь. С большим усилием удалось вызвать в памяти образ дьявольски некрасивой девицы в мужском пиджаке.

— Советую вам не быть дурочкой! Вы полагаете, что загубили доброе дело! А ведь вас все время водили за нос! Зачем им нужен был ваш дом?

Она силилась обуздать меня взглядом. Я же попытался атаковать с другой стороны.

— Послушайте! Вам же все равно, с кем входить в соглашения. Я все-таки лучше Щеголя на один судебный приговор, если слово мошенника что-нибудь стоит, то мое должно стоить больше. Прошу рассказать мне все. Если это дело хотя бы наполовину чистое, то, клянусь, выползу отсюда на четвереньках и обо всем забуду. Если же не расскажете, то выпущу все пули из моей хлопушки в ближайшее окно. Удивитесь, сколько полицейских соберет даже один-единственный выстрел в этой части города, и как быстро они будут здесь.

При этой угрозе она слегка побледнела.

— Если я расскажу, вы обещаете, что ничего такого не сделаете?

— Будь нем, как рыба, если дело хоть наполовину чисто.

Она прикусила губу, переплела пальцы, а потом заговорила:

— Чанг Ли Чинг — один из тех, кто противостоит усилению японского господства в Китае. После смерти Сунь Ятсена японский нажим на китайское правительство стал расти. А сейчас обстановка куда хуже, чем была раньше. Чанг Ли Чинг и его друзья продолжают дело Сунь Ятсена.

Против них выступает их собственное правительство, поэтому они должны вооружить патриотов, чтобы оказать сопротивление японской агрессии, когда придет время. И этой цели служит мой дом. Там грузят оружие и боеприпасы на лодки, чтобы перевезти на судно, ожидающее в открытом море. На нем груз доставляют в Китай. Мужчина, которого вы называете Щеголем, — владелец этого судна.

— А смерть служанок?

— Ван Лан оказалась шпионкой китайского правительства.

— Готторн что-то болтал о контрабанде спирт-

ным.

— Он в это верит. — Она взглянула с легкой усмешкой в сторону дырки, в которой исчез Джек. — Мы так сказали ему, поскольку слишком мало его знаем, чтобы доверять полностью.

— Надеюсь, что ваш народ победит, — сказал я. — Но вас обманули, мисс. Единственное оружие, прошедшее через виллу, это то, что лежит в моем кармане! В ту ночь, когда я был в вашем доме, туда доставили китайских кули, вошли они со стороны залива, а уехали на автомобилях. Возможно, Щеголь и отправляет в Китай оружие Чанга, но обратно везет товар для себя: кули и, наверное, опиум. И великолепно на этом зарабатывает. Груз оружия отправляется с побережья совершенно открыто под видом чего-то другого. А ваш дом, мисс Шан, служит для обратного тура.

— Но…

— Никаких но! Помогая Чангу, вы принимаете участие в торговле живым товаром. Предполагаю также, что обе ваши служанки были убиты не потому, что шпионили, а потому, что не захотели предать госпожу.

Она страшно побледнела и пошатнулась. Я не позволил ей грохнуться в обморок.

— Что вы можете сказать об отношениях Чанга

и Щеголя? Не сложилось ли у вас впечатление, что они друзья?

— Пожалуй, нет, — ответила она медленно. — При мне был разговор, что одной лодки недостает, — они говорили не слишком дружелюбно.

Это хорошо.

— Они сейчас там вместе?

— Да.

— Как туда пройти?

— Вниз по этой лестнице, прямо через подвал и снова наверх. Они в комнате справа от лестницы.

Слава Богу! Наконец-то появились четкие указания. Я забрался на стол и постучал, в потолок.

— Слезайте вниз, Готторн, и вашу приятельницу прихватите.

Готторн и китаянка спустились в комнату.

— Никто не должен сделать ни шагу отсюда, — сказал я, обращаясь к этому сопляку и Лилиан Шан. — Хсю Хсю пойдет со мной. Пошли, сестренка! Сейчас мы встретимся с Чанг Ли Чингом. — Я грозно взглянул на нее. — Но только попробуй пискнуть. — Обхватил пальцами ее шею и легонько стиснул.

Она засмеялась, что слегка испортило эффект.

— К Чангу! — Взяв ее плечо, подтолкнул к две-

ри.

Мы спустились в темный подвал, отыскали лестницу и начали подниматься. Продвигались довольно медленно. Крохотные ступни девушки не были приспособлены для быстрой ходьбы.

На повороте лестницы горела запыленная лампочка. Позади нас послышались шаги. Четверо китайцев в помятых плащах шли по нижнему коридору. Не глянув в нашу сторону, протопали мимо.

Хсю Хсю приоткрыла алый цветок своих уст и выдала крик, который можно было услышать в Окленде.

Я выругался, выпустил ее и побежал по лестнице. Четверка бросилась за мной. Появился один из двух великанов Чанга с тридцатисантиметровым куском стали в могучей лапе. Я оглянулся.

Хсю Хсю сидела, задрав голову, и верещала как нанятая — с выражением удовлетворения на своем кукольном личике. Один из гнавшихся за мной китайцев щелкнул предохранителем пистолета.

Ноги сами понесли меня вверх, к тому людоеду.

Когда он навис над головой, я выстрелил. Пуля пробила ему горло.

Чья-то рука ухватила меня за щиколотку. Держась за перила лестницы, я пнул назад другой ногой, угодил во что-то мягкое и почувствовал, что освободился.

В конце лестницы кто-то выстрелил, пуля отколола кусочек штукатурки на потолке.

Я толкнул первую дверь направо и ворвался внутрь. И попал в лапы второго верзилы. Мои девяносто килограммов он поймал в полете, как мальчишка ловит мячик.

В другом конце комнаты Чанг Ли Чинг перебирал пухлыми пальцами прядки своей редкой бороды и улыбнулся мне. Сидевший рядом с ним мужик, в котором нетрудно было узнать Щеголя, сорвался со стула, скорчив отвратительную гримасу.

— Пусть будет дозволено мне приветствовать Повелителя Охотников, сказал Чанг и прибавил несколько китайских слов, обращаясь к громиле, который меня держал.

Тот убрал рычаги и повернулся, чтобы запереть дверь перед носом у моих преследователей.

Щеголь сел, не спуская с меня налитых кровью глаз. Его жирная физиономия не выражала радости.

Я сунул револьвер в карман, прежде чем

шагнуть вперед. В это время за стулом Щеголя бархатная драпировка образовала едва заметную выпуклость. Итак, Чанг не доверял до конца своему сообщнику.

— Если будет позволено, хотел бы кое-что показать великому Чангу, обратился я к старому китайцу.

— Воистину благословенны глаза, которые могут смотреть на все, что приносит Отец Мстителей.

— Ходят слухи, что все, посланное в Китай, вообще туда не попало.

Щеголь вскочил на ноги; Чанг Ли Чинг взглянул на него, и он снова опустился на стул.

Я вынул фотографию Щеголя с орденом Восходящего Солнца на груди, красующегося в группе японцев. Расчет был на то, что Чанг не знает, что орден поддельный. Бросил снимок на стол.

Щеголь вытянул шею, но ничего не смог увидеть.

Кроткие глаза Чанг Ли Чинга долгую минуту рассматривали снимок. Руки китайца были покорно сложены, лицо лучилось благостью. Он смотрел, и на лице его не дрогнул ни один мускул, глаза, не изменили выражения.

Ногти его правой руки медленно прочерти-

ли красную линию на тыльной стороне левой кисти.

— Правда то, — сказал он тихо, — что в обществе мудрого человека сам набираешься мудрости.

Потом он взял снимок и показал его толстяку. Щеголь схватил фотографию. Лицо его стало серым, глаза выкатились.

— Но это… это же… — начал он и заткнулся. Опустив снимок на колени, как-то скорчился, словно придавленный, осунулся.

— За это вы можете пожелать всего, чего хотите, — мягко сказал мне Чанг Ли Чинг.

— Хочу, чтобы для Лилиан Шан и Готторна окончились все заботы, еще вот этого типа, который здесь сидит, и всех, кто был замешан в убийстве двух китаянок.

Веки Чанга на секунду сомкнулись — признак усталости, который впервые появился на его лице.

— Считайте, что вы уже имеете то, что просили.

— Соглашение, заключенное вами с мисс Шан, разумеется, перестает действовать. Что касается его… — я кивнул на Щеголя, — то не откажусь от кое-каких доказательств, чтобы отправить арапа на виселицу.

Чанг грустно улыбнулся:

— Боюсь, что здесь ничем не смогу помочь.

— Почему?

Бархатная драпировка за Щеголем свисала теперь ровно. Одна ножка стула, на котором сидел аферист, странно поблескивала в свете лампы, а под стулом расползалась лужа крови.

Через два дня все получило объяснение к удовлетворению полиции, прессы и публики. Мертвого Щеголя нашли на улице, смерть наступила от удара ножом под лопатку. Скорее всего, он погиб в какой-то драке контрабандистов, переправляющих в Штаты алкоголь. Схватили Ху Луна. Повязали молодого китайца с золотыми зубами и еще пятерых. Все оказались людьми Щеголя, и Чанг бросил их на съедение, не моргнув глазом. О Чанге они были осведомлены не больше меня, так что заложить его никак не могли, даже если бы знали, что большую часть улик против них предоставил мне именно Чанг. Кроме девушки, Чанга и меня, никто не догадывался о роли Готторна, поэтому мальчишка вышел из этой заварухи никем не заподозренный, получив разрешение сколько угодно времени околачиваться в доме Лилиан Шан.

Я не мог предъявить Чангу ни одного обвине-

ния — не было доказательств. Охотно бы отдал руку на отсечение, чтобы препроводить за решетку сего велемудрого старца.

Не знаю, что стало с Хсю Хсю, этой писклявой рабыни. Хочу надеяться, что она осталась целой и невредимой.

Чанг пронюхал, что орден на фотографии был поддельный. От старого мудреца пришла записка:

«Поздравления и пожелания всех благ Открывателю Тайн.

Тот, кого патриотический энтузиазм и врожденная глупость сумели ослепить до такой степени, что он уничтожил полезное орудие, надеется: никакое стечение обстоятельств в житейском море никогда больше не заставит его мериться своим убогим умом с неодолимой волей и великим разумом Владыки Тех, кто Разгадывает Загадки».

Понимайте, как хотите. Однако я знаю человека, написавшего эти слова, а потому откровенно признаюсь, что перестал обедать в китайских ресторанчиках и стараюсь впредь не соваться в Чайнатаун.

Потрошение Куффиньяла

Клиновидный Куффиньял — небольшой остров, расположенный неподалеку от материка, с которым его связывает деревянный мост. На западной оконечности Куффиньял резко обрывается высоченным крутым утесом, уходящим вертикально вниз прямо в воды залива Сан-Пабло. С другой стороны, к востоку утес отлого спускается и плавно переходит в ровный, устланный галькой пляж. У пляжа высится здание местного клуба, а в море уходят причалы, к которым пришвартованы прогулочные яхты и рыбачьи лодки.

На главной улице Куффиньяла, что протянулась вдоль пляжной полосы, как и на любой главной улице имеется банк, гостиница, кинотеатр и многочисленные магазины. Но от других главных улиц эту отличают особые вкус и опрятность. Куда ни кинь глаз, увидишь деревья, кустарники и аккуратно подстриженные газоны, а вот крикливо светящихся реклам и вывесок на улице нет. Дома составляют единое целое, словно построил их все один архитектор, а в магазинчиках и лавках вам предложат любые товары,

не уступающие по качеству тем, что продают в Сан- Франциско.

Мелкие улочки, выходящие на главную, сперва разбегаются веером вдоль выстроившихся рядами небольших уютных коттеджей, а потом, поднимаясь в гору, переходят в извилистые дороги и аллеи, усаженные кустарниками. Чем ближе к вершине утеса, тем реже и крупнее становятся дома. Обитатели этих особняков являются подлинными хозяевами острова. Большинство из них — почтенные джентльмены на склоне лет, влачащие безбедное существование на доходы от капиталов, нажитых в прежние времена; они купили себе места в островной колонии, чтобы провести остаток дней, заботясь о своем здоровье, да и поигрывая в гольф с себе подобными. На Куффиньял они допускают ровно столько торговцев, мастеровых, обслуги и прочего люда, сколько им требуется для уютной жизни.

Вот что такое Куффиньял.

Время уже было за полночь. Я сидел на втором этаже самого крупного особняка на острове в окружении свадебных подарков общей стоимостью от пятидесяти до сотни тысяч долларов.

Из всего того, чем приходится заниматься частному сыщику (за исключением дел о разводах, за

которые Континентальное Детективное Агентство не берется), я меньше всего люблю свадьбы. Как правило, мне удается избегать их, но на сей раз мне не посчастливилось. Дика Фоули, который специализируется у нас по свадьбам, за день до торжества крепко разукрасил некстати подвернувшийся недружелюбный карманник. Так случилось, что Дик вышел из игры, а мне пришлось его заменить. Сегодня утром я прибыл на Куффиньял — два часа на пароме от Сан-Франциско, а потом на автобусе, — а завтра утром вернусь во Фриско.

Свадьба была не хуже и не лучше большинства подобных церемоний. Бракосочетание состоялось в каменной церквушке у подножия утеса. Затем особняк начал заполняться гостями. Просторный дом буквально кишел ими вплоть до тех пор, пока новобрачным не удалось ускользнуть в город на поезд, который должен был увезти их на восток, в свадебное путешествие.

Среди гостей был представлен весь свет. Адмирал и парочка пэров из Англии; экс- президент одной из южно-африканских стран; датский барон; высокая русская принцесса в окружении менее титулованной знати, среди которой выделялся тучный, лысый, как коленка, слово-

охотливый и чернобородый русский генерал, битый час рассказывавший мне о боксе, который он обожал, но в котором совершенно не разбирался; посол одного из государств центральной Европы; судья из Верховного Суда; и уйма других выдающихся и влиятельных особ.

По правилам, сыщик, охраняющий подарки, должен смешаться с гостями и быть как можно более неприметным. В действительности так никогда не получается. Сыщику приходится львиную долю времени дежурить у подношений, так что его неизбежно замечают. Кроме того, восемь, а то и десять гостей из числа присутствующих ранее уже обращались в наше Агентство за помощью, и потому знали меня. В этом, конечно, особой беды нет, так что в целом все проходило достаточно спокойно.

Правда, пара друзей жениха, разгоряченных вином и необходимостью поддерживать свою репутацию шутников, попытались было похитить несколько подарков из специально отведенной для тех комнаты и запрятать в фортепиано, но я был начеку и вовремя пресек эту выходку, прежде, чем дело успело зайти слишком далеко.

Вскоре после наступления темноты сырой ветер стал нагонять грозовые тучи с залива. Гости,

которые жили далеко, в особенности те, кому предстояло перебираться на материк, сразу заторопились. Островитяне же задержались в доме до первых капель дождя. Потом и они ушли.

Вскоре в доме Хендриксона утихло. Музыканты и дополнительно вызванная прислуга удалились. Сбившиеся с ног домашние слуги разбрелись по комнатам. Я нашел пару сандвичей, отобрал несколько книг, прихватил удобное кресло и отнес все в комнату, где под огромным бело-серым покрывалом хранились подарки.

Кейт Хендриксон, дедушка новобрачной — она росла сиротой — просунул голову в дверь.

— У вас есть все, что вам нужно? — поинтересовался он.

— Да, спасибо.

Он пожелал мне спокойной ночи и отправился спать — высокий худой старик, стройный, как юноша.

Когда я спустился, чтобы еще разок проверить окна и двери на первом этаже, дождь лил, как из ведра и истошно завывал ветер. Убедившись, что все окна и двери на запоре и заглянув в подвал, я вернулся на место.

Я подтащил кресло к торшеру и разложил рядом на столике сандвичи, книги, пепельницу,

пистолет и фонарик. Потом выключил верхний свет, закурил «Фатиму», уселся, удобно откинулся на спинку кресла, взял книгу и приготовился к ночному бдению.

Книга называлась «Владыка океана». В ней рассказывалось о некоем Хогарте. Сильный, жестокий и скорый на расправу, он поставил себе скромную цель завладеть миром. Заговоры и интриги, похищения людей и убийства, побеги из тюрем, ограбления и подделки, брильянты величиной со шляпу, плавучие острова размером с Куффиньял — чего в романе только не было. Причем воспринималось все это так, словно происходило в реальности.

Хогарт продолжал злодействовать вовсю, когда погас свет.

В наступившей темноте я притушил сигарету, ткнув ее в один из сандвичей. Потом отложил книгу на стол, взял пистолет и фонарик и поднялся.

Прислушиваться к звукам было бесполезно — за окном бушевала гроза. Я должен был выяснить, что случилось со светом. Все остальные огни в доме были уже давно погашены, поэтому темнота в прихожей ни о чем мне не говорила.

Я выжидал. Мое дело — наблюдать за подарка-

ми. Пока никто к ним не прикасался, волноваться мне было ни к чему.

Прошло, должно быть, минут десять.

Внезапно пол под моими ногами содрогнулся, а стекла в окнах задребезжали. Перекрывая шум разгулявшейся стихии, до моих ушей донесся глухой раскат — не грома, нет, а мощного взрыва. Взрыв прозвучал не слишком близко, но безусловно где-то на острове.

Я подошел к окну, но как ни силился различить хоть что-то через заливаемое дождем стекло, так ничего и не увидел. Это мне уже кое-что подсказало. Я должен был разглядеть хотя бы несколько отдаленных огней внизу острова. Раз их не было, значит, весь Куффиньял остался без света, а не только дом Хендриксона.

Что ж, уже лучше. Возможно, свет погас из-за грозы, да и взрыв случился от того, что куда-то угодила молния. Или нет.

Всматриваясь в темноту, я смутно различил далеко внизу какую-то суету, мелькание неясных теней. Впрочем, из-за кромешного мрака и расстояния я совершенно не мог судить о том, что происходит. Не став гадать, я отошел от окна.

И тут же прогремел второй взрыв. Он казался уже ближе первого, возможно, от того, что был

сильнее. Я вернулся к окну, но вновь ничего не увидел. Хотя мне снова показалось, что в нижней части острова что-то неладно.

Снаружи зашлепали босые ноги и чей-то голос взволнованно позвал меня. Я отошел от окна, спрятал пистолет в карман и включил фонарик. В комнату влетел Кейт Хендриксон — в халате, наброшенном поверх пижамы, худющий как смерть.

— Это не…

— Нет, это не землетрясение, — поспешил успокоить его я, поскольку любой житель Калифорнии пуще всего боится этого стихийного бедствия. — Огни погасли раньше, а взрывы…

Я замолчал. Три выстрела из винтовки, причем крупного калибра. В следующую секунду раздался характерный хлопок пистолета.

— Что это? — спросил Хендриксон.

— Кто-то стреляет.

Затопали и зашлепали другие ноги, потом послышались возбужденные голоса. В комнату вошел полуодетый дворецкий, торжественно неся канделябр с пятью зажженными свечами.

— Молодец, Броуфи, — сказал Хендриксон, когда дворецкий водрузил канделябр на стол рядом с моими сандвичами. — Попробуй, пожалуйста,

выяснить в чем дело.

— Я уже пробовал, сэр, но телефон, похоже, вышел из строя. Может быть, послать в деревню Оливера?

— Н-нет. Не думаю, что дело настолько серьезно. А как вам кажется? обратился он ко мне.

Я сказал, что согласен с ним, а сам напряженно вслушивался в темноту. До моих ушей донесся отчаянный женский крик, и тут же снова заговорили ружья и пистолеты. Хотя и заглушаемые и искажаемые грозой, звуки пальбы ни с чем спутать было невозможно.

Открыть окно привело бы лишь к тому, что ливень вмиг залил бы комнату, поэтому я приложил ухо к стеклу, пытаясь хоть чуть-чуть составить для себя представление о том, что происходит снаружи.

Мое внимание отвлек пронзительный звонок. Кто-то настойчиво звонил во входную дверь.

Хендриксон посмотрел на меня. Я кивнул.

— Посмотри, кто там, Броуфи, — сказал Хендриксон.

Дворецкий удалился, величаво ступая. Вскоре он вернулся и торжественно возвестил:

— Принцесса Жуковская!

Принцесса ворвалась в комнату — высокая

русская девушка, которую я заприметил во время свадьбы. Глаза ее взволнованно блестели, а мокрое от дождя лицо заметно побледнело. Струйки воды сбегали с капюшона синего плаща, а спутанные пряди темных волос выбились на лоб.

— О, мистер Хендриксон! — Она ухватила старика за руку обеими руками. В звенящем, как у ребенка, от возбуждения голосе не было даже следа акцента. Там грабят банк, а этого… как он называется — шерифа полиции убили.

— Что? — воскликнул Хендриксон, неуклюже отдернув ступню, на которую упало несколько холодных капель с капюшона девушки. — Уиган убит? Грабят банк?

— Да! Ужас, верно? — она произнесла это так, словно речь шла о чем-то радостном.

— Когда первый взрыв разбудил нас, генерал послал Игнатия выяснить, что случилось, и Игнатий подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как взрывают банк. Вот послушайте!

Мы прислушались — внизу шла отчаянная пальба.

— Это уже генерал! — принцесса казалась совершенна счастливой. Представляю, как он доволен! Как только вернулся Игнатий, гене-

рал тут же вооружил всех мужчин в доме — от Александра Сергеевича до повара Ивана и повел их в бой. В последний раз он испытывал такое наслаждение, когда его дивизия сражалась в Восточной Пруссии, в 1914 году.

— А где герцогиня? — спросил Хендриксон.

— Он оставил ее дома вместе со мной, но я сбежала, улучив минутку, когда она впервые в жизни попыталась самостоятельно налить воды в самовар. В такую ночь нельзя сидеть дома!

— Г-мм, — промычал Хендриксон, который явно не слушал принцессу. Значит, банк тоже!

Он посмотрел на меня. Я промолчал. Перестрелка усиливалась.

— Вы бы могли что-нибудь сделать там? — спросил меня старик.

— Возможно, но… — я кивнул в сторону груды подарков под покрывалом.

— А, это… — протянул Хендриксон. — Банк для меня не менее важен; потом мы же останемся здесь.

— Хорошо! — мне не терпелось разнюхать, что творится внизу. — Я пойду, но пусть ваш дворецкий останется здесь, а шофер должен присматривать за входной дверью. Вооружите их, если у вас есть чем. Не найдется ли для меня

лишнего плаща? Я прихватил с собой только легкий пиджак.

Броуфи принес желтый макинтош как раз моего размера. Я натянул его, взял пистолет и фонарик и отыскал свою шляпу. Тем временем Броуфи принес и зарядил пистолет и винтовку. Пистолет он оставил себе, а винтовку передал Оливеру, шоферу-мулату.

Хендриксон с принцессой проводили меня до дверей. Уже выходя, я понял, что ошибся — принцесса явно намеревалась идти со мной.

— Но, Соня! — запротестовал старик.

— Не волнуйтесь, я не такая сумасбродка, — улыбнулась она. — Хотя мне бы очень хотелось поучаствовать. Я пойду к моей брошенной Ирине Андреевне быть может, ей уже удалось налить воды в самовар.

— Умница! — проворковал Хендриксон, и мы вышли прямо под дождь.

Ливень и пронизывающий ветер не располагали к беседе. Мы молча шагали по дороге, подхлестываемые порывами ветра, дувшего в спину. Заметив просвет в окаймлявших дорогу кустах, я остановился и кивнул в сторону маячившего за поворотом дома.

— Вот ваш…

Звонкий смех принцессы заставил меня прикусить язык. Она схватила меня за руку и увлекла вниз по дороге.

— Я сказала так только, чтобы мистер Хендриксон не волновался, объяснила она. — Не думаете же вы, что я и в самом деле пропущу такое веселье.

Она была высокая. Я же ростом не вышел, хотя плотно сбит. Поэтому мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть ее лицо, вернее — ту часть лица, что не была скрыта капюшоном.

— Но вы же промокните до нитки, — возразил я.

— Вовсе нет, я оделась по погоде.

Принцесса подняла полу плаща, и я увидел высокие резиновые сапоги и плотные шерстяные чулки.

— Трудно сказать, что ждет нас внизу, — пытался настаивать я. — У меня свои обязанности и мне некогда будет присматривать за вами.

— Я могу за себя постоять.

Соня выпростала из-под плаща руку, сжимавшую автоматический пистолет с обрубленным стволом.

— Вы будете мешать мне.

— Ничего подобного, — отрезала она. — Нао-

борот, я помогу вам. Я не слабее вас, проворна и хорошо стреляю.

Я хотел было возразить, но стрельба внизу вспыхнула с новой силой. Ладно, решил я, в конце концов, если она будет уж очень путаться под ногами, я всегда смогу незаметно улизнуть от нее в таком мраке.

— Как хотите, — проворчал я. — Но имейте в виду — мне будет не до вас.

— Спасибо, вы очень добры, — промурлыкала она, и мы ускорили шаг, подгоняемые ветром.

Время от времени впереди нас на дороге возникали темные тени, которые были слишком далеко, чтобы можно было их опознать. Вскоре на нас едва не налетел мужчина, бежавший в гору — местный житель, определил я по выбившейся из-под брюк ночной рубашке.

— Они покончили с банком и сейчас орудуют у Медкрафта! — выкрикнул он на ходу.

— Медкрафт — наш ювелир, — пояснила девушка.

Спуск сделался более пологим. Дома, в окнах которых можно было смутно различить чьи-то лица, стали уже лепиться близко друг к другу. Внизу то тут, то там темноту прорезали вспышки выстрелов — оранжевые молнии во время

дождя.

Мы уже выходили к самому концу главной улицы, когда послышалась раскатистая очередь.

Я втолкнул принцессу в ближайшую дверь и впрыгнул следом.

И тут же еще одна очередь сыпанула в стену, словно тяжелые градины.

Пулемет! А я-то сперва решил, что стреляли из крупнокалиберного ружья.

Девушка, налетев на что-то в темноте, упала. Я помог ей подняться. Это что-то оказалось парнишкой лет семнадцати, с одной ногой и костылем.

— Это разносчик газет, — сказала принцесса Жуковская, — а я ушибла его из-за вас.

Юноша замотал головой, улыбаясь во весь рот.

— Нет, мэм, я в порядке. Вы только напугали меня, когда так внезапно напрыгнули.

Девушка пояснила, что вовсе не напрыгивала, что это я ее толкнул, и что мы сожалеем о случившемся и просим прощения.

— А что тут происходит? — спросил я, как только мне удалось вставить слово.

— Все, что только можно, — расплылся юный калека, сияя, словно сам все это затеял. — Их, должно быть, не меньше сотни. Сперва они взорвали банк, а теперь вломились к Медкрафту

и там, наверное, тоже все повзрывают. И еще они убили Тома Уигана. У них посреди улицы стоит машина с пулеметом. Это пулемет стреляет сейчас.

— А где все… весь веселый народец?

— Почти все собрались за мэрией. Они ничего не могут поделать, потому что пулемет не подпускает их близко, а этот умник Билл Винсент прогнал меня, так как у меня только одна нога. Будь у меня пистолет или ружье я бы им задал! Стрелять- то я мастак.

— Да, зря они так, — посочувствовал я. — Но ты можешь помочь мне. Оставайся здесь и следи за этим концом улицы, чтобы я знал, если они будут отступать в этом направлении.

— Вы говорите это не потому, что не хотите, чтобы я был обузой?

— Нет, конечно, — соврал я. — Мне нужны наблюдатели. Я собирался оставить на этом посту принцессу, но ты подходишь даже лучше.

— В самом деле, — с готовностью подхватила принцесса. — Этот джентльмен — сыщик, и если ты его послушаешь, то принесешь гораздо больше пользы, чем там с остальными.

Пулемет строчил, не переставая, но уже в противоположную от нас сторону.

— Я перейду на ту сторону улицы, — сказал я девушке. — Если вы…

— Разве вы не собираетесь присоединиться к остальным?

— Нет. Если я сумею обойти бандитов с тыла, то, быть может, мне удастся что-то предпринять, пока другие их отвлекают.

— Смотри в оба! — наказал я юноше, и мы с принцессой бегом бросились через улицу.

Похоже, наша перебежка осталась незамеченной, во всяком случае, огонь по нам не открыли. Миновав один дом, мы завернули в боковую аллею. С другого конца аллеи ветер принес запах моря. Вдали чернели воды залива.

На ходу я придумывал план, который позволил бы мне под благовидным предлогом избавиться от моей спутницы. Но пустить его в ход я не успел.

Внезапно перед нами выросла исполинская фигура.

Прикрывая девушку, я быстро шагнул вперед. Мой пистолет под макинтошем был нацелен на незнакомца.

Тот стоял, не шелохнувшись. Огромного роста, широкоплечий детина. Оружия при нем не было. Я на мгновение посветил фонариком в его лицо.

Широкие скулы, чуть приплюснутый нос, обветренная кожа.

— Игнатий! — воскликнула девушка,

Он обратился к принцессе на непонятном языке, должно быть, по-русски. Девушка засмеялась, потом ответила что-то. Гигант упрямо помотал головой, явно выражая несогласие. Принцесса Жуковская топнула ногой и заговорила уже резко. Игнатий опять потряс головой и обратился ко мне:

— Генерал Плешков, он говорить мне привести принцессу Соню дома.

Его английский было так же сложно понять, как и русский. Но тон меня поразил. Как будто он оправдывался передо мной за некий поступок, который собирался совершить против собственной воли.

Но, когда принцесса снова заговорила с ним, я понял в чем дело. Генерал велел Игнатию доставить принцессу домой, и огромный русский собирался исполнить приказ, даже если бы ему пришлось тащить принцессу силой. Вот он и пытался объяснить это мне, чтобы я не вмешивался.

— Заберите ее, — сказал я, отступая в сторону.

Девушка сердито зыркнула на меня глазами,

потом засмеялась.

— Хорошо, Игнатий, — сказала она по-английски. — Я пойду домой.

С этими словами она повернулась и зашагала назад по аллее. Гигант последовал за ней.

Довольный, что остался один, я быстро добрался до пляжа. Под ногами захрустела галька. Я сделал несколько шагов в сторону, чтобы уйти с предательской гальки, и со всей скоростью, на которую был способен, пошел прямо на звук пулемета. Тот выпустил подряд несколько очередей. Потом захлопали ружья. Три легких взрыва — ручные гранаты, подсказали мне уши и память.

Грозовое небо над крышей дома передо мной и слева вдруг озарилось розовым светом, и грохот мощного взрыва долбанул меня по барабанным перепонкам. Вокруг посыпались невидимые осколки. Должно быть, рванул сейф ювелира, подумал я.

Я осторожно пробирался вперед. Пулемет замолчал. Ружья и пистолеты стреляли безостановочно. Взорвалась еще одна граната. Послышался дикий мужской крик.

Рискуя быть услышанным, я снова приблизился к воде. До сих пор я не разглядел в заливе ни одного судна. А ведь днем здесь были и яхты и лод-

ки. Я довольно долго прошлепал по мелководью, но так и не обнаружил ни одной лодки. Конечно, их могло разметать штормом, но я почему-то так не думал. Громадина утеса защищала берег с запада, так что ветер здесь почти не ощущался.

Продолжая идти вдоль берега, я вдруг наткнулся на лодку. Впереди на волнах покачивалась темная тень. Ни огонька, ни движения. Но других лодок вокруг не было. И это уже было серьезно.

Я осторожно приближался.

Вдруг между мной и ближайшим домом шевельнулась тень. Я замер на месте. Футах в двадцати от меня остановилась и тень.

Значит, меня тоже заметили. Мой палец застыл на спусковом крючке пистолета.

— Подойдите сюда, — велел я. — Ближе. Сейчас посмотрим, кто вы такой.

После некоторого колебания тень приблизилась. Я не мог позволить себе риск включить фонарик, однако сумел разглядеть довольно красивое юношеское лицо с окровавленной щекой.

— О, здравствуйте, — прозвучал мелодичный баритон. — Я узнал вас, вы были на свадьбе.

— Да.

— Вы не видели принцессу Жуковскую? Вы с нею знакомы?

— Она отправилась домой с Игнатием минут десять назад.

— Отлично!

Он утер щеку окровавленным платком и указал в сторону лодки.

— Это яхта Хендриксона. Они захватили ее, а остальные отвязали и их унесло в море.

— Значит, они собираются удрать на ней.

— Да, — согласился юноша, — если только... Может, попытаемся напасть на них?

— Вы хотите отбить у них яхту?

— А почему бы и нет? Вряд ли их там много — ведь на берегу у них целая армия. Вы вооружены. У меня тоже есть пистолет.

— Хорошо, — произнес я, — но нужно сперва разведать, какие силы нам противостоят.

— Очень разумно, — сказал он и отступил к ближайшему дому.

Прижимаясь ближе к стенам домов, мы начали осторожно пробираться к яхте.

Теперь ее было уже лучше видно. Суденышко длиной футов в сорок пять, повернутое кормой к берегу, покачивалось у небольшого причала. Над кормой что-то торчало и время от времени слышались шаги по деревянной палубе. Внезапно над непонятным предметом на корме возникли

чья-то голова и плечи.

Глаза русского лучше видели в темноте, чем мои.

— Он в маске, — прошептал юноша мне на ухо. — На голове что-то вроде чулка.

Человек в маске не двигался. Мы тоже боялись шелохнуться.

— Попадете в него отсюда? — спросил юноша.

— Возможно, хотя темнота и дождь не слишком способствуют меткой стрельбе. Лучше подобраться как можно ближе и открыть огонь, когда он заметит нас.

— Очень разумно, — вновь подтвердил юноша.

Нас заметили в ту же секунду. Человек на корме что-то крикнул. Юноша прыгнул вперед. Я успел сбить его подножкой, поскольку вдруг опознал незнакомый предмет. Русский рухнул на гальку. Я кубарем покатился за ним.

Крупнокалиберный пулемет на корме яхты начал изрыгать свинец, и пули засвистели у нас над головами.

— Атака отменяется! — шепнул я. — Поползли отсюда!

Я сам подал пример и начал перекатываться под укрытие дома, которое мы только что покинули.

Пулеметчик продолжал прочесывать пляж длинными очередями, но стрелял наудачу — яркие вспышки явно мешали ему рассмотреть, где находится противник.

Завернув за угол дома, мы присели.

— Вы спасли мне жизнь, — спокойно заметил русский паренек.

— Да. Интересно, это пулемет, который был на улице, или…

Ответ я получил в тот же миг. С улицы послышалось уже знакомое стрекотание. Два пулемета стреляли одновременно.

— Понятно, их два, — заключил я. — Какова расстановка сил?

— По-моему, их человек десять — двенадцать, — сказал он, — хотя в темноте сосчитать трудно. Все, кого я видел, были в масках, как и тот, на борту яхты. Сперва они, похоже, перерезали телефонный кабель и отключили свет, а потом взорвали мост. Мы напали на них возле банка, но они водрузили перед ним пулемет и мы не смогли приблизиться.

— Где все жители?

— Разбежались кто куда и попрятались, если генералу Плешкову не удалось снова собрать их.

Я нахмурился и напряг мозги. Что могут про-

тивопоставить мирные жители и ушедшие на покой капиталисты пулеметам и гранатам? Нет, кто бы ими не командовал, толку от такого ополчения не будет.

— Оставайтесь здесь и следите за яхтой, — сказал я. — Я постараюсь разведать, что происходит и, если наскребу несколько крепких парней, попробую захватить яхту с другой стороны. Налетчики наверняка воспользуются яхтой для отступления. Это как пить дать. Попытаемся помешать им.

— Отлично! — сказал юноша. — Я думаю, вы найдете многих местных жителей возле церкви. Идите сейчас прямо в гору, пока не увидите железную ограду, а там возьмите вправо.

— Хорошо.

Я двинулся в указанном направлении.

Достигнув главной улицы, я остановился и осмотрелся по сторонам. Все было спокойно. Единственный человек в поле моего зрения лежал лицом вниз на тротуаре недалеко от меня.

Я подобрался к нему на четвереньках. Он был мертв. Я не стал тратить время, вскочил и перебежал на другую сторону улицы.

Никто не попытался остановить меня. В ближайшей подворотне я задержался, чтобы пе-

ревести дух. Ветер прекратился. Ливень тоже поутих. Главная улица Куффиньяла была совсем безлюдна.

Уж не началось ли отступление к яхте, подумал я и зашагал по тротуару в направлении банка. И вновь ответ не заставил себя долго ждать.

Высоко над моей головой, должно быть, почти на самой вершине утеса вновь зазвенели пулеметные очереди.

Одновременно послышались выстрелы из более легкого оружия и разорвалось несколько гранат.

На ближайшем перекрестке я свернул на боковую улочку и побежал в гору. Несколько человек пробежали в противоположную сторону, не обращая внимания на мой вопрос: «Что там творится?»

Один из бегущих — запыхавшийся толстяк с лицом белым, как рыбье брюхо остановился, потому что я сгреб его в охапку.

— Автомобиль с пулеметом заехал на гору, — запинаясь, пробормотал он, когда я вновь проорал свой вопрос прямо ему в ухо.

— Почему вы без оружия?

— Я… я потерял его.

— Где генерал Плешков?

— Где-то наверху. Пытается захватить машину, но это невозможно. Это самоубийство! Почему не присылают подмогу?

Мимо нас по направлению к главной улице промчался еще один мужчина. Я отпустил толстяка и задержал группу сразу из четырех человек, которые бежали не так быстро.

— Что там теперь творится? — спросил я.

— Они начали потрошить особняки, — ответил остролицый мужчина с усиками, вооруженный винтовкой.

— А на материк еще ничего не сообщили?

— Невозможно, — ответил другой мужчина. — Первым делом бандиты взорвали мост.

— Разве никто не умеет плавать?

— При таком ветре-то? Катлан попытался было сунуться в воду и едва спасся, отделавшись парой сломанных ребер.

— Но ветер стих, — заметил я.

Остролицый отдал винтовку товарищу и снял пиджак.

— Пожалуй, я попробую.

— Отлично! Разбудите этих лежебок и свяжитесь с морской полицией и с береговой охраной. Если скажете, что у налетчиков пулеметы, они нам помогут. И еще передайте, что в распоря-

жении бандитов имеется яхта, на которой они собираются удрать. Яхта Хендриксона.

Доброволец-пловец поспешил к пляжу.

— Яхта? — в один голос спросили сразу двое.

— Да. На ней тоже установлен пулемет. И если мы хотим что-то предпринять, надо это делать сейчас, пока мы отрезаем им путь к отступлению. Соберите здесь всех мужчин с оружием, которых можете найти. Стреляйте с крыш, если получится. Сверху машина будет более уязвима.

Троица двинулась вниз, а я припустил наверх, ориентируясь на пулеметный огонь. Пулемет строчил короткими очередями. Ответный огонь был разрозненным и слабым.

Навстречу мне попалось еще несколько человек, подтвердивших, что генерал во главе дюжины бойцов по-прежнему пытаются справиться с пулеметом. Я повторил инструкции и продолжил восхождение.

Ярдов через сто навстречу мне высыпали остатки генеральского отряда. Они беспорядочно отступали, преследуемые градом пуль.

Я решил, что дорога — не место для смертных. Перешагнув через пару трупов, я пролез через живую изгородь и продолжил путь к цели по влажной земле за кустами.

Вверху пулемет замолчал. Его собрат на яхте по-прежнему палил, не переставая.

Вдруг я услышал рев мотора автомобиля. Сверху катила машина.

Я кинулся в кусты и распластался на земле, всматриваясь в темноту между ветвей. В обойме моего еще не стрелявшего пистолета оставалось шесть пуль. И это в ночь, когда на острове извели уже, должно быть, тонну пороха.

Разглядев, наконец, машину, я разрядил пистолет, целясь низко, в колеса.

Машина проехала мимо.

Я выскочил из своего укрытия.

Машина внезапно исчезла.

Послышался скрежещущий звук. Потом страшный треск. Звон разбитого стекла.

Я бросился на эти звуки.

Из черной груды покореженного металла, откуда еще слышалось чихание мотора, выбралась темная тень и метнулась к лужайке. Я бросился следом, уповая, что больше никто в машине не уцелел.

Я отставал от беглеца футов на пятнадцать, когда он споткнулся, и расстояние между нами сократилось до десяти футов.

Я нажал на спусковой крючок и услышал сухой

щелчок. Я совсем забыл, что выпустил все шесть пуль по колесам. Запасная обойма, завернутая в бумагу, лежала у меня в кармане пиджака под макинтошем, но перезаряжать времени не было.

Меня обуревал соблазн запустить пистолетом в голову бегущего, но я сдержался.

Впереди из мрака выросла громада дома. Беглец кинулся вправо, чтобы скрыться за углом.

Слева гулко ухнул выстрел.

Преследуемый повернул за угол.

— Черт побери! — голос генерала Плешкова казался изумленным. — Чтобы я промахнулся из дробовика на таком расстоянии!

— Бегите с той стороны! — крикнул я ему, устремляясь за неизвестным.

Впереди слышалось топанье, но я никого не видел. Обогнув дом, приближался пыхтящий генерал.

— Вы схватили его? — выдавил он.

— Нет.

Перед нами вздымалась каменистая круча, по которой убегала вверх тропинка. По обеим сторонам росли кусты.

— Но, друг мой, — удивился генерал. — Как же он мог… Вверху на тропинке и чуть сбоку я различил едва заметный треугольник — возможно,

часть светлой рубашки в вырезе куртки.

— Оставайтесь здесь и продолжайте говорить! — шепнул я генералу и пополз вверх.

— Должно быть, он удрал в противоположном направлении, — продолжал генерал, повинуясь моим наставлениям, — потому что в противном случае я бы его заметил, а если бы он попытался пролезть через кусты, то…

Он говорил без умолку, пока я осторожно крался по тропе, нащупывая ногами опору.

Я увидел затаившегося беглеца в нескольких шагах от себя. Привалившись к кусту, он наблюдал за генералом. В следующую секунду он заметил меня.

Он вскочил и его правая рука дернулась вверх.

Я прыгнул на него, вытянув обе руки вперед.

Наступив на камень, я подвернул лодыжку и упал, как нельзя кстати, потому что посланная с близкого расстояния пуля просвистела у меня над головой.

Падая, я ухватил левой рукой за щиколотки неведомого противника, который свалился прямо на меня. Я изо всех сил лягнул его ногой, перехватил правое запястье и хотел уже впиться в него зубами, когда генерал, пыхтя, как паровоз, подоспел на выручку и молодецким ударом от-

бросил врага.

Поднялся я с трудом. Вывихнутая лодыжка упорно не хотела поддерживать свою долю в моих ста восьмидесяти с лишним фунтов веса. Сместив центр тяжести на другую ногу, я посветил фонариком в лицо пленника.

— О, привет, Флиппо! — воскликнул я.

— Привет! — без особой радости отозвался он.

Коротышке-итальянцу, на сколько я помнил, было года двадцать три-двадцать четыре. В свое время я помог упрятать его в Сан-Квентин за участие в вооруженном ограблении. Несколько месяцев назад его выпустили, взяв на поруки.

— Начальнику тюрьмы это не понравится, — заявил я.

— Вы ошибаетесь, — заныл Флиппо. — Я тут ни при чем. Я собирался навестить друзей, а когда началась эта заваруха, решил спрятаться, потому что у меня несколько судимостей и меня наверняка упекли бы за решетку, даже не став разбираться. А вы теперь будете думать, что я тут замешан!

— Ты просто провидец, — сказал я и обратился к генералу:

— Где мы можем запереть эту пташку, чтобы она не упорхнула?

— В моем доме, в чулане. Окон в нем нет, а дверь укреплена.

— Очень хорошо. Шагом марш, Флиппо!

Генерал Плешков повел упирающегося итальянца вперед, а я ковылял сзади. Осмотрев пистолет Флиппо, я убедился, что в обойме недостает одного патрона, а заодно перезарядил собственный пистолет.

Мы схватили Флиппо возле самого дома генерала, поэтому идти пришлось недолго.

Генерал постучал в дверь и что-то сказал по-русски. Заскрипели засовы. Открыл нам дверь слуга с пышными усами. За его спиной стояли принцесса и статная пожилая женщина.

Мы завели Флиппо в чулан. Пока генерал рассказывал домочадцам про наше приключение, я обыскал пленника и отобрал перочинный нож и спички — больше ничего, что могло бы ему пригодиться, в карманах не оказалось. Потом генерал запер дверь и задвинул тяжелый засов.

— О, вы ранены! — воскликнула принцесса, заметив, что я хромаю.

— Просто лодыжку подвернул, — ответил я. — Но нога немного побаливает. У вас есть пластырь?

— Да.

Она что-то сказала усатому слуге, который кивнул, вышел из комнаты и вскоре вернулся с бинтами, пластырем и тазом с водой, над которой клубился пар.

— Сядьте, пожалуйста, — сказала принцесса.

Я помотал головой и потянулся за пластырем.

— Мне нужна холодная вода, так как я собираюсь снова выйти под дождь. Покажите мне, пожалуйста, где ванная, и я быстренько все сделаю сам.

Мы немного поспорили на сей счет, но в конце концов я пробился в ванную, где, обильно окропив лодыжку холодной водой, я туго перемотал ее пластырем. Потом я изрядно помучился, пытаясь засунуть ногу в мокрый ботинок, зато в итоге я вновь твердо стоял на ногах, хотя одна из них порядком ныла.

Вернувшись в комнату, я заметил, что снаружи стало тихо: стрельба прекратилась, да и дождь перестал, а из-под опущенных жалюзей пробивается серый утренний свет.

Я уже застегивал макинтош, когда во входную дверь постучали. Я услышал русскую речь, потом в комнату вошел молодой русский, которого я уже встречал на пляже.

— Александр, ты… — статная пожилая дама

взвизгнула, увидев кровь на щеке юноши, и лишилась чувств.

Молодой человек даже глазом не моргнул, как будто привык, что при его появлении дамы падают в обморок.

— Они отплыли на яхте, — сказал он мне, пока принцесса и двое слуг поднимали пожилую даму и укладывали ее на оттоманку.

— Сколько их? — спросил я.

— Я насчитал десять, но мог пропустить одного или двух.

— А люди, которых я послал, не пытались их остановить?

Он пожал плечами.

— А что тут можно сделать? На пулемет не всякий полезет. Ваших людей выбили еще прежде, чем они успели занять позиций на крышах домов.

Тем временем пожилую даму привели в чувство и она стала засыпать паренька градом вопросов на русском языке. Принцесса натянула свой синий плащ. Дама оставила юношу с окровавленной щекой в покое и обратилась к принцессе.

— Все уже кончено, — сказала та. — Я хочу посмотреть, что они натворили.

Это предложение пришлось по душе всем. Пять минут спустя все мы, включая слуг, уже шагали вниз по склону. Вокруг и сзади, догоняя и обгоняя нас, вниз спешили и другие люди. Лица их под еле моросящим дождем казались усталыми и возбужденными.

Внезапно откуда-то сбоку выбежала женщина, подскочила ко мне и принялась что-то сбивчиво рассказывать. Я узнал в ней одну из служанок Хендриксона.

Понял я далеко не все.

— Подарки исчезли… Мистера Броуфи убили… Оливер…

— Я подойду позже, — сказал я остальными устремился следом за служанкой.

Она бежала со всех ног. Я, естественно, бежать не мог; не мог даже идти быстрым шагом. Когда я достиг дома Хенриксона, сам Хенриксон, служанка и еще несколько слуг ждали меня у порога.

— Они убили Оливера и Броуфи, — выпалил старик.

— Каким образом?

— Мы были в комнате на втором этаже. Стояли у окна и смотрели на вспышки выстрелов внизу. Оливер находился здесь, за входной дверью, а Броуфи охранял подарки. Мы услышали вы-

стрел и почти сразу же в нашу комнату ворвался мужчина, вооруженный двумя пистолетами. Он продержал нас минут десять. Потом вышел и запер нас снаружи. Когда мы, наконец, взломали дверь, то… Броуфи и Оливер уже были убиты.

— Пойдемте посмотрим на них.

Шофер лежал на спине прямо у входной двери. Его смуглое горло было перерезано, так что виднелись шейные позвонки. Винтовка была рядом. Я нагнулся и взял ее. Из нее не стреляли.

Наверху дворецкий Броуфи распростерся возле стола, на котором с вечера были разложены подарки. Пистолет исчез. Я перевернул тело. Броуфи убили в упор выстрелом в грудь. Ткань пиджака вокруг раны была обожжена.

Большинство из подарков было на месте, но самых ценных и след простыл. Остальные валялись в беспорядке, упаковки были вскрыты.

— Как выглядел налетчик? — спросил я.

— Я его плохо разглядел, — сказал Хендриксон. — Света в комнате не было. Так, темный силуэт на фоне свечи, которая горела в холле. Довольно крупный, в черном плаще, в черной же маске, прикрывавшей голову и лицо, с прорезями для глаз.

— Шляпа?

— Нет, только маска.

Пока мы спускались, я коротко рассказал Хендриксону обо всем, что видел и что делал с тех пор, как мы расстались. Собственно рассказывать подробнее было не о чем.

— Как считаете, вам удастся что-то разузнать у того, которого вы поймали? — спросил старик, когда я уже собирался уходить.

— Вряд ли. Но они от меня не уйдут.

Главная улица Куффиньяла была запружена народом. Я увидел отряд морских пехотинцев с острова Мер, а также полицейских из Сан-Франциско. Полуодетые горожане окружили их плотной толпой. Все наперебой рассказывали о ночных событиях, удачах и потерях, о личном героизме и обо всем виденном. Слова «пулемет», «бомба», «бандит», «машина», «выстрел», «динамит» и «убитый» повторялись сотни раз на самый разный манер.

Мощный заряд, разнесший бронированное хранилище, не оставил от банка камня на камне. От ювелирного магазина тоже мало что уцелело. Бакалейную лавку напротив наспех переоборудовали под полевой госпиталь. Двое врачей творили чудеса над раненными жителями острова.

Завидев знакомое лицо — сержанта Роша из городской полиции, — я протолкался к нему сквозь толпу.

— Прибыли только что? — полюбопытствовал он после того, как мы обменялись рукопожатием. — Или были здесь?

— Был здесь.

— Что вам известно?

— Все.

— Еще не родился частный сыщик, который ответил бы иначе, — хмыкнул он, пробираясь следом за мной.

— Вы не наскочили по дороге на брошенную яхту? — спросил я, когда мы остались одни.

— Весь залив кишел этой ночью брошенными яхтами.

Это не пришло мне в голову.

— А где ваш катер? — спросил я.

— Прочесывает территориальные воды в поисках бандитов. Я остался здесь с парой своих людей, чтобы разобраться в том, что случилось.

— Что ж, вам повезло, — усмехнулся я. — Попробуйте незаметно посмотреть на ту сторону улицы. Видите толстяка с черными усами перед аптекой?

Возле аптеки стояли в одной кучке генерал

Плешков, дама, упавшая в обморок, юный русский, окровавленная щека которого послужила причиной обморока, и бледнолицый тучный мужчина лет сорока с лишним, который также был с ними на свадьбе. Чуть в стороне возвышался Игнатий, а рядом с ним двое слуг и еще кто-то из челяди. Все возбужденно переговаривались и следили за жестикуляцией раскрасневшегося владельца аптеки, который взволнованно объяснял лейтенанту морских пехотинцев, что именно его личный автомобиль угнали налетчики, установили на нем пулемет, и что, по его мнению, нужно с этими налетчиками сделать.

— Да, — ответил Рош. — Вижу толстяка с усами.

— Вот ваша добыча. И женщина с двумя парнями — тоже.

И вон те четверо русских. Кое-кого тут, правда, недостает, но я сам об этом позабочусь. Шепните на ушко лейтенанту — и возьмете их тепленькими. Они ни о чем не подозревают.

— Вы уверены? — спросил сержант.

— Не говорите глупости? — прорычал я, как будто за всю жизнь ни разу не ошибался.

Все это время я опирался только на одну конечность. Закончив разговор и отвернувшись от

сержанта, я перенес тяжесть тела на другую, и боль пронзила меня до самого бедра. Я стиснул зубы и заковылял по улице.

Куда делась принцесса? Я считал, что после генерала она была главным действующим лицом налета. Если она оставалась дома и еще ни о чем не подозревала, то, возможно, мне удалось бы без лишнего шума справиться с ней.

Каждый шаг причинял мучительную боль. Я почувствовал, что у меня подскочила температура. Пот катился градом.

— Мистер, они здесь так и не проходили.

Рядом со мной возник одноногий разносчик газет. Я обрадовался ему, как чеку на выплату жалованья.

— Пойдем со мной, — сказал я, беря его за руку. — Ты хорошо потрудился и я хочу поручить тебе еще одно задание.

Отойдя на полквартала от главной улицы, я дохромал до приземистого желтого коттеджа. Входная дверь была нараспашку — должно быть, хозяева слишком спешили встретить полицию и морскую пехоту. Внутри, возле вешалки, стоял плетеный стул. Я совершил противозаконное вторжение в частный дом и выволок стул на террасу.

— Присядь, сынок, — попросил я юношу.

Он повиновался. Веснушчатое лицо было озадачено.

Я ухватился за костыль и решительно вырвал его из рук калеки.

— Вот тебе пять зеленых за аренду, — сказал я. — А если я его потеряю, то на эти деньги можешь заказать себе новый из слоновой кости и золота.

И я оперся на костыль и заковылял в гору.

До сих пор мне ни разу не приходилось ходить на костылях. Так что никаких рекордов я не побил. Но все-таки это было несравненно лучше, чем хромать на больной ноге.

Восхождение затянулось, но, наконец, я вышел на знакомую посыпанную гравием дорожку, которая вела к особняку русских.

Я был еще ярдах в четырех от крыльца, когда принцесса Жуковская открыла дверь.

— Ой! — вскрикнула она, а потом, когда удивление прошло, добавила:

— Я вижу — вам стало хуже!

Она сбежала вниз по ступенькам и помогла мне преодолеть крыльцо. Я заметил, что правый карман ее серого фланелевого жакета оттопыривается под тяжестью какого-то предмета.

Одной рукой поддерживая меня под локоть, а второй обхватив за спину, принцесса провела меня в дом. Я понял, что она еще не осознала, что я раскусил их игру. В противном случае она бы постаралась держаться от меня подальше. Интересно, подумал я, а почему она вернулась домой после того, как вышла с остальными?

Принцесса усадила меня в большое мягкое кресло, обтянутое кожей.

— Вы, должно быть, голодны, как волк после такой тяжелой ночи, сказала она. — Я посмотрю, что…

— Нет, сядьте. — Я кивнул на стоящий рядом стул. — Я хочу поговорить с вами.

Она села, сцепив изящные белые руки на коленях. Ни в лице, ни в позе принцессы не было даже тени нервозности, или хотя бы любопытства. Тут она, пожалуй, переиграла.

— Куда вы спрятали добычу? — спросил я.

Белизна ее лица ни о чем не говорила. Оно было белым, как мрамор еще тогда, когда я впервые увидел принцессу. Выражение темных глаз тоже не изменилось. И ни один мускул не дрогнул на лице. Голос был совершенно ровный.

— Извините, — сказала она. — Я не поняла ваш вопрос.

— Дело вот в чем, — пояснил я. — Я обвиняю вас в соучастии налета на Куффиньял и сопутствующих убийств. И спрашиваю: где награбленное добро?

Она медленно встала, горделиво задрала голову и произнесла так, словно я был по меньшей мере в миле внизу:

— Как вы смеете? Кто вам позволил так разговаривать с принцессой Жуковской!

— Да хоть с Марией-Антуанеттой! — небрежно бросил я. — Насколько мне известно, вы простая воровка и убийца.

Она подобралась, как пантера для прыжка. Бледное лицо перекосилось от ярости. Рука — когтистая лапа — метнулась в карман.

В следующий миг — я и глазом не успел моргнуть — она преобразилась. На смену разъяренной пантере вернулась принцесса. Вот как это случается в сказках, подумал я.

Она снова села, закинула ногу на ногу, облокотилась на ручку стула, оперлась подбородком на кулачок и с любопытством уставилась на меня.

— А что вас вообще навело на столь поразительные и бредовые мысли?

— Вовсе не поразительные и не бредовые, — ответил я. — Может, чтобы сэкономить время, я

вам раскрою кое-какие улики против вас. Тогда вы сами сообразите, что не имеет смысла строить из себя невинную.

— Что ж, буду благодарна, — улыбнулась она. — Даже очень.

Я отставил костыль в сторону, уперев его о подлокотник кресла, чтобы освободить руки.

— Первое, — я загнул один палец, — тот, кто спланировал эту операцию, знал остров, и не просто хорошо, но буквально каждый его дюйм. Здесь, по-моему, споры излишни. Второе — машина, на которую установили пулемет, была украдена здесь же, у владельца аптеки. Яхта, на которой якобы исчезли налетчики, тоже была похищена здесь. Бандитам с материка понадобилась бы собственная машина или лодка, чтобы привезти оружие, взрывчатку и боеприпасы, и они, конечно, использовали бы свою машину или лодку, не став похищать другие. Третье — во время всего налета не было и намека на почерк настоящих гангстеров. Если хотите знать мое мнение — это была чисто военная операция от начала до конца. Худший медвежатник в мире мог бы вскрыть банковское хранилище и сейф ювелира, не разрушая здания. Четвертое — бандиты с материка не стали бы уничтожать мост.

Они бы сохранили его на тот случай, если бы им пришлось срочно сматываться в этом направлении. Пятое гангстеры, рассчитывавшие удрать с острова на яхте, не стали бы затягивать налет на целую ночь. Шума было столько, что можно было разбудить всю Калифорнию от Сакраменто до Лос-Анджелеса. Вы же отправили на яхте лишь одного человека, который усиленно палил из пулемета, а потом спрыгнул в воду и добрался до острова вплавь. Громиле Игнатию не составило бы ни малейшего труда совершить такой подвиг.

Пальцы на правой руке были уже загнуты. Я переключился на левую.

— Шестое — я встретил на пляже вашего паренька, который явно возвращался с яхты. Он предложил мне напасть на нее и попытаться захватить. В нас стреляли, но пулеметчик играл с нами в кошки-мышки. Ему ничего не стоило отправить нас на тот свет, а он старательно стрелял поверх наших голов. Седьмое — этот же парнишка, насколько мне известно, единственный, кому удалось лицезреть отступающих налетчиков. Восьмое — все ваши люди, с которыми я сталкивался, были подчеркнуто вежливы и приветливы со мной, а генерал целый час разговаривал со мной во время торжества. Очень наивно. Девятое

— после того, как машина с пулеметом съехала в кювет, я погнался за тем, кто в ней сидел. Возле вашего дома я потерял его из виду. Итальянец, которого я схватил, это не он. Тот, должно быть, укрылся в доме. Не без помощи генерала. Это точно, потому что генерал сотворил подлинное чудо, ухитрившись не попасть в него из дробовика футов с шести. Это из дробовика-то! Десятое — вы пришли в дом Хендриксона с единственной целью вытащить меня оттуда.

Теперь и на левой руке пальцы иссякли. Я снова вернулся к правой.

— Одиннадцатое — обоих слуг Хендриксона убил кто-то, кого они знали и кому доверяли. Обоих убили с близкого расстояния и ни один из них не стрелял. Думаю, что Оливер впустил вас в дом и вы отвлекли его разговором, а в это время ваш сообщник подкрался сзади и перерезал ему глотку. Потом вы поднялись на второй этаж и пристрелили ничего не подозревающего Броуфи. Естественно, что увидев вас, он утратил бдительность. Двенадцатое — впрочем, должно быть, уже достаточно — у меня даже горло заболело от напряжения.

Принцесса оторвала подбородок от кулачка, вытащила из изящного черного портсигара пух-

лую белую сигарету и поднесла к губам; я учтиво чиркнул спичкой. Принцесса затянулась, так что сгорела едва ли не треть сигареты, и медленно выдохнула дым.

— Что ж, — сказала она, — этого и впрямь хватило бы с лихвой, если бы вы сами постоянно не видели нас. Мы же то и дело сталкивались с вами.

— Это проще пареной репы! — ухмыльнулся я. — Имея пару пулеметов, кучу гранат, зная остров, как свои пять пальцев, да к тому же в кромешной тьме против сбитых с толку горожан — это детская забава. Насколько я знаю, вас девять человек, включая двух женщин. На всю эту заваруху хватило бы пятерых, в то время как остальные мелькали бы то тут, то там, обеспечивая алиби. Так вы и поступили. Повсюду я сталкивался с кем-то из ваших. А генерал! Бравый бородач, возглавивший народное ополчение! Представляю, куда он их заводил! Счастье, если хоть кто-то из них уцелел!

Она докурила сигарету, бросила окурок на ковер, растерла его ногой, устало вздохнула и спросила:

— И что теперь?

— Я хочу знать, куда вы дели добычу.

Ее ответ поразил меня:

— Под гаражом, в яме, которую мы выкопали несколько месяцев назад.

Я, конечно, не поверил, но оказалось, что принцесса сказала правду.

Говорить мне больше было нечего. Я нащупал одолженный костыль, намереваясь встать и уйти, но принцесса подняла руку и тихо сказала:

— Подождите чуть-чуть, пожалуйста. Я хочу вам кое-что предложить.

Немного приподнявшись, я протянул вперед руку, пока не коснулся ее кармана.

— Я хочу забрать у вас пистолет, — сказал я.

Она кивнула и спокойно позволила мне извлечь пистолет из ее кармана и переложить в свой собственный. Потом заговорила:

— Некоторое время назад вы сказали, что вам все равно, кто я такая. Но я все- таки хочу, чтобы вы знали. Сейчас так много русских, которые были кем-то, а превратились в ничто, что я не стану утомлять вас этой старой, как мир историей. Хотя для нас эта история — реальность. Мы бежали из России, прихватив лишь самое необходимое, чего к счастью, хватило, чтобы обеспечить наше существование на несколько лет.

В Лондоне мы открыли русский ресторанчик,

но Лондон внезапно оказался переполнен русскими ресторанами, и наш прогорел. Мы пробовали преподавать музыку, языки и тому подобное, но всюду сталкивались с такой жестокой конкуренцией, что могли едва сводить концы с концами. А что мы еще умели что могли делать?

Приближался день, когда мы должны были остаться без гроша, познать голод и нищету. Мир был закрыт для нас. Изгои легко становятся преступниками. А почему бы и нет? Разве весь мир не взирал с равнодушием на то, как у нас отнимают все — богатство, жилье и родину?

Мы замыслили это раньше, еще даже не слыхав про Куффиньял. Мы хотели найти тихий уголок, прибежище богатых людей, поселиться там, а потом разграбить. Куффиньял, когда мы его увидели, подошел идеально. Мы сняли особняк на шесть месяцев, так что у нас едва хватило средств на то, чтобы прожить это время. Четыре месяца мы привыкали к местному сообществу, а она привыкало к нам. Мы собирали оружие и взрывчатку, разрабатывали план и поджидали подходящей ночи. Прошлая ночь, как нам показалось, была как раз тем самым удобным случаем и мы, как мы думали, застраховались от любых неожиданностей. Кроме одной: вашего

присутствия и вашей гениальности. Это оказалось очередным непредвиденным несчастьем, к которым мы, наверное, навечно приговорены.

Тут она приумолкла и подняла на меня трагические темные глаза.

— Моя гениальность тут не при чем, — воспротивился я. — Беда в том, что ваши люди запороли эту операцию с самого начала. Ваш генерал вволю посмеялся над никогда не нюхавшим пороха штатским, который захотел бы командовать армией. А тут вы, люди без преступного прошлого, пытаетесь провернуть операцию, которая по зубам только сливкам преступного мира! Вы же дилетанты! А что до остального… я вам сочувствую, но ничего поделать не могу.

— Почему? — еле слышно спросила она. — Почему вы не можете?

— А с какой стати? — рубанул я напрямик.

— Никто больше не знает того, что знаете вы. Принцесса пригнулась и положила руку на мое колено.

— Под гаражом зарыты несметные сокровища. Можете попросить все, что хотите.

Я потряс головой.

— Но вы же не глупец! — возмутилась она. — Вы же…

— Позвольте, я вам все объясню, — прервал я. — Отбросим прочь всякую честность, преданность работодателю и так далее. Я частный сыщик только потому, что я люблю свою профессию. Платят мне не плохо, хотя я мог бы найти множество занятий, которые приносили мне больше. Даже лишняя сотня в месяц это двенадцать сотен в год. Двадцать пять — тридцать тысяч долларов от настоящего дня до моего шестидесятилетия.

Так вот, я отказываюсь от этих тысяч только потому, что мне нравится быть сыщиком. Ничего другого я не знаю и ни от чего другого не получаю удовольствия. И главное: я и не хочу знать ничего другого, и не хочу ни от чего другого получать удовольствие. Это не измеришь в деньгах. Деньги это тоже приятно. Я ничего против не имею. Но за последние восемнадцать лет я наслаждался только погоней за преступниками, разгадыванием преступлений, и наивысшим счастьем, смыслом существования для, меня был миг поимки преступника, или разоблачения аферы. Это единственное будущее, которое я для себя мыслю. И я никому не позволю нарушить мои планы!

Принцесса медленно встряхнула головой, потом опустила ее. Ее темные глаза взглянули на меня исподлобья.

— Вы говорите только о деньгах, — сказала она. — Я же сказала, что вы можете попросить все, что захотите.

Чушь какая! Откуда вообще женщины вбивают в головы такие мысли?

— Вы еще что-то не понимаете, — резко сказал я, вставая и опираясь на костыль. — Вы думаете, что я мужчина, а вы женщина. Это неправильно. Я охотник, а вы нечто, что стоит передо мной на дороге. Ничего человеческого в этом нет. Вы же не станете ожидать от гончей, что она начнет вдруг лизаться с только что загнанной лисой. Хватит болтать зря. Мы только теряем время. Я сидел и думал, что полиция или морские пехотинцы заявятся сюда и арестуют вас. Вы сидели и ждали, что кто-то из ваших подоспеет на выручку и пришьет меня. Так вот, мне надо было вам сказать: их как раз арестовали, когда я направился сюда.

Это ее потрясло. Она вскочила было, но при этих словах отступила на шаг и пошатнулась. С ее губ слетело непонятное мне восклицание. Русское, должно быть, подумал я, но в следующую секунду понял, что ошибся. Слова были итальянскими.

— Руки вверх! — скомандовал хрипловатый голос Флиппо.

Флиппо с пистолетом в руке стоял в проеме

двери.

Я задрал руки так высоко, как только мог, чтобы не выронить костыль, на который опирался. Я мысленно клял себя за неосторожность.

Вот, значит, зачем она вернулась в дом. Видно, рассудила, что если она освободит итальянца, то мы окончательно поверим в то, что он замешан в ограблении и станем искать налетчиков среди его знакомых. В противном случае он мог бы доказать свою непричастность к преступлению. Пистолет ему она дала либо для того, чтобы он пробился на волю, либо, чтобы он погиб в перестрелке — это ее тоже вполне устроило бы.

Пока я ворочал мозгами, Флиппо подошел ко мне сзади, ощупал и забрал мой пистолет, свой, а также пистолет, который я достал из кармана принцессы.

— Предлагаю тебе сделку, Флиппо, — сказал я, пока он отступал в угол, откуда мог одновременно следить за мной и за принцессой. — Ты выпущен на поруки, не отсидев еще несколько лет. Когда я тебя поймал, ты был вооружен. Одного этого хватит, чтобы снова упечь тебя в каталажку. Но я знаю, что в этом дельце ты не замешан. У тебя, конечно, были тут какие-то темные делишки, но на это мне наплевать. Если сейчас уйдешь

отсюда, ни во что не встревая, то я тебя не видел.

Смуглый лоб итальянца прорезали морщинки. Флиппо напряженно размышлял.

Принцесса шагнула к нему.

— Ты слышал, что я ему предлагала? — сказала она. — Так вот, то же самое я предлагаю тебе, если ты убьешь его. Морщинки на лбу Флиппо стали глубже.

— Что ж, решай сам, Флиппо, — бросил я. — Я могу предложить тебе лишь одно — гарантию, что ты не вернешься в Сан-Квентин. От принцессы ты получишь здоровый куш, и еще более здоровый шанс угодить на виселицу.

Девушка, вспомнив о своем преимуществе, обрушила на Флиппо поток итальянских слов. Я знаю по-итальянски только четыре слова: два грубых и два нецензурных. Я произнес все четыре.

Флиппо явно поддавался. Будь он лет на десять старше, он бы принял мое предложение и был счастлив. Но он был юн, а принцесса — я, наконец, это увидел — была и впрямь чертовски завлекательна. Решение итальянца было несложно предугадать.

— Но только не убивать, — заключил он по-английски, явно для моих ушей. — Я запру его в том чулане, где сам сидел.

Принцессе его решение не пришлось по вкусу. Она вновь разразилась несколькими итальянскими фразами. К сожалению для нее, в ее предложении была одна слабинка: принцесса не могла убедить Флиппо, что ему и впрямь была обеспечена доля в добыче. Ей оставалось только одно — пустить в ход все свое обаяние.

Она стояла в нескольких шагах от меня.

Она приблизилась к Флиппо. Она напевала, мурлыкала, как сладкоголосая сирена, очаровывала круглолицего итальянца.

И она добилась своего.

Флиппо пожал плечами. Все его лицо говорило «да». Он повернулся…

Я нанес ему страшный удар костылем по голове.

Костыль раскололся пополам. Ноги Флиппо подкосились и он осел на пол, как куль с мукой. И распростерся неподвижный; лишь тонкая струйка крови обагрила ковер.

Я подполз на четвереньках к выпавшему из руки Флиппо пистолету.

Принцесса была уже на полпути к двери, когда я выкрикнул:

— Стойте!

— Нет, — сказала она, но тем не менее остано-

вилась. — Я ухожу.

— Вы идете со мной.

Она рассмеялась, довольно мило и уверенно.

— А как вы рассчитываете задержать меня?

— Надеюсь, что до этого не дойдет, — сказал я. — У вас хватит здравого смысла, чтобы не пытаться сбежать, когда я держу вас на мушке.

Принцесса вновь рассмеялась, немного изумленно.

— У меня хватит здравого смысла, чтобы не задерживаться здесь, поправила она. — Ваш костыль сломан, а без него передвигаться вам трудно. Догнать вы меня не сможете. В то, что вы способны в меня выстрелить, я не поверю. То есть вы бы выстрелили, если бы я напала на вас, но я этого не сделаю. Я просто повернусь и спокойно выйду.

Глядя на меня вполоборота, она шагнула к двери.

— Остановитесь! — прорычал я.

Она заливисто рассмеялась и сделала еще шаг.

— Остановитесь же, черт возьми!

Принцесса неторопливо приближалась к двери; короткая серая фланелевая юбка плотно облегала ее стройные ноги, затянутые в грубые шерстяные чулки.

Моя ладонь, сжимавшая рукоятку пистолета, внезапно вспотела.

Ступив правой ногой на порог, принцесса насмешливо фыркнула.

— Адье! — бросила она на прощанье.

Я всадил пулю в ее правую ногу.

— Ух! — принцесса села на пол. Лицо ее перекосилось от изумления. Боль она ощутит чуть позже.

Мне никогда прежде не приходилось стрелять в женщину. Чертовски странное ощущение.

— Я же говорил, что я сделаю это! — Мой голос показался мне самому хриплым, диким и незнакомым. — Разве я не отнял костыль у калеки?

Смерть Мэйна

Капитан сказал, что этим делом занимаются Хэкен и Бегг. Я перехватил их на выходе из кабинета. Веснушчатый Бегг сложен, как боксер-тяжеловес, и добродушен, как щенок сенбернара, но менее смышлен. Смекалкой отличается Хэкен, высокий, худой сержант-детектив с узким, всегда хмурым лицом.

— Спешите? спросил я.

Мы всегда спешим, когда кончается рабочий день, ответил Бегг, и его веснушки сложились в улыбку.

— Что тебе нужно? спросил Хэкен.

— Все, что есть о Мэйне.

— Будешь этим заниматься?

— Да, ответил я. По поручению Ганжена, шефа Мэйна.

— Так, может, ты знаешь, почему при нем были эти двадцать кусков наличными?

— Расскажу утром, пообещал я. Сегодня вечером у меня встреча с Ганженом.

Разговаривая, мы прошли в кабинет и расположились за столом Хэкена.

— Мэйн, — начал рассказывать Хэкен, — вернулся домой из Лос-Анджелеса в воскресенье, в восемь вечера. С двадцатью тысячами. Ездил кое-что продать Ганжен послал и сказал жене, что возвращался со знакомым. Имя не назвал. Примерно в пол-одиннадцатого жена ушла спать, а Мэйн засиделся в гостиной, читал. Деньги двести стодолларовых банкнот были при нем, в коричневом бумажнике.

Итак, Мэйн читает в гостиной. Жена спит в спальне. Больше в квартире никого. Вдруг шум. Она вскакивает, бежит в гостиную и видит, что муж борется с двумя типами. Один высокий, крепкого сложения; другой маленький, фигура, как у девушки. У обоих на лицах черные платки, кепки надвинуты на глаза.

Когда миссис Мэйн появляется в гостиной, маленький приставляет к ее голове пистолет и советует хорошо себя вести. Другой в это время выворачивает Мэйну запястье, и тот выпускает револьвер. Направив пистолет на Мэйна, бандит наклоняется за его оружием. И тут Мэйн бросается на него, выбивает пистолет, но бандит успевает схватить револьвер Мэйна. Несколько секунд они стоят лицом к лицу. Миссис Мэйн не видит, что происходит. Вдруг паф! Мэйн падает.

По жилету расползается красное пятно… Миссис Мэйн теряет сознание.

Когда она приходит в себя, в комнате, кроме нее и мертвого Мэйна, никого нет. Револьвер и бумажник исчезли. Женщина была без сознания около получаса. Это мы знаем, соседи слышали выстрел, хотя не знали, где стреляют. Они и сообщили время.

Квартира Мэйнов находится на седьмом этаже. Дом девятиэтажный. Рядом, на углу Восемнадцатой аллеи, стоит трехэтажный дом с продовольственным магазином. За домом проходит узенькая улочка.

Кинни, патрулирующий этот район, шел как раз по Восемнадцатой аллее. Он четко услышал выстрел, но пока добрался до места происшествия, птички уже упорхнули. Кинни все же нашел следы брошенный револьвер.

Из окна четвертого этажа дома Мэйнов можно легко перебраться на крышу дома с магазином. Мы с Беггом запросто это проделали. Те двое, видимо, поступили так же. На крыше мы нашли бумажник Мэйна пустой, разумеется, и носовой платок. Бумажник с металлической монограммой. Платок зацепился за нее и полетел вместе с бумажником.

— Это платок Мэйна?

— Женский, с монограммой «Э» в углу.

— Миссис Мэйн?

— Ее имя Эгнис, сказал Хэкен. Мы показали ей бумажник, револьвер и платок. Две первых вещи она опознала, а вот платок нет. Однако сказала, что он пахнет духами «Дезир дю Кёр».[5] Из этого она делает вывод, что один из бандитов женщина. Она и до этого уверяла, что его фигура смахивала на девичью.

— Есть отпечатки пальцев или другие следы?

— Фелс осмотрел квартиру, окно, крышу, бумажник и револьвер. Никаких следов.

— Миссис Мэйн могла бы их опознать?

— Говорит, что узнала бы маленького. Возможно…

— А у вас есть какие-нибудь соображения?

— Пока нет, ответил Хэкен.

Мы вышли. Распрощавшись с ними, я направился к дому Бруно Ганжена возле Уэствуд- парка.

Ганжен, торговец антиквариатом, был маленьким забавным человеком лет пятидесяти. Он носил тесный смокинг с накладными плечами.

---

[5] Примечания: 5

«Дезир дю Кёр» — «Желание сердца» *(франц.).*

Волосы, усы и козлиная бородка выкрашены в черный цвет и так набриолинены, что блестели почти так же, как и розовые наманикюренные ногти, а румянец явно образовался с помощью косметики.

Он представил мне свою жену. Та кивнула, не вставая из-за стола. Ей было лет девятнадцать, а на вид не больше шестнадцати. Маленькая, круглые карие глаза, оливковая кожа, ямочки на щеках и пухлые накрашенные губки делали ее похожей на дорогую куклу.

Бруно Ганжен детально объяснил жене, что я из Континентального детективного агентства и что он меня нанял, чтобы помочь полиции найти убийц Джеффри Мэйна и украденные двадцать тысяч…

— Вот как… — сказала она тоном, не выражавшим ни малейшего интереса, и встала. — Я оставлю вас, чтобы вы могли…

— Нет, нет, моя дорогая! запротестовал муж. У меня нет от тебя никаких тайн.

Я притворился, что согласен с ним.

— Я знаю, — моя дорогая, обратился он к жене, которая послушно села, что это касается и тебя. Ведь мы оба очень любили нашего Джеффри, правда?

— О, да, сказала она тем же безразличным тоном.

— Итак... поощряюще обратился ко мне ее муж.

— Я разговаривал с полицией, сказал я. Не могли бы вы, мистер Ганжен, добавить что-нибудь? То, о чем вы с ними еще не говорили?

Ганжен взглянул на жену.

— Есть ли у нас что-нибудь такое, Энид, моя дорогая?

— Я ничего не знаю, ответила она.

Он засмеялся и умиленно посмотрел на меня.

— Именно так и есть, сказал он. Мы больше ничего не знаем.

— Мэйн вернулся в Сан-Франциско в восемь вечера. При нем было двадцать тысяч в стодолларовых банкнотах. Откуда у него эти деньги?

— С нами расплатился один клиент, объяснил Бруно Ганжен. Мистер Натаниел Оджилви из Лос-Анджелеса.

— Но почему наличными?

— О, это такой трюк, — маленький крашеный человечек скривился в хитрой усмешке. — Профессиональный прием, как говорится. Вот, послушайте. В мои руки попадает золотая диадема древнегреческой работы, точнее, якобы

древнегреческой. Найдена в Южной России, возле Одессы… тоже якобы. Правда это или нет, но диадема прекрасна…

Он засмеялся.

— И вот Джеффри везет эту диадему в Лос-Анджелес, чтобы показать ее мистеру Оджилви страстному коллекционеру. Он не говорит, каким образом нам досталась вещь, упоминает только о каких-то запутанных интригах, контрабанде, о трениях с законом, о необходимости хранить тайну. Для настоящего собирателя это лучшая приманка. Трудности так привлекают! Джеффри заинтриговывает мистера Оджилви, а потом отказывается и очень решительно принять чек. Никаких чеков! Никаких следов! Только наличные!

Такой вот трюк, как видите. Мистер Оджилви купил диадему. Вот откуда двадцать тысяч долларов у бедного Джеффри.

Он взмахнул своей розовой ручкой, покивал накрашенной головой и закончил:

— Вуаля![6] Это все.

— Мэйн вам звонил по возвращении? — спросил я.

---

[6] Примечания: 6
Вот как *(франц.)*.

Мистер Ганжен засмеялся, как будто мой вопрос пощекотал его, и повернулся к жене.

— Как это было, дорогая? — перебросил он ей мой вопрос.

Энид Ганжен надула губки и равнодушно пожала плечами.

— Мы узнали, что он вернулся только в понедельник, — перевел мне эти жесты Ганжен. — Правда, моя голубка?

— Да, буркнула голубка. — И добавила, вставая: — Прошу извинить меня, господа, но мне нужно написать письмо.

Разумеется, моя дорогая, — ответил Ганжен, и мы оба встали.

Когда она проходила мимо Ганжена, он сморщил свой маленький носик и закатил глаза в карикатурном экстазе:

— Какой чудесный аромат, моя дорогая! Просто божественный запах! Есть ли у него название, дорогая?

— Да, — ответила она и, не поворачиваясь, приостановилась в дверях.

— Какое?

— «Дезир дю Кёр», — бросила она через плечо и вышла.

Бруно Ганжен взглянул на меня и хохотнул.

Я сел и спросил, что он знает о Джеффри Мэйне.

— Все как есть, — заверил Ганжен. — Двенадцать лет, с тех пор, как ему исполнилось восемнадцать, он был моим правым глазом, моей правой рукой.

— Что это был за человек?

— А что вообще можно сказать о человеке?

Я не знал, в чем дело, и поэтому промолчал.

— Скажу вам, — продолжал он после минутой паузы, — что, конечно, Джеффри обладал и хорошим глазом, и хорошим вкусом. Ни у кого не было такого чутья, как у него… кроме меня, разумеется. Плюс исключительная честность я доверял ему ключи. И все же есть «но». Гуляка! Выпивал, играл в азартные игры, любил женщин и транжирил деньги безо всякой меры. И свое состояние, и приданое жены пятнадцать тысяч! промотал полностью. Если бы не страховка, осталась бы жена без единого цента!..

Бруно Ганжен проводил меня до двери. Я пожелал ему спокойной ночи и направился к автомобилю. Тихая, темная, безлунная ночь. Высокая живая изгородь образовывала черные стены по обе стороны владений Танжена. С левой стороны я увидел в этой черноте едва заметное

пятно темно-серое, овальное.

Я проехал до первого перекрестка, свернул, припарковал машину и вернулся пешком к дому Ганжена. Овальное пятно меня заинтриговало.

Когда я дошел до угла, то заметил идущую по другой стороне улицы женщину. Я осторожно отступил.

Женщина пересекла улицу. Я не мог ее детально рассмотреть. Может быть, она вышла из дома Ганжена, а может, и нет. Может, ее лицо я видел на фоне изгороди, а может, и нет. Игра в орлянку. Я поставил на орла пошел за ней вслед.

Она вошла в магазин. Там был телефон, по которому она говорила минут десять. Я не пытался подслушать оставался на другой стороне улицы и наблюдал.

Девушка лет двадцати пяти, среднего роста, неуклюжая брюнетка со светло-серыми припухшими глазами, толстым носом и выступающей нижней губой. Окутана длинной голубой пелериной.

Я следил за ней до самого дома Ганжена, куда она вошла через черный ход. Теперь я не сомневался, что она служит в этом доме.

Я вернулся к автомобилю и поехал в агентство.

— Свяжись с Диком Фоли, — обратился я к де-

журному, — и скажи, что для него есть работенка: нужно проследить кое за кем завтра в Уэствуд-парке.

Оставив для Дика адрес и описание девушки, я зашел в свой кабинет, где составил и зашифровал телеграмму в наше отделение в Лос-Анджелесе с запросом относительно последнего пребывания Мэйна в этом городе.

На следующее утро ко мне ворвались Хэкен и Бегг. Я передал им рассказ Ганжена о том, как у Мэйна оказались двадцать тысяч наличными. Они, в свою очередь, рассказали, что некий Банки Даль, известный в городе налетчик, приблизительно со дня смерти Мэйна сорит деньгами; об этом донес один из их информаторов.

— Мы его еще не нашли, — заявил Хэкен, — но вышли на след его подружки. Впрочем, не исключено, что он поживился в другом месте.

Вечером пришла телеграмма из Лос-Анджелеса; сообщалось, что Джеффри Мэйн закончил свои дела с Оджилви в субботу после полудня; сразу же после этого он выписался из отеля и выехал ночным поездом; значит, в Сан-Франциско должен был приехать рано утром в воскресенье. Оджилви заплатил за диадему новыми стодолларовыми банкнотами; указывались номера наши

парни в Лос-Анджелесе узнали их в банке, где Оджилви получил деньги.

Перед уходом домой я позвонил Хэкену и сообщил содержание телеграммы и номера банкнот.

— Мы еще не взяли Даля, поделился Хэкен. — На следующее утро я получил рапорт Дика Фоли. Девушка покинула дом Ганжена в девять пятнадцать вечера и пошла на угол Мирамар-авеню и Зюйдвуд-Драйв. Там ее ждал мужчина в «бьюике». Дик дал его описание: около тридцати лет, рост сто семьдесят семь, вес примерно шестьдесят; худой, кожа обычная, темные волосы и глаза, продолговатое лицо с острым подбородком; коричневая шляпа, костюм и туфли; серый плащ.

Девушка села в машину; они поехали к пляжу вдоль Грейт-Хайвей, потом обратно; девушка вышла на том же углу Мирамар-авеню и, похоже, вернулась домой. Дик оставил ее и поехал за мужчиной. Тот остановил машину перед зданием «Футурити Эпартментс» на Мейсон-стрит, вошел туда и через полчаса вышел с двумя женщинами и каким-то субъектом. Этот субъект примерно такого же возраста, как и хозяин «бьюика», рост около ста семидесяти двух, вес килограммов семьдесят пять; темные глаза и волосы, темная кожа, плоское широкое лицо с выступающими

скулами. На нем были голубой костюм, серая шляпа, коричневый плащ, черные ботинки; на галстуке Дик заметил жемчужную запонку грушевидной формы.

Одной из женщин маленькой, худенькой блондинке около двадцати двух лет, другая года на три-четыре старше, рыжая, среднего роста, нос вздернутый.

Все они забрались в автомобиль и поехали в кафе «Алжир», где развлекались до часу ночи. Потом вернулись в «Футурити Эпартментс». В три тридцать мужчины вышли, проехали на «бьюике» до гаража на Пост-стрит, затем пешком пошли в отель «Марс».

Прочитав все это, я вызвал Микки Лайнхэна, вручил ему рапорт и сказал:

— Проверь, кто эти люди.

Когда Микки вышел, позвонил Бруно Ганжен.

— Добрый день. Есть новости для меня?

— Возможно, ответил я. Вы в городе?

— Да, у себя в магазине. Буду до четырех.

— Хорошо. Зайду после полудня.

В полдень вернулся Микки Лайнхэн и доложил:

— Парня, которого Дик видел с девушкой, зовут Бенджамин Уилл. У него есть «бьюик», а живет

он в «Марсе», номер 410. Торговец, но чем торгует, не знаю. Второй его приятель, живет в его номере уже два дня. Кто такой, не могу сказать. Он не записывался. Женщины из «Футурити Эпартментс» проститутки, обитают там в номере 303.

— Минутку, — сказал я и пошел в архив. Там порылся под литерой «у» и вскоре нашел, что искал:

Уилл Бенджамин, он же Бен-Кашлюн. Три года сидел. В прошлом году его снова задержали и обвинили в попытке шантажировать известную киноактрису, но доказать не удалось. По описанию похож на хозяина «бьюика». На снимке, сделанном полицией, я увидел молодого мужчину с резкими чертами лица и треугольным подбородком.

Я показал фотографию Микки:

— Это Уилл. Поброди за ним немного.

Потом я позвонил в полицейское управление. Ни Хэкена, ни Бегга не застал. Льюис торчал в отделе информации.

— Как выглядит Банки Даль? — спросил я его.

— Минутку… — сказал Льюис. — Тридцать два, шестьдесят семь с половиной, сто семьдесят четыре, плоское лицо с выдающимися скулами, золотой мост в нижней челюсти слева, коричне-

вая родинка под правым ухом, деформированный мизинец на правой стопе.

— Снимки имеются?

— А как же!

— Благодарю. Пришлю кого-нибудь за фотографией.

Я послал за снимком Томми Хауда, а сам пошел перекусить. Затем отправился в магазин Ганжена на Пост-стрит. Мистер Ганжен в этот день был одет еще крикливее: и смокинг теснее, и ваты в плечах побольше. Серые брюки в полоску, ярко-красный жилет и фантастический галстук, вышитый золотом.

— Итак, что вы мне скажете? спросил Ганжен, когда мы вошли в его контору и сели.

— Есть пара вопросов. Во-первых, кто такая девушка с толстым носом, оттопыренной нижней губой и припухшими серыми глазами, которая живет в вашем доме?

— Ее зовут Роз Рубери. — Его улыбка демонстрировала, насколько ему приятно удовлетворять мое любопытство. — Это горничная моей женушки.

— Эта девушка водится с известным уголовником.

— В самом деле? — Он с явным удовольствием

погладил розовой ладошкой свою крашеную бородку. — Но я знаю лишь то, что она горничная.

— Мэйн не приехал из Лос-Анджелеса на машине с приятелем, как он говорил своей жене. Он выехал в субботу ночным поездом и прибыл в Сан-Франциско на двенадцать часов раньше, чем появился дома.

Бруно Ганжен наклонил голову и захохотал:

— А ведь это прогресс! Прогресс! Правда?

— Возможно. Не помните ли вы, была эта Роз Рубери дома в воскресенье вечером… скажем, с одиннадцати до двенадцати?

— Помню. Была. Точно. В тот вечер моя женушка неважно себя чувствовала. В воскресенье она уходила рано утром, сказала, что поедет за город с друзьями, с кем не знаю. Вернулась в восемь вечера и пожаловалась на ужасную головную боль. Ее вид меня встревожил, и я часто наведывался к ней справлялся, как она себя чувствует.

Поэтому-то и знаю, что горничная была дома, во всяком случае до часу ночи.

— Полиция показывала вам носовой платок, который нашли вместе с бумажником Мэйна?

— Да. — Он поерзал на стуле; у него был вид ребенка, который таращится на рождественскую елку. — Платок моей жены.

Смех мешал ему говорить; он кивал головой, а его бородка, как метелка, подметала галстук.

— Может, она оставила платок, когда навещала супругу Мэйна?

— Это невозможно. Моя женушка не знакома с миссис Мэйн.

— Ну, а с Мэйном ваша жена знакома?

Он вновь захохотал, подметая бородкой галстук.

— И как близко? — продолжил я свой вопрос.

Он поднял подбитые ватой плечи почти до ушей.

— Не знаю, — сказал он радостно. — Но ведь я нанял детектива…

— Неужели? — Я посмотрел на него сердито. — Вы наняли меня, чтобы разобраться в убийстве и ограблении Мэйна вот и все. А если думаете, что я буду копаться в ваших семейных тайнах, то вы глупы, как сухой закон.

— Но почему же? Почему? взорвался он. Разве я не имею права знать? Не беспокойтесь ни скандала, ни развода не будет. Джеффри мертв значит, все в прошлом. Пока он был жив, я ничего не видел, и лишь теперь стал кое-что замечать. Для собственного удовлетворения, поверьте, только для этого, я хотел бы знать наверняка…

— Об этом не может быть и речи, — отрезал я. — Мне известно только то, что вы сказали. И не пытайтесь уговорить меня рыться в этих делах. А раз вы ничего предпринимать не собираетесь, не лучше ли вообще забыть все это?

— Нет, нет, дорогой мой! — В глазах Ганжена вновь появился радостный блеск. — Я еще не стар, но мне уже пятьдесят два года. Моей жене восемнадцать, и она настоящая красавица. Он захохотал. То, что случилось, может случиться снова. Разве не благоразумно сделать так, чтобы она была у меня на крючке? Ведь если муж располагает такой информацией, неужели жена не станет более послушной?

— Это ваше дело. — Я встал. — А я не хочу в это ввязываться.

— Ну, ну, не будем ссориться! — Он вскочил с места и схватил меня за руку. — Нет так нет! Но ведь остается криминальный аспект дела, то, чем вы занимались до сих пор. Вы ведь не бросите, правда?

— Ну, а если окажется, что ваша жена причастна к убийству Мэйна? Что тогда?

— Тогда, — он пожал плечами и развел руками, — этим будет заниматься суд.

— Ясно. Что ж, наш договор остается в силе, но

лишь при условии, что вы не станете допытываться о том, что не связано с вашим «криминальным аспектом».

— Чудесно. И я понимаю, что в случае чего вы не можете исключить из дела мою жену.

Я кивнул. Он снова схватил меня за руку и похлопал по плечу. Я высвободился и вернулся в агентство.

Там меня ждала записка: просили позвонить Хэкену. Позвонил.

— Банки Даль никак не связан с делом Мэйна, — сообщил Хэкен. — Они с Беном- Кашлюном в тот вечер устроили попойку в заведении на Восемнадцатой улице. Были там с десяти, а в два ночи учинили дебош, и их вышвырнули. Это установлено точно.

Я поблагодарил Хэкена, позвонил в резиденцию Ганжена и спросил миссис Ганжен, сможет ли она меня принять, так как мне необходимо поговорить с ней.

— Вот как, — сказала она. — Пожалуй, это было ее излюбленное выражение.

Я поймал такси и отправился к ней с фотографиями Даля и Уилла, по пути продумывая, что буду врать жене своего клиента, чтобы получить необходимую информацию.

Метрах в ста пятидесяти от дома Ганжена стоял автомобиль Дика Фоли.

Худая горничная с землистым лицом отворила мне дверь и провела в гостиную на втором этаже. Когда я вошел, миссис Ганжен отложила «Солнце тоже восходит» и сигаретой, которую держала в руке, указала на стул. Одетая в оранжевое персидское платье, она сидела в обтянутом парчой кресле, заложив ногу на ногу, и как никогда была похожа на дорогую куклу.

Я рассматривал ее, закуривая сигарету и вспоминая предыдущие разговоры с ней и ее мужем. В конце концов я отказался от вранья, которое придумал по дороге.

— У вас служит горничная по имени Роз Рубери, — начал я. — Не хотелось бы, чтобы она слышала, о чем мы говорим.

— Хорошо. — В ее голосе не было ни намека на удивление. — Извините, я на минуту.

Она вышла из комнаты и вскоре вернулась. Села в кресло, поджав ноги.

— Ее здесь не будет, по меньшей мере, полчаса.

— Этого достаточно. Ваша Роз дружит с уголовником по фамилии Уилл.

Кукла наморщила лоб и сжала пухлые накрашенные губки. Я ждал, что она скажет, но она

не произнесла ни слова. Я показал фотографии Даля и Уилла:

— Этот, с худым лицом, приятель Роз. Другой его кореш, тоже мошенник.

Тонкой, но не менее сильной, чем моя, рукой, она взяла снимки и внимательно рассмотрела. Ее губы сжались еще крепче, темные глаза еще больше потемнели. Потом лицо медленно прояснилось. Она сказала: «Вот как», и вернула мне фотографии.

— Когда я сказал про Уилла вашему мужу, — веско произнес я, он ответил: — «Это горничная моей жены», и засмеялся.

Энид Ганжен молчала.

— Что он этим хотел сказать? — спросил я.

— Откуда я могу знать? — прошептала она.

— Вам известно, что ваш платок был обнаружен с пустым бумажником Мэйна? — бросил я мимоходом, делая вид, что занят сигаретой, пепел которой я стряхивал в яшмовую пепельницу в форме гроба без крышки.

— Вот как… — пробормотала она без интереса. — Мне об этом говорили.

— Как это могло случиться?

— Понятия не имею.

— А я имею, — сказал я, — но хотел бы знать

наверняка. Миссис Ганжен, мы бы не тратили столько времени, если бы поговорили откровенно.

— Почему бы нет, — согласилась она равнодушно. — Муж вам доверяет и позволил меня допросить. Это унизительно, но я всего лишь его жена. И вряд ли возможно большее унижение, чем то, что я уже испытала.

В ответ на это театральное заявление я откашлялся и продолжил:

— Извините, но меня интересует лишь одно: кто обокрал и убил Мэйна. Все остальное касается меня лишь в связи с этим. Вы понимаете, о чем идет речь?

— Разумеется, — ответила она. — Я понимаю, что вас нанял мой муж.

Это было нелепо. Я попробовал снова:

— Как вы думаете, какое у меня сложилось впечатление, когда я был здесь в первый раз и разговаривал с вами и вашим мужем?

— Понятия не имею.

— А вы попробуйте.

— Несомненно, — она чуть заметно улыбнулась, — у вас сложилось впечатление, что муж считает, будто я была любовницей Джеффри.

— Ну и?..

— Вы спрашиваете, была ли я действительно его любовницей? — На ее щеках появились ямочки. Казалось, происходящее забавляло ее.

— Нет, хотя, конечно, хотел бы знать.

— Вполне понятно, что хотели бы. — Она усмехнулась.

— А какое впечатление сложилось у вас в тот вечер?

— У меня? она наморщила лоб. Ну… что мой муж нанял вас, чтобы доказать, что я была любовницей Джеффри.

Она произнесла слово «любовница», явно смакуя его.

— Вы ошибаетесь.

— Зная мужа, мне трудно в это поверить.

— А зная себя, я уверен в этом абсолютно. И насчет этого никаких неясностей между мной и вашим мужем нет. Моя задача найти того, кто ограбил и убил. И ничего больше.

— Неужели? — Она попыталась вежливо прекратить спор, который ее явно утомил.

— Вы связываете мне руки, — посетовал я, вставая и делая вид, что не смотрю на нее. — Мне ничего не остается, как прижать Роз и тех двух типов. Вы говорили, что она вернется через полчаса?

Она смотрела на меня своими круглыми карими глазами:

— Роз должна явиться через несколько минут. Хотите ее допросить?

— Не здесь. Отвезу ее в полицейское управление. Тех двоих тоже. Можно от вас позвонить?

— Конечно. Телефон в той комнате. — Она встала, чтобы открыть мне дверь.

Я набрал Девенпорт 20 и попросил соединить с кабинетом детективов.

И тут миссис Ганжен заговорила так тихо, что я едва услышал.

— Подождите, пожалуйста.

Все еще держа трубку, я повернулся. Она нервно щипала свои красные губы. Только когда она отняла руку ото рта и протянула ее ко мне, я положил трубку.

— Не буду притворяться, что доверяю вам. — Голос ее звучал так, словно она обращалась сама к себе. — Вы работаете на моего мужа, а для него даже деньги не так важны, как мои дела. Но надо выбирать меньшее из двух зол: с одной стороны уверенность, с другой вероятность…

Она замолчала и начала потирать руку об руку. Было видно, что она колеблется.

— Мы говорим с глазу на глаз, — заверил я

ее. — Потом вы можете от всего отказаться. И убедите в этом кого угодно. Но если вы не скажете сами… что ж, я знаю, кто скажет. И когда я вытяну правду из тех троих, ваш муж обо всем прочтет в газетах. Так что для вас, миссис Ганжен, единственный выход довериться мне. Решайте, все зависит от вас.

Полминуты тишины.

— А если бы я заплатила вам за… — прошептала она.

— За что? Если я и вправду намерен рассказать вашему мужу, то возьму ваши деньги, а потом все равно расскажу, верно?

Она расслабилась, перестала сжимать губы, ее глаза заблестели, на щеках снова появились ямочки.

— Вы рассеяли мои сомнения, — произнесла она. — Я все скажу. Джеффри вернулся из Лос-Анджелеса пораньше, чтобы мы смогли провести этот день вместе. Для этого мы сняли квартиру. И вдруг в середине дня туда врываются двое с пистолетами! Представьте, у них был ключ! Они забрали деньги у Джеффри. Похоже, они заранее знали и про двадцать тысяч, и вообще про нас: обращались по имени и угрожали, что все расскажут, если мы заявим в полицию.

Ситуация сложилась совершенно безвыходная. Возместить похищенную сумму нам было нечем. Заявить, что деньги потеряны или украдены, Джеффри не мог. Его тайное раннее возвращение в Сан-Франциско выглядело бы подозрительно. Джеффри потерял голову. То он просил меня бежать с ним, то говорил, что надо пойти к моему мужу и рассказать правду. Для меня и то и другое было абсолютно немыслимо.

Мы вышли из квартиры по одному после семи. По правде говоря, расстались мы нехорошо… Когда все так осложнилось, Джеффри уже не был таким… Нет, я не должна так говорить…

Она оборвала фразу.

Я спросил:

— Те двое… Это их фотографии я вам показывал?

— Да.

— Ваша горничная знала о вас с Мэйном? Об этой квартире? О его поездке? О том, когда и как он собирался вернуться? О деньгах?

— Не берусь утверждать, но наверняка знала многое. Она ведь шпионила за мной, рылась в моих вещах и могла найти письмо Джеффри, где он сообщал об отъезде из Лос-Анджелеса и договаривался о встрече в воскресенье. Я бываю

так невнимательна…

— Что ж, я пойду, сказал я. А вы сидите тихо, ничего без меня не предпринимайте. И, пожалуйста, не спугните Роз.

— Не забудьте, что я ничего вам не говорила, — напомнила она, провожая меня до дверей.

От дома Ганжена я проехал прямо к отелю «Марс». Микки Лайнхэн сидел в холле и просматривал газету.

— Они в номере? — спросил я.

— Ага.

— Пойдем наверх.

Микки постучал в дверь. Раздался металлический голос:

— Кто там?

— Посылка, — ответил Микки, — притворяясь коридорным.

Худой мужчина с острым подбородком отворил дверь. Я сунул ему визитную карточку. Он не пригласил нас в комнату, но и не помешал войти.

— Ты Уилл? — спросил я его, когда Микки закрыл дверь, и, не дожидаясь ответа, обратился к сидевшему на кровати широколицему мужчине: — А ты Даль?

— Ищейки, — металлическим голосом произнес Уилл, повернувшись к Далю. Тот посмотрел

на нас и ощерил зубы.

Не теряя времени, я перешел в наступление:

— А ну, гоните бабки, что вы накатали у Мэйна!

Оба, как по команде, презрительно рассмеялись такая реакция, казалось, была отрепетирована заранее. Я вытащил револьвер.

— Бери шляпу, Банки, — с хриплым смехом произнес Уилл. — Они нас арестовывают.

— Ошибаешься, — прервал я его. — Это не арест. Это нападение. Руки вверх!

Руки Даля молниеносно устремились к потолку. Уилл колебался, пока Микки не ткнул ствол пистолета ему в ребра.

— Обыщи их, — приказал я Микки.

Он обыскал Уилла, вынул пистолет, немного мелочи, какие-то документы и специальный пояс для денег. То же самое проделал и с Далем.

— Сосчитай деньги.

Микки вынул деньги из пояса, поплевал на палец и принялся за работу.

— Девятнадцать тысяч сто двадцать шесть долларов шестьдесят два цента, — отрапортовал он через минуту.

Свободной рукой я достал из кармана клочок бумаги с номерами банкнот, полученных Мэй-

ном от Оджилви, и подал его Микки:

— Проверь, сходятся?

Он взял листок и сличил номера.

— Сходятся.

— Ладно. Спрячь все у себя и пошарь по комнате может, еще что-нибудь найдешь.

Бен-Кашлюн обрел, наконец, дар речи.

— Эй, парень! взбунтовался он. Что за дела? Это тебе так не пройдет!

— И все же я попробую, — осадил я его. — Может, ты завопишь: «Полиция!» А? Небось, думал: так прижал ту дамочку, что не пикнет, и все шито-крыто. А теперь я с вами играю в ту же игру, что вы с ней и Мэйном. Только играю получше вас. Рыпнетесь и сами себя заложите. Так что заткнись!

— Бабок больше нет, — доложил Микки. — Только четыре почтовые марки.

— Возьми, — сказал я. — Как-никак восемь центов. Идем!

— Эй! Оставьте нам хоть пару долларов! — взмолился Уилл.

— Кому сказано заткнись! процедил я, направляясь к двери.

Коридор был пуст. Микки приостановился, держа Уилла и Даля на мушке, а я взял ключ, сунул

его в дверь снаружи, повернул в замке, вынул и положил в карман.

Мы спустились вниз.

Машина Микки стояла за углом. Сев в нее, мы переложили добычу из его карманов в мои. Доехали до агентства; Микки вылез, а я свернул и направился к дому Мэйна.

Миссис Мэйн было лет двадцать пять. Это была высокая молодая женщина с темными вьющимися волосами, серо-голубыми, окруженными густыми ресницами глазами и круглым лицом. Полноватая фигура от шеи до ног облачена в черное

Она изучила мою визитную карточку, кивком головы рассчиталась за объяснение, что Ганжен нанял меня найти убийц ее мужа и провела в серо-белую гостиную.

— Это та комната? — спросил я.

— Да. — У нее был приятный хрипловатый голос.

Я подошел к окну, бросил взгляд на крышу магазина, на узкую улочку…

— Миссис Мэйн, — тут я понизил голос, стараясь этим сгладить остроту того, что собирался сказать, — когда вы увидели, что ваш муж мертв, вы выбросили револьвер в окно. Потом вы при-

цепили платок к бумажнику и тоже выбросили. Бумажник был легче револьвера, поэтому не соскользнул с крыши. Зачем вы прицепили платок к бумажнику?

Она потеряла сознание.

Я подхватил ее, не дав упасть, отнес на диван, отыскал одеколон и нюхательную соль.

— Вы знаете, чей это платок? — спросил я, когда она пришла в себя.

Миссис Мэйн покачала головой.

— Тогда зачем все это?

— Платок был у него в кармане. Полиция стала бы о нем спрашивать. А я не хотела никаких вопросов.

— Для чего вы рассказывали сказки о нападении?

Она не ответила.

— Страховка? — подсказал я.

Она тряхнула головой и крикнула:

— Да! Он промотал все деньги свои и мои! А потом… Потом такое натворил! Он…

Я прервал этот поток обвинений:

— Надеюсь, он оставил какое-то письмо, какое-то доказательство… Я имел в виду доказательство того, что это не она его убила.

— Да. — Ее пальцы скребли черную ткань пла-

тья на груди.

— Что ж, — сказал я, вставая, — завтра утром вам следует отнести письмо вашему адвокату и рассказать ему все.

Она не ответила.

Я пробормотал что-то успокаивающее и вышел.

…Уже наступала ночь, когда я позвонил в дверь дома Ганжена. Бледная горничная сообщила, что мистер Ганжен дома, и повела меня наверх.

Роз Рубери как раз спускалась вниз. Она задержалась на лестничной площадке, чтобы пропустить нас. Я остановился перед ней, а моя провожатая пошла в библиотеку.

— Игра кончена, Роз, — сказал я. — Даю десять минут на то, чтобы ты смылась. А не хочешь, так придется познакомиться с тюрьмой изнутри.

— Неужели?

— Операция не удалась. — Я вынул из кармана пачку денег, добытых в отеле «Марс», — Вот, только что навестил Бена-Кашлюна и Банки.

Это ее убедило. Она повернулась и помчалась наверх. Бруно Ганжен подошел к открытой двери библиотеки и застыл, бросая удивленные взгляды то на меня, то на Роз, которая уже взлетала на четвертый этаж. Вопрос вертелся у него на языке,

но я опередил его.

— Дело сделано, — объявил я.

— Браво! — воскликнул он, заводя меня в библиотеку. — Слышишь, моя любимая? Дело сделано!

Его любимая, сидевшая, как и в тот вечер, за столом, улыбнулась и пробормотала: «Вот как», Голос и улыбка были одинаково равнодушными.

Я подошел к столу и опорожнил карманы.

— Девятнадцать тысяч сто двадцать шесть долларов семьдесят центов, включая марки, — доложил я Ганжену. — Не хватает восьмисот семидесяти трех долларов тридцати центов.

— Ах! — Бруно Ганжен дрожащей розовой рукой гладил свою черную бородку, впиваясь в меня взглядом. — Где вы нашли? Умоляю, садитесь и расскажите все-все! Мы умираем от любопытства, правда, моя дорогая?

Его дорогая зевнула:

— Вот как…

— Ну, мне нечего вам рассказать, — заявил я. — Чтобы отыскать деньги, мне пришлось пойти на компромисс и дать слово молчать. Мэйна ограбили в воскресенье после полудня. Так уж вышло, что преступников задержать нельзя. Один человек может опознать их, но он отказывается дать

показания.

— Но кто убил Джеффри? — Ганжен ухватил меня за лацкан. — Кто его убил?

— Это было самоубийство. Он покончил с собой в отчаянии, потому что его ограбили, а объясниться по поводу этого он не мог.

Липучка для мух

Обычная история с непутевой дочерью.

Хамблтоны были состоятельной и довольно известной нью-йоркской фамилией уже в нескольких поколениях. В родословной ничто не предвещало появления Сю, самой младшей представительницы. Из детского возраста она вышла с заскоком невзлюбила чистенькую жизнь и полюбила грубую. В 1926-м, когда ей исполнился 21 год, она определенно предпочла Десятую авеню Пятой и Хайми-Клепача достопочтенному Сесилю Виндоуну, который сделал ей предложение.

Хамблтоны пытались образумить дочь, но поздно. Она была совершеннолетней. Наконец она послала их к черту, ушла из дому, и ничего с ней поделать они не могли. Е? отец, майор Хамблтон, оставил все надежды спасти дочь, но желал по возможности уберечь ее от несчастий. Поэтому он пришел в нью-йоркское отделение сыскного агентства «Континенталь» и попросил, чтобы за ней присматривали.

Хайми-Клепач, филадельфийский рэкетир, после размолвки с партнерами подался на Север,

в большой город, имея при себе автомат Томпсона, обернутый клеенкой в синюю клеточку. Для работы с автоматом Нью-Йорк оказался не таким удобным полем, как Филадельфия. «Томпсон» пылился целый год, между тем как Хайми добывал пропитание автоматическим пистолетом, взимая дань с игорных притонов в Гарлеме.

Через три или четыре месяца после того, как Сю зажила с ним, Хайми завязал как будто бы многообещающее знакомство с авангардным отрядом чикагцев, прибывших в Нью-Йорк для того, чтобы организовать город на западный манер. Но чикагцам Хайми был не нужен, им был нужен «томпсон». Когда он предъявил им автомат как доказательство своей ценности для коллектива, они настреляли дырок у него в голове и ушли с «Томпсоном».

Сю Хамблтон похоронила Хайми и недели две прожила в одиночестве, заложив кольцо, чтобы есть, а потом устроилась старшей официанткой в нелегальную пивную грека Вассоса.

Одним из посетителей пивной был Бейб Макклур, сто десять килограммов крепких ирландо-шотландо-индейских мускулов, черноволосый, смуглый, голубоглазый гигант, отдыхавший после пятнадцатилетнего срока в Левенворте,

который он отбывал за то, что разорил почти все мелкие почтовые отделения от Нью-Орлеана до Омахи. На отдыхе, чтобы не остаться без спиртного, Бейб собирал деньги с прохожих на темных улицах.

Бейбу нравилась Сю. Вассосу нравилась Сю. Сю нравился Бейб. Вассосу это не нравилось. Ревность притупила в греке здравомыслие. Однажды вечером, когда Бейб хотел войти в пивную, Вассос ему не отпер. Бейб вошел, внеся с собой куски двери. Вассос вынул револьвер, но напрасно пытался стряхнуть со своей руки Сю. Он прекратил попытки, когда Бейб ударил его тем куском двери, на котором была медная ручка. Бейб и Сю ушли от Вассоса вместе.

До сих пор нью-йоркское отделение агентства не теряло из виду Сю. Постоянного наблюдения за ней не было. Этого не хотел ее отец. Раз в неделю посылали человека убедиться, что она еще жива, выведать о ней сколько можно у знакомых и соседей, но так, конечно, чтобы не узнала она. Все это было довольно просто, но, когда Бейб разгромил кабак, они исчезли из поля зрения.

Перевернув сперва вверх дном весь город, нью-йоркская контора разослала по всем отделениям «Континентала» бюллетень со сведениями,

изложенными выше, а также фотографиями и словесными портретами Сю и ее нового милого. Это было в конце 1927 года.

У нас на руках было достаточно фотографий, и в течение нескольких месяцев все, у кого выдавалось свободное время, бродили по Сан-Франциско и Окленду в поисках пропавшей парочки. Мы их не нашли. Агентам в других городах повезло не больше.

Потом, примерно через год, из нью-йоркской контры пришла телеграмма. В расшифрованном виде она гласила:

«Сегодня майор Хамблтон получил телеграмму дочери из Сан-Франциско цитируем Пожалуйста вышли мне телеграфом тысячу долларов адресу Эддис-стрит 601 квартира 206 тчк Если позволишь вернусь домой тчк Пожалуйста сообщи могу ли вернуться но пожалуйста вышли деньги любом случае конец цитаты Хамблтон уполномочивает немедленно выплатить ей деньги тчк Отрядите опытного агента вручить деньги и организовать ее возвращение домой тчк Возможности пошлите агентов мужчину и женщину сопровождать ее сюда тчк Хамблтон телеграфирует ей тчк Немедленно доложите телеграфом».

Старик вручил мне телеграмму и чек со сло-

вами:

— Вы знакомы с ситуацией. Вы знаете, как распорядиться.

Я сделал вид, что согласен с ним, пошел в банк, обменял чек на пачку купюр разного достоинства, сел в трамвай и вышел у Эддис-стрит, 601, довольно большого дома на углу.

В вестибюле на почтовом ящике квартиры 206 значилось:

Дж. М. Уэйлс.

Я нажал кнопку 206-й. Замок на двери зажжужал и отперся, я вошел в дом и, миновав лифт, поднялся по лестнице на второй этаж. Квартира 206 была рядом с лестницей.

Мне открыл высокий, стройный человек лет тридцати с небольшим, в опрятном темном костюме. У него были узкие темные глаза и длинное бледное лицо. В темных, гладко зачесанных волосах блестела седина.

— К мисс Хамблтон, — сказал я.

— Э… у вас что к ней? — Голос звучал ровно, но не настолько ровно, чтобы быть неприятным.

— Хотел бы ее видеть.

Веки у него чуть-чуть опустились, а брови чуть-чуть сошлись. Он спросил:

— Это?.. — и смолк, внимательно глядя на ме-

ня.

Я не поддержал разговор. Наконец он закончил вопрос:

— По поводу телеграммы?

— Да.

Длинное лицо сразу просветлело. Он спросил:

— Вы от ее отца?

— Да.

Он отступил, широко распахнул дверь.

— Заходите. Телеграмму от мистера Хамблтона ей принесли несколько минут назад. Там сказано, что кто-то зайдет.

Мы прошли по коридорчику в солнечную комнату; обставленную дешево, но чистую и опрятную.

— Присаживайтесь, — сказал мужчина, показав на коричневую качалку.

Я сел. Он опустился на обитый джутом диван, лицом ко мне. Я окинул взглядом комнату. Никаких признаков того, что здесь живет женщина, не обнаружил.

Он потер длинную переносицу длинным пальцем и медленно спросил:

— Вы принесли деньги?

Я ответил, что мне больше хочется поговорить с ней. Он посмотрел на палец, которым тер нос,

потом на меня и без нажима произнес:

— Но я ее друг.

— Да, — сказал я на это.

— Да, — повторил он. Потом нахмурился и слегка растянул тонкогубый рот. — Я только спросил, принесли ли вы деньги.

Я ничего не ответил.

— Дело вот в чем, начал он рассудительно, если вы принесли деньги, она рассчитывает, что вы их передадите ей лично. Если вы не принесли деньги, то она не хочет с вами встречаться. Не думаю, что в этом ее можно будет переубедить. Вот почему я спросил, принесли ли вы.

— Принес.

Он посмотрел на меня с сомнением. Я показал ему деньги, взятые в банке. Он живо вскочил с дивана.

— Приведу ее через две минуты, — бросил он, когда длинные ноги уже несли его к двери. У двери он остановился и спросил: — Вы с ней знакомы? Или надо чем-нибудь удостоверить ее личность?

— Так будет лучше, — ответил я.

Он вышел, не закрыв за собой дверь в коридор.

Через пять минут он вернулся со стройной двадцатитрехлетней блондинкой в светло- зеленом

платье. Дряблость маленького рта и припухлости под голубыми глазами были еще не настолько выражены, чтобы сильно повредить ее красоте.

Я встал.

— Это мисс Хамблтон, — сказал он.

Она бросила на меня взгляд и снова потупилась, продолжая нервно теребить ремень сумочки.

— Вы можете удостоверить свою личность? — спросил я.

— Конечно, — сказал мужчина. — Покажи их, Сю.

Она открыла сумочку, вынула какие-то бумаги и предметы и протянула мне.

Я взял их, а мужчина сказал:

— Садитесь, садитесь.

Они сели на диван. Я опять опустился в качалку и стал рассматривать то, что она мне дала. Там были два письма, адресованные Сю Хамблтон на эту квартиру, телеграмма отца с приглашением вернуться домой, две квитанции из универмага, водительские права и банковская книжка с остатком меньше десяти долларов.

Пока я рассматривал эти вещи, девушка справилась со смущением. Она смотрела на меня спокойно, так же как ее сосед. Я пошарил в кармане, нашел фотографию, присланную нам из

Нью-Йорка в начале розыска, и перевел взгляд с нее на лицо девушки.

— Ротик у вас мог и съежиться, — сказал я, — но вот нос почему так вырос?

— Если вам не нравится мой нос, — ответила она, — так не пойти ли вам к черту?

Лицо у нее покраснело.

— Не в том дело. Нос красивый, но это не нос Сю. — Я протянул ей фотографию. — Сами посмотрите.

Она со злобой посмотрела на фотографию потом на соседа.

— О, ты и ловкач, — сказала она ему.

Он глядел на меня прищурясь, в темных щелочках глаз затаился дрожащий блеск. Не отводя от меня взгляда и скривив в ее сторону рот, он процедил:

— Затихни.

Она затихла. Он сидел и глядел на меня. Я сидел и глядел на него. Часы у меня отстукивали секунды. Взгляд его поменял направление: с одного моего глаза переместился на другой. Девушка вздохнула. Тихим голосом он произнес:

— Ну?

Я сказал:

— Вы вляпались. — И что вы из этого сооруди-

те? — небрежно спросил он.

— Сговор с целью обмана.

Девушка вскочила, стукнула его по плечу тыльной стороной руки и закричала:

— Ну, ты ловкач, ничего себе кашу заварил! «Пара пустяков» ага! «Проще пареной репы» ага! И в чем ты сидишь теперь? Ты даже этого боишься послать к черту. — Она круто повернулась, придвинула ко мне красное лицо я по-прежнему сидел в качалке и зарычала: — Ну, а вы чего ждете? Когда вас поцелуют и скажут «до свиданья»? Мы вам что-нибудь должны? Мы ваши паршивые деньги взяли? Ну и вытряхивайся. Проваливай. Дыши воздухом.

— Легче, сестренка, — буркнул я. — Что-нибудь сломаешь.

Мужчина сказал:

— Кончай разоряться, Пегги, дай другим сказать.

Он обратился ко мне:

— Ну так что вам надо?

— Как вы в это ввязались? — спросил я.

Он заговорил охотно, торопливо:

— Один малый, Кении, дал мне эти бумажки, рассказал про Сю Хамблтон, про ее богатого папашу. Я решил потрогать их за карман. Подумал,

что папаша либо с ходу пошлет деньги телеграфом, либо вообще не пошлет. Этот номер с посыльным мне не пришел в голову. Когда он дал телеграмму, что посылает к ней человека, надо было когти рвать.

Но обидно! Человек несет мне косую. Такая удача и даже попытки не сделать? Я подумал, что все-таки можно попробовать, и позвал Пегги подставить вместо Сю. Если человек придет сегодня, значит, он точно здешний, а не с Востока и в лицо Сю не знает, а только по описанию. Как Кении ее описывал, Пегги вроде бы могла за нее сойти. Я чего не понимаю как вы добыли фотографию? Ведь я только вчера отбил папаше телеграмму. Ну, и вчера же отправил Сю пару писем на этот адрес, чтобы вместе с другими бумажками по ним удостоверить ее личность, когда будем брать деньги на телеграфе.

— Адрес папаши вам Кении дал?

— Ну а кто же.

— И адрес Сю?

— Нет.

— Как Кении раздобыл ее документы?

— Он не говорил.

— Где сейчас Кении?

— Не знаю. Он собирался на Восток, там затева-

лось какое-то дело, ему некогда было возиться с этим. Поэтому и передал мне.

— Не мелочится Кенни, сказал я. А вы Сю Хамблтон знаете?

— Нет, убежденно. Я и услышал-то о ней только от Кенни.

— Не нравится мне этот Кенни, — сказал я, — хотя без него в вашей истории есть неплохие места. Можете рассказать еще раз, только без него?

Он медленно помотал головой и сказал:

— Получится не так, как было на самом деле.

— Жаль. Сговор с целью обмана меня не так волнует, как местонахождение Сю. Мы могли бы с вами сторговаться.

Он опять помотал головой, но в глазах у него появилась задумчивость, и нижняя губа чуть налезла на верхнюю.

Девушка отступила, чтобы видеть нас обоих во время разговора, и, пока мы обменивались репликами, поворачивалась то ко мне, то к нему, причем на лице ее было написано, что мы оба ей не нравимся. Потом она остановила взгляд на Уэйлсе, и глаза ее снова стали сердитыми.

Я поднялся:

— Воля ваша. Стойте на своем, но тогда я заберу вас обоих.

Он улыбнулся, поджав губы, и тоже поднялся. Девушка встала между нами, лицом к нему.

— Нашел время вола вертеть, — зашипела она. — Признавайся, недотепа, или я расскажу. Спятил, что ли, думаешь, я с тобой хочу загреметь?

— Заткнись, — буркнул он.

— Заткни меня! — завизжала она.

Он попытался обеими руками. Из-за ее спины я поймал одно его запястье, а другую руку отбил вверх.

Девушка выскользнула в сторону, спряталась за меня и закричала:

— Джо ее знает. Она сама дала ему бумаги. Она в «Сент-Мартине» на 0'Фаррел-стрит с Бейбом Макклуром.

Пока я это слушал, мне пришлось убрать голову от его правого кулака, потом завернуть ему левую руку за спину, подставить бедро под удар его колена и наконец обхватить снизу ладонью его подбородок. Я приготовился уже дернуть подбородок вбок, но тут он перестал бороться и прохрипел:

— Дайте сказать.

— Ну, начали, — согласился я и, отпустив его, сделал шаг назад.

Он потер запястье и злобно посмотрел на девушку. Он обозвал ее четыре раза, причем самым мягким было: «тупица», и сказал ей:

— Он на понт брал. Никуда он нас не заберет или думаешь папаша Хамблтон так хочет попасть в газеты?

Догадка была неплохая.

Он снова сел на диван, потирая запястье. Девушка продолжала стоять в другом конце комнаты и смеялась над ним, стиснув зубы. Я сказал:

— Ну ладно, рассказывайте, любой из вас.

— Да вы уже все знаете, — проворчал он. — Бумаги я увел на прошлой неделе, когда зашел к Бейбу, я слышал ее историю, деньги сами идут в руки, противно упускать.

— А что теперь Бейб поделывает? — спросил я. — Все по медведям ударяет?

— Не знаю.

— Ну да, не знаете.

— Правда, — настаивал он. — Если вы знакомы с Бейбом, то не мне вам говорить: про его дела из него ничего не вытянешь.

— Сю и он давно тут?

— Шесть месяцев это сколько мне известно.

— С кем он работает?

— Не знаю. Если он с кем работает, так на улице

его находит, на улице оставляет.

— Деньги у него водятся?

— Не знаю. Еда и выпивка в доме всегда есть.

После получаса таких расспросов я убедился, что ничего существенного о моей парочке больше не выясню.

Я пошел к телефону в коридоре и позвонил в агентство. Телефонист сказал мне, что Макман в комнате оперативников. Я попросил прислать его сюда. Когда я вернулся, Джо и Пегги отодвинулись друг от друга.

Не прошло и десяти минут, как явился Макман. Я провел его в комнату и сказал:

— Этот человек утверждает, что его зовут Джо Уэйлс, а девушка по-видимому, Пегги Кэррол, живет над ним в квартире четыреста двадцать первой. Они попались на сговоре с целью обмана, но я заключил с ними сделку. Сейчас мне надо пойти и проверить ее. Оставайся с ними в этой комнате. Никто не входит и не выходит, никто, кроме тебя, не подходит к телефону. За окном пожарная лестница. Окно сейчас заперто. Я бы его не отпирал. Если выяснится, что он меня не обманывает, мы их отпустим; а если станут тут фокусничать без меня, имеешь все основания бить их сколько влезет.

Макман кивнул крепкой круглой головой и поставил себе стул между ними и дверью. Я взял шляпу. Джо Уэйлс окликнул меня:

— Эй, вы меня Бейбу не выдавайте, ладно? Это входит в сделку?

— Не выдам, если не будет необходимости.

— А то уж лучше срок, сказал он. В тюрьме безопасней.

— Я позабочусь о вас, насколько это от меня зависит. Но вам придется принять то, что выпадет.

По дороге к «Сен-Мартину» до дома было всего пять-шесть кварталов я решил представиться Макклуру и девушке так: я агент «Континентала», а Бейб заподозрен в том, что на прошлой неделе участвовал в ограблении банка в Аламейде. Он не участвовал если банковские служащие хотя бы наполовину правильно описали налетчиков, так что мои подозрения не должны сильно напугать его. Оправдываясь, он, возможно, сообщит мне что-нибудь полезное. Но главное, конечно, я хотел взглянуть на девушку и доложить отцу, что я ее видел. Скорее всего она и Бейб не знают, что отец старается не упускать ее из виду. Бейб уголовник. Нет ничего противоестественного в том, чтобы к нему наведался сыщик и попробовал припутать его к какому-нибудь делу.

«Сен-Мартин», маленький трехэтажный кирпичный дом, стоял между двумя гостиницами повыше. В вестибюле я прочел: 313, Р. К. Макклур, как и сказали мне Уэйлс с Пегги.

Я нажал кнопку звонка. Никакого результата. Еще четыре раза никакого. Я нажал кнопку с надписью: Смотритель.

Замок щелкнул. Я вошел. В двери квартиры рядом с входом стояла мясистая женщина в мятом ситцевом платье в розовую полоску.

— Макклуры здесь живут? — спросил я.

— В триста тринадцатой.

— Давно здесь поселились?

Она поджала толстые губы, пристально посмотрела на меня, помялась, но все-таки ответила:

— В июне.

— Что вы о них знаете?

Она не захотела отвечать только подняла брови и подбородок.

Я протянул ей визитную карточку. Это было безопасно, поскольку не противоречило тому, что я собирался говорить наверху.

Когда она подняла глаза от карточки, лицо ее просто горело любопытством.

— Заходите сюда, сказала она хриплым шепотом, пятясь в дверь.

Я вошел за ней в квартиру. Мы сели на диван, и она прошептала:

— А что у них?

— Может быть, ничего. — Подыгрывая ей, я тоже заговорил театральным шепотом. — Он взломщик сейфов и сидел в тюрьме. Я навожу о нем справки есть подозрение, что он замешан в одном недавнем деле. Но определенно ничего не знаю. Вполне допускаю, что он исправился. Я вынул из кармана фотокарточку анфас и в профиль, снятую в Левенворте. Это он?

Она схватила ее с жадностью, кивнула и сказала:

— Да, он самый. — Потом перевернула карточку, прочла приметы на обороте и повторила: — Да, он самый.

— Он здесь с женой?

Она энергично закивала.

— Жену я не знаю. Как она выглядит?

Она описала женщину это вполне могла быть Сю Хамблтон. Фотографию Сю я не мог показать; если бы Макклур узнал об этом, моя легенда лопнула бы.

Я спросил смотрительницу, что она знает о Макклурах. Знала она не слишком много: за квартиру платят вовремя, уходят и приходят когда

попало, случаются пьянки, часто ссорятся.

— Как думаете, они дома? Я звонил, но без толку.

— Не знаю, — прошептала она. — Не видела их с позапрошлого вечера, они тогда дрались.

— Сильно дрались?

— Да ненамного сильней обыкновенного.

— Можете узнать, дома ли они?

Она посмотрела на меня искоса.

— Никаких неприятностей из-за меня не будет, успокоил я. Но если они удрали, мне не мешает об этом знать, да и вам, наверное, тоже.

— Ладно, посмотрю. — Она встала и похлопала себя по карману; там звякнули ключи. — Подождите здесь.

— Я поднимусь с вами до третьего этажа, где-нибудь там за углом подожду.

— Ладно, — с неохотой согласилась она.

На третьем этаже я остался стоять у лифта. Она скрылась за углом темноватого коридора, и вскоре я услышал приглушенный звонок. Потом второй, третий. Я услышал, как звякнули ее ключи и один из них скрежетнул в замке. Замок щелкнул. Я услышал, как она повернула дверную ручку.

Тишину, последовавшую за этим, разорвал

крик, которому, казалось, тесно в коридоре.

Я бросился к углу, увидел за поворотом открытую дверь, вошел туда и захлопнул дверь за собой.

Крик смолк.

Я стоял в маленькой темной передней с тремя дверями, не считая той, в которую вошел. Одна дверь была закрыта. Другая, в ванную, отворена. Я распахнул третью.

Прямо за порогом стояла толстая смотрительница, заслоняя все своей круглой спиной. Я протиснулся мимо нее и увидел то, на что она смотрела. Поперек кровати лежала Сю Хамблтон в бледно-желтой пижаме, отороченной черным кружевом. Она лежала навзничь. Руки были вытянуты над головой. Одна нога подвернута, другая, вытянутая, доставала голой ступней до полу. Эта голая нога была белее, чем следовало быть живой ноге. Лицо было таким же белым, как нога, если не считать багровой припухлости между правой бровью и правой скулой да темных кровоподтеков на горле.

— Звоните в полицию, — сказал я женщине и принялся шарить в углах, шкафах и ящиках.

В агентство я вернулся к концу дня. Я попросил посмотреть в картотеке, есть ли у нас что-нибудь

на Джо Уэйлса и Пегги Кэррол, а сам пошел в кабинет К Старику.

Я застал его за чтением отчетов; он кивком предложил мне сесть и спросил:

— Вы видели ее?

— Да. Она умерла.

Старик сказал: «Подумайте-ка», словно ему сообщили, что на улице дождь, и с вежливой внимательной улыбкой выслушал всю мою повесть от того момента, когда я позвонил в дверь Уэйлса и до того, когда вслед за толстой смотрительницей увидел мертвую девушку.

— Ее били на лице и горле кровоподтеки, закончил я. — Но умерла она не от этого.

— Вы думаете, ее убили? — спросил он все с той же кроткой улыбкой.

— Не знаю. Доктор Джордан полагает, что причиной мог быть мышьяк. Сейчас он занимается анализами. Странную вещь мы нашли в квартире. Какие-то листы толстой серой бумаги, заложены в книгу «Граф Монте-Кристо», а книга завернута в месячной давности газету и заткнута за плиту.

— А, мышьяковая бумага от мух, — пробормотал Старик. — Фокус Мейбрика-Седдонса. Если размочить в воде, в раствор переходит четыре-

шесть гран мышьяка достаточно, чтобы отравить двоих.

Я кивнул.

— Да, мне довелось столкнуться с этим в шестнадцатом году в Луисвилле. Мулатка- уборщица видела, как Макклур вышел вчера в половине десятого утра. Возможно, девушка умерла до этого. С тех пор его никто не видел. Утром же, но раньше, в соседней квартире слышали их голоса, ее стоны. Но там дрались так часто, что соседи не придали этому значения. Управляющая говорит, что они дрались накануне вечером. Полиция разыскивает его.

— Вы сказали полицейским, кто она такая?

— Нет. И как нам с этим быть? Мы не можем рассказать им об Уэйлсе, не рассказав обо всем остальном.

— Боюсь, что нам не избежать огласки, — задумчиво сказал Старик. — Я дам телеграмму в Нью-Йорк.

Я вышел из кабинета. В архиве служащий дал мне две газетные вырезки. Из первой явствовало, что пятнадцать месяцев назад Джозеф Уэйлс, он же Святой Джо, был арестован по жалобе фермера Туми, у которого Уэйлс с тремя сообщниками выманил две с половиной тысячи долларов якобы

«на предприятие». Во второй вырезке говорилось, что дело было закрыто из-за неявки Туми в суд его, как водится, умиротворили, вернув деньги частично или целиком. Вот и все, что было в картотеке на Уэйлса, а на Пегги Кэррол ничего не было.

Я вернулся к Уэйлсу на квартиру, и мне открыл Макман.

— Какие дела? — спросил я.

— Никаких только скулят все время.

Подошел Уэйлс и нетерпеливо спросил:

— Ну, убедились?

Девушка стояла у окна и смотрела на меня настороженно.

Я ничего не ответил.

— Нашли ее? — нахмурясь спросил Уэйлс. — Там, где я сказал?

— Ну да.

— Тогда все? — Морщины у него на лбу разгладились. — Нас с Пегги отпускают или?.. — Он осекся, облизнул нижнюю губу, взялся за подбородок и резко спросил: — Вы меня не продали?

Я помотал головой.

Он отнял руку от подбородка и раздраженно спросил:

— Так в чем же дело? Чего это у вас такое ли-

цо?

Девушка с досадой бросила ему в спину:

— Я так и знала, что ни черта хорошего не выйдет. Я знала, что нам теперь не выпутаться. Ну и ловкач же ты!

— Уведи Пегги на кухню и закрой обе двери, сказал я Макману. Сейчас мы все с Святым Джо поговорим по душам.

Девушка ушла охотно, но когда Макман закрывал дверь, она высунула голову и сказала Уэйлсу:

— Желаю, чтобы он тебе нос разбил, если начнешь крутить.

Макман затворил дверь.

— Кажется, ваша приятельница считает, что вам кое о чем известно.

Уэйлс угрюмо оглянулся на дверь и проворчал:

— От нее помощи, как от сломанной ноги. — Он повернулся ко мне, придав лицу искреннее и дружелюбное выражение. — Чего вы хотите? Я вам все объяснил начистоту. В чем же теперь дело?

— А вы как думаете?

Он втянул губы.

— Зачем вы мне загадки задаете? — спросил он. — Ведь я хочу с вами по честному. Но что мне делать, если вы не говорите, чего вам надо? Не могу же я знать, какие у вас мысли.

— Узнали бы очень обрадовались.

Он устало покачал головой, отошел к дивану и сел, нагнувшись вперед и зажав ладони между коленями.

— Ну ладно, — вздохнул он. — Можете не торопиться спрашивать. Я подожду.

Я подошел и встал над Уэйлсом. Я взял его пальцами за подбородок, поднял ему голову и наклонился нос к носу.

— Вот в чем твоя промашка, Джо: ты послал телеграмму сразу после убийства.

— Он умер? — Слова эти вырвались так быстро, что даже глаза у него не успели расшириться и округлиться.

Вопрос сбил меня с толку. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не поднять брови, а когда я заговорил, собственная интонация показалась мне неестественно спокойной:

— Кто умер?

— Кто? Почем я знаю? Вы про кого говорите?

— Про кого я, по-твоему, говорю?

— Почем я знаю? Да ладно! Про старика Хамблтона, ее папашу.

— Верно, — сказал я и отпустил его подбородок.

— Его убили, вы говорите?

Хотя я убрал руку, лицо Уэйлса не сдвинулось ни на миллиметр. Как?

— Мышьяковой бумагой от мух.

— Мышьяковой бумагой от мух. Лицо у него стало задумчивым. Странный способ.

— Да, очень странный. Ты бы куда пошел, если бы захотел ее купить?

— Купить? Не знаю. С детства ее не видел. Да никто ей не пользуется у нас в Сан- Франциско. Тут и мух-то мало.

— Вот же купил кто-то, сказал я. Для Сю.

— Сю? — Он вздрогнул так, что под ним скрипнул диван.

— Ну да. Отравили вчера утром мухомором.

— Обоих? — спросил он, словно не веря своим ушам.

— Кого и кого?

— А? Ее и отца.

— Ну да.

Он опустил подбородок на грудь и потер одну руку другой.

— Тогда мне крышка, медленно произнес он.

— Она, — весело согласился я. — Хочешь вылезти из-под нее? Говори.

— Дайте подумать.

Я ждал, и, пока Уэйлс раздумывал, я прислу-

шивался к тиканью часов. От раздумья на его сером лице выступили капли пота. Наконец он выпрямился и вытер лицо ворсистым пестрым платком.

— Ладно, скажу. Делать нечего. Сю собиралась свалить от Бейба. Мы с ней собирались уехать. Она… Вот, я вам покажу.

Он сунул руку в карман и вытащил сложенный листок плотной бумаги. Я взял его и прочел:

Милый Джо,

я этого долго не вынесу в общем, нам надо поскорее

бежать. Сегодня вечером Бейб меня опять избил.

Если ты любишь меня, пожалуйста, давай поскорее.

Сю

Почерк был женский, нервный, угловатые буквы теснились и вытягивались вверх.

— Поэтому я и хотел плешь потереть Хамблтону, — сказал он. — У меня третий месяц сквозняк в кармане, а вчера получаю это письмо надо где-то деньги брать, чтобы увезти ее. Она бы из отца тянуть не захотела я и решил все сделать по-тихому.

— Когда ты видел ее в последний раз?

— Позавчера, в тот день, когда она это письмо написала. Только я ее не видел она была здесь, а писала она ночью.

— Бейб догадывался, что вы затеваете?

— Мы думали, что нет. Он всю, дорогу ревновал ее, по делу и не по делу.

— Так были у него основания?

Уэйлс посмотрел мне в глаза и сказал:

— Сю была хорошая девочка.

— Н-да, и ее убили.

Он молчал. На улице смеркалось. Я отошел к двери и нажал выключатель. При этом я не спускал глаз со Святого Джо.

Только я отнял палец от выключателя, как что-то звякнуло в окне. Звук был громкий, — резкий.

Я посмотрел на окно. За окном, согнувшись на пожарной лестнице, стоял человек и заглядывал в комнату сквозь стекло и тюлевую занавеску. Смуглый человек с грубыми чертами лица и размеры его говорили о том, что это Бейб Макклур. В стекло перед ним упиралось дуло черного автоматического пистолета. Он постучал им по стеклу, чтобы привлечь наше внимание.

Делать мне в данную минуту было нечего. Я стоял на месте и смотрел на него. Я не мог разобрать, на меня он смотрит или на Уэйлса. Видел

я его вполне четко, но тюлевая занавеска мешала разглядеть такие подробности. Я решил, что он держит в поле зрения нас обоих, а тюлевая занавеска не очень ему мешает. Он был ближе к занавеске, чем мы, а кроме того, я зажег свет в комнате.

Уэйлс замер на диване и смотрел на Макклура. На лице Уэйлса застыло странное, угрюмое выражение. Глаза были угрюмы. Он не дышал.

Макклур ткнул дулом пистолета в окно, из него вывалился треугольный кусок стекла и со звоном разбился на полу. Я с сожалением подумал, что звук недостаточно громок и не насторожит Макмана на кухне. Нас разделяли две двери.

Уэйлс увидел, как разбилось стекло, и закрыл глаза. Он закрывал их медленно, постепенно, так, словно засыпал. Его застывшее угрюмое лицо по-прежнему было обращено к окну.

Макклур выстрелил в него три раза.

Пули отбросили Уэйлса назад, к стене. Глаза у него широко раскрылись, выкатились. Губы сползли с зубов, так что обнажились десны. Язык выпал. Потом он уронил голову и больше не шевелился.

Когда Макклур отскочил от окна, я подскочил к окну. Пока я отодвигал занавеску, отпирал и

поднимал окно, его ноги уже затопали по бетонному двору.

Макман распахнул, дверь и ворвался в комнату, по пятам за ним девушка.

— Займись этим, — приказал я ему, вылезая наружу. — Его застрелил Макклур.

Квартира Уэйлса была на втором этаже. Пожарная лестница заканчивалась здесь железным трапом с противовесом под тяжестью человека трап опрокидывался и почти доставал до земли.

Я последовал за Макклуром тем же путем стал спускаться по качающемуся трапу и, не добравшись до конца, спрыгнул на бетонный двор.

Со двора на улицу был только один выход. Я бросился туда.

На тротуаре рядом с выходом стоял тщедушный человек и удивленно глазел на меня. Я схвати его за руку, тряхнул:

— Пробежал высокий мужчина. — Возможно, я кричал. — Куда?

Он попытался ответить, не смог, показал рукой на другую сторону улицы, где за досками для афиш начинался пустырь.

Впопыхах я забыл сказать ему спасибо.

Слева и справа от досок были проходы, но я не побежал туда, а пролез под досками. Пустырь, за-

росший бурьяном, был достаточно велик, чтобы укрыть беглеца даже такого крупного, как Бейб Макклур, если он захочет устроить преследователю засаду.

Пока я размышлял над этим, в дальнем углу пустыря залаяла собака. Она могла лаять на кого-то пробежавшего мимо. Я побежал в тот угол. Собака была за сплошным забором во дворе перед узким проходом, который вел с пустыря на улицу.

Я подтянулся на заборе, увидел, что, кроме жесткошерстного терьера, во дворе никого нет, и побежал по проходу, провожаемый собакой, которая бросалась на забор с той стороны.

Перед самой улицей я спрятал револьвер в карман.

Метрах в пяти от прохода, перед табачной лавкой, стоял маленький открытый автомобиль. В дверях лавки полицейский разговаривал с худым смуглым человеком.

— Минуту назад оттуда вышел большой мужчина, — сказал я. — Куда он направился?

Полицейский глядел тупо. Худой показал головой: «В ту сторону» и продолжал беседу.

Я сказал спасибо и пошел к углу. Там стоял телефон для вызова такси и два свободных таксомотора. От следующего перекрестка отъезжал

трамвай.

— Сейчас тут прошел высокий мужчина он взял такси или сел в трамвай? спросил я двух таксистов, которые стояли возле одной из машин.

Тот, что пообтрепанное, сказал:

— Такси он не брал.

— Я возьму. Догоняем вон тот трамвай.

Пока мы тронулись, трамвай успел отъехать на три квартала. На улице были люди и машины, и я не мог разглядеть, кто выходит из вагона. Мы нагнали его, когда он остановился на Маркет-стрит.

— Езжайте за мной, — велел я шоферу и выскочил. С задней площадки трамвая я заглянул через стекло в салон. Пассажиров было человек восемь десять.

— На Гайд-стрит к вам сел высокий, здоровенный мужчина, — сказал я кондуктору. — Где он вышел?

Посмотрев на серебряный доллар, который я вертел в пальцах, кондуктор вспомнил, что высокий мужчина вышел на Тейлор-стрит, и заработал серебряный доллар.

Когда трамвай свернул на Маркет-стрит, я спрыгнул. Такси; ехавшее за вагоном, притормозило, дверь его распахнулась.

— Угол Шестой и Мишн, — сказал я, вскочив в машину.

С Тейлор-стрит Макклур мог двинуться в эту сторону. Приходилось действовать наугад. Скорей всего он попробует скрыться по другую сторону Маркет-стрит.

Уже совсем стемнело. Нам пришлось доехать до Пятой улицы, чтобы свернуть с Маркет-стрит; по Пятой на Мишн и в обратном направлении к Шестой. По дороге к Шестой улице мы не увидели Макклура. И на Шестой я его не увидел ни слева, ни справа от перекрестка.

— Дальше, на Девятую, — распорядился я и, пока мы ехали, объяснил шоферу, как выглядит нужный нам человек.

Мы доехали до Девятой улицы. Нет Макклура. Я выругался и стал ломать голову.

Бейб медвежатник. Весь Сан-Франциско поднят по тревоге. Инстинкт подскажет медвежатнику: оторваться на товарняке. Товарные дворы в этой части города. Пожалуй, у него хватит хитрости не удирать сразу, а затаиться. В таком случае он вообще может не перейти через Маркет-стрит. Если он залег, его еще можно будет найти завтра. Если взял ноги в руки, то либо сейчас его поймаем, либо никогда.

— На Харрисон, — сказал я шоферу.

Мы доехали до Харрисон-стрит, по Харрисон до Третьей, потом вверх по Брайент до Восьмой, вниз по Брэннан обратно до Третьей, дальше до Таунсенд и не увидели Бейба Макклура.

— Паршиво, — посочувствовал мне шофер, когда мы остановились напротив вокзала Южной Тихоокеанской железной дороги.

— Пойду посмотрю на станции, — сказал я. — Ты тут тоже поглядывай.

Когда я сказал полицейскому на станции о своем деле, он подвел меня к двоим в штатском, уже ждавшим здесь Макклура. Их послали сюда после того, как было найдено тело Сю Хамблтон. Об убийстве Святого Джо Уэйлса они еще не знали.

Выйдя со станции, я обнаружил мое такси перед дверью; сигнал его гудел без передышки, но астматически, я не слышал его внутри.

Обтрепанный мой шофер был взволнован.

— Громила вроде твоего только что вышел с Кинг-стрит и вскочил в шестнадцатый номер, — сказал он.

— В какую сторону?

— Туда, указывая на юго-восток.

— Догоняй. — Я прыгнул в машину.

Трамвай скрылся за поворотом на Третьей

улице, за два квартала от нас. Когда мы доехали до поворота, он тормозил за четвертым перекрестком. Он только начинал тормозить, когда с подножки свесился человек и спрыгнул на мостовую. Высокий человек но он не казался высоким из-за ширины плеч. Продолжая бежать по инерции, он пересек тротуар и скрылся из виду.

Мы остановились там, где человек выпрыгнул из вагона. Я дал шоферу много лишних денег и сказал:

— Возвращайся на Таунсенд-стрит и скажи полицейскому на станции, что я погнался за Бейбом Макклуром на товарный двор Ю. Т.

Я думал, что пробираюсь бесшумно между двумя составами, но не успел сделать и десяти шагов, как в лицо мне ударил свет и раздалась команда: «Не двигаться!»

Я стал. Между вагонами появились люди. Один назвал меня по имени и осведомился:

— Ты что тут делаешь? Заблудился? — Это был Гарри Пеббл, полицейский сыщик.

Я перевел дух и ответил:

— Здравствуй, Гарри. Ищешь Бейба?

— Проверяли составы.

— Он здесь. Я только что прибежал за ним сюда с улицы. Пеббл выругался и выключил фонарь.

— Осторожно, Гарри, — предупредил я. — Не шути с ним. У него большой пистолет, и сегодня вечером он уже застрелил одного.

— Я с ним пошучу, — пообещал Пеббл и велел одному из сотрудников пойти предупредить людей в другом конце двора, что Макклур здесь, а потом вызвать подкрепление.

— Расположимся по периметру и подержим его, пока они не приедут, сказал он.

Такой способ действий казался разумным. Мы рассыпались и стали ждать. Один раз мы с Пеббом отогнали долговязого бродягу, пытавшегося проскользнуть между нами во двор; потом кто-то из группы поймал дрожащего парнишку, который, наоборот, пытался выскользнуть в город. Больше ничего не произошло, и вскоре прибыл лейтенант Дафф с двумя машинами полицейских.

Большинство народу осталось в оцеплении. Остальные, и я с ними, маленькими группами пошли по двору, проверяя вагон за вагоном. Мы подобрали несколько оборванцев, не замеченных Пеббом и его людьми, но Макклура не нашли.

И никаких следов не могли найти, покуда не наткнулись на бродягу, валявшегося возле полувагона. Понадобилось минуты две, чтобы

привести его в чувство, но и тогда он не смог говорить. У него была сломана челюсть. На вопрос, не Макклур ли его ударил, он ответил чуть заметным кивком, а когда мы спросили, в какую сторону направился Макклур, показал слабой рукой на восток.

Мы двинулись дальше и прочесали товарный двор дороги на Санта-Фе.

И не нашли Макклура.

Во Дворец юстиции я приехал с Даффом. Макман сидел в кабинете начальника уголовного розыска с тремя или четырьмя агентами.

— Уэйлс умер? — спросил я.

— Да.

— Успел что-нибудь сказать?

— Он умер до того, как ты вылез в окно.

— Девушку ты задержал?

— Она здесь.

— Говорит что-нибудь?

— Мы решили не допрашивать до твоего приезда,

объяснил сержант О'Гар, не знаем, какая ее роль в этом деле.

— Давайте сейчас займемся. Я еще не обедал. Что показало вскрытие Сю Хамблтон?

— Хроническое отравление мышьяком.

— Хроническое? Значит, ей давали понемногу, а не все сразу?

— Получается. По тому, что найдено у нее в почках, в кишечнике, печени, желудке и в крови, Джордан заключил, что она приняла меньше одного грана. От этого она не могла умереть. Но Джордан говорит, что обнаружил мышьяк в концах ее волос, а значит, при таком распространении, ей начали давать по крайней мере месяц тому назад.

— А какие-нибудь признаки того, что она умерла не от мышьяка?

— Никаких если Джордан не самозванец.

Женщина в полицейской форме ввела Пегги Кэррол. Вид у блондинки был усталый. Веки, углы рта, тело все было поникшее, вялое, и, когда я пододвинул ей стул, она опустилась мешком.

О'Гар кивнул мне седоватой круглой головой.

— Ну, Пегги, — начал я, — расскажите нам, какую роль вы играете в этой истории.

— Я не играю. — Она смотрела в пол. Голос у нее был усталый. — Меня втянул Джо. Он вам говорил.

— Вы его девушка?

— Можете называть так.

— Ревновали его?

Она подняла голову и озадаченно посмотрела на меня:

— Какое отношение это имеет к делу?

— Сю Хамблтон собиралась бежать с ним, и тут ее убили.

Девушка выпрямилась на стуле и с расстановкой сказала:

— Клянусь Богом, я не знала, что ее убили.

— Но что она умерла, вы знаете, — сказал я тоном, не предполагающим сомнений.

— Нет, — ответила она так же решительно.

Я толкнул О'Гара локтем. Он выставил длинную челюсть и пролаял:

— Что ты нам вкручиваешь? Ты знаешь, что она умерла. Как это сама убила и не знаешь?

Пока она смотрела на него, я поманил остальных. Окружив Пегги, они подхватили сержантскую песню. После этого некоторое время на нее дружно лаяли, орали и рычали. Как только она перестала огрызаться, я вступил снова.

— Постойте, — сказал я с серьезным видом. — Может быть, не она убила.

— Как же, не она, — бушевал О'Гар, держа площадку, чтобы остальные могли ретироваться и уход их не выглядел искусственно. — Ты будешь мне рассказывать, что эта малютка…

— Тебе не сказали, что не она, — запротестовал я. — Тебе сказали: может быть, не она.

— А кто же?

Я переадресовал вопрос девушке.

— Кто убил?

— Бейб, ответила она не задумываясь.

О'Гар зафыркал, изображая крайнее недоверие. А я как бы с искренним недоумением спросил:

— Откуда вы можете знать, если вы не знали, что она умерла?

— Это же всякому ясно, — сказала она. — Чего тут непонятного? Узнал, что она хочет удрать с Джо, и убил ее, а потом пришел к Джо и его убил. Бейб только так и мог сделать, если узнал.

— Да? А вы-то давно узнали, что они задумали бежать?

— Когда задумали, тогда и узнала. Джо сам мне сказал месяца два назад.

— И вы не возражали?

— Вы все не так поняли, сказала она. Конечно, не возражала. У нас был уговор. Вы знаете, отец помешан на ней. На этом Джо и хотел сыграть. Она для него была пустое место, просто ход к папашиному карману. А мне полагалась доля. Только не думайте, что я голову могла потерять из-за Джо или еще кого-нибудь. А Бейб пронюхал

и разделался с обоими. Это факт.

— Да? И как, по-вашему, убил бы ее Бейб?

— Этот-то? Вы что же думаете, он…

— Я спрашиваю, каким способом он стал бы ее убивать?

— А! — Она пожала плечами. — Ну как руками, наверно.

— Так если Бейб решил ее убить, он сделает это быстро и грубо?

Да, Бейб такой, согласилась она.

— А вы не представляете себе, чтобы он медленно травил ее растянул дело на месяц?

В ее голубых глазах мелькнула тревога. Она прикусила нижнюю губу, а потом медленно сказала:

— Нет, не представляю, чтобы он так сделал. Это не Бейб.

— А кого вы представляете себе за таким делом?

Она широко раскрыла глаза:

Вы на Джо намекаете?

Я не ответил.

— Джо мог бы, сказала она убежденно. Черт его знает, зачем ему это могло понадобиться, зачем у себя изо рта кусок вынимать. Но с ним другой раз и не поймешь; куда он метит. Сколько раз в

галошу садился. Хитрый-то он хитрый был, да глупый. Но если задумал ее убить, то примерно так как-нибудь.

— С Бейбом они были приятели?

— Нет.

— Он часто бывал у Бейба на квартире?

— Да вовсе, по-моему, не бывал. Боялся не дай Бог, Бейб накрыл бы их там. Я для того и переехала наверх, чтобы Сю могла его навещать.

— Тогда каким же образом Джо прятал у нее на квартире бумагу от мух, которой он ее травил?

— Бумагой от мух? — Ее растерянность казалась неподдельной.

— Покажи, — попросил я О'Гара.

Он вынул из стола лист и поднес к лицу девушки. Она уставилась на бумагу, потом вскочила и обеими руками вцепилась в мою руку.

— Я не знала, что это такое, — возбужденно сказала она. — Джо притащил ее месяца два назад. Я вошла, а он ее рассматривает. Я спросила, для чего это, а он с чванливой своей улыбочкой говорит: «Сама попробуй догадайся», завернул ее и сунул в карман. Я и внимания особенного не обратила; вечно какие-то фокусы изобретал, все хотел разбогатеть, только не получалось.

— А потом вы видели эту бумагу?

— Нет.

— Вы близко знали Сю?

— Совсем ее не знала. В глаза не видела. Старалась не путаться под ногами, чтобы не испортить ему игру.

— Но Бейба-то знали?

— Да, раза два встречалась с ним на вечеринках. Вот и все наше знакомство.

— Кто убил Сю?

— Джо. Сами же говорите, что ее отравили бумагой, а бумага была у него.

— Почему он ее убил?

— Не знаю. Он порой совсем несуразные номера выкидывал.

— Вы ее не убивали?

— Нет, нет, нет!

Я дернул углом рта, подавая знак О'Гару.

— Врешь! рявкнул он и затряс ядовитой бумагой у нее перед носом. Ты ее убила.

Остальные сгрудились вокруг нее и стали наперебой выкрикивать обвинения. Так продолжалось до тех пор, покуда она не ошалела, даже надзирательница встревожилась. Тогда я сердито сказал:

— Ладно. В камеру ее, и пусть подумает. — А ей: — Вы же помните, как кричали сегодня Уэйлсу:

нашел время вола вертеть. Ночью подумайте хорошенько.

— Ей-богу, я ее не убивала!

Я повернулся к ней спиной. Надзирательница увела ее.

— А-хум, зевнул О'Гар. Хорошо ее попарили, хоть и не долго.

— Неплохо, согласился я. Если по поведению можно что-нибудь угадать, я решил бы, что не она убила Сю. Но если она говорит правду, значит, это работа Святого Джо. А зачем ему травить курицу, которая собиралась снести хорошенькие желтые яички? Зачем и каким образом он припрятал яд в чужой квартире? У Бейба были мотивы, но он, по-моему, не похож на методичного отравителя. Хотя черт их знает, может, он и Святой Джо работали в паре.

— Может быть, — сказал Дафф. — Но чтобы такое допустить, нужно большое воображение. Как ни крути, пока что Пегги самый вероятный номер. Насядем на нее еще раз утром?

— Давай. И надо нам найти Бейба.

Остальные уже пообедали. Мы с Макманом тоже пошли обедать. Через час, когда мы вернулись, оперативников в отделе почти никого не было.

— Все поехали на сорок второй пирс был сиг-

нал, что Макклур там, сказал нам Стив Уорд.

— Давно?

— Десять минут назад.

Мы с Макманом взяли такси и поехали на пирс 42. Мы не доехали до пирса 42. На Первой улице, за полквартала до Эмбаркадеро, такси взвизгнуло тормозами и пошло юзом.

— В чем… начал я и осекся, увидев стоявшего перед радиатором человека. Большого человека с большим пистолетом.

— Бейб. Я схватил Макмана за локоть, чтобы он не вытащил револьвер.

— Отвези меня… сказал Макклур испуганному шоферу и в это время увидел нас. Он зашел с моей стороны и, открыв дверь, наставил на нас пистолет.

Он был без шляпы. Мокрые волосы облепили его голову. С волос текла вода. Костюм на нем был весь мокрый. Он с удивлением посмотрел на нас и приказал:

— Вылазьте.

Мы стали вылезать, а он заворчал на шофера:

— Какого черта с флажком ездишь, если у тебя пассажиры?

Но шофера уже не было за баранкой. Он выскочил в свою дверь и удирал по улице. Макклур

выругался ему вслед и ткнул в меня пистолетом:

— А ну, отваливай.

Наверно, он меня не узнал. Фонари светили слабо, а к тому же сейчас на мне была шляпа. Он меня видел всего несколько секунд в комнате Уэйлса.

Я отступил в сторону. Макман отодвинулся в другую сторону.

Макман бросился на вооруженную руку Макклура.

Я ударил Макклура в подбородок. На него это подействовало так же слабо, как если бы я ударил кого-то постороннего.

Он отшвырнул меня с дороги и заехал Макману в зубы. Макман отлетел на такси, выплюнул зуб и пошел за новой порцией.

Я пытался вскарабкаться по левому боку Макклура.

Макман зашел справа, не сумел увернуться от пистолета, получил по макушке и рухнул. И не вставал.

Я пнул Макклура в одышку, но не смог подбить ему ногу. Я ударил его правым кулаком в крестец, а левой вцепился в мокрые волосы и повис. Он тряхнул головой, оторвал меня от земли.

Он двинул меня в бок, и я почувствовал, что

ребра и кишки у меня начали складываться, как будто страницы в книжке.

Я ударил его кулаком по затылку. Это его обеспокоило. С утробным звуком он стиснул левой рукой мне плечо и огрел пистолетом, который был в правой.

Я пнул его куда-то и снова ударил по затылку.

Ниже, перед Эмбаркадеро, заливался полицейский свисток. По улице к нам бежали люди.

Всхрапнув, как паровоз, Макклур отбросил меня. Я не хотел улетать. Я за него цеплялся. Он отбросил меня и побежал по улице.

Я вскочил на ноги и кинулся следом, вытаскивая револьвер.

На первом углу он остановился, чтобы спрыснуть меня свинцом три выстрела.

Я ответил ему одним. Все четыре мимо. Он скрылся за углом. Я обогнул угол по широкой дуге, чтобы не угодить под пулю, если он ждет меня, прижавшись к стене. Он не ждал. Он был уже метрах в тридцати пяти и устремился в проход между двумя складами.

Я побежал за ним туда, выбежал за ним с другого конца, перемещая свои восемьдесят пять килограммов чуть быстрее, чем он свои сто пятнадцать.

Он пересек улицу, направляясь прочь от берега. На углу стоял фонарь. Я вбежал в его свет, и в ту же секунду Макклур круто повернулся и прицелился. Я не услышал щелчка, а только догадался, что пистолет щелкнул когда Макклур швырнул им в меня. Пистолет пролетел в полуметре и наделал шуму, ударившись в дверь за моей спиной. Макклур повернулся и побежал по улице. Я побежал по улице за ним. Я выстрелил в воздух, чтобы остальные услышали, где мы. На следующем углу он хотел было повернуть налево, передумал, бросился дальше. Наддав, я сократил расстояние между нами метров до пятнадцати и крикнул:

— Стой, стрелять буду!

Он метнулся в сторону, в узкий проулок.

Я проскочил проулок, увидел, что Макклур меня не подстерегает, побежал туда. С улицы проникало достаточно света мы видели и друг друга, и все, что вокруг. Проулок оказался каменным мешком: с обеих сторон и в торце высились бетонные здания со стальными ставнями на дверях и окнах.

Макклур стоял в каких-нибудь семи метрах от меня. Он выпятил подбородок. Чуть согнутые руки не прикасались к бокам. Плечи были развернуты.

— Подними их, сказал я, прицелясь.

— Уйди с дороги, маленький, пророкотал он в ответ и твердо шагнул ко мне. Я тебя схаваю.

— Попробуй.

Он сделал еще шаг, слегка пригнувшись. Я и с пулями до тебя дойду.

— Я их так положу, что не сможешь. Приходилось быть многословным, тянуть время, пока не подоспеют остальные. Я не хотел, чтобы дело дошло до убийства. Мы могли застрелить его из такси. Я не Анни Оукли ([7]), но если с такого расстояния не расшибу тебе двумя выстрелами коленные чашечки, добро пожаловать. И если думаешь, что дырявые коленки большое удовольствие, отведай.

— А черт с тобой, — сказал он и попер.

Я прострелил ему левое колено.

Он ковылял дальше.

Я прострелил ему правое колено. Он обрушился.

— Ты сам виноват, — посетовал я.

Макклур перевернулся и, опершись на руки, сел ко мне лицом.

— Не думал, что у тебя хватит соображения,

---

[7] Примечания: 7

Знаменитая в Америке женщина-снайпер.

прокряхтел он сквозь стиснутые зубы.

Я говорил с Макклуром в больнице. Он лежал на спине, голову его подпирали две подушки. Кожа вокруг глаз и рта побледнела и натянулась, но никаких других признаков боли я не увидел.

— Ну ты изуродовал меня, — сказал он, когда я вошел.

— Извини. Но…

— Я не скулю, сам напросился.

— За что ты убил Святого Джо? — спросил я без подготовки, придвигая стул к кровати.

— Хе… ты попал не по адресу.

Я рассмеялся и сказал ему, что я тот самый, кто был у Джо во время стрельбы. Макклур ухмыльнулся:

— То-то мне почудилось, что я тебя видел раньше. Вот, значит, где. К морде твоей не присматривался главное, чтоб ты руками не шевелил.

— За что ты убил его?

Он поджал губы, скосился на меня, обдумал что-то и сказал:

— Он убил одну бабу знакомую.

— Он убил Сю Хамблтон?

Перед тем как ответить, он довольно долго вглядывался в мое лицо.

— Ага.

— Как ты об этом догадался?

— А чего там догадываться? Сю сказала. Дай курнуть.

Я дал ему сигарету, поднес зажигалку и возразил:

— Это не совсем сходится с другими сведениями. Так что же случилось и что она сказала? Можешь начать с того вечера, когда ты ей навесил.

Он задумался, медленно выпуская дым из ноздрей, потом сказал:

— Зря я дал ей в глаз, это верно. Но понимаешь ты, она весь день шлялась, а где была, не говорит ну и поссорились. Сегодня что?.. Четверг? Значит, это был понедельник. Поссорились, я ушел и заночевал на хавире на Арми-стрит. Домой пришел часов в семь утра. Сю еле живая, но врача вызвать не велит. Совсем непонятно сама испугана, как не знаю кто.

Макклур задумчиво почесал макушку и вдруг набрал полную грудь дыма, одной затяжкой спалив сигарету почти до конца. Потом долго выпускал дым из ноздрей и рта и хмуро глядел на меня сквозь это облако. Наконец грубым голосом сказал:

— Короче, загнулась она. Но до этого сказала,

что ее отравил Святой Джо.

— Сказала, как он дал ей яд?

Макклур помотал головой.

— Я все время спрашивал, в чем дело, но ни черта от нее не добился. Тут опять начинает ныть, что ее отравили. «Я отравилась, Бейб. Мышьяком. Святой Джо, будь он проклят». И больше ничего не сказала. А потом не так чтобы очень много времени прошло и кранты.

— Да? А ты что тогда?

— Со Святым Джо разбираться. Я его знал, только не знал, где он кантуется, до вчерашнего дня. Ты там был, когда я пришел. Сам все видел. А я машину угнал, оставил на Терк-стрит, для отвала. Прибегаю туда, а там фуражка стоит. Подумал, что она уже в розыске, а он заметил ее и дожидается, кто за ней придет. Плюнул на нее, вскочил в трамвай и на товарную станцию. Там нарвался на целую свору, пришлось нырять в пролив под китайской деревней, доплыл до пирса, там сторож, поплыл к другому, ушел от облавы и надо же, вот так нарвался. Я бы не остановил такси, но на нем флажок был поднят: свободно.

— Ты знал, что Сю собиралась сбежать от тебя с Джо?

— От тебя слышу. Да знал я, конечно, что она

крутит, только не знал, с кем.

— Что бы ты сделал, если бы узнал?

— Кто, я? С волчьей улыбкой: А то, что сделал.

— Убил их обоих, — сказал я.

Он погладил большим пальцем нижнюю губу и спокойно спросил:

— Думаешь, я убил Сю?

— Ты.

— Так мне и надо, сказал он. Совсем, видать, сдурел на старости лет. Лясы точить вздумал с легавым. Чего от вас ждать человеку, кроме неприятностей? Ладно, милый, катись отсюда колбасой. Поговорили.

И он замолчал. Я не смог вытянуть из него больше ни слова.

Старик слушал, постукивая по столу концом длинного желтого карандаша, и сквозь очки без оправы смотрел добрыми голубыми глазами мимо меня. Когда я рассказал ему самые последние новости, он вежливо спросил:

— Как себя чувствует Макман?

— Он лишился двух зубов, но череп не поврежден. Дня через два выйдет.

Старик кивнул и спросил:

— Что еще остается сделать?

— Ничего. Мы можем еще раз допросить Пег-

ги Кэррол, но вряд ли узнаем много нового. А в остальном счета более или менее закрыты.

— И каков же ваш вывод?

Я поерзал в кресле и сказал:

— Самоубийство.

Старик улыбнулся мне, вежливо, но с сомнением.

— Да мне самому не нравится, — проворчал я. — И я еще не готов написать отчет. Но ничего другого из этого не складывается. Ядовитая бумага была спрятана за кухонной плитой. Ни один дурак не станет прятать вещь от женщины за ее же плитой. Но сама женщина могла там спрятать.

По словам Пегги, бумага Святого Джо. Если спрятали Сю, значит, она получила бумагу от него. Зачем? Они собирались сбежать вместе и только ждали, когда Джо голова в этом деле добудет деньги. Возможно, они боялись Бейла и держали яд, чтобы скормить ему, если он догадается об их плане. Возможно, они в любом случае хотели отравить его перед отъездом.

Когда я стал говорить со Святым Джо об убийстве, он подумал, что умер Бейб. Может быть, он удивился, но удивился примерно так, как если бы это произошло просто раньше времени. Услы-

шав, что и Сю умерла, он удивился сильнее хотя не так сильно, как при виде живого Макклура, появившегося в окне.

Она умерла, проклиная Святого Джо. Она знала, что отравлена, но не позволила Макклуру вызвать врача. Не означает ли это, что она восстала против Джо, не захотела травить Бейба и сама отравилась? Яд прятали от Бейба. Но если он и нашел яд, я все равно не представляю себе Бейба Макклура в роли отравителя. Он слишком примитивен.

Разве что застал ее за приготовлениями и вынудил саму проглотить яд. Но этим не объяснишь месячной давности следы мышьяка в ее волосах.

— А ваша гипотеза самоубийства объясняет их? — спросил Старик.

— Допускает. Не расшатывайте мою версию. Она и так еле стоит. Но если Сю покончила с собой в этот раз, почему нельзя предположить, что один раз она уже покушалась на самоубийство например, месяц назад, после ссоры с Джо? Вот вам и мышьяк в волосах. Ничем не доказано, что она принимала яд в промежутке между тем разом и позавчерашним днем.

— Ничем не доказано, — мягко возразил Старик, — кроме результатов аутопсии: хроническое

отравление.

Догадки экспертов не та вещь, которая способна помешать моим рассуждениям. Я сказал:

— Они основываются на том, что в останках обнаружено маленькое количество мышьяка меньше смертельной дозы. Но количество яда, обнаруженное в желудке, зависит от того, насколько сильно человека рвало перед смертью.

Старик благосклонно улыбнулся мне и спросил:

— Однако вы сказали, что еще не готовы включить вашу версию в отчет? А пока что каковы ваши дальнейшие намерения?

— Если у нас ничего не горит, я иду домой, прокопчу «Фатимой» мозги и еще раз попробую разложить все по полочкам. Достану, пожалуй, «Графа Монте-Кристо» и просмотрю. Я не читал его с детства. Скорее всего книгу завернули вместе с ядовитой бумагой, чтобы получился толстый сверток, который можно заткнуть между плитой и стенкой. Но может, в самой книге что-то есть. Словом, я посмотрю.

— Я этим занимался вчера ночью, тихим голосом сказал Старик.

Я спросил:

И?..

Он вынул книгу из стола, раскрыл ее на закладке и протянул мне, розовым пальцем показывая абзац.

«Предположите… что вы в первый день примете миллиграмм этого яда, на второй день два миллиграмма; через двадцать дней, прибавляя в день еще по миллиграмму, вы дойдете до трех сантиграммов, то есть будете поглощать без всяких дурных для себя последствий довольно большую дозу, которая была бы чрезвычайно опасна для всякого человека, не принявшего тех же предосторожностей; наконец, через месяц, выпив стакан воды из графина, вы бы убили человека, который пил бы одновременно с вами, а сами вы только по легкому недомоганию чувствовали бы, что к этой воде примешано ядовитое вещество».

— Тогда все, — сказал я. Тогда все. Они боялись сбежать при живом Бейбе, понимали, что он их настигнет. Сю пыталась выработать в себе невосприимчивость к мышьяку, приучить к нему организм, постепенно увеличивая дозу, чтобы в один прекрасный день отравить еду Бейбу и самой есть без опаски. Она захворала бы, но не умерла, и полиция ее не заподозрила бы, потому что она тоже съела отравленную пищу.

Все сходится. После ссоры, в понедельник вечером, когда она написала Уэйлсу записку, убеждая его бежать поскорее, она попыталась форсировать подготовку, стала слишком быстро увеличивать дозы и перебрала. Вот почему перед смертью она проклинала Джо: план-то был его.

— Возможно, что она умерла от передозировки, пытаясь ускорить процесс, согласился Старик, но не обязательно. Есть люди, которые могут выработать в себе невосприимчивость к большим дозам мышьяка, но у них это, по-видимому, природный дар, особое свойство организма. А обычно полная попытка кончается так же, как у Сю Хамблтон, человек медленно травит себя, покуда кумулятивный эффект не приведет к смерти.

Бейба Маккулра повесили через полгода за убийство Святого Джо Уэйлса.

Смерть и К?

Старик пригласил меня в свою контору, представил человеку по имени Чеппл и предложил сесть. Я сел.

Чепплу было лет сорок пять, он был темнокож и плотно сложен. Выглядел несчастным, словно чем-то обеспокоен или обуян страхом. Веки покраснели, под глазами набухли мешки, уголки рта отвисли. Рукопожатие было вялым и безвольным.

Старик взял со стола листок бумаги и подал мне. Это было письмо, написанное корявыми печатными буквами.

> Мартин Чеппл!
>
> Если вы хотите увидеть свою жену в живых, то выполните то, что здесь сказано. Ровно в полночь подойдите к углу Турк-стрит и Ларкин-стрит и положите 5000 долларов 100-долларовыми купюрами под кучу кирпичей у входа на стройку. Если вы этого не сделаете или если обратитесь в полицию, или попытаетесь пометить купюры, то завтра утром по-

лучите письмо с сообщением, где найти труп вашей жены.

Это не пустая угроза.

Смерть и К?

Я положил письмо обратно на стол.

— Миссис Чеппл отправилась вчера в театр и не вернулась, — сказал старик. — Это письмо поступило к мистеру Чепплу с утренней почтой.

— Скажите, она отправилась в театр одна? — обратился я к Чепплу.

— Не знаю, — усталым голосом ответил он. — Когда я собирался после обеда в свою контору, она сказала, что пойдет в театр. Но не сказала, с кем и на какой спектакль.

— А с кем она обычно ходила?

Он недоуменно пожал плечами

— Я мог бы назвать вам ее ближайших подруг, хотя это вряд ли поможет. Когда она не вернулась, я обзвонил всех, но безуспешно.

— Есть у вас какие-нибудь предположения?

Он опять недоуменно пожал плечами.

— Есть у вас враги? Может быть, вы или она кого-то обидели? Припомните хорошенько, даже если это было давно или вы считаете обиду пустяковой. Это обычно служит причиной по-

хищения.

— Нет, насколько мне известно, — устало ответил он. — Я уже думал об этом.

— В какой области вы работаете? Чем занимаетесь? — Спросил я.

Он был ошеломлен этим вопросом. Но все же ответил:

— У меня рекламное бюро.

— Как насчет людей, которых вы уволили?

— Единственный, кого я уволил, это Джон Хеккер, но он нашел куда лучшее место у моего конкурента. И мы всегда ладили с ним.

Я бросил взгляд на старика. Он внимательно следил за нашей беседой, хотя и делал вид, что его, руководителя конторы, все это не касается. Я откашлялся и снова обратился к Чепплу:

— Прошу прощения, однако мне придется задать вам несколько… ну скажем, нескромных вопросов. Вы позволите?

Он вздрогнул, как бы зная, о чем пойдет речь, затем кивнул.

— Олл райт.

— Скажите, бывало ли, что ваша жена проводила ночь вне дома?

— Нет; во всяком случае, я всегда знал, где она была. — Он беззвучно пошевелил губами. — Я

догадываюсь, о чем вы хотите спросить. Лучше не задавайте вопросов, я постараюсь рассказать сам.

— Да, так будет лучше, — подтвердил я. — Вы, конечно, понимаете, что эти вопросы не доставили бы мне удовольствия.

— Да, понимаю, — согласился Чеппл. Он глубоко вздохнул и заговорил быстрее. — Я никогда не имел повода думать, что она ходит куда-либо тайком от меня. Или что у нее есть поклонники, о которых мне не известно. Именно это вы хотели бы знать, не так ли? — спросил он жалобным тоном.

— Да, благодарю вас. — Затем я обратился к старику, который, очевидно, предпочитал молчать, если ему не задавали вопросов. — А что вы думаете обо всем этом?

Мой шеф вежливо улыбнулся, словно бы все это его не касалось, и проговорил:

— Вы сами знаете теперь все обстоятельства этой истории. Что бы вы посоветовали мистеру Чепплу?

— Разумеется, он должен прежде всего уплатить выкуп, — ответил я. — Это неприятно, но таков единственно возможный способ обращения с похитителями, если хотите спасти жертву.

Господа из фирмы «Смерть и К?» не слишком разумно выбрали пустующий участок. Их можно запросто схватить там. — Затем я изменил тон и обратился к Чепплу:

— Вы сможете достать деньги?

— Да.

— А как насчет полиции? — спросил я шефа.

— Нет, нет, никакой полиции, — вмешался Чеппл. — Не хотите же вы смерти моей жены…

Я перебил его:

— Мы обязаны поставить полицию в известность, чтобы она могла вмешаться, как только ваша жена вернется. В лучшем случае мы можем просить полицию подождать до поры до времени. Вы не согласны? — снова обратился я к старику.

Он кивнул и потянулся к телефону.

— Это возможно. Сейчас я приглашу сюда инспектора уголовной полиции Филдинга и кого-нибудь из прокуратуры.

Вскоре появились Филдинг и сотрудник прокуратуры Мак Фи. Вначале они хотели было сосредоточить к полуночи половину полицейских Сан-Франциско вокруг кучи кирпичей на углу Турк-стрит и Ларкин-стрит. Но постепенно нам удалось образумить чиновников: мы доказали с помощью статистики похищений, что если

уплатить выкуп, а затем попытаться схватить преступников, то оказывается куда больше шансов спасти жертву.

…В половине двенадцатого Чеппл вышел из своего дома с пятью тысячами долларов, обернутыми в серую бумагу. В двадцать минут первого он вернулся. Его тело била дрожь, рубашка насквозь пропотела, в лице не было ни кровинки.

— Деньги положил, — сообщил он. — Но никого не видел. — Я налил ему бокал виски из его собственных запасов.

Почти всю ночь он ходил из угла в угол. Я прикорнул на диване и раз десять слышал сквозь дрему, как он подходил к входной двери, открывал ее и выглядывал на улицу. Сотрудники уголовной полиции Мур и Каллаген улеглись тут же спать. Все мы расположились на ночь в доме Чеппла, чтобы как можно быстрее получить от миссис Чеппл сведения о ее похитителях.

Однако она так и не появилась.

В девять утра заверещал телефон. Звонили Каллагену. Он выслушал, положил трубку и состроил кислую мину:

— За деньгами до сих пор не приходили.

Чеппл вытаращил глаза:

— Значит, за этим местом следили?

— Разумеется, — ответил Каллаген, — но очень осторожно. Мы поставили наблюдателей с полевыми биноклями в зданиях по соседству. Их невозможно обнаружить.

Чеппл обернулся ко мне. Его лицо было охвачено ужасом. В этот момент позвонили в дверь. Чеппл бросился в прихожую и тотчас вернулся, разрывая нетерпеливыми руками конверт.

Нашим взорам предстал еще один листок, испещренный корявыми печатными буквами:

Мартин Чеппл!

Мы получили деньги, но нынче в ночь должны получить от вас еще столько же, в то же время и там же, где вчера. На этот раз мы твердо обещаем отпустить вашу жену живой. Если вы сообщите хоть одно слово полиции, то знаете, чем это грозит.

Смерть и К?

— Черт подери! — прорычал Каллаген.

— Эти наблюдатели совсем ослепли! — заметил Мур.

Я взглянул на почтовый штемпель. Письмо было отправлено рано утром.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я Чеппла.

— Я готов отдать все до последнего цента, лишь

бы жена вернулась целой и невредимой.

…За полчаса до полуночи Чеппл опять понес пять тысяч. Вернувшись, он сообщил:

— Вчерашние деньги исчезли.

Эта ночь прошла так же, как предыдущая. С единственной разницей: надежда Чеппла на возвращение жены стала куда слабее. И хотя никто не говорил об этом, все были уверены, что наутро придет письмо с требованием очередных пяти тысяч.

И письмо действительно пришло:

Мартин Чеппл!

Мы предупреждали: полицию не впутывать. Вы не послушались. Теперь направьте полицию в 303-й номер отеля на Пост-стрит, 895. Там вы найдете обещанный нами труп.

Смерть и К?

Каллаген бросился к телефону. Я положил руку на плечо Чеппла, ибо он шатался и, казалось, вот-вот упадет. Однако он взял себя в руки и со злостью повернулся ко мне:

— Вы убили ее!

— Заткнитесь! — оборвал его Мур. — Нужно идти.

Мур, Чеппл и я сели в машину Чеппла, которая обе эти ночи стояла возле дома. В последний

момент к нам присоединился и Каллаген.

Путь до Пост-стрит занял не более десяти минут. Еще две минуты ушли на поиски хозяйки и получение ключей. Затем мы поднялись в 303-й номер.

На полу в гостиной лежала на спине стройная женщина с рыжими кудрями. Она была мертва уже давно, это было видно даже по цвету лица. Коричневый купальный халат явно мужского типа был задран, из-под него виднелось розовое белье. На ней были чулки: одна из ночных туфель держалась на ноге, другая валялась рядом.

На лице, на шее и на других видимых частях тела были большие синяки. Глаза были навыкате, язык выпал изо рта. Над ней надругались и затем удушили.

Вскоре появились чины уголовной полиции и полицейские в форме. Мы приступили к обычному расследованию.

Хозяйка показала, что этот номер снимал мужчина по имени Гаррисон М. Рокфилд. Она описала его: лет тридцати пяти, ростом метр восемьдесят, худощав, по виду килограммов на семьдесят, блондин с голубыми или серыми глазами. Весьма любезен, хорошо одевался. Месяца три жил здесь в одиночестве. Утверждала, что не знает его дру-

зей; ни разу не видела и миссис Чеппл. Последние три дня не видела также мистера Рокфилда, но в этом не было ничего необычного: порой она не видела некоторых своих постояльцев неделями.

В комнатах мы нашли много одежды, и хозяйка заверила нас, что вся она принадлежала Рокфилду. Эксперты обнаружили немало отпечатков пальцев; мы надеялись, что их оставил Рокфилд.

В соседних номерах не нашлось никого, кто слышал что-либо. В конце концов мы пришли к убеждению, что миссис Чеппл была убита в ту же ночь, когда впервые не вернулась домой.

— Но почему же? — спрашивал Чеппл, совершенно подавленный всем происшедшим.

— Из соображений безопасности, — отвечали криминалисты. — Чтобы ее не обнаружили, пока не оберут вас до нитки. Она ведь не слабая и хрупкая женщина; было бы затруднительно насильно удерживать ее в этом номере взаперти.

Один из детективов обнаружил пачку стодолларовых купюр, которые Чеппл минувшей ночью запрятал между кирпичами. Затем я направился вместе с Каллагеном в полицейское управление, чтобы порасспросить людей, наблюдавших той ночью в бинокли. Они клялись и божились, что там никто не появлялся, кого бы они не заметили,

что ни одна собака даже не подходила близко.

— Вы уверены в этом? — подозрительно переспросил Каллаген. — Но тем не менее кто-то там побывал. Унес же кто-то деньги!

Меня позвали к телефону. Это был Чеппл.

— Они звонили, — прохрипел он в трубку. — Когда я входил в дом, телефон уже надрывался.

— Кто «они»?

— «Смерть и компания», — ответил он. — И они сказали, что теперь доберутся до меня. Они сказали: «Это говорит „Смерть и компания“, и теперь твоя очередь».

— Сейчас приеду, — ответил я. — Сидите и ждите меня.

Я передал содержание разговора Каллагену. Тот поморщился:

— Мы опять имеем дело с одним из проклятых сумасшедших убийц, проворчал он.

Когда я пришел, Чеппл был в жалком состоянии. Он дрожал, словно бы замерзая. От страха у него перехватило дыхание.

— Дело в том… дело не в том, что я боюсь, — пытался он объяснить. Дело в том… Я не такой уж трус, но… Но это, с Луизой… И еще шок… и я…

— Понимаю, — успокоил я его. — И вы, конечно, не могли уснуть в последние дни. Кто ваш врач?

Я позвоню ему.

Он нехотя возражал, но все же назвал своего врача. Когда я направился к телефону, раздался звонок. Это был Каллаген.

— Мы установили отпечатки пальцев, — торжественно объявил он. — Они принадлежат Дику Молли. Знаете такого?

— Еще бы! — ответил я. Не хуже вас.

Молли был игроком, отъявленным бузотером и был замешан в разных скандальных историях. К закону он относился с презрением. Но улик против него обычно не было.

— Итак, если мы его возьмем, предстоит борьба, — продолжал по телефону Каллаген. — Вы ведь знаете, какой это крепкий орешек. А если опять выйдет сухим, то еще посмеется над нами.

— Это мне понятно, — согласился я. И пересказал наш разговор Чепплу. Его лицо потемнело от ярости, голос задрожал, словно он услышал имя человека, совершившего убийство его жены.

— Вы когда-нибудь слышали о Молли?

Он отрицательно покачал головой и продолжал глухим хриплым голосом изрыгать проклятья.

— Хватит! — прикрикнул я. — Ругань не поможет. Я знаю, где можно найти Молли. Он вытаращил глаза:

— Где?

— Хотите пойти со мной?

— Еще бы не хотеть! — заорал он. Вялости и слабости как не бывало.

— Возьмите шляпу, — посоветовал я. — Пойдемте. Он помчался наверх за шляпой. Потом по пути к машине задавал множество вопросов, на которые я отвечал одно и то же: «Потерпите». Однако едва мы оказались в машине, он поник.

— Что случилось? — спросил я.

— Не могу, — прошептал он. — Помогите мне вернуться домой… Врача…

— Олл райт. — Мне пришлось почти втащить его в дом. Я уложил его на диван и попросил служанку принести воды. Затем позвонил врачу, но того не оказалось на месте. Спросил Чеппла, не вызвать ли другого врача. Он возразил слабым голосом:

— Не нужно. Обойдется… Поторопитесь… Этот дьявол…

Я вышел на улицу, взял такси и поехал. Завернул за ближайший угол и остановился.

…Двадцать минут спустя некто в сером поднялся по лестнице дома Чеппла и позвонил. Это был Дик Молли — он же Гаррисон М. Рокфилд, который нагрянул совершенно неожиданно. Я

предполагал увидеть, как Чеппл куда-то отправится, но не думал, что придут к нему домой. Прежде чем я успел подняться, Молли захлопнул за собой дверь. Я стал трезвонить, как сумасшедший.

В ответ за дверью прогремел выстрел, потом еще один. Я разбил рукояткой пистолета дверное стекло, протянул левую руку и стал нащупывать замок.

Раздался еще один выстрел; пуля ударилась в остатки дверного стекла, и осколки полетели в разные стороны. Но замок я уже открыл. Затем толкнул дверь и сделал несколько выстрелов наудачу. В темноте произошло какое-то движение. Что-то грузно упало. Я снова выстрелил, ориентируясь по звуку.

— Довольно! — раздался голос из глубины дома. — Перестаньте стрелять. Я потерял свой пистолет.

Я удивился: этот голос не принадлежал Чепплу. Под лестницей я нашел выключатель. Загорелся свет.

Дик Молли сидел в конце зала на полу и зажимал рукой рану на ноге.

— Паршивая служанка испугалась и заперла дверь, — проворчал он, как бы оправдываясь. —

Не то я удрал бы через черный ход.

Я подошел к нему, держа пистолет наготове.

— Я ранил вас в ногу или еще куда-нибудь?

— К счастью, больше никуда, — ответил он. — Но я бы все же справился с вами, если бы не потерял в темноте пистолет.

— Если бы да кабы, — съязвил я. — Ну ладно. Рана на ноге это пустяк. Об остальном можете не беспокоиться, если, конечно, вы не убили Чеппла.

Он засмеялся:

— Боюсь, что убил. Вряд ли он остался жив с двумя пулями сорок пятого калибра в голове.

— Довольно глупая выходка с вашей стороны, — заметил я.

— Это лучшая работа, которую я когда-либо выполнял, — похвастался он.

— Вы так думаете? — возразил я. — А если я расскажу, что только и ждал очередного хода Чеппла, чтобы арестовать его за убийство собственной жены?

Он вытаращил глаза.

— ...и вы своим появлением здесь все испортили, — продолжал я. Надеюсь, вас за это вздернут. Я наклонился над ним и перочинным ножом разрезал штанину. — Что вы, собственно, сделали?

Вы смылись, когда обнаружили в своем номере труп Луизы Чеппл, ибо думали, что с вашим прошлым не вывернуться из этой истории. А когда услышали по радио, в чем вас обвиняют, то совсем потеряли рассудок и наломали дров.

— Пожалуй, — согласился он. Потом продолжал: — Но я все же не уверен, что чересчур ошибся. У меня такое чувство, как если бы я… воздал ему по заслугам.

— Вы, — и ваши чувства! — воскликнул я. — Он так и так был бы арестован. Он поступил бессмысленно, если не сказать неразумно. В первую ночь никто не забрал денег, но к следующей они все же исчезли. Так по крайней мере он утверждал. У нас ведь было только его утверждение, что он положил деньги, и не обнаружил их в следующую ночь. Когда же он узнал, что за участком велось наблюдение, то на вторую ночь положил деньги и написал письмо, согласно которому «Смерть и компания» узнала, что он обращался в полицию. А ведь мы и это хранили в тайне. А потом — способ, которым он попытался свалить вину на вас, когда запахло жареным. Нет, вы поступили глупо, Молли. Мы ведь тоже не столь наивны; оставь вы его в покое, он был бы арестован. Мы передали в газеты и на радио сообщение, а потом ждали,

что вы объявитесь и дадите показания, освобождающие вас от каких бы то ни было подозрений. Кроме, конечно, соблазнения его жены — но ведь за это не наказывают. А его мы бы повесили. Я наложил на его рану повязку из моего кашне. — Но вы просто не смогли оказаться столь разумным. Кстати, долго ли вы были ее возлюбленным?

— Всего пару месяцев, — ответил он. — Но она была для меня не просто очередной женщиной. Я относился к ней серьезно.

— Как же случилось, что он застал ее в номере одну?

Он покачал головой:

— Очевидно, следил за ней в тот день, когда она сказала, что идет в театр. А может, следил, когда я выйду из отеля. Мне нужно было в город по делам, отсутствовал я не больше часа. А когда вернулся, она уже остыла. — Он почесал голову. — Но я не думаю, что она открыла на звонок. Вероятно, он сумел подделать ключ.

Появились полицейские, вызванные перепуганной служанкой.

— Вы полагаете, он с самого начала действовал по этому плану? — спросил Молли.

— Вряд ли. Я думаю, что он убил жену в порыве ревности, а уж потом придумал всю эту историю

со «Смертью и компанией».

Большой налет

Пэдди Мексиканца я нашел в шалмане Ларoя. Пэдди, симпатичный аферист, с виду — король Испании, оскалил в улыбке все свои крупные белые зубы, толкнул ко мне ногой стул и сказал сидевшей напротив девушке:

— Нелли, познакомься с самым благородным сычом в Сан-Франциско. Этот дядя сделает для тебя все на свете — лишь бы закатать тебя потом на пожизненное. — И, повернувшись ко мне, показал на девушку сигарой: — Нелли Уэйд, и ей ты ничего не воткнешь. Ей работать ни к чему, у нее отец бутлеггер.

Нелли: тоненькая девушка в голубом; кожа белая, глаза продолговатые, зеленые; короткие каштановые волосы. Ее хмурое лицо ожило и похорошело, когда она протянула мне через стул руку, и мы оба посмеялись над Пэдди.

— Пять лет? — спросила она.

— Шесть, — поправил я.

— Черт, — сказал Пэдди, ухмыляясь и подзывая официанта. — Когда же я обману хоть одного легавого?

До сих пор он обманывал всех — он ни разу не ночевал в тюрьме. Прейс Кардиган раздела до нитки пятерых молодых людей в Филадельфии. Мы с Даном Мори поймали ее, но потерпевшие не захотели давать показания, и ее выпустили. Девчонке шел тогда двадцатый год, но она была уже ловкой мошенницей.

Посреди зала одна из артисток Лароя запела: «Скажи, чего ты хочешь, и я скажу, чего я дам.» Пэдди долил джину в стаканы с имбирным ситро, принесенные официантом. Мы выпили, и я дал Пэдди клочок бумаги, где были карандашом написаны фамилия и адрес.

— Горячка-Мейкер просил передать, — объяснил я. — Вчера его видел на Фолсомской даче. А это будто бы его мать, просил тебя заглянуть к ней — не нужно ли ей чего. Как я понимаю, это значит, что ты должен отдать ей его долю с последнего вашего дела.

— Ты меня обижаешь, — сказал Пэдди, пряча бумажку и снова извлекая из-под стола бутылку джина.

Я опрокинул второй стакан и подобрал уже ноги, налаживаясь домой. В это время с улицы вошли четверо новых посетителей. Узнав одного, я остался сидеть. Он был высок, строен и наря-

жен во все, что полагается иметь на себе хорошо одетому человеку. Остроглазый, остролицый, с тонкими, как лезвия, губами и остроконечными усиками — Бритва Вэнс. Я удивился: что он делает в пяти тысячах километров от своих нью-йоркских охотничьих угодий? Пока я дивился, я повернулся к нему затылком, сделав вид, будто слушаю певицу, которая пела теперь посетителям: «Стать бы мне бродягой». За ней, в углу, я заметил другую знакомую личность из другого города — Фарта Джима Хакера, круглого и румяного детройтского бандита, дважды приговоренного к смерти и дважды помилованного.

Когда я снова принял нормальную позу, Бритва Вэнс и трое его товарищей уже расположились за два стола от нас. Он сидел ко мне спиной. Я оглядел его соседей.

Напротив Вэнса сидел молодой великан, рыжий, голубоглазый, румяный, с красивым — на свирепый и грубый манер — лицом. Слева помещалась смуглая девушка с бегающими глазами, в понурой шляпке. Она беседовала с Вэнсом. Внимание рыжего гиганта было приковано к четвертой персоне. Она того заслуживала.

Она не была ни высокой, ни низкой, ни худой, ни пухлой. На ней была черная косоворотка с

зеленой вышивкой и серебряными штучками. На спинке ее стула висело черное манто. Лет около двадцати. Глаза у нее были синие, рот алый, зубы белые, локоны, видневшиеся из-под черно-зелено-серебряной шляпки, — темно-каштановые; и был у нее носик. Словом, если не воспаляться из-за деталей, она была миленькая. Так я и сказал. Пэдди Мексиканец согласился: «Ничего»; а Анжела Грейс предложила мне подойти и сказать О'Лири, что она мне нравится.

— О'Лири — это большой? — спросил я, сползая на стуле так, чтобы протянуть ногу между Пэдди и Анжелой. А кто его красивая подруга?

— Нэнси Риган, а та — Сильвия Янт.

— А принц, спиной к нам?

Под столом ботинок Пэдди вместо ее ноги ударил по моей.

— Не пинай меня, Пэдди, — взмолился я. — Больше не буду. Впрочем, хватит мне сидеть здесь, зарабатывать синяки. Домой пора.

Я попрощался и пошел к двери, держась к Бритве Вэнсу спиной. В дверях мне пришлось уступить дорогу двум новым гостям. Оба меня знали, но оба прошли индифферентно — Еврей Холмс (другой, не тот ветеран, который устроил налет в Мус-Джоу в веселые старые дни) и Дэнни

Берк, Король Лягушачьего острова в Балтиморе. Славная парочка — обоим в голову не придет отнять чужую жизнь без гарантированной выручки и политического прикрытия.

Я направился к Керни-стрит, думая на ходу о том, что сегодня вечером притон Ларoя полон воров и почему так много среди них выдающихся гастролеров. Тень в подъезде нарушила мою умственную работу. Тень сказала:

— Тсс!

Я остановился и стал разглядывать тень, пока не признал в ней Бино, кокаиниста- газетчика, который, случалось, подкармливал меня сведениями когда верными, когда нет.

— Спать хочу, — проворчал я, — а байку про заику-мормона я слышал, так что, если ты насчет этого, скажу сразу, и я пошел.

— Не знаю я ни про каких мормонов, — возразил он. — Но кое-что знаю.

— Ну?

— «Ну» — это легче всего сказать, а я хочу знать, что я с этого имею.

— Найди подъезд почище и вздремни, — посоветовал я. — Ты поправишься, когда проспишься.

— Нет! Послушайте, я правда знаю. Честно! Слушайте! — Он придвинулся, зашептал: — Го-

товится дело в национальном банке Симена. Какое дело, не знаю, но это точно. Это не брехня. Честно! Назвать никого не могу. Вы же знаете, я сказал бы, если знал. Честно. Дайте десятку. Ведь за такое не дорого. Сведения верные — честно.

— Верные — из понюшки.

— Не, не, не! Честно, я…

— Так какое же будет дело?

— Я не знаю. Я слышал только, что Симена возьмут. Не…

— Где слышал?

Бино затряс головой. Я сунул ему в руку серебряный доллар.

— Понюхай еще и придумай остальное, — сказал я ему. — Получится интересно — добавлю до десятки.

Я шел к углу, ломая голову над рассказом Бино. Сам по себе он смахивал на то, чем, возможно, и был — басней, придуманной, чтобы выманить доллар у доверчивого легаша. Но он существовал не сам по себе. Притон Лароя — а в городе он был не один такой — ломился от публики, опасной для жизни и имущества. Тут стоило пораскинуть мозгами — тем более что компания, застраховавшая национальный банк Симена, была клиентом сыскного агентства «Континентал».

За углом, пройдя десяток шагов по Керни-стрит, я остановился.

На улице, где я только что был, грохнуло два раза — выстрелы крупнокалиберного пистолета. Я повернул обратно. За углом я увидел на тротуаре кучку людей. Молодой армянин, пижонского вида, малый лет девятнадцати-двадцати, прошел навстречу — лениво, руки в карманах, насвистывая: «У Сью разбито сердце».

Я присоединился к кучке — превратившейся уже в толпу — вокруг Бино. Бино был мертв — кровь из двух дыр в груди пачкала смявшиеся под ним газеты.

Я вернулся к Ларою и заглянул туда. Рыжего О'Лири, Бритвы Вэнса, Нэнси Риган, Сильвии Янт, Пэдди Мексиканца, Анжелы Грейс, Деэнни Берка, Еврея Холмса, Фарта Джима Хакера — никого из них не было.

Возвратившись к Бино, я постоял там, прислонясь к стене, и посмотрел, как приехала полиция, поспрашивала зевак, ничего не выяснила, свидетелей не нашла и отбыла, захватив с собой то, что осталось от газетчика.

Я пошел домой спать.

Утром я просидел час в архиве агентства, копаясь в папках и в нашей картинной галерее.

На Рыжего 0'Лири, Дэнни Берка, Нэнси Риган и Сильвию Янт у нас ничего не было насчет Пэдди Мексиканца — только догадки. Не было заведено и дел на Анжелу Грейс, Бритву Вэнса, Еврея Холмса и Джима Хакера, но их фотографии имелись. В десять — час открытия банка — я отправился в национальный банк Симена, имея при себе эти снимки и рассказ Бино.

Сан-францисское отделение сыскного агентства «Континентал» помещается в конторском здании на Маркет-стрит. Национальный банк Симена занимает нижний этаж высокого серого дома на Монтгомери-стрит, в финансовом центре города. В другое время — поскольку даже семь кварталов пройти без нужды считаю излишним — я сел бы в трамвай. Но на Монтгомери-стрит была какая-то пробка, и я отправился пешком, по Гранд-авеню.

Через несколько кварталов я ощутил, что в том районе, куда я иду, не все ладно. Во-первых, звуки: шум, треск и как будто взрывы. У Саттер-стрит мне встретился человек, который держался обеими руками за лицо, со стоном пытаясь вправить вывихнутую челюсть. Щека у него была ободрана в кровь.

Я свернул на Саттер-стрит. Затор — до самой

Монтгомери. Всюду бежали взволнованные люди без шляп. Взрывы слышались ближе. Машина, набитая полицейскими, обогнала меня на предельной скорости, какая была сейчас доступна. Проехала «скорая помощь», звеня колоколом, забирая по тротуару там, где движение было гуще. Керни-стрит я пересек рысью. По другой стороне бежали двое патрульных. У одного в руке пистолет. Выстрелы впереди слились в барабанную дробь.

Свернув на Монтгомери, я увидел впереди несколько зевак. Мостовая была запружена грузовиками, такси, открытыми машинами — брошенными. Следующий квартал, от Буш- до Пайн-стрит, был — пекло в праздник.

Праздничное настроение было выше всего в середине квартала, где стояли через улицу национальный банк Симена и трест-компания «Золотые ворота».

В следующие шесть часов у меня было больше дел, чем у блохи на пуделе.

К концу дня я прервал охоту и пошел в агентство потолковать со Стариком. Он уютно сидел в кресле, смотрел в окно и постукивал по столу своим неизменным желтым карандашом.

Этот высокий дородный человек на восьмом

десятке, с белыми усами, младенчески- розовым лицом, кроткими глазами, в очках без оправы — начальник мой, и душевности в нем — как в веревке палача. Пятьдесят лет сыска в «Континентале» высосали из него все, кроме мозгов и этой улыбчатой вежливой кожуры, всегда одинаковой — плохо ли идут дела, хорошо ли — и одинаково ничего не значащей в обоих случаях. Мы, подчиненные, гордились его хладнокровием. Мы хвастались, что он может плеваться сосульками в июле, и между собой звали его Понтием Пилатом — за вежливую улыбку, с которой он посылал нас на убийственные задания.

Когда я вошел, он отвернулся от окна, кивнул мне на кресло и разгладил карандашом усы. Вечерние газеты на его столе на все голоса заливались об ограблении национального банка и компании «Золотые ворота».

— Какова обстановка? — спросил он, как спрашивают о погоде.

— Обстановка-люкс, — сказал я. — Полтораста воров вышли на операцию если таковая была. Сотню я видел сам — если это не сон, и многих не видел рассаженных там, откуда можно выскочить и укусить, когда понадобятся свежие зубы. И они кусали. Они устроили полицейским засаду

и дали им прикурить — не один раз. На банки напали ровно в десять, захватили весь квартал, благоразумных выгнали, остальных уложили. Сама выемка — пара пустяков для банды такого размера. По двадцать — тридцать человек на банк, пока остальные держали улицу. Всех дел — завернуть добычу да отвезти домой.

Сейчас там идет собрание разъяренных бизнесменов: акционеры встали на дыбы и требуют голову начальника полиции. Полиция чудес не творила, это факт, но ни одна полиция не справится с работой таких масштабов — как бы хорошо она о себе ни думала. Все длилось меньше двадцати минут. Полтораста, скажем, бандитов, вооруженных до зубов, и каждый их шаг расписан до сантиметра. Где вы возьмете столько полицейских, как оцените обстановку, спланируете бой и развернете его в такое короткое время? Легко сказать, что полиция должна заглядывать вперед, быть готовой к любой неожиданности — но те же умники, которые кричат сейчас «Подлость!», первыми заверещат «Грабеж!», если к их налогам накинут цент-другой на покупку лишних полисменов и снаряжения.

Тем не менее полиция осрамилась, это ясно, — не один мясистый загривок ляжет под топор.

Броневики ничего не дали, игра гранатами закончилась один один, поскольку бандиты тоже умели в нее играть. Но главным позором были полицейские пулеметы. Банкиры и маклеры говорят, что было вредительство. Нарочно их испортили или хранили небрежно — Бог их знает, но работала только одна из этих спринцовок, и то неважно.

Отвал был по Монтгомери и Колумбус-стрит. На Колумбус процессия растаяла — по нескольку машин в переулок. Между Вашингтон — и Джексон-стрит полицейские попали в засаду, и пока они пробивались, машины с бандитами успели рассеяться по всему городу, многие из них уже найдены — пустыми.

Полного отчета еще нет, пока что картина складывается такая. Сорвано Бог знает сколько миллионов — без сомнения, самая большая добыча, захваченная гражданским оружием. Шестнадцать полицейских убито и втрое больше ранено, двенадцать посторонних зрителей, банковских служащих и так далее погибли, и примерно стольким же сильно досталось. Тяжело ранены два бандита и пять неизвестных — возможно, воры, возможно, зрители, подошедшие слишком близко. Налетчики потеряли семь

человек убитыми и тридцать один задержан — большей частью подранки.

Среди убитых — Пузырь Кларк. Помните его? Это он три или четыре года назад сбежал, отстреливаясь, из зала суда в Де-Мойне. Так вот, в кармане у него мы нашли листок: карту Монтгомери-стрит от Пайн до Буш — место ограбления. На обороте карты напечатаны точные предписания, что ему делать и когда, крестиком на карте показано место, где он должен поставить машину, на которой приедет со своими семью людьми; кружком — где он должен с ними стоять, следя за ходом событий в общем и за окнами и крышами на другой стороне — в частности. Цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 на карте обозначены подъезды, лестницы, ниши, которые должны служить укрытием, если придется вести перестрелку с этими окнами и крышами. Кларк не должен обращать внимания на Буш-стрит, но если полиция нападет со стороны Пайн-стрит, он бросает своих людей туда и расставляет их в точках a, b, c, d, e, f, g (его тело найдено в точке a). В течение налета, каждые пять минут, он посылает человека к машине, которая стоит на месте, отмеченном звездочкой, — за новыми распоряжениями, если таковые будут. Он должен сказать своим людям,

что, если его подстрелят, один из них докладывает об этом штабной машине, и к ним направляют нового начальника. Когда дадут сигнал уходить, он должен послать одного человека за машиной, на которой они прибыли. Если машина исправна, она едет к ним, не обгоняя впереди идущей. Если она не заводится, человек идет к штабной за указаниями, где достать новую. Тут они, видимо, рассчитывали на чужие машины, оставленные на улице. Дожидаясь транспорта, Кларк со своими людьми поливает свинцом каждую цель в его секторе, и ни один из них не лезет в машину, пока она с ними не поравняется. Затем они едут по Монтгомери, по Колумбус и — испаряются.

— Понятно? — спросил я. — Полтораста налетчиков разбиты на отряды — с командирами, картами, схемами, где показано, что делать каждому: за каким пожарным краном присесть, на какой кирпич поставить ногу, куда плюнуть все, кроме фамилии и адреса полицейского, которого надо свалить. Невелика беда, что Бино не рассказал мне подробностей — я все равно счел бы их бредом наркомана.

— Очень интересно, — произнес Старик с вежливой улыбкой.

— Других расписаний, кроме Кларкова, мы не

нашли. Я видел несколько друзей среди убитых и пойманных, и полиция еще пытается опознать остальных. Часть из них — местные дарования, но больше, кажется, привозного товара. Детройт, Чи, Нью-Йорк, Сент-Луис, Денвер, Портленд, Лос-Анджелес, Филадельфия, Балтимор — все прислали делегатов. Как только полиция покончит с опознанием, я составлю список.

Из тех, кого не поймали, самая важная птица, по-моему, — Вэнс. Он был в машине, которая командовала налетом. Кто еще там сидел — не знаю. На празднествах присутствовал Дрожащий Мальчик и, кажется, Азбука Маккой, хотя его я толком не разглядел. Сержант Бендер сказал мне, что видел Цыпу Сальду и Котелка Маклоклина, а Морген заметил Такого-Сякого. Это хороший поперечный разрез компании — арапы, стопщики, мокрушники со всей страны.

Дворец юстиции сегодня больше похож на бойню. Никого из гостей полиция не убила, насколько я знаю, но кожа на них будет отваливаться. Журналистам, которые любят порыдать о том, что у них называется третьей степенью, стоило бы туда заглянуть. После хорошей бани кое-кто из гостей заговорил. Но в том-то и чертовщина, что всего они не знают. Они знают

некоторые имена: Дэнни Берк, Фрей Тоби, Старик Пит Бест, Пузырь Кларк и Пэдди Мексиканец названы — но все лошадиные силы полиции не выбьют из них больше ничего.

Дело, по-видимому, было организовано так: Дэнни Берк, к примеру, широко известен как военный артист в Балтиморе. Теперь этот Дэнни беседует с восемью или десятью подходящими ребятами — по очереди. «Как ты смотришь на то, чтобы подзаработать на Западном побережье?» — спрашивает он. «А делать что?» — интересуется кандидат. «Делать что тебе скажут, — отвечает ему Король Лягушачьего острова. — Ты меня знаешь. Я тебе говорю: дело жирное, дело верное, раз — и ваших нет. Все, кто пойдет, вернутся богатыми — и вернутся все, если не будут мух считать. Больше я ничего не говорю, а не подходит — разговора у нас не было».

Все эти субчики знают Дэнни, и, если он сказал, что дело верное, им этого довольно. И они соглашаются. Он им ничего не объясняет. Он велит им взять пистолеты, каждому выдает двадцать долларов и билет до Сан-Франциско и договаривается о месте встречи. Вчера вечером он их собрал и сказал, что налет будет утром. Они уже поболтались по городу и знают, что тут полно

гастролеров, среди прочих — такие молодцы, как Цыпа Сальда, Бритва Вэнс и Дрожащий Мальчик. И утром во главе с Королем Лягушачьего острова отправляются на дело.

Остальные расколовшиеся изобразили примерно такую же картину. Несмотря на тесноту в тюрьме, полиция наша нашла свободные места и запустила наседок. Бандиты в большинстве друг с другом не знакомы, работать наседкам было легко, но единственное, что они сообщили нового, — арестованные сегодня ночью ожидают оптового освобождения. По-видимому, думают, что банда нападет на тюрьму и выпустит их. Скорее всего, это сказки, но, так или иначе, полиция теперь приготовилась.

Таково положение на этот час. Полиция прочесывает улицы и забирает всех небритых и всех, у кого нет справки от приходского священника о посещении церкви, — с особым вниманием к отбывающим поездам, пароходам и автомобилям. Я послал Джека Конихана и Дика Фоули на Северный берег — поболтаться по кабакам, послушать, о чем там говорят.

— Как вы полагаете, задумал операцию и руководил ею Бритва Вэнс? спросил Старик.

— Надеюсь… мы его знаем.

Старик повернулся в кресле, посмотрел кроткими глазами в окно и задумчиво постучал по столу карандашом.

— Боюсь, что нет, — возразил он, как бы извиняясь. — Вэнс — хитрый, находчивый и решительный преступник, но у него есть слабость, общая для людей этого типа. Его стихия — непосредственное действие… не планирование. Он провел несколько крупных налетов, но мне всегда мерещился за ними еще чей-то ум.

Я не мог с ним препираться. Если Старик говорил, что дело обстоит так, то так оно скорее всего и обстояло; он был из тех осмотрительных, которые увидят ливень за окном и скажут: «Кажется, дождик пошел», чтобы не ошибиться: а вдруг кто-то льет воду с крыши.

— И кто же этот архиум? — спросил я.

— Вероятно, вы это узнаете раньше меня, — сказал он с милостивой улыбкой.

Я вернулся в суд и помогал варить арестованных в масле часов до восьми — когда голод напомнил мне, что я не ел с утра. Я исправил эту оплошность, а потом отправился к Ларою — не спеша, чтобы ходьба не мешала пищеварению. У Лароя я провел три четверти часа и никого особенно интересного не увидел. Кое-кто из по-

сетителей был мне знаком, но они не выразили желания общаться в преступном мире точить лясы с сыщиком сразу после дела не полезно для здоровья.

Ничего тут не добившись, я перешел к Итальянцу Хили — в соседний притон. Приняли меня так же — дали столик и оставили одного. Оркестр у Хили играл «Не обманывай» и те, кому хотелось размяться, упражнялись на площадке. Среди танцоров я увидел Джека Конихана, руки его были заняты крупной смуглой девицей с приятным, грубо вылепленным лицом.

Джек, высокий стройный парень двадцати трех или двадцати четырех лет, прибился к нашему агентству месяц назад. Эта служба была у него первой, да и ее бы не было, но отец Джека решил, что если сынок хочет погреть руки в семейной кассе, то должен расстаться с мыслью, будто продравшись через университет, он натрудился уже на всю жизнь. И Джек поступил в «Континентал». Он решил, что сыск — забавное дело. Правда, он скорее схватил бы не того человека, чем надел бы не тот галстук, но, в общем, обнаружил неплохие задатки ищейки. Симпатичный малый, вполне мускулистый, несмотря на худобу, с приглаженными волосами, лицом джентльмена

и повадками джентльмена, смелый, скорый на руку и с быстрым умом, бесшабашно веселый — впрочем, это по причине молодости. Конечно, в голове у него гулял ветер, и его надо было окорачивать, но в работе я предпочел бы его многим нашим ветеранам.

Прошло полчаса, ничего интересного.

Потом с улицы вошел парень — невысокий, развязный, в очень отутюженных брюках, очень начищенных ботинках, с наглым землисто-смуглым лицом характерного склада. Это он попался мне навстречу на Бродвее после того, как пришили Бино.

Откинувшись на стуле, чтобы широкополая дамская шляпа заслонила от него мое лицо, я увидел, как молодой армянин прошел между столиков в дальний угол, где сидели трое мужчин. Он что-то небрежно сказал им — с десяток слов, наверное, — и перешел к другому столику, где сидел в одиночестве курносый брюнет. Он уселся напротив курносого, бросил ему несколько слов, с ухмылкой ответил на его вопросы и заказал выпивку. Опорожнив стакан, пошел через весь зал — сообщить что-то худому человеку с ястребиным лицом — и удалился из ресторана. Я вышел следом, миновав столик, где сидел со

своей девушкой Джек, и переглянулся с ним. Молодой армянин отошел уже на полквартала. Джек нагнал меня, обогнал. С сигаретой в зубах я его окликнул: «Огоньку не найдется?»

Я взял у него коробок и, прикуривая, шепнул между ладоней:

— Вон пижон идет — на хвост ему. Я за тобой. Я его не знаю, но если он вчера убил Бино за разговор со мной, он меня узнает. Ходу!

Джек сунул спички в карман и пошел за парнем. Я выждал и отправился за ним. А потом случилась интересная вещь.

На улице было много народу, в большинстве мужчины — кто гулял, кто околачивался перед кафе с прохладительными напитками. Когда молодой армянин подошел к углу освещенного переулка, оттуда появились двое и заговорили с ним, встав так, что он оказался между ними. Он, видимо, не хотел их слушать и пошел бы дальше, но один преградил ему путь рукой. А другой вынул из кармана правую руку и махнул перед лицом армянина — на ней блеснул никелированный кастет. Парень нырнул под вооруженную руку и под руку-шлагбаум и пересек переулок, даже не оглянувшись на двоих, хотя они его нагоняли.

Перед тем, как они его нагнали, их самих нагнал еще один человек, которого я раньше не видел, — с широкой спиной и длинными руками, похожий на гориллу. Одной рукой он схватил за шею одного, другой — другого. Он отдернул их от парня, встряхнул так, что с них попадали шляпы, и стукнул головами раздался треск, как будто сломалась палка от метлы, и он уволок обмякшие тела в переулок, с глаз долой. Армянин тем временем бодро шагал дальше и ни разу не оглянулся.

Когда головолом вышел из переулка, я увидел под фонарем его лицо смуглое, с глубокими складками, широкое и плоское; желваки на челюстях торчали так, как будто у него под ушами нарывало. Он плюнул, поддернул штаны и двинулся по улице за парнем.

Тот зашел к Ларою. Головолом за ним следом. Парень вышел — за ним шагах в семи следовал головолом. Джек проводил их в кабак, а я ждал на улице.

— Все еще передает донесения? — спросил я.

— Да. Говорил там с пятью людьми. А ничего у него охрана.

— Ага, — согласился я. — И ты уж постарайся не попасть между ними. Если разделятся, я — за

гориллой, ты — за пижоном.

Мы разошлись и продолжали двигаться за клиентами. Они провели нас по всем заведениям Сан-Франциско — по кабаре, закусочным, бильярдным, пивным, ночлежкам, игорным домам и Бог знает чему еще. И всюду парень находил кому бросить десяток слов, а между визитами ухитрялся сделать это на перекрестках.

Я бы с удовольствием проследил кое за кем из его абонентов, но не хотел оставлять Джека одного с парнем и телохранителем: тут пахло чем-то важным. И Джека не мог пустить за кем-либо другим — мне не стоило наступать молодому армянину на пятки. И мы доигрывали игру так, как начали, — следуя за нашей парочкой от притона к притону. А ночь между тем перевалила через середину.

Было начало первого, когда они вышли из маленькой гостиницы на Керни-стрит и впервые на наших глазах пошли вместе, бок о бок, к Грин-стрит, а там свернули на восток, по склону Телеграф-Хилл. Еще полквартала — и они поднялись по ступенькам ветхих меблирашек, скрылись за дверью. Я подошел к Джеку Конихану, стоявшему на углу.

— Поздравления разнесены, — решил я, — ина-

че он не подозвал бы телохранителя. Если полчаса там не будет никакого движения, я сматываюсь. А тебе предстоит потоптаться тут до утра.

Через двадцать минут человек-горилла вышел из дома и двинулся по улице.

— Это мой, — сказал я. — Ты жди своего.

Человек-горилла сделал шагов двадцать и остановился. Он оглянулся на дом, поднял лицо к верхним этажам. Тогда мы с Джеком услышали, что его остановило. В доме наверху кричал человек. Так тихо, что и криком не назовешь. Даже теперь, когда голос стал громче, мы его едва слыхали. Но в нем — в этом вое — будто слился страх всех, кто боится смерти. Я услышал, как лязгнул зубами Джек. То, что осталось у меня от души, давно покрыто мозолями, но и я почувствовал, что на лбу у меня дернулась кожа. Уж больно тих был этот крик для того, что в нем выражалось.

Гориллообразный тронулся с места. В пять скользящих скачков он вернулся к крыльцу. Шесть или семь первых ступенек он одолел, даже не прикоснувшись к ним ногой.

Он взлетел с тротуара в вестибюль одним прыжком — быстрее, легче, бесшумнее любой обезьяны. Минута, две минуты, три минуты — и крик смолк. Еще три минуты — и человек-го-

рилла опять вышел из дома. Остановился на тротуаре, чтобы сплюнуть и поддернуть штаны. И зашагал по улице.

— Джек, это твоя дичь, — сказал я. — А я загляну к парню. Теперь он меня не узнает.

Парадная дверь была не только не заперта, но и распахнута. Я вошел в вестибюль, где при свете с верхнего этажа виднелся марш лестницы. Я поднялся туда и повернул к фасадной стороне. Кричали с фасада — либо на этом этаже, либо на третьем. По всей вероятности, гориллообразный не запер комнату если и парадную-то дверь закрыть поленился.

На втором этаже я ничего не нашел, зато на третьем уже третья дверная ручка подалась под моей осторожной рукой, и я приоткрыл дверь. Я постоял перед щелью, но не услышал ничего, кроме заливистого храпа где-то дальше по коридору. Я тронул дверь и приотворил еще на четверть метра. Ни звука. Комната была беспросветна, как будущее честного политика. Я провел ладонями по косяку, по обоям, нащупал выключатель, нажал. Две лампочки посередине пролили слабый желтый свет на обшарпанную комнату и на молодого армянина мертвого на кровати.

Я шагнул в комнату, закрыл дверь и подошел к

кровати. Глаза у парня были открыты и выпучены. На одном виске кровоподтек. Горло вырезано чуть ли не от уха до уха. Около разреза, там, где тонкая шея не была залита кровью, я заметил синяки. Телохранитель свалил его ударом в висок и душил, пока не счел, что дело сделано. Но парень очухался — настолько, чтобы закричать, но не настолько, чтобы удержаться от крика. Телохранитель вернулся и прикончил его ножом. Там, где он вытирал нож о простыню, остались три красные полосы.

Карманы у парня были вывернуты. Это убийца их вывернул. Я обыскал труп, но, как и ожидал, безуспешно; человек-горилла забрал все. Осмотр комнаты тоже оказался напрасным — кое-что из одежды, но ни одного предмета, за который можно было бы уцепиться.

Я закончил обыск и стоял посреди комнаты, почесывая подбородок и размышляя. В коридоре скрипнула половица. Три бесшумных шага на каучуковых подошвах — и я очутился в затхлом чулане, прикрыл за собой дверь, оставив щель в палец.

В дверь постучали, я вынул из заднего кармана револьвер. Снова постучали, и женский голос сказал: «Малыш, а малыш?» И стучали и говорили

тихо. Ручка повернулась, щелкнул замок. В двери стояла девушка с бегающими глазами, которую Анжела Грейс назвала Сильвией Янт.

Глаза ее остановились на парне и от удивления перестали бегать.

— Что за черт, — прошептала она и скрылась.

Я уже шагнул из чулана в комнату, как вдруг услышал, что она на цыпочках возвращается. Снова отступив, я стал следить за ней через щелку. Она быстро вошла, беззвучно закрыла дверь и наклонилась над мертвым. Обшарила его, проверила все карманы, которые я успел поправить.

— Тьфу ты! — громко сказала она, закончив бездоходный обыск, и удалилась.

Я выждал, пока она спустится на улицу. Когда я вышел из подъезда, она направлялась к Керни-стрит. Я последовал за ней по Керни до Бродвея, по Бродвею до ресторана Лароя. Там было оживленно, в особенности у дверей: посетители входили и выходили. Я стоял от нее в трех шагах, когда она остановила официанта и спросила шепотом, но взволнованно, так что мне удалось расслышать: «Рыжий здесь?»

Официант помотал головой.

— Сегодня не заходил.

Девушка вышла на улицу и, стуча каблучками,

быстро привела меня к гостинице на Стоктон-стрит.

Сквозь стекло я увидел, как она подошла к столу портье и о чем-то спросила. Портье покачал головой. Девушка сказала еще что-то, он дал ей бумагу и конверт, и она наспех написала записку возле кассового аппарата. Перед тем как занять менее заметную позицию в ожидании ее выхода, я заметил, в какое гнездо положили записку.

Из гостиницы она поехала на трамвае по Маркет- и Пауэлл-стрит, потом дошла до 0'Фаррел-стрит, где толстолицый молодой человек в сером пальто и серой шляпе, стоявший на краю тротуара, взял ее под руку и повел к стоянке такси. Я запомнил номер такси — толстолицый больше смахивал на клиента, чем на приятеля.

Было уже почти два часа ночи, когда я вернулся в нашу контору на Маркет-стрит. Фиск, ночной дежурный, сказал, что от Джека Конихана донесений не поступало; новостей никаких. Я попросил разбудить мне кого-нибудь из агентов, и минут через десять ему удалось вытащить из постели к телефону Мики Линехана.

— Слушай, Мики, — сказал я. — Я нашел тебе прекрасный уголок — постоять до утра, так что надевай свою распашонку и туда, ладно?

Дождавшись перерыва в его воркотне и ругани, я дал ему адрес гостиницы на Стоктон-стрит, описал Рыжего О'Лири и сказал, в какое гнездо положили записку.

— Может быть, О'Лири и не там остановился, но проверить стоит, объяснил я. — Если он появится, постарайся его не потерять, пока не пришлю тебе смену. — Я повесил трубку посреди непристойной тирады, которой он ответил на это оскорбление.

Дворец юстиции, когда я прибыл туда, кишел народом, хотя взломать тюрьму на верхнем этаже пока никто не пытался. То и дело поступали новые партии подозрительных. Полицейские в форме и в штатском сновали повсюду. Бюро уголовного розыска превратилось в улей.

Я обменялся новостями с полицейскими сыщиками, рассказал им об армянине. Собрали компанию, чтобы осмотреть его останки, но в это время распахнулась дверь капитана, и перед собранием появился лейтенант Дафф.

— Алле! Оп! — произнес он, показывая толстым пальцем на О'Гара, Талли, Ричера, Ханта и меня. — Есть что посмотреть на Филмор-стрит.

Мы пошли за ним к машине.

Привезли нас к серому каркасному дому на

Филмор-стрит. Перед ним стоял полицейский фургон, снаружи и внутри толпились полицейские.

Рыжий капрал отдал Даффу честь и повел нас в дом, объясняя на ходу:

— Тревогу подняли соседи: позвонили нам, что тут какая-то драка, но, когда мы приехали, драться уже было некому.

В доме осталось только четырнадцать трупов.

Одиннадцать человек отравлено: в виски подмешали большие дозы снотворного, сказал врач. Троих застрелили в разных местах коридора. Судя по положению тел, они подняли бокалы с ядом, а тех, кто не выпил — то ли непьющих, то ли просто осторожных, — перестреляли, когда они попытались бежать.

Характер публики давал представление о характере их тоста. Все были воры и обмывали — отравой — удачный налет.

Мы знали не всех покойников, но некоторые были известны нам всем, а позже в архиве мы определили и остальных. Общий список читался как путеводитель по уголовному миру. Тут были: Такой-Сякой, всего два месяца назад сбежавший из тюрьмы в Левенворте; Еврей Холмс; Шайти из Снохомиша считалось, что он пал смертью храб-

рых во Франции в 1919 году; Щепка Лос-Анджелес из Денвера, как всегда без носков и без нижнего белья — в плечи его пиджака было вбито по тысячедолларовой бумажке; Паук Джируччи, у которого под рубашкой была надета кольчуга и от макушки до подбородка тянулся шрам — заметка от братниного ножа; Старик Пит Бест, некогда член конгресса; Нигер Воджен, однажды в Чикаго выигравший в кости 175 тысяч долларов, — в трех местах на нем было вытатуировано: «АБРАКАДАБРА»; Азбука Маккой; свояк Азбуки Том Брукс, придумавший ричмондскую аферу и на доходы от нее купивший три гостиницы; Рыжий из Кьюдехи, в 1924 году ограбивший поезд на «Юнион пасифик»; Дэнни Берк; Бык Макгоникл, все еще бледный после пятнадцатилетней отсидки; Фрей Тоби, дружок Быка, хвастовшийся тем, что обчистил карманы президента Вильсона в вашингтонском варьете; и Пэдди Мексиканец.

Дафф посмотрел на них и свистнул.

— Еще несколько таких номеров, — сказал он, — и нас уволят. Не от кого будет охранять налогоплательщиков.

— Рад, что тебе здесь понравилось, — сказал я. — Но я лично ни за какие деньги не хотел бы стать на эти дни полицейским в Сан-Франциско.

— Почему, интересно?

— Ты посмотри, каков размах надувательства. Городишко наш полон лихих людей, которые надеются получить от этих вот жмуриков свою долю награбленного. Представляешь, что тут начнется, когда станет известно, что доли им не видать как своих ушей? Больше сотни бандитов окажутся на мели и станут добывать деньги на отъезд. Будет по три скока на квартал, по стопу на каждом перекрестке, пока они не наберут деньгу на билеты. Храни тебя Господь, сынок, тебе придется попотеть за свое жалованье.

Дафф пожал толстыми плечами и, шагая через трупы, направился к телефону. Когда он закончил говорить, я позвонил в агентство.

— Тебе только что звонил Джек Конихан, — сказал Фиск и назвал мне номер дома на Армистрит. — Говорит, что проводил своего человека туда — с компанией.

Я вызвал по телефону такси, а потом сказал Даффу:

— Я пока сматываюсь. Если возникнет что-то новенькое, позвоню тебе сюда; если не возникнет — тоже. Подождешь?

— Только недолго.

Я отпустил такси чуть раньше, два квартала по

Арми-стрит прошел пешком и нашел Джека Конихана, наблюдавшего за домом из темного угла.

— Мне не повезло, — приветствовал он меня. — Пока я звонил из закусочной по соседству, кое-кто из моих людей смылся.

— Да? А что нового?

— Из дома на Грин-стрит горилла отправился на трамвае в дом на Филмор-стрит и…

— Какой номер?

Джек назвал номер дома с мертвецами, откуда я приехал.

— Потом за десять или пятнадцать минут в этот дом пришло примерно столько же людей. Большинство пешком, по одному или парами. Потом подъехали сразу две машины с девятью людьми — я пересчитал. Вошли, машины оставили перед домом. Мимо ехало такси, я остановил его — на случай, если мой отправится отсюда на машине.

После того как приехали эти девять, с полчаса было тихо. А потом в доме все стали вести себя экспансивно — кричали, стреляли. И продолжалось это довольно долго — успели разбудить всю округу. Когда стихло, из дома выбежали десять человек — я считал, — сели в две машины и уехали. Мой был среди них.

Мы с моим верным таксистом закричали

«Ату!», и они привезли нас вон к тому дому, где еще стоит одна их машина. Через полчаса или около того я решил, что надо доложиться, оставил такси за углом — оно там до сих пор щелкает счетчиком — и пошел звонить Фиску. А когда вернулся, одной машины уже не было, и — горе мне! — я не знаю, кто в ней уехал. Я подлец?

— Конечно! Когда пошел звонить, надо было захватить с собой их машины. Последи за оставшейся, пока я вызываю группу.

Я пошел в закусочную и позвонил Даффу, сказав где я и:

— Если привезешь сюда наряд, может, что-нибудь добудем. Две машины с людьми, которые побывали на Филмор-стрит, но не остались там, приехали сюда, и, если не канителиться, мы кое-кого еще можем застать.

Дафф привез четырех своих сыщиков и с десяток полицейских в форме. Мы двинулись на дом с фасада и с тыла.

На звонки времени не тратили. Мы просто высадили двери и вошли. Внутри была тьма, разогнали ее только наши фонари. Мы не встретили сопротивления. В обычных обстоятельствах шесть человек, которых мы там застали, устроили бы нам хорошую баню, несмотря на наше

численное превосходство. Но — если были бы поживее. Мы переглянулись, чуть ли не разинув рты.

— Это становится монотонным, — пожаловался Дафф, откусив табак от плитки. — Всякий труд, конечно, однообразен, но мне надоело вламываться в комнаты с убитыми ворами.

Здесь список постояльцев был короче, но имена крупнее. Здесь был Дрожащий Мальчик — никто уже не получит премий, назначенных за его поимку; Котелок Маклоклин — на носу перекосились роговые очки, на пальцах и галстуке — бриллиантов на десять тысяч долларов; Фарт Джим Хакер; Осел Марр, последний из кривоногих Марров, все были убийцами, отец и пятеро сыновей; Цыпа Сальда, самый сильный человек в уголовном мире — однажды в Саванне он сбежал вместе с двумя полицейскими, к которым был прикован наручниками; Бухарь Смит, в шестнадцатом году убивший в Чикаго Красного Рида, — на левом запястье у него были намотаны четки.

Здесь — никаких тонкостей с ядами: молодцов уложили из карабина 7,26 с громоздким, но эффективным самодельным глушителем. Карабин лежал на кухонном столе. Из кухни в гостиную

вела дверь. Прямо против этой двери — широко распахнутая дверь в комнату, где лежали мертвые воры. Лежали они возле фасадной стены, как будто их выстроили там перед расстрелом.

Серые обои были забрызганы кровью и в нескольких местах пробиты — там, где пули прошли навылет. Молодые глаза Джека Конихана приметили на обоях пятно, которое не было случайным. Над самым полом, рядом с Дрожащим Мальчиком, и правая его рука была испачкана кровью. Он писал на стене перед смертью, макая пальцы в свою и Цьшы Сальды кровь. В буквах были просветы и разрывы — там, где на пальце кончилась кровь, а сами буквы кривились и прыгали, потому что писал он, наверное, в темноте.

Заполнив просветы, распутав петли и угадывая там, где прочесть было вообще нельзя, мы составили два слова: Большая Флора.

— Мне это ничего не говорит, — высказался Дафф, — но это — имя, а большинство известных нам имен принадлежит уже покойникам, так что добавим и его в список.

— Как это понять? — глядя на тела, спросил О'Гар, круглоголовый сержант из отдела тяжких преступлений. — Приятели выстроили их у стены под дулами пистолетов, а потом стрелок пере-

щелкал их с кухни — пах-пах-пах-пах-пах-пах?

— Похоже на то, — согласились мы хором.

— Десятеро прибыли сюда с Филмор-стрит, — сказал я. — Шестеро остались здесь. Четверо отправились в другой дом… И сейчас кто-то из них кого-то убивает. Нам нужно только следовать за ними от дома к дому, покуда не останется только один… а уж он сам доиграет игру, прикончив себя своими руками, и добычу оставит нам в тех же пачках, в каких ее взяли. Надеюсь, вам не придется разъезжать всю ночь в поисках последнего трупа. Джек, пошли домой спать.

Было ровно пять часов утра, когда я отвернул пододеяльник и забрался в постель. Я уснул раньше, чем выпустил дым последней затяжки. Телефон разбудил меня в четверть шестого. Говорил Фиск:

— Только что звонил Мики Линехан — полчаса назад твой Рыжий 0'Лири вернулся на насест.

— Пускай его арестуют, — сказал я и снова уснул в 5.17. В девять под звон будильника я выполз из постели, позавтракал и отправился в бюро уголовного розыска, чтобы узнать, что у них с Рыжим. Оказалось, ничего хорошего.

— Вывернулся, — сказал мне капитан. — Что касается налета и ночных дел — у него алиби. Не

можем обвинить даже в бродяжничестве. Имеет заработок. Торгует Универсальным энциклопедическим словарем полезных и повседневных сведений Хампердикеля — так, кажется. Начал таскаться с книжонками за день до налета — и во время налета звонил в двери и уговаривал людей купить свой дурацкий словарь. По крайней мере, у него есть свидетели, которые это подтвердили. Ночью был в гостинице с одиннадцати до четырех тридцати, играл в карты, имеет свидетелей. Ни черта не нашли ни на нем, ни в его номере.

Тут же, из кабинета, я позвонил Джеку Конихану.

— Ты бы смог опознать кого-нибудь из тех, кого видел ночью в машинах? спросил я, когда он вылез наконец из постели.

— Нет. Было темно и шли они быстро. Свою-то гориллу едва разглядел.

— Не узнает, да? — сказал капитан. — Ну что ж, я могу продержать его двадцать четыре часа, не предъявляя обвинения, и сделаю это, но если ты ничего не отроешь, придется отпустить.

— А что, если отпустить сейчас? — предложил я, покурив с минуту и подумав. — У него кругом алиби, и прятаться от нас незачем. Оставим его на день в покое — пусть убедится, что за ним

не следят, — а вечером сядем ему на хвост и не слезем. Есть что-нибудь по Большой Флоре?

— Нет. Парень, убитый на Грин-стрит, — Берни Бернхаймер, он же Маца, вероятно, карманный вор, крутился среди фирмачей, но не очень…

Его прервал телефонный звонок. Он сказал в трубку:

— Алло. Да. Одну минуту, — и придвинул аппарат ко мне.

Женский голос:

— Это Грейс Кардиган. Я звонила вам в агентство, и мне сказали, где вас найти. Мне надо с вами увидеться. Можно прямо сейчас?

— Где?

— Телефонная станция на Пауэлл-стрит.

— Буду через пятнадцать минут, — сказал я.

Позвонив в агентство, я вызвал к телефону Дика Фоули и попросил его сейчас же встретиться со мной на углу Эллис- и Маркет-стрит. Затем я отдал капитану его телефон, сказал: «До скорого» — и отправился на свидание.

Дик Фоули уже ждал меня на углу. Этот маленький смуглый канадец, ростом под полтора метра — на высоких каблуках, — весил минус сорок килограммов, разговаривал как телеграмма скопца, и мог проследить за каплей соленой

воды от Сан-Франциско до Гонконга, ни разу не выпустив ее из виду.

— Анжелу Грейс Кардиган знаешь? — спросил я его.

Он сэкономил слово, помотав головой.

— Я встречусь с ней на переговорном пункте. Когда мы расстанемся, иди за ней. Не думай, что тебя ждет легкая прогулка: девушка шустрая и знает, что за ней идет хвост, но ты постарайся.

Дик опустил углы рта, и у него сделался один из редких припадков разговорчивости:

— Чем они шустрее на вид, тем с ними проще.

Я направился к переговорному, он — за мной следом. Анжела Грейс стояла в дверях. С таким мрачным лицом никогда ее не видел, и поэтому она показалась мне менее хорошенькой, чем обычно; в зеленых глазах, правда, было слишком много огня, чтобы говорить о мрачности. Она держала свернутую трубкой газету. Она не поздоровалась со мной, не улыбнулась, не кивнула.

— Пойдем к Чарли, там можно поговорить, — сказал я, проводя ее мимо Дика Фоули.

Она не проронила ни звука, пока мы не уселись друг против друга в кабинете ресторана и официант не принял заказ. Тогда она дрожащими руками развернула газету.

— Это правда? — спросила она.

Я взглянул на то место, по которому постукивал ее дрожащий палец, репортаж о находках на Филмор- и Арми-стрит, но осторожный. Я сразу заметил, что имена не названы, полиция подстригла заметку. Сделав вид, будто читаю, я прикинул, выгодно ли будет сказать ей, что газета все выдумала. Но никакой отчетливой пользы в этом не увидел и решил не отягощать душу лишней ложью.

— В целом все верно, — ответил я.

— Вы туда ездили? — она скинула газету на пол и подалась ко мне.

— С полицией.

— Был там… — слова застряли у нее в горле. Белые пальцы скомкали скатерть посередине между нами. — Кто был?.. — удалось ей выдавить на этот раз.

Молчание. Я ждал. Она опустила глаза, но раньше я успел заметить, что вода в них притушила огонь. Пока мы молчали, явился официант, поставил еду, ушел.

— Вы знаете, что я хочу спросить, — наконец сказала она тихим, севшим голосом. — Он был? Он был? Скажите ради Бога!

Я взвесил их — правду против лжи, ложь про-

тив правды. И снова правда восторжествовала.

— Пэдди Мексиканца убили — застрелили — в доме на Филмор-стрит.

Зрачки у нее стали как булавочные головки… снова расширились, превратив глаза из зеленых в черные. Она не проронила ни звука. Лицо ее ничего не выражало. Она взяла вилку, поднесла ко рту салат… и еще раз. Я протянул руку через стол и отобрал у нее вилку.

— Все ведь на платье падает, — проворчал я. — Рта не откроешь — ничего не съешь.

Она потянулась через стол к моей руке, схватила ее дрожащими руками пальцы подергивались так, что она меня оцарапала.

— Вы мне не врете? — не то всхлипнула, не то выпалила она. — Вы всегда честно себя вели. В Филадельфии вы были человеком. Пэдди всегда говорил, что из легавых вы один порядочный. Вы не обманываете?

— Все честно, — подтвердил я. — Пэдди для тебя много значил?

Она тупо кивнула, стараясь справиться с собой, и опять застыла.

— Есть возможность рассчитаться за него, — предложил я.

— Это как?..

— Говорить.

Она долго смотрела на меня непонимающим взглядом, будто пытаясь ухватить смысл моих слов. Ответ я прочел в глазах раньше, чем услышал.

— Господи, да я сама хочу. Но я дочь Коробки Кардигана. Мне — стучать? Вы против нас. К вам идти? Пошла бы. Но я же Кардиган. Молиться буду, чтобы вы их повязали. Крепко повязали, но…

— Твои чувства благородны, по крайней мере — слова. — Я усмехнулся. Ты кого изображаешь — Жанну д'Арк? А сидел бы сейчас твой брат Фрэнк, если бы его не заложил в Грейт-Фолс его дружок Джон Водопроводчик? Проснись, моя милая. Ты воровка среди воров, и кто других не надул, тот сам с бородой. Твоего Пэдди кто убил? Дружки! Но ты не можешь им ответить — тебе закон не велит. Боже мой!

После этой речи лицо ее стало еще угрюмее.

— Я им отвечу, — сказала она. — Но с вами не могу. Вам сказать не могу. Если бы вы были наш, сказала бы… а подмогу, если найду, так не у вас. И кончим, ладно? Я знаю, что вы сердитесь, но… вы мне скажете, кого еще… кроме… нашли в этих домах?

— Сейчас, — огрызнулся я. — Все выложу. Рас-

скажу как на духу. Только ты, не дай Бог, не оброни лишнего словечка, пока слушаешь, а то нарушишь этику вашей благородной профессии.

Как всякая женщина, она пропустила мои слова мимо ушей и повторила:

— Кого еще?

— Зря теряешь время. Но вот что я сделаю: я назову тебе парочку, которой там не было: Большая Флора и Рыжий 0'Лири.

Она перестала смотреть на меня как одурманенная. Зеленые глаза потемнели от ярости.

— А Вэнс был? — спросила она.

— Угадай, — ответил я.

Она посмотрела на меня еще немного, потом поднялась.

— Спасибо за то, что сказали и за то, что встретились со мной. Я вам желаю успеха.

Она вышла на улицу, где ее поджидал Дик Фоули. Я доел то, что мне принесли.

В четыре часа дня мы с Джеком Кониханом остановили нашу взятую напрокат машину недалеко от входа в гостиницу «Стоктон».

— В полиции он отвертелся, так что жилье менять ему вроде незачем, сказал я Джеку, — а к служащим в гостиницу я приставать бы пока не стал — мы их не знаем. Если он до ночи не

появится, подкатимся к ним.

Мы закурили и стали обсуждать, кто будет следующим чемпионом в тяжелом весе, где достать хороший джин, как несправедливо новое правило в агентстве, что за работу в Окленде больше не полагается командировочных, и прочие волнующие темы — и так мы скоротали время от четырех до десяти минут десятого.

В 9.10 из гостиницы вышел 0'Лири.

— Бог милостив, — сказал Джек и выскочил из машины, чтобы идти за ним пешком, а я завел мотор.

Огневолосый великан увез нас недалеко. Он скрылся за дверью у Ларoя. Пока я поставил машину и дошел до кабака, 0'Лири и Джек успели найти себе место. Джек устроился за столиком у края танцевальной площадки. 0'Лири сидел у противоположной стены возле угла. Когда я вошел, толстая блондинистая пара как раз освобождала столик в углу, и я убедил официанта отвести меня туда.

0'Лири сидел так, что я видел только его затылок и щеку. Он наблюдал за входной дверью, наблюдал с нетерпением, которое сменилось радостью, когда вошла девушка. Та самая, которую Анжела Грейс назвала Нэнси Риган. Я уже

сказал, что она были миленькая. И это правда. Задорная синяя шляпка, закрывавшая ее волосы, нисколько не повредила сегодня ее милоте.

Рыжий вскочил на ноги и, оттолкнув по дороге официанта и двух-трех посетителей, пошел ей навстречу. Наградой за энтузиазм ему были несколько ругательств, которые он оставил без внимания, и белозубая синеглазая улыбка… тоже, скажем так, милая. Он подвел девушку к своему столу, усадил лицом ко мне и сел сам, лицом исключительно к ней.

Речь его доносилась до меня в виде баритонального рокота, из которого мое шпионское ухо не могла вычленить ни слова. Похоже было, что он ей много чего говорил, и слушала она так, как будто ей это нравилось. Один раз до меня долетело:

— Нет, Рыжик, дорогой, так не надо… — Голос у нее — я знаю другие слова, но уж будем держаться этого, — звучал мило. В нем был мускус, в нем был тембр. Не знаю, откуда взялась эта подружка бандита, но либо она воспитывалась в хорошей семье, либо хватала все на лету. Время от времени, когда оркестр брал передышку, до меня доносилось несколько слов, но из них я уяснил только, что ни она, ни ее буйный кавалер ничего не имеют друг против друга.

Когда она пришла, ресторан был почти пустой. К десяти он наполнился, а десять для клиентов Ларoя — время детское. Я стал меньше интересоваться подругой 0'Лири, хотя она была мила, и больше — другими соседями. Мне бросилось в глаза, что женщин тут маловато. Я присмотрелся — в самом деле, по сравнению с мужчинами их было чертовски мало. Мужчины — мужчины с крысиными лицами, мужчины с угловатыми лицами, с квадратными челюстями, с отвисшими подбородками, бледные мужчины, сухопарые мужчины, странного вида мужчины, свирепого вида мужчины, обыкновенные мужчины — сидели по двое за столиком, по четыре за столиком, и приходили все новые, а женщин чертовски мало.

Эти люди разговаривали друг с другом так, будто им было не очень интересно, о чем они говорят. Как бы невзначай они окидывали взглядом зал, и глаза их делались особенно безразличными., когда натыкались на 0'Лири. И непременно этот безразличный скучающий взгляд задерживался на 0'Лири секунду-другую.

Я снова обратился к 0'Лири и Нэнси Риган. Он сидел на стуле чуть прямее чем прежде, но по-прежнему свободно, без скованности, и хотя

плечи он немного ссутулил, в них тоже не чувствовалось напряжения. Она ему что-то сказала. Он засмеялся и повернул лицо к середине зала — казалось, что он смеется не только ее словам, но и над тем, кто сидит вокруг, чего-то дожидаясь. Смеялся он от души, молодо и беззаботно.

У девушки сделался удивленный вид, как будто этот смех чем-то ее озадачил, потом она продолжила свой рассказ. Не понимает, что сидит на бочке с порохом, решил я. О'Лири же понимал. Каждый его жест, каждый сантиметр его тела будто говорил: я большой, сильный, молодой, лихой и рыжий; когда я понадоблюсь вам, ребята, я буду тут.

Время текло потихоньку… Несколько пар танцевали.

Джин Ларой ходил с выражением хмурого беспокойства на круглом лице. Его кабак был полон посетителей, но лучше бы он был пустым.

Около одиннадцати я встал и поманил Джека Конихана. Он подошел, мы обменялись рукопожатиями, «как делами» и «ничего себе», и он сел за мой столик.

— Что происходит? — спросил он под гром оркестра. — Ничего не вижу, но в воздухе что-то зреет. Или у меня истерика?

— Ничего, скоро начнется. Волки собираются, а ягненок — Рыжий 0'Лири. Пожалуй, можно бы найти и понежнее, если бы был выбор. Но эти бандюги, видишь ли, ограбили банк, а когда настал день получки, в конвертах у них оказалось пусто, да и конвертов-то не оказалось. Прошел слух, что Рыжий может знать, как это получилось. Результат мы наблюдаем. Сейчас они ждутможет, кого-то, а может, когда покрепче наберутся.

— А мы сидим тут, потому что это будет самый ближний стол к мишени, когда начнется пальба? — спросил Джек. — Подсядем прямо к Рыжему? Это еще ближе, а кроме того, мне приглянулась его дама.

— Не спеши, развлечений тебе хватит, — пообещал я. — Мы не хотим, чтобы 0'Лири убили. Если будут торговаться с ним благородно, мы не встреваем, но если станут бросать в него предметами, ты и я вызволим его и подругу.

— Славно сказано, мой любезный. — Он улыбнулся побелевшими губами. Будут конкретные указания или вызволяем просто и без лишней суеты?

— Видишь ту дверь у меня за спиной, справа? Когда начнется буза, я иду туда и открываю ее. Ты удерживаешь подступы — на полдороге. Когда

тявкну, сделаешь все, чтобы Рыжий сумел до нее добраться.

— Слушаюсь. — Он оглядел зал, наполненный громилами, облизнул губы и посмотрел на свою руку с сигаретой — дрожащую руку. — Надеюсь, вы не думаете, что я загрустил, — сказал он. — Но я же не такой застарелый убивец, как вы. Естественно, у человека реакция на предстоящую бойню.

— Реакция, слыхали! Да ты ни жив ни мертв от страха. Только без глупостей, учти. Если будешь ломать тут комедию, я докончу то, что не успеют с тобой сделать эти зверюги. Выполняй, что тебе сказано, — ничего больше. Если возникнут остроумные идеи, побереги их, потом поделишься.

— Поведение мое будет примерным! — заверил он меня.

Было около полуночи, когда появился тот, кого ждали волки. Беспокойство все явственнее проступало на лицах, и теперь от напускного безразличия не осталось и следа. Ноги и ножки стульев скребли по полу — люди слегка отодвигались от столов. Мышцы пошевеливались, готовили тела к действию. Языки пробегали по губам, глаза с нетерпением смотрели на входную дверь.

В зал вошел Бритва Вэнс. Он вошел один, кивая знакомым налево и направо, высокий и легкий, грациозно неся свое тело в прекрасно скроенном костюме. Лицо с резкими чертами улыбалось самоуверенно. Не торопясь, но и не мешкая, он подошел к столу 0'Лири. Лица Рыжего я не видел, но мускулы у него на шее напряглись. Девушка сердечно улыбнулась Вэнсу и подала руку. Она сделала это естественно. Она ничего не знала.

Поздоровавшись с Нэнси, Вэнс с улыбкой обратился к рыжему великану, в улыбке было что-то от кота, играющего с мышью.

— Как дела, 0'Лири? — спросил он.

— У меня — лучше не надо, — грубовато ответил Рыжий. Оркестр смолк. Ларой стоял возле входной двери, отирал лоб платком. За столиком справа от меня человек в полосатом костюме — громила с широкой грудью и перебитым носом — тяжело выпускал воздух между золотых зубов и выпученными глазами смотрел на 0'Лири, Вэнса и Нэнси. Он ничем не выделялся в этом смысле очень много людей вели себя точно так же.

Вэнс повернул голову, окликнул официанта:

— Принеси мне стул.

Стул принесли и поставили у свободного края столика, напротив стены. Вэнс сел, лениво раз-

валился, боком к 0'Лири; левую руку он закинул за спинку стула, в правой дымилась сигарета. Разместившись так, он начал:

— Ну, Рыжий, что ты можешь мне сказать? — Голос звучал вежливо, но достаточно громко и слышен был за соседними столиками.

— А ничего. — 0'Лири даже не пытался говорить приветливо или осторожно.

— Что, денег нет? — Тонкие губы Вэнса еще больше растянулись в улыбке, а в темных глазах возник веселый, хотя и неприятный блеск. — Тебе для меня ничего не передавали?

— Нет, — выразительно сказал 0'Лири.

— Ничего себе, — сказал Вэнс. Глаза его блеснули еще веселее и неприятнее. — Вот неблагодарность! Поможешь мне получить, Рыжий?

— Нет.

Мне был противен Рыжий; я с удовольствием бросил бы его в беде, почему не выдумает какую-нибудь отговорку, чтобы Вэнс хотя бы наполовину поверил? Нет, он будет чваниться своей храбростью, как мальчишка, ему непременно надо устроить представление, хотя достаточно было чуть-чуть пошевелить мозгами. Если бы расправились только с этой орясиной, я бы не возражал. Но страдать придется и нам с Джеком, а это уже

обидно. Мы не можем потерять Рыжего, он для нас слишком ценен. Мы будем спасать осла от награды, причитающейся ему за упрямство, и из нас сделают отбивные. Какая несправедливость.

— Мне задолжали много денег, 0'Лири, — с ленивой насмешкой проговорил Вэнс. — И эти деньги мне нужны. — Он затянулся, небрежно выдул дым Рыжему в лицо и продолжал: — Ты знаешь, что в прачечной за одну пижаму берут двадцать шесть центов? Мне нужны деньги.

— Спи в подштанниках, — сказал 0'Лири.

Вэнс засмеялся. Нэнси Риган улыбнулась, но смущенно. Она, очевидно, не понимала, в чем дело, но, что какое-то дело есть, догадывалась.

0'Лири наклонился вперед и проговорил раздельно, громко, чтобы слушали все желающие:

— Вэнс, у меня для тебя ничего не будет — ни сегодня, ни завтра. И то же самое для остальных, кому интересно. Если ты или они думают, что я вам должен, попробуйте получить. Пошел ты к черту, Вэнс! Не нравится — тут у тебя кореша. Зови их!

Ну какой отъявленный идиот! Ни на что, кроме санитарной машины, он не согласен, и меня повезут вместе с ним.

Вэнс зло улыбнулся, блеснув глазами.

— Ты этого хочешь, Рыжий?

0'Лири растопырил широкие плечи, потом опустил.

— Можно и потолковать, — сказал он. — Только отправлю Нэнси. Ты беги, детка. У меня сейчас тут дело.

Она хотела что-то сказать, но с ней заговорил Вэнс. Он говорил легкомысленным тоном и не возражал против ее ухода. Речь его сводилась к тому, что ей будет одиноко без Рыжего. Но он коснулся интимных подробностей этого одиночества.

Правая рука 0'Лири лежала на столе. Она переместилась ко рту Вэнса. За это время она успела превратиться в кулак. Удар из такого положения неудобен. Веса в него не вложишь. Действуют только мышцы руки, и не самые сильные. Однако Вэнс улетел со своего стула к соседнему столику.

Стулья в ресторане опустели. Гулянка началась.

Не зевай, — шепнул я Джеку Конихану и, изо всех сил стараясь сойти за нервного толстячка, — что было не так трудно, — побежал к задней двери, мимо людей, которые пока еще медленно двигались к 0'Лири. Я, наверное, неплохо изобразил спасающегося от неприятностей — никто

меня не остановил, и к двери я поспел раньше, чем стая окружила О'Лири. Дверь была закрыта, но не заперта. Я повернулся к залу, с гибкой дубинкой в правой руке и револьвером в левой. Передо мной были люди, но все — спиной ко мне.

О'Лири возвышался перед своим столиком, на его грубом красном лице было выражение отчаянной лихости, и он уже пружинил на носках, оторвав от пола пятки. Между нами, лицом ко мне, стоял Джек Конихан, его рот кривила нервная усмешка, глаза метались от восторга. Вэнс поднялся. С тонких его губ на подбородок стекала кровь. Глаза были холодны. Он смотрел на О'Лири с деловитостью лесоруба, прикидывающего, куда свалить дерево. Шайка Вэнса наблюдала за атаманом.

— Рыжий! — рявкнул я в тишине. — Сюда, Рыжий! — Лица повернулись ко мне — все лица в шалмане, миллион лиц.

— Живо, Рыжий, — крикнул Джек Конихан и шагнул вперед с револьвером в руке.

Рука Вэнса нырнула за лацкан. Револьвер Джека гавкнул на него. Вэнс бросился на пол раньше, чем Джек нажал спуск. Пуля прошла выше, но выхватить оружие вовремя Вэнс не успел.

0'Лири сгреб девушку левой рукой. В правой у него расцвел большой автоматический пистолет. После этого мне стало не до них. Появились другие дела.

Ресторан Ларoя был беременен оружием: пистолетами, ножами, дубинками, кастетами, стульями, бутылками и прочими инструментами разрушения. Со своим оружием люди шли ко мне общаться. Игра заключалась в том, чтобы оттеснить меня от двери. Рыжему бы это пришлось по вкусу. Но я не был рыжим молодым забиякой. Лет мне было почти сорок, и лишнего весу — килограммов десять. Возраст и вес располагают к покою. Покоя мне не дали.

Косой португалец полоснул меня по горлу ножом — испортил галстук. Прежде чем он отскочил, я ударил его по уху стволом револьвера, увидел, что ухо надорвалось. Паренек лет двадцати с ухмылкой кинулся мне в ноги футбольный прием. Я почувствовал его зубы коленом, вскинув его навстречу, почувствовал, как они сломались. Рябой мулат высунул над плечом впереди стоящего пистолет. Моя дубинка угодила впереди стоящему в руку. Он дернулся в сторону, как раз когда мулат нажал спусковой крючок, и ему снесло половину лица.

Выстрелил я дважды: один раз, когда в полуметре от моего живота возникло дуло, второй — когда увидел, что человек, стоящий на столе, тщательно целится мне в голову. В остальном я полагался на руки и ноги, берег патроны. Ночь была молода, а у меня всего дюжина воробышков — шесть в револьвере, шесть в кармане.

На хорошего ежа мы сели. Левой сбоку, правой сбоку, ногой; правой сбоку, левой сбоку, ногой. Думать некогда, цель не выбираешь. Господь позаботится, чтобы всегда было рыло для твоего револьвера и дубинки, брюхо заехать ногой.

Прилетела бутылка и угодила мне в голову. Шляпа меня спасла, но в голове от удара яснее не стало. Я покачнулся и сломал чей-то нос — там, где должен был проломить череп. Зал казался душным, непроветренным. Сказал бы кто-нибудь Ларою. Как тебе эта свинчатка в висок, блондинчик? Эта крыса слева что-то слишком близко. Давай поближе — наклонюсь вправо, угостить мулата, а потом обратно — тебе навстречу. Неплохо! Но на всю ночь меня не хватит. Где Джек с Рыжим? Стоят, любуются мной?

Кто-то огрел меня чем-то по плечу — похоже, что роялем. Я не успел уклониться. Еще одна бутылка унесла мою шляпу и часть скальпа. 0'Лири

и Джек прорвались, таща между собой девушку.

Пока Джек проталкивал девушку в дверь, мы с Рыжим немного расчистили перед собой пространство. Тут он был молодец. Я за него не прятался, но и поупражняться дал ему сколько влезет.

— Порядок! — крикнул Джек.

Мы с Рыжим вошли в дверь и захлопнули ее. Она бы и запертая не выдержала. 0'Лири послал в нее три пули, чтобы ребятам было о чем подумать, и наше отступление началось. Мы очутились в узком коридоре, хорошо освещенном. В дальнем конце — закрытая дверь. На полпути, справа — лестница наверх.

— Прямо? — спросил Джек, бежавший первым.

0'Лири сказал: «Да», а я: «Нет. Вэнс ее перекроет, если полиция не перекрыла. Наверх — на крышу.»

Мы добежали до лестницы. Дверь позади распахнулась.

Свет погас. Дверь в дальнем конце коридора грохнула о стенку. Света за обеими дверьми не было. Ларой, наверное, выключил рубильник, чтобы его притон не разобрали на зубочистки.

Мы ощупью поднимались по лестнице, а внизу уже началась свалка. Те, кто ворвался через

дальнюю дверь, встретили тех, кто гнался за нами, — встреча сопровождалась ударами, руганью, а иногда и выстрелами. Бог им в помощь! Мы шли наверх: Джек впереди, за ним девушка, потом я и последним 0'Лири.

Джек галантно читал девушке дорожные указатели:

— Осторожней на площадке, теперь немного влево, возьмитесь правой рукой за стенку и...

— Замолчи! — прорычал я. — Пусть лучше она упадет, чем весь кабак на нас навалится.

Мы добрались до второго этажа. Темнее не бывает. Дом был трехэтажным.

— Я потерял эту несчастную лестницу, — пожаловался Джек.

Мы тыкались в темноте, искали лестницу, которая должна была вывести нас на крышу. Не нашли. Грохот внизу затихал. Голос Вэнса объяснял своре, что дерутся со своими, спрашивал, куда мы делись. Никто не знал. И мы не знали.

— Пошли, — шепнул я, двинувшись по темному коридору к задней части здания. — Надо куда-то выбираться.

Внизу еще слышался шум, но уже не дрались. Говорили о том, что нужно включить свет. Я наткнулся на дверь в торце коридора, открыл ее.

Комната с двумя окнами; через них проникал слабый свет уличных фонарей. Но после коридора он показался ярким. Мое маленькое стадо вошло за мной, и мы закрыли дверь.

0'Лири был уже у окна, высунулся наружу.

— Переулок, — шепнул он. — Спуститься нельзя — разве что прыгать.

— Никого не видно? — спросил я.

— Вроде никого.

Я окинул взглядом комнату: кровать, два стула, комод и столик.

— Столик в окно пройдет, — сказал я. — Бросим его подальше — будем надеяться, что они выбегут на шум, пока не сообразили полезть за нами наверх.

0'Лири и девушка убеждали друг друга, что оба они целы и невредимы. Он оторвался от нее, чтобы помочь мне со столиком. Мы подняли его, раскачали, бросили. Он полетел отлично — ударился о стену противоположного дома и упал во двор — то ли на кучу кровельного железа, то ли на мусорные баки, словом, на что-то изумительно гремучее. Квартала за полтора наверняка было слышно, а дальше — не знаю.

Через черный ход из ресторана высыпали люди; мы отошли от окна.

Нэнси, не найдя ран на О'Лири, занялась Джеком Кониханом. У него была порезана щека. Нэнси стала колдовать над ней с носовым платком.

— Когда кончите эту, — говорил Джек, — пойду к ним и попорчу другую.

— Никогда не кончу, если будете разговаривать — вы дергаете щекой.

— Это идея, — обрадовался он. — Сан-Франциско — второй по величине город в Калифорнии. Столица штата — Сакраменто. Любите географию? Рассказать вам о Яве? Я там никогда не был. Но пью их кофе. Если…

Она засмеялась:

— Глупый! Если не замолчите, я сейчас же перестану.

— Это хуже. Молчу.

Ничего особенного она со щекой не делала, только стирала кровь — лучше бы дала ей просто засохнуть. Закончив эту бесполезную операцию, она отняла руку и с гордостью осмотрела почти незаметные результаты своих трудов. Когда ее рука оказалась против его губ, Джек поцеловал на лету кончик пальца.

— Глупый! — повторила она, отдернув руку.

— Кончай там, — сказал Рыжий О'Лири, — или я тебе заеду.

— Легче на поворотах, — сказал Джек Конихан.

— Рыжик! — кликнула девушка, но поздно.

Правый кулак 0'Лири описал дугу. Он попал Джеку точно в подбородок, и Джек уснул на полу. Рыжий великан круто повернулся на носках и навис надо мной.

— Хочешь что-нибудь сказать? — спросил он.

Я усмехнулся, глядя на Джека, потом Рыжему в лицо.

— Мне стыдно за него, — ответил я. — Если его уложил лопух, который начинает с правой.

— Сам хочешь попробовать?

— Рыжик! Рыжик! — взмолилась девушка, но ее никто не слушал.

— Если начнешь с правой, — сказал я.

— С правой, — пообещал он и начал.

Я щеголевато увел голову от удара и приложил указательный палец к его подбородку.

— А мог бы кулаком, — сказал я.

— Да? На тебе кулаком.

Я нырнул под левую, и его предплечье скользнуло по моему затылку. Заниматься балетом дальше не имело смысла. Пора уже было попробовать, что я сам смогу с ним сделать и смогу ли. Девушка повисла у него на руке.

— Рыжик, милый, неужели тебе не хватит на

сегодня драк? Пускай ты ирландец, но хоть раз ты можешь себя вести как разумный человек?

У меня руки чесались заехать этому балбесу, пока его держит подруга.

Он засмеялся, нагнул голову, чтобы поцеловать ее в губы, и ухмыльнулся мне.

— Ничего, как-нибудь еще попробуем, — благодушно пообещал он.

— Надо все-таки выбираться отсюда, — сказал я. — Ты тут устроил базар, оставаться опасно.

— Не огорчайся, мальчик, — сказал он. — Держись за мой хлястик, и я тебя вытащу.

Дубина. Если бы не мы с Джеком, от него бы и хлястика не осталось.

Мы подкрались к двери, прислушались, ничего не слыхали.

— Лестница на третий этаж должна быть ближе к фасаду, — шепнул я. Попробуем ее найти.

Мы осторожно открыли дверь. Из нашей комнаты в коридор просочилось немного света: похоже было, что там никого нет. Мы крадучись пошли по коридору, причем и Рыжий, и я держали девушку за руки. Я надеялся, что Джек выпутается благополучно, но пока что он отдыхал, а у меня забот и без него хватало.

Никогда не думал, что в ресторане у Лароя два

километра коридоров. Оказалось — не меньше. Только до лестницы, по которой мы поднялись, пришлось идти не меньше километра. Мы не задержались перед ней, чтобы проверить голоса снизу. Еще через километр 0'Лири нащупал ногой первую ступеньку лестницы, ведущей на третий этаж.

И тут на верхней площадке прежней лестницы закричали:

— Все наверх — они здесь!

На кричавшего упал белый луч света, и снизу кто-то с ирландским выговором скомандовал:

— Да слезь оттуда, петух полуночный.

— Полиция, — прошептала Нэнси Риган, когда мы уже взбегали по нашей лестнице на третий этаж.

Снова темень не хуже той, из которой мы вылезли. Мы тихо стояли на площадке. Новых спутников у нас, кажется, не появилось.

— На крышу, — сказал я. — Рискнем зажечь спичку.

Слабый огонек осветил нам в углу прибитую к стене лесенку и над ней люк в потолке. Не теряя больше времени, мы вылезли на крышу и закрыли люк.

— Пока все как по маслу, — сказал 0'Лири, — а

если Вэнсова шпана повозится с легавыми еще минутку — будьте здоровы.

Я повел их по крышам. Спустились метра на три, на крышу соседнего дома, поднялись на следующую и на самом другом ее краю, над узким двором, который выходил в переулок, нашли пожарную лестницу.

— Годится, по-моему, — сказал я и полез вниз. За мной стала спускаться девушка, потом 0'Лири. Двор был пуст, — узкий бетонный проход между домами. Нижняя перекладина лестницы заскрипела под моей тяжестью, однако этот шум никого не привлек. Во дворе было темно, но не совсем.

— На улице разбегаемся, — сказал мне 0'Лири, даже не подумав поблагодарить за помощь, — кажется, он так и не понял, что нуждался в ней. Ты — своей дорогой, мы — своей.

— Ага, — согласился я, пытаясь наскоро сварить что-нибудь в котелке. Сперва разведаю переулок.

Я осторожно прошел в другой конец двора и рискнул высунуть в переулок голову. Там было тихо, но на углу, примерно за четверть квартала, два бездельника бездельничали чересчур настороженно. Это были не полицейские. Я вышел в переулок и поманил их. Они не могли узнать меня на таком расстоянии и при таком свете и,

если они были из шайки Вэнса, ничто не мешало им принять меня за своего.

Когда они направились к нам, я отступил во двор и тихо свистнул Рыжему. Он был не из тех, кого надо было дважды звать на драку. Он подошел ко мне одновременно с ними. Я занялся одним. Он взялся за другого.

Поскольку мне нужна была кутерьма, я трудился как вол, чтобы ее добиться. Эти ребята были форменные кролики. Из тонны таких не получится и пяти граммов драки. Мой все никак не мог понять, зачем я с ним так груб. Пистолет у него был, но он умудрился сразу его выронить, и, пока мы возились, от чьей-то ноги пистолет отлетел в сторону. Он барахтался, а я потел чернилами, пытаясь перекантовать его в нужную позицию. Темнота была мне на руку, но даже в темноте трудно было изображать борьбу, пока я перемещал его за спину 0'Лири, не имевшего никаких хлопот со своим клиентом.

Наконец я добился желаемого. Я был позади 0'Лири, который прижал своего к стене одной рукой, а другой — приготовился еще разок ему вмазать. Левой рукой я заломил человеку кисть, поставил его на колени, потом вынул револьвер и выстрелил 0'Лири в спину, под правое плечо.

0'Лири качнулся, придавив своего партнера к стене, а я своего ударил по темени рукояткой револьвера.

— Он попал в тебя, Рыжий? — спросил я, поддерживая его и приласкав по голове его пленника.

— Да.

— Нэнси! — позвал я.

Она подбежала.

— Возьмите его под ту руку. Держись, Рыжий, мы оторвемся.

Свежая рана не дала еще толком себя почувствовать, но правая рука у него не действовала. Мы побежали к углу. За нами погнались раньше, чем мы туда прибежали. На улице к нам поворачивались удивленные лица. Полицейский, стоявший за квартал, направился в нашу сторону. Поддерживая 0'Лири с обеих сторон, мы отбежали от него еще на полквартала — туда, где осталась машина, на которой приехали мы с Джеком. Пока я заводил мотор, а Нэнси устраивала Рыжего на заднем сиденье, улица оживилась. Полицейский закричал нам вслед и выстрелил в воздух.

Куда ехать, я пока не знал и поэтому, оторвавшись от погони, сбавил скорость, попетлял по городу еще немного и остановился на темной улице за Ван-Несс-авеню.

Я обернулся; 0'Лири обмяк в углу, а Нэнси его подпирала.

— Куда? — спросил я.

— В больницу, к врачу, куда-нибудь! — закричала девушка. — Он умирает!

Я ей не поверил. А если и вправду умирает — сам виноват. Если бы он был благодарным человеком и взял меня с собой как друга, мне не пришлось бы его дырявить, чтобы сопровождать потом в качестве санитара.

— Куда, Рыжий? — спросил я, постучав по его колену пальцем.

Сиплым голосом он назвал мне гостиницу на Стоктон-стрит.

— Не годится, — возразил я, — весь город знает, что ты там; вернешься тебе крышка. Куда?

— В гостиницу, — уперся он.

Я вылез из-за руля, встал коленями на сиденье, перегнулся через спинку и начал его обрабатывать. Он был слаб. Сопротивляться долго он не мог. Ломать человека, который и в самом деле, может быть, умирает, неблагородно, но очень уж много хлопот я взял на себя из-за этого фрукта, чтобы попасть к его друзьям. И бросать дело на половине не собирался. Поначалу было похоже, что он недостаточно размяк и придется еще разок

его продырявить. Но девушка приняла мою сторону, и вдвоем мы убедили его, что единственный надежный выход — ехать туда, где его спрячут и где за ним будет уход. И даже не так убедили, как просто замучили — сдался он потому, что ослаб и больше не мог спорить. Он дал мне адрес возле Холли-парка.

Надеясь на лучшее, я повел машину туда.

Дом был маленький, в ряду других маленьких домов. Мы извлекли 0'Лири из машины и, поддерживая с обеих сторон, повели к двери. Даже с нашей помощью он дошел еле-еле. На улице было темно. В доме свет не горел. Я позвонил.

Никакого ответа. Я позвонил опять, потом еще раз.

— Кто там? — спросил грубый голос.

— Рыжего ранили, — сказал я.

Тишина. Потом дверь слегка приоткрылась. Изнутри дома в прихожую падал свет — достаточно света, чтобы узнать плоское лицо и мускулистые челюсти головолома — телохранителя, а затем палача Мацы.

— Какого черта надо? — спросил он.

— На Рыжего напали. Он ранен, — объяснил я, выдвигая обмякшего великана вперед.

Но приютить нас не торопились. Горилла дер-

жал дверь по-прежнему.

— Подождите, — сказал он и захлопнул ее у нас перед носом.

Внутри раздался его голос: «Флора». Все правильно — Рыжий привел меня куда надо. Дверь снова открылась — на этот раз настежь, и мы вместе с Нэнси Риган ввели раненого в прихожую. Рядом с гориллой стояла женщина в черном шелковом платье с глубоким вырезом — Большая Флора, решил я.

На каблуках ей чуть-чуть не хватало росту до метра восьмидесяти, но я заметил, что туфли на ней маленькие и руки без колец — тоже маленькие. Остальные части маленькими не были. Широкие плечи, могучая грудь, толстые бицепсы и шея, при всей ее розовой гладкости напоминавшая шею борца. Моих лет под сорок; очень курчавые коротко остриженные волосы соломенного цвета, очень розовая кожа и красивое, но грубое лицо. У нее были серые, глубоко посаженные глаза и толстые, но хорошей формы губы; широковатый, чуть загнутый нос производил впечатление силы, и основательный подбородок этого впечатления отнюдь не портил. От лба до горла под розовой кожей все было простелено ровными плотными тугими мышцами.

Я понял, что с Флорой шутки плохи, судя по внешности и повадкам этой женщины, она вполне могла организовать и налет, и последующую раздачу призов. Если лицо и тело не врали, у нее для этого вполне хватило бы сил: и физических, и ума, и воли — и еще остались бы лишние. Стоявший рядом с ней громила и рыжий великан, которого я подпирал, были сделаны из материала пожиже.

— Ну? — спросила она, когда за нами закрылась дверь.

Голос у нее был низкий, но не мужской. Он вполне отвечал ее внешности.

— Вэнс со своей кодлой прихватили его у Ларoя. У него пуля в спине, сказал я.

— А ты кто?

— Уложите его. — Я тянул время. — У нас вся ночь для разговоров.

Она повернулась и щелкнула пальцами. Из двери в тыльной стороне вынырнул потертый старичок. В карих глазах его застыл испуг.

— Живо наверх, — приказала она. — Постели кровать, принеси горячей воды и полотенца.

Старичок запрыгал вверх по лестнице как ревматический заяц.

Гориллообразный сменил Нэнси возле Рыжего,

и вдвоем мы втащили великана в комнату наверх, где старичок суетился с тазами и тряпками. За нами поднялись Флора и Нэнси Риган. Мы положили раненого ничком на кровать и раздели. Из раны еще текла кровь. Он был без сознания.

Нэнси Риган зашлась.

— Он умирает! Врача! Рыжик, дорогой мой…

— Замолчи! — сказала Большая Флора. — Поделом ему, идиоту — поперся к Ларою! — она схватила старика за плечо и отшвырнула к двери. — Еще воды, крикнула она ему вслед. — Окунь, дай мне твой нож.

Гориллообразный вынул из кармана пружинный нож с точеным-переточеным узким лезвием. Этот нож, подумал я, перерезал горло Мацы.

Флора вырезала им пулю из спины 0'Лири.

Пока шла операция, Окунь не выпускал Нэнси Риган из угла комнаты. Напуганный старичок стоял на коленях возле кровати, подавал Флоре то, что она просила, промокал кровь из раны.

Я стоял рядом с Флорой и раскуривал сигареты из ее пачки. Она поднимала руку, я вынимал сигарету из своего рта и вставлял ей. Она делала затяжку, сразу на полсигареты, и кивала. Я вынимал сигарету у нее изо рта. Она выпускала дым и снова наклонялась к раненому. Я прикуривал от

окурка новую и ждал ее сигнала.

Ее голые руки были по локоть в крови. По лицу тек пот. Все это напоминало бойню и длилось довольно долго. Но когда она выпрямилась, чтобы затянуться в последний раз, пуля из Рыжего была вынута, кровь остановлена и сам он перевязан.

— Ну, слава Богу, все, — сказал я, закуривая теперь уже свою сигарету. — Они у тебя с торфом, что ли?

Испуганный старичок занялся уборкой. Нэнси Риган потеряла сознание в кресле, и никто не обращал на нее внимания.

— Окунь, присмотри за этим гостем, — сказала Флора, кивнув на меня, — я помоюсь.

Я подошел к девушке, потер ей руки, плеснул воды в лицо, и она очнулась.

— Пулю вынули. Рыжий спит. Через недельку опять полезет в драку, сказал я ей.

Нэнси вскочила и подбежала к кровати.

Вошла Флора. Она умылась и переменила измазанное кровью черное платье на зеленое кимоно, из-под которого там и сям выглядывали крупные части в сиреневом белье. Она стала передо мной и скомандовала:

— Говори: кто, откуда, зачем?

— Я Перси Магуайр, — сказал я, словно это толь-

ко что выдуманное имя все объясняло.

— Это «кто», — сказала она так, словно мое липовое имя ничего не объясняло. — А теперь — откуда?

Гориллообразный Окунь стоял сбоку, оглядывая меня с головы до пят. Дети от моего лица не разбегаются, но на нем более или менее правдиво запечатлелась жизнь, не перегруженная утонченностью и этикетом. Сегодняшние развлечения украсили меня синяками и царапинами, оставили след на том, что сохранилось на мне из одежды.

— Персик, — откликнулся горилла, ощерив редкие желтые зубы. — У тебя папа с мамой цветов не разбирали!

— Это тебе и «откуда», и «зачем», — настаивал я, не обращая внимания на шутки из зоопарка. — Я Перси Магуайр, и мне нужны мои полтораста тысяч долларов. Толстые брови ее сползли на глаза.

— Тебе причитается полтораста тысяч, да?

— Ага, — ответил я. — За ними и пришел.

— Ах, ты не получил? Ты хочешь получить?

— Слушай, сестренка, гони деньги. — Чтобы спектакль удался, вести себя надо было без церемоний. — А от этих «ах, ты получил», «ах, ты не получил» мне только- пить охота. Банк мы

взяли, поняла? Потом вижу, деньги наши накрылись, и говорю своему корешу: «Ничего, мы с них стребуем. Держись за Перси, и все». Потом ко мне подваливает Вэнс и говорит: «Давай с нами», я говорю: «Ладно», — и мы с корешем идем с ними и сегодня вечером встречаем Рыжего в шалмане. Тогда я говорю корешу: «Эти костогрызы кончат Рыжего, и мы ничего не получим. Мы его у них отнимем и заставим отвести туда, где Флора сидит на деньгах. Теперь там будет по полтораста тысяч на брата — делить-то осталось почти не с кем. А когда получим — охота будет Рыжего убрать — никто не мешает. Только дело сперва, удовольствия после, а полтораста тысяч — это дело». Сказано — сделано. Мы выручили большого, когда на него насели. Кореш по дороге залип на девушке, получил в зубы и лег спать. Мое дело маленькое. Если она ему дороже, чем полтораста тысяч — на здоровье. Я пошел с Рыжим. Я вытащил его, когда он поймал пулю. Вообще-то мне и кореша доля полагается это триста тысяч, — но дай мне полтораста, как я хотел сначала, и мы в расчете.

Я думал, этот номер у меня пройдет. Что она выдаст деньги, я, конечно, не надеялся, но если рядовые в банде не знают этих людей, с чего бы

этим людям знать каждого бандита?

Флора сказала Окуню:

— Убери его телегу от подъезда.

Когда он вышел, мне стало легче. Если бы она хотела разделаться со мной сразу, она бы не послала его отгонять машину.

— Пожрать у вас есть? — спросил я, располагаясь, как дома.

Она подошла к лестнице и крикнула наверх:

— Приготовь нам поесть.

Рыжий лежал без сознания. Нэнси Риган сидела рядом с ним, держала его за руку. В лице у нее не было ни кровинки. В комнату снова вошла Флора, посмотрела на раненого, приложила ладонь к его лбу, пощупала пульс.

— Пойдем вниз, — сказала она.

— Я… я лучше тут останусь, если можно, — сказала Нэнси Риган. В глазах и голосе ее был ужас перед Флорой.

Большая женщина, ничего не сказав, пошла вниз. Я спустился за ней в кухню, где старичок жарил на плите яичницу с ветчиной. Я заметил, что окна и черный ход забиты толстыми досками, которые связаны вдобавок брусьями, приколоченными к полу. Часы над раковиной показывали 2.50 ночи.

Флора принесла бутылку и налила себе и мне, пока мы ждали за столом еду, она ругала на чем свет стоит Рыжего О'Лири и Нэнси Риган — он выбыл из игры, потому что пошел к ней на свидание, как раз когда его сила больше всего нужна. Она ругала их и по отдельности, и парой, и даже расширительно, затрагивая вею ирландскую нацию, — но тут старичок принес нам яичницу с ветчиной.

Когда мы покончили с едой и размешивали самогон уже во второй чашке кофе, вернулся Окунь. С новостями.

— На углу торчит пара рож, и они мне не нравятся.

— Легавые или?.. — спросила Флора.

— Или, — сказал он.

Флора снова стала проклинать Рыжего и Нэнси, но на эту тему добавить было почти нечего. Она повернулась ко мне.

— Какого лешего ты их приволок? — спросила она. — С хвостом в километр длиной! Пусть бы подох там, где получил, идиот!

— Я приволок его сюда за сто пятьдесят тысяч. Отначишь мне, и я смываюсь. Ты мне больше ничего не должна. Я тебе ничего не должен. Чем языком молоть, гони бабки, и я отваливаю.

— Разбежался, — сказал Окунь.

Женщина посмотрела на меня из-под нахмуренных бровей и отпила кофе.

Через пятнадцать минут в кухню влетел обтрепанный старичок и сказал, что слышит шаги на крыше. Его выцветшие карие глаза затянула коровья поволока страха, сморщенные губы кривились под взлохмаченными желто-седыми усами.

Флора высыпала на него пригоршню похабных существительных и прилагательных и прогнала наверх. Она встала из-за стола и потуже запахнула на себе зеленое кимоно.

— Ты здесь, — сказала она мне, — и отбиваться будешь с нами. У тебя нет выхода. Пушка есть?

Я признал, что револьвер есть, но в ответ на остальное помотал головой.

— Не моя вахта — пока что, — сказал я. — Чтобы нанять Перси, надо полтораста тысяч, мелкими бумажками, на руки.

Я хотел узнать, здесь ли спрятана добыча. С лестницы донесся слезливый голос Нэнси Риган:

— Нет, нет, милый! Прошу тебя, прошу тебя, ляг в постель! Рыжик, ты себя погубишь!

В кухню вошел Рыжий 0'Лири. На нем были только серые штаны и повязка. Глаза горели

лихорадочным счастьем. Пересохшие губы улыбались. В левой руке у него был пистолет. Правая висела бесполезно. За ним семенила Нэнси. Она перестала причитать и сжалась позади него, увидев Большую Флору.

— Дайте гонг, и начинаем. — Полуголый великан захохотал. — Вэнс на нашей улице.

Флора подошла к нему, взяла пальцами его запястье, подержала секунды три и кивнула.

— Полоумный сукин сын. — Больше всего в ее голосе было, пожалуй, материнской гордости. — Ты уже сейчас годишься для драки. И очень кстати будет тебе драка.

Рыжий засмеялся — засмеялся торжествующе, хвастаясь своей крепостью, и тут его глаза обратились ко мне. Смех из них исчез, и они недоуменно сощурились.

— А-а, ты? — сказал он. — Ты мне снился, не помню только где. Где же… Погоди. Сейчас вспомню. А-а, вот… Черт! Снилось, что это ты в меня стрелял!

Флора улыбнулась мне — в первый раз я увидел у нее улыбку — и быстро сказала:

— Окунь, возьми его!

Извернувшись, я наискось выскочил из кресла. Кулак Окуня ударил меня в висок. Ловя ногами

пол, я отлетел в другой конец комнаты и вспомнил синяк на виске мертвого Мацы.

Стена остановила меня, и тут же навалился Окунь.

Я ударил его кулаком в плоский нос. Брызнула кровь, но его волосатые лапы меня не выпустили. Я прижал подбородок к груди и ударил его головой в лицо. На меня пахнуло духами Большой Флоры. По мне скользнуло ее шелковое кимоно. Обеими руками схватив меня за волосы, она отогнула мне голову открыла мою шею для Окуня. Он сжал ее лапами. Я затих. Он душил не сильнее, чем было нужно, но этого хватало.

Флора обыскала меня — револьвер, дубинка.

— Револьвер 9,65, - объявила она. — Рыжий, я вынула из тебя револьверную пулю 9,65. — Ее слова доносились до меня сквозь рев в ушах.

В кухне тараторил голос старичка. Я не мог разобрать, что он говорит. Руки Окуня отпустили меня. Я сам себя схватил за горло. Невыносимо было, когда его не сдавливали. Чернота медленно уплывала из моих глаз, оставив много пурпурных облачков, плававших и плававших по кругу. Наконец я сумел сесть на полу. И только тогда понял, что лежал на нем.

Пурпурные облачка съеживались, и я уже

видел между ними, что нас в комнате трое. В углу свесилась в кресле Нэнси Риган. В другом кресле, у двери, с черным пистолетом в руке сидел испуганный старичок. В глазах у него был отчаянный страх. Наведенный на меня пистолет трясся вместе с рукой. Я хотел сказать, чтобы он либо перестал трястись, либо отвел пистолет, но еще не мог выдавить ни слова.

Наверху прогремели выстрелы, их грохот наполнил тесный дом.

Старичок вздрогнул.

— Выпустите меня, — вдруг прошептал он, — и я вам все отдам. Отдам! Все… если выпустите меня из этого дома!

Слабый лучик света там, где не было и проблеска, вернул мне голосовые способности.

— Ближе к делу, — выдавил я.

— Я отдам вам всех этих, наверху… эту дьяволицу. Я отдам вам деньги, я отдам вам все — если выпустите. Я старый. Я больной. Я не могу жить в тюрьме. Что у меня общего с грабежами? Ничего. Разве я виноват, что дьяволица?.. Вы же сами видели. Я раб… а мне жить осталось всего ничего. Надругательства, брань, побои… и этого мало. Теперь я попаду в тюрьму, потому что эта дьяволица — настоящая дьяволица. Я старик, я не

могу жить в тюрьме… Выпустите меня. Сделайте доброе дело. Я отдам вам дьяволицу… и этих дьяволов… награбленные деньги. Обещаю вам! — И это говорил насмерть перепуганный старичок, ерзавший и корчившийся в кресле.

— Как я тебя выпущу? — Я поднялся, не сводя глаз с его дула. Добраться бы до него, пока разговариваем.

— Как «как»? Вы друг полицейских, я знаю. Полицейские уже здесь — ждут рассвета, чтобы войти в дом. Я своими старыми глазами видел, как забрали Бритву Вэнса. Вы можете провести меня мимо ваших друзей, полицейских. Сделайте, как я прошу, а я отдам вам этих дьяволов и их деньги.

— Предложение хорошее, — ответил и, беспечно шагнув к нему. — Но могу я выйти отсюда, когда захочу?

— Нет! Нет! — сказал он, не обратив внимания на то, что я сделал к нему еще шаг. — Сперва я отдам вам трех дьяволов. Я отдам вам их живыми, но бессильными. И их, деньги. Обещаю — и тогда вы выпустите меня… и эту девушку. — Он вдруг кивнул на Нэнси, чье белое лицо, все еще хорошенькое, почти целиком превратилось в огромные глаза. — Она тоже неповинна в пре-

ступлениях этих дьяволов. Она должна уйти со мной.

Интересно, подумал я, что этот старый заяц о себе возомнил?

Я нахмурился с преувеличенной задумчивостью, а тем временем сделал еще один шаг.

— Не сомневайтесь, — убежденно прошептал он. — Когда дьяволица вернется в эту комнату, вы умрете — она вас обязательно убьет.

Еще три шага — и я доберусь до него и до его пистолета. В коридоре раздались шаги. Поздно прыгать.

— Да? — в отчаянии прошептал он.

За какую-то долю секунды до того, как вошла Большая Флора, я кивнул.

Она переоделась перед боем в синие брюки — возможно, Окуня, — расшитые бисером мокасины, шелковую кофточку. Курчавые соломенные волосы, чтобы не мешались, она стянула лентой. В руке у нее был револьвер, и еще по одному в карманах брюк.

Тот, что в руке, поднялся.

— Тебе конец, — сказала она деловито.

Мой новый союзник заныл:

— Подожди, подожди, Флора! Не здесь же, прошу тебя! Сам я отведу его в подвал.

Она нахмурилась, пожала шелковыми плечами.

— Только быстро, — сказала она. — Через полчаса рассвет.

Я бы засмеялся над ними, если бы не так хотелось плакать.

Я должен верить, что этот старый заяц заставил ее переменить планы? Видимо, я отчасти надеялся на помощь старика, иначе не был бы так разочарован этой маленькой комедией, показавшей мне, что они просто устроили западню. Но в какую бы дыру меня ни заманивали, едва ли она будет хуже той, в какой я нахожусь.

И я вышел впереди старичка в коридор, открыл дверь, которую он мне показал, включил свет в цокольном этаже и стал спускаться по неровным ступенькам. Он шептал у меня за спиной:

— Сперва я покажу вам деньги, потом отдам вам этих дьяволов. А вы не забудете ваше обещание? Мы с девушкой пройдем через полицейских?

— Ну да, — успокоил я хрыча.

Он нагнал меня, сунул мне в руку пистолет.

— Спрячьте его, — шепнул он и, когда я засунул пистолет в карман, дал еще один, вынув, как и первый, из-под пиджака.

А потом он и в самом деле показал мне добычу.

Деньги еще лежали в ящиках и мешках, как их вынесли из банков. Он захотел открыть несколько штук и показал мне деньги — зеленые пачки, обклеенные желтой банковской лентой. Ящики и мешки хранились в маленьком кирпичном чулане с висячим замком на двери, и ключ был у него.

Когда мы кончали осмотр, он закрыл дверь, но не запер и повел меня назад ко входу.

— Это, как видите, деньги, — сказал он. — Теперь насчет них. Вы станете здесь, спрячетесь за этими ящиками.

Перегородка делила подвал надвое, в ней была дверная коробка, но без двери. Старик велел мне спрятаться около этого проема, между перегородкой и четырьмя ящиками. Стоя там, я оказался сзади и справа от того, кто спускался по лестнице и шел через подвал к чулану с деньгами. Оказывался я в этой позиции тогда, когда человек проходил через проем в перегородке.

Старик возился за каким-то ящиком. Он достал полуметровый обрезок свинцовой трубы, одетый в черный садовый шланг. Он дал мне его и все объяснил:

— Они будут приходить сюда по одному. Когда войдут в эту дверь, вы знаете, что надо делать,

и тогда они ваши, а мне вы дали обещание. Так или нет?

— Ну да, — ответил я, теряя уже всяческое соображение.

Он ушел наверх. Я пригнулся за ящиками, осмотрел пистолеты старика — и будь я проклят, если обнаружил в них хоть один изъян. Оба были заряжены и с виду исправны. Этот последний штрих окончательно сбил меня с толку. Я уже не понимал, в подвале стою или летаю на аэростате.

Когда в подвал вошел О'Лири, по-прежнему только в брюках и повязке, мне пришлось сильно тряхнуть головой, чтобы прийти в себя; я ударил его трубой по затылку, едва его босая нога переступила порог. Он растянулся ничком.

Старик сбежал по ступенькам, не переставая улыбаться.

— Торопитесь! Торопитесь! — пропыхтел он, помогая мне тащить Рыжего в чулан с деньгами. Потом он достал два куска веревки и связал великана по рукам и ногам. — Торопитесь! — пропыхтел он еще раз и убежал наверх, а я вернулся в засаду и помахал трубой, размышляя, что если Флора меня застрелила, то сейчас я просто получаю вознаграждение за свою добродетель в раю,

где я буду вечно радоваться, глуша тех, кто плохо обходился со мной внизу.

Спустился горилла-головолом, подошел к двери. Сам получил по голове. Прибежал старичок. Мы отволокли Окуня в чулан, связали.

— Торопитесь! — пропыхтел старый хрыч, приплясывая от возбуждения. Теперь эта дьяволица — бейте сильнее! — Он убежал наверх и зашлепал ногами где-то у меня над головой.

Я чуть отодвинул в сторону недоумение, расчистив место для хотя бы маленькой работы ума. Эта ерунда, которой мы занялись, ни на что не похожа. Этого просто не может быть. В жизни так ничего не делается. Ты не стоишь в углах, не глушишь людей одного за другим, как машина, покуда старый сморчок подает их тебе в дверь. Бред собачий! С меня хватит!

Я прошел мимо своей засады, положил трубу и подыскал другое место, под какими-то полками, около лестницы. Присел там на корточки, с пистолетами в обеих руках. В этой игре что-то нечисто… должно быть нечисто. За болвана я больше сидеть не буду.

По лестнице спускалась Флора. Старичок трусил за ней.

Она держала два пистолета. Ее серые глаза рыс-

кали повсюду. Она пригнула голову, как зверь, выходящий на драку. Ноздри у нее трепетали. Она спускалась не быстро и не медленно, и все движения ее тела были точны, как у танцовщицы. Сто лет проживу, не забуду, как спускалась по нетесаным ступенькам эта статная свирепая женщина.

Она увидела меня, когда я поднялся.

— Брось оружие! — сказал я, уже зная, что она не бросит. В тот миг, когда она навела на меня левый пистолет, старик выхватил из рукава квелую дубинку и стукнул ее по виску. Я прыгнул и подхватил Флору, не дав удариться о цемент.

— Вот видите! — радостно сказал старичок. — Деньги — у вас, и они ваши. А теперь выпустите меня и девушку.

— Сперва уложим ее с остальными, — сказал я.

Он помог мне перетащить Флору, и я велел ему запереть дверь чулана. Он запер, и я отобрал ключ одной рукой, а другой взял его за горло. Он извивался, как змея, пока я обшаривал его, вынимал кистенек и пистолет и ощупывал пояс с деньгами.

— Сними его, — приказал я, — с собой ты ничего не унесешь.

Руки его повозились с пряжкой, вытащили

пояс из-под одежды, бросили на пол. Набит он был туго.

Держа старика за шею, я отвел его наверх, в кухню, где застыв сидела девушка. При помощи основательной порции чистого виски и множества слов мне удалось растопить ее, и в конце концов она поняла, что выйдет отсюда со стариком, но никому не должна говорить ни слова, в особенности полицейским.

— Где Рыжик? — спросила она, когда на лицо ее вернулись краски — хотя хорошеньким оно оставалось и без них, — а в глазах появился проблеск мысли.

Я ответил, что он на месте, и пообещал ей, что к утру он будет в больнице. Остальное ее не интересовало. Я прогнал ее наверх за пальто и шляпой, сходил вместе со старичком за его шляпой, а потом отвел их обоих в комнату на нижнем этаже.

— Сидите здесь, пока не приду за вами, — сказал я, запер их и положил ключ в карман.

Парадная дверь и окно на нижнем этаже были забраны досками так же, как задние. Я не рискнул их отрывать, хотя уже светало. Я поднялся наверх, соорудил из наволочки и кроватной планки белый флаг, высунул в окно и, когда чей-то бас сказал мне: «Ладно, давай говори», высунулся

сам и сказал полицейским, что сейчас их впущу. Чтобы открыть парадную дверь, я минут пять работал топориком. Когда дверь открылась, на ступеньках и тротуаре стояли начальник полиции, начальник уголовного розыска и половина личного состава полиции. Я отвел их в подвал и выдал им Большую Флору, Окуня и Рыжего О'Лири вместе с деньгами. Флора и Окунь очнулись, но не разговаривали.

Пока сановники толпились вокруг добычи, я ушел наверх. Дом наполнили полицейские сыщики. Я здоровался с ними по дороге к комнате, где оставил Нэнси Риган и старика. Лейтенант Дафф возился с запертой дверью, а Хант и О'Гар стояли у него за спиной.

Я улыбнулся Даффу и отдал ключ.

Он открыл дверь, посмотрел на старика и девушку — больше на девушку, потом на меня. Они стояли посреди комнаты. Выцветшие глаза старика смотрели жалко и вопросительно, а голубые глаза девушки потемнели от тревоги. Тревога ничуть не повредила ее красоте.

Если это твое — ты не зря запер на замок, — шепнул О'Гар мне на ухо.

А теперь можете бежать, — сказал я им. — Отоспитесь как следует, на работу явитесь завтра.

Они кивнули и вышли из дома.

Вот как у вас в агентстве поддерживают равновесие! — сказал Дафф. — На каждого урода-оперативника по красавице?

В коридоре появился Дик Фоули.

— Что у тебя? — спросил я.

— Финиш. Анжела привела меня к Вэнсу. Он привел сюда. Я привел полицейских. Его взяли… Ее взяли.

На улице грохнули два выстрела. Мы подошли к двери и увидели какую-то возню в полицейской машине. Мы подошли к ней. Бритва Вэнс в наручниках корчился в кабине, сползая на пол.

— Мы держали его в машине, Хьюстон и я, — объяснил Даффу агент в штатском, человек с жестким ртом. — Он хотел бежать, схватил револьвер Хьюстона обеими руками. Мне пришлось стрелять… два раза. Капитан нам голову оторвет! Нарочно держал его здесь — как будущего свидетеля. Ей-богу, я бы не стал стрелять, но тут — либо он, либо Хьюстон!

Дафф обозвал агента ирландской дубиной и помог ему поднять Вэнса на сиденье. Полные боли глаза Вэнса остановились на мне.

— Я… тебя… знаю? — выдавил он. — «Континентал»… Нью-Йорк?

— Да.

— Не мог… вспомнить… у Лароя… с Рыжим?

— Да, — сказал я. — Взяли Рыжего, Флору, Окуня и деньги.

— А Папа… до… пуло…са… нет.

— Папа до чего? — переспросил я, и спина у меня похолодела.

Он приподнялся на сиденье.

— Пападопулос, — выговорил он из последних сил. — Хотел… пристрелить его… уходит с девушкой… легавый поспешил… жалко…

Слова в нем кончились. Он содрогнулся. Смерть уже стояла в его зрачках. Врач в белом хотел протиснуться мимо меня в машину. Я оттолкнул его и, нагнувшись, схватил Вэнса за плечи. Затылок у меня оледенел. В животе было пусто.

— Слушай, Вэнс, — крикнул я ему в лицо. — Пападопулос? Старичок? Мозги шайки?

— Да, — сказал Вэнс, и последняя капля крови вышла из него с этим словом.

Я уронил его на сиденье и отошел.

Конечно! Как же я не сообразил? Старый мерзавец — если бы не он, при всем его испуге, был главной пружиной, смог бы он так ловко сдать мне остальных, по одному? Их загнали в угол. Либо погибнуть в перестрелке, сдаться и кончать на

виселице. Ничего другого им не оставалось. Полиция схватила Вэнса — он мог сказать и наверняка сказал бы, что Пападопулос был атаманом, и ни возраст, ни хилость, ни маска прислужника не помогли бы старому хрычу выкрутиться на суде.

А я? Мне тоже ничего не оставалось, как принять его условия. Иначе конец. Я был воском в его руках, его сообщники были воском. Он списал их также, как они помогли ему списать других, а я отпустил его на все четыре стороны.

Теперь я могу искать его, могу перевернуть город вверх дном — я обещал только выпустить его из дома, — но…

Что за жизнь!

106 тысяч за голову

— Я Том-Том Кери, — с растяжкой сказал он.

Я кивнул на кресло возле моего письменного стола и, пока он подходил, прикинул, с кем имею дело. Высокий, широкоплечий, широкогрудый, узкий в поясе, он весил, пожалуй, килограммов восемьдесят пять. Смуглое лицо его было твердым, как кулак, но ничто в нем не говорило о дурном характере. Синий костюм на нем был хороший и сидел хорошо.

Усевшись, он завернул в коричневую папиросную бумагу заряд табака и объяснил

— Я брат Пэдди Мексиканца.

Я решил, что это, возможно, правда. По масти и повадкам Пэдди был похож на гостя.

— Значит ваша настоящая фамилия — Каррера, — обронил я.

— Да. — Он раскурил самокрутку. — Альфредо Эстанислао Кристобаль Каррера, если желаете подробнее.

Я спросил его, как писать «Эстанислао», записал на листке, добавив: «Он же Том- Том Кери», вызвал Томми Хауда и попросил, чтобы в архиве

посмотрели, нет ли у нас чего на эту фамилию. Томми ушел с листком, а смуглый человек с растяжкой проговорил в дыму:

— Пока ваши люди раскапывают могилы, я объясню, зачем пришел.

— Нескладно как Пэдди погиб, — сказал я.

— Такие доверчивые долго не живут, — объяснил его брат. — Но такой уж он был человек… последний раз я видел его четыре года назад, тут, в Сан-Франциско. Я тогда вернулся из экспедиции в… не важно куда. Короче, я сидел на мели. Вместо жемчуга привез из поездки только пулевой шрам на бедре. А Пэдди был жирный, только что нагрел кого-то на пятнадцать тысяч. В тот день, когда мы встретились, он собирался на свидание и опасался тащить с собой такие деньги.

Том-Том Кери выдул дым и мягко улыбнулся, мимо меня, своим воспоминаниям.

— Такой уж он был человек. Верил даже родному брату. А я в тот же день уехал в Сакраменто, оттуда — поездом на восток. Одна девочка в Питтсбурге помогла мне истратить эти пятнадцать тысяч. Лорел ее звали. Любила запивать ржаное виски молоком. И я с ней пил, покуда внутри у меня все не свернулось — на творог с тех пор смотреть не могу. Так, значит, за голову

этого Пападопулоса назначили сто тысяч?

— И шесть. Страховые компании предложили сто тысяч, ассоциация банкиров — пять и город — тысячу.

Том-Том Кери бросил окурок самокрутки в плевательницу и начал монтировать новую.

— А если я вам его поставлю? — спросил он. — Куда и как разойдутся деньги?

— Здесь они не застрянут, — уверил я его. — Сыскное агентство «Континентал» наградных не берет и служащим брать не позволяет. Если полиция примет участие, они захотят долю.

— Но если нет, все — мои?

— Если возьмете его без посторонней помощи или только с нашей помощью.

— Возьму. — Он сказал это небрежно. — Так, с арестом ясно. Теперь насчет суда. Если его возьмут, это точно, что он там не отмажется?

— Должно-то быть точно, но он ведь предстанет перед присяжными, а тут все может случиться.

Мускулистая коричневая рука с коричневой сигаретой ответила на это беспечным жестом.

— Тогда, пожалуй, надо получить у него признание до того, как я его притащу, — предложил он не задумываясь.

— Так будет надежнее, — согласился я. — Вам

стоило бы опустить кобуру сантиметров на пять. А то рукоять очень высоко. Выпирает, когда садитесь.

— Ага. Вы — про тот, что под левой рукой? Снял с одного человека, когда свой потерял. Ремень коротковат. Сегодня достану другой.

Вошел Томми с папкой: «Кери, Том-Том. 1361-К». Там были газетные вырезки — самые старые десятилетней давности, самые свежие восьмимесячной. Я прочел их, передавая по одной смуглому человеку. Тома-Тома Кери описывали как наемника, торговца оружием, браконьера по тюленям, контрабандиста и пирата. Но все это только предполагалось, допускалось и подозревалось. Его многократно задерживали, но ни по одному делу не осудили.

— Они ко мне несправедливы, — мирно пожаловался он, закончив чтение. Например, что украл китайскую канонерку — так это не я виноват. Меня же вынудили — меня на пулю взяли. Товар к себе погрузили, а платить не хотят. Я же не мог один выгрузить. Пришлось и канонерку взять, и все. А страховым компаниям этот Пападопулос, видно, очень нужен, если назначили сто тысяч.

— За такую поимку — недорого, — ответил

я. — Может быть, газеты на него липших собак навешали, но хватит и того, что есть на самом деле. Он собрал тут целую армию бандитов, захватил квартал в финансовом центре, ограбил два самых больших банка, отбился от всей городской полиции, ушел, потом улизнул от армии, с одними своими помощниками перебил других помощников — вот тут и вашему брату Пэдди досталось, — потом с помощью Окуня Рива, Большой Флоры Брейс и Рыжего 0'Лири убрал остальных помощников. И, учтите, это были не школьники, это были тертые ребята, вроде Бритвы Вэнса, Дрожащего Мальчика и Котелка Маклоклина — молодцы, которые знали, что к чему.

— Угу. — Кери остался невозмутим. — А все-таки дело накрылось. Деньги вы отобрали, а сам он едва ноги унес.

— Ему не повезло, — объяснил я. — Выложился Рыжий 0'Лири со своей любовью и фанаберией. Тут Пападопулос не виноват. Не думайте, что он дальше пяти не умеет считать. Он опасный человек, и страховые компании не зря решили, что будут спать спокойно, если его поместят туда, где он не сможет устраивать пакости застраховавшимся у них банкам.

— Не очень много знаете об этом Пападопулосе, да?

— Да. — Я сказал правду. — И никто не знает. Эти сто тысяч сделали из половины воров в стране осведомителей. Они гоняются за ним не хуже, чем мы, — не только из-за денег, а из-за того надувательства. И знают о нем так же мало, как мы: что он приложил руку еще к десятку дел, что он стоял за аферой Бритвы Вэнса с облигациями и что его враги имеют обыкновение умирать молодыми. Но никто не знает, откуда он взялся и где живет — когда живет дома. Не думайте, что я подаю его как Наполеона или какого-то стратега из воскресных приложений, но это хитрый, изобретательный старик. Вы правильно сказали, я мало о нем знаю, но на свете много людей, о которых я мало знаю.

Том-Том Кери кивнул, показывая, что понял последнюю фразу, и стал сворачивать третью самокрутку.

— Когда я был в Ногалесе, Анжела Грейс Кардиган передала мне, что Пэдди убили, — сказал он. — Это было с месяц назад. Она, наверное, думала, что я сразу понесусь сюда, а мне что, больше всех надо? Не к спеху. Но на прошлой неделе я прочел в газете, что за этого человека,

который, она сказала, виноват в смерти Пэдди, назначена награда. А это уже разница — в сто тысяч разница. И вот я мотнул сюда, поговорить с ней, а потом к вам пришел узнать, не встанет ли кто между мной и деньгами, когда я заарканю вашего Папу-до-полу.

— Вас ко мне послала Анжела Грейс? — спросил я.

— Угу… только она этого не знает. Она помянула вас, когда рассказывала — сказала, что вы приятель Пэдди и хороший человек, хоть и сыщик, что спите и видите, как бы поймать Папу-до-полу. Я подумал: он-то мне и нужен.

— Когда вы уехали из Ногалеса?

— Во вторник на прошлой неделе.

— Это значит, — сказал я, покопавшись в памяти, — на другой день после того, как за границей убили Ньюхолла.

Смуглый человек кивнул. В лице его ничто не изменилось.

— Это случилось далеко от Ногалеса? — спросил я.

— Его застрелили около Окитоа, километрах в ста к юго-западу от Ногалеса. Интересуетесь?

— Нет… просто подумал, что вы уехали оттуда, где его убили, на другой день и приехали туда,

где он жил. Вы его знали?

— Мне показали его в Ногалесе: миллионер из Сан-Франциско отправляется с компанией покупать шахты в Мексике. Я решил: попозже попробую кое-что ему продать, но мексиканские патриоты добрались до него раньше меня.

— И тогда вы поехали на север?

— Этот шухер испортил мне коммерцию. У меня там было аккуратненькое дело… скажем так, с поставками через границу и обратно. После убийства все очень заинтересовались этой частью страны. И я решил: поеду сюда, получу сто тысяч, а там пока все уляжется. Честно, друг, не помню уже, сколько недель не убивал миллионера — если вы об этом волнуетесь.

— Это хорошо. Значит, насколько я понял, вы рассчитываете поймать Пападопулоса. Анжела Грейс вызвала вас, решив, что вы изловите его в отместку за убийство Пэдди, вас же интересуют деньги, поэтому вы намерены работать и со мной и с Анжелой. Так?

— Точно.

— Вы понимаете, как она отнесется к тому, что вы связались со мной?

— Угу. Будет биться в падучей — щекотливая насчет связей с полицией, а?

— Да, кто-то однажды объяснил ей про воровскую честь, и она не может выкинуть это из головы. Ее брат отбывает срок на севере — его продал Джон Водопроводчик. Ее возлюбленного Пэдди расстреляли дружки. Открыло ей это глаза? Ничего подобного. Боже упаси помочь нам, пусть лучше Пападопулос гуляет на свободе.

— Не страшно, — успокоил меня Том-Том Кери. — Она думает, что я хороший брат — Пэдди вряд ли много обо мне рассказывал, — и я с ней полажу. Вы за ней следите?

— Да, с тех пор как ее выпустили. Ее арестовали в один день с Флорой, Окунем и Рыжим, но у нас на нее ничего не было — просто подруга Пэдди, — и я договорился, чтобы ее отпустили. Какие она дала вам сведения?

— Обрисовала Папу-до-полу и Нэнси Риган, больше ничего. Она про них знает больше меня. А эта Нэнси как сюда вписывается?

— Да никак — разве что выведет нас на Пападопулоса. Она была подругой Рыжего. Он пришел к ней на свидание и испортил всю обедню. А когда Пападопулос выкрутился, он взял с собой и девушку. Не знаю почему. К налету она не причастна.

Том-Том Кери свернул четвертую самокрутку,

закурил и встал.

— Работаем на пару? — спросил он, взяв шляпу.

— Если вы доставите Пападопулоса, я добьюсь, чтобы вы получили все причитающееся вам до цента, — ответил я. — И обещаю свободу рук — не буду мешать вам слишком пристальным наблюдением.

Он ответил, что согласен, сказал, что остановился в гостинице на Эллис-стрит, и ушел.

Я позвонил в контору покойного Тейлора Ньюхолла, и мне было сказано, что если я хочу получить сведения о его делах, надо связаться с его загородной резиденцией, в нескольких милях к югу от Сан-Франциско. Так я и сделал. Министерский голос сообщил мне, что я разговариваю с дворецким и что встретиться мне надо с адвокатом Ньюхолла Франклином Эллертом. Я пошел к Эллерту в контору.

Это был раздражительный шепелявый старике выпученными от давления глазами.

— Есть ли основания предполагать, — спросил я напрямик, — что убийство Ньюхолла — не просто выходка мексиканских бандитов? Могло ли быть, что его убили умышленно, а не просто в перестрелке с теми, кто хотел их захватить?

Адвокаты не любят, чтобы их допрашивали. Этот брызгал слюной, строил мне гримасы, еще больше выпучивал глаза и, конечно, ответа не дал.

— То ешть? То ешть? — огрызнулся он. — Объяшните, что вы имеете в виду!

Он свирепо посмотрел на меня, потом на стол, дрожащими руками поворошил бумаги, словно отыскивая полицейский свисток. Я рассказал ему свое дело рассказал про Тома-Тома Кери.

Еще немного побрызгав, Эллерт спросил:

— Что вы имеете в виду, черт возьми? — И устроил уже полный кавардак на столе.

— Ничего не имею в виду, — проворчал я в ответ. — Что имею, то и сказал.

— Да! Да! Понимаю! — Он перестал выпучивать на меня глаза, и голос у него сделался менее сварливым. — Но нет шовершенно никаких ошнований подожревать что- либо подобное. Совершенно никаких, шер, шовершенно!

— Может быть и так. — Я повернулся к двери. — И все же я в этом немного покопаюсь.

— Подождите! Подождите! — Он вскочил с кресла и побежал вокруг стола ко мне. — Мне кажетша, вы ошибаетесь, но раш вы вше равно будете рашшледовать, сообщайте мне, пожалуй-

шта, о режультатах. И лучше вшего — берите ш меня ваш обычный гонорар и держите меня в курше дела. Шоглашны?

Я сказал, что согласен, вернулся к столу и начал его расспрашивать. По словам адвоката, в делах Ньюхолла не было ничего такого, что могло бы насторожить нас. Капитал его составлял несколько миллионов и в основном был вложен в шахты. Почти половину денег он получил в наследство. Никаких сомнительных сделок в прошлом, никаких незаконных претензий на чужие горные участки, никакого мошенничества, никаких врагов. Вдовец; единственная дочь. При жизни отца у нее было все, чего она только могла пожелать, и они очень любили друг друга. Он отправился в Мексику с группой горнопромышленников из Нью-Йорка, которые собирались продать ему там участки. На них напали бандиты, нападение отбили, но в перестрелке погибли Ньюхолл и геолог Паркер.

Вернувшись в контору, я составил телеграмму в наше Лос-анжелесское отделение с просьбой послать в Ногалес агента и выяснить что можно об убийстве Ньюхолла и о делах Тома-Тома Кери. Сотрудник, которому я дал зашифровать ее и отправить, сказал, что меня хочет видеть Старик. Я

пришел к нему в кабинет, и он познакомил меня с маленьким круглым человеком по фамилии Хук.

— У мистера Хука, — сказал Старик, — ресторан в Сосалито. В прошлый понедельник он взял на работу официантку по имени Нелли Райли. Она сказала, что приехала из Лос-Анджелеса. По описанию мистера Хука ее приметы в точности совпадают с тем, как вы с Кониханом изобразили Нэнси Риган. Верно? — спросил он толстяка.

— Совершенно верно. В точности то, что я прочел в газетах. Рост- метр шестьдесят пять, среднего сложения, голубые глаза и каштановые волосы, лет двадцати двух или двадцати одного, красивая, но самое главное — фанаберия неслыханная, мнит о себе неизвестно что. Я тут попробовал перейти с ней как бы на более дружеские отношения — так она мне сказала: уберите ваши грязные лапы. А потом я выяснил, что она почти не знает Лос-Анджелеса, хотя говорит, что прожила там два или три года. Могу спорить, это она самая. — И дальше он стал интересоваться тем, сколько из обещанного вознаграждения придется на его долю.

— Вы сейчас туда отправляетесь? — спросил я его.

— Да, скоро. Мне тут надо зайти узнать кое о

каких блюдах. А потом уже сюда.

— Девушка будет на работе?

— Да.

— Тогда мы пошлем с вами человека — он знает Нэнси Риган.

Я вызвал Джека Конихана из комнаты оперативников и представил его Хуку. Они договорились встретиться через полчаса у парома, и Хук вразвалочку ушел.

— Нелли Райли не Нэнси Риган, — сказал я. Но мы не можем пренебречь даже одним шансом из ста.

Я рассказал Джеку и Старику о Томе-Томе Кери и о моем визите к Эллерту. Старик выслушал меня с обычной вежливой внимательностью, молодой Конихан, всего четыре месяца назад ставший охотником за людьми, — с широко открытыми глазами.

— Ты, пожалуй, беги на встречу с Хуком, — сказал я, закончив рассказ, и вместе с ним вышел из кабинета. — А если окажется, что она — Нэнси Риган, вцепись и не отпускай. — Старик уже не мог нас слышать, и я добавил: — И, ради Бога, постарайся в этот раз не получить по зубам за свою юношескую галантность. Сделай вид, что ты взрослый.

Мальчишка покраснел, сказал: «Идите к черту!», подтянул галстук и отправился на свидание с Хуком.

Мне надо было написать несколько отчетов. Покончив с ними, я положил ноги на стол и, множа полости в пачке сигарет, до шести часов думало Томе-Томе Кери. Потом я Пошел в ресторан есть свой лангет и похлебку из морских ушек, а потом — домой, чтобы переодеться и закончить вечер в клубе за покером. Переодевание мое прервал телефонный звонок. Звонил Джек Конихан.

— Я в Сосалито. Девушка не Нэнси, но я набрел на кое-что другое. Не знаю, как быть дальше. Вы можете приехать?

— Дело стоит того, чтобы отказаться от покера?

— Да… по-моему, это в самом деле нить.

— Ты где?

— Тут, на пароме. Не в Золотых воротах, на другом.

— Ладно. Приеду с первым же паромом.

Часом позже я сошел с парома в Сосалито. Джек Конихан протолкался сквозь толпу и начал говорить:

— Когда я уже возвращался и пришел сюда…

— Подожди, пока выйдем из толпы, — остано-

вил его я. — Должно быть, что-то потрясающее — восточный уголок твоего воротничка загнулся.

Пока мы шли к улице, он механически поправил эту деталь своего безупречного в остальном костюма, но даже не улыбнулся — его мысли были заняты чем-то другим.

— Сюда, — сказал он, заводя меня за угол. — Кафе Хука — на углу. Если хотите, можете сами взглянуть на девушку. Она такого же роста и масти, как Нэнси Риган, но и только. Стервоватая девчонка, с последней работы, наверное, уволили за то, что плюнула жвачкой в кастрюлю с супом.

— Хорошо. Значит, она отпала — так чем ты взволнован?

— Я посмотрел на нее и пошел обратно, на паром. Паром подвалил, когда я был еще квартала за два. Навстречу мне попались двое — наверное, только что сошли с него. Оба были греки, довольно молодые, уголовного вида, и в другой раз я вряд ли обратил бы на них внимание. Но поскольку Пападопулос грек, они нас интересуют, и я к ним присмотрелся. Они спорили о чем-то на ходу. Негромко, но смотрели друг на друга сердито. Когда они проходили мимо, тот, что шел ближе к обочине, сказал другому: «Я ему говорю,

прошло двадцать девять дней».

Двадцать девять дней. Я подсчитал — ровно двадцать девять дней, как мы ищем Пападопулоса. Он грек, и эти ребята греки. Когда я кончил считать, я повернулся и пошел за ними. Они провели меня через весь город — и на горку, на окраине. Вошли в домик — три комнаты самое большее, — который стоит на отшибе, посреди поляны в лесу. На нем вывеска: «Продается». Окна без занавесок, вид нежилой, но на земле перед черной дверью было мокрое место, как будто выплеснули ведро или кастрюлю воды.

Я сидел в кустах, пока не начало смеркаться. Тогда я подошел. Услышал разговор внутри, но через окна ничего не мог увидеть. Они были забиты досками. Немного погодя эти двое вышли, говоря что-то на непонятном языке тому, кто был в доме. Пока они уходили по тропинке, дверь оставалась открытой, и я не мог идти за ними — меня увидели бы из двери.

Потом дверь закрылась, и я услышал в доме шаги людей — а может быть, одного человека, — запахло кухней, из трубы поднялся дым. Я ждал, ждал, но ничего больше не произошло, и тогда решил, что надо связаться с вами.

— Интересно, — согласился я.

Мы проходили под фонарем. Джек остановил меня, схватив за руку, и вытащил что-то из кармана пальто.

— Посмотрите! — Он протянул мне предмет. Обожженный лоскут синей материи. Это могли быть остатки женской шляпки, на три четверти сгоревшей. Я осмотрел лоскут под фонарем, потом зажег свой фонарик, чтобы изучить тщательнее.

— Я подобрал его за домом, пока там шнырял, — сказал Джек, — а…

— А на Нэнси Риган в ту ночь, когда она исчезла с Пападопулосом, была шляпка такого же цвета, — закончил я за него. — Пошли к домику.

Уличные огни остались позади, мы поднялись на горку, спустились в небольшую долину, свернули на извилистую песчаную тропу, с нее по траве под деревьями перебрались на грунтовую дорогу, прошагали по ней чуть меньше километра, а потом Джек повел меня по узкой тропинке, петлявшей в черной чаще кустов и мелких деревьев. Я засомневался в том, что он помнит дорогу.

— Почти пришли, — прошептал он.

Из кустов выскочил человек и схватил меня за горло.

Руки у меня были в карманах пальто — одна

на фонаре, другая на револьвере. Я повернул револьвер в кармане дулом к напавшему — нажал спуск.

Выстрел погубил мое семидесятипятидолларовое пальто. Но человек отпустил мое горло.

Очень кстати. Другой человек бросился на меня сзади.

Я пытался вывернуться — не успел… почувствовал на спине лезвие ножа.

Это уже было некстати — но все же лучше, чем острие ножа.

Я попытался ударить его затылком в лицо — не попал, продолжал извиваться и вертеться, наконец вытащил руки из карманов и схватил его.

Лезвие ножа плашмя прижалось к моей щеке. Я поймал руку, державшую нож, повалился на спину — он подо мной.

Он сказал:

— Ой!

Я перевернулся, встал на четвереньки, кулак смазал меня по лицу, и я вскочил.

В лодыжку мне вцепились пальцы.

Я повел себя не спортивно. Я ударил по пальцам ногой — нашел тело человека — ударил ногой два раза, сильно.

Голос Джека шепотом произнес мое имя. Я не

видел его в темноте и не видел того, в кого выстрелил.

— Тут все нормально, — сказал я Джеку, — как ты?

— Высший класс. Это все?

— Не знаю, но рискнем поглядеть, кого я поймал.

Я направил фонарь на человека, лежавшего у меня в ногах, и включил. Худой блондин с окровавленным лицом; он изображал жука-притворяшку, и красные веки его дрожали в луче фонаря.

— Не валяй дурака! — приказал я.

В кустах грохнул крупнокалиберный пистолет… и другой, полегче. Пули прошили листву.

Я выключил свет, наклонился к лежавшему, ударил его по макушке пистолетом.

— Пригнись ниже, — шепнул я Джеку.

Меньший пистолет снова выстрелил, два раза. Где-то впереди, слева. Я сказал Джеку на ухо:

— Мы пойдем в домик, даже если они против. Держись ниже и не стреляй, пока не увидишь, куда стрелять. Вперед.

Пригибаясь к земле, я двинулся за Джеком по тропинке. Порез на согнутой спине натянулся, и от лопаток почти до пояса меня обожгло болью. Я

чувствовал, что кровь стекает по бедрам, или так мне показалось.

В этой тьме красться было невозможно. Что-то трещало под ногами, шуршало вокруг плеч. Наши друзья в кустах пистолетов не студили. К счастью, хруст веточек и шуршание листьев в кромешном мраке — не лучшие ориентиры. Пули взвизгивали там и сям, но в нас не попадали. Мы не отвечали на огонь. Мы остановились у кромки кустарника, где ночь разжижилась до серого.

— Здесь. — Джек показал на прямоугольную тень впереди.

— Ходу, — буркнул я и бросился к темному дому.

Длинноногий Джек легко нагнал меня, пока мы бежали, по поляне.

Из-за черного дома выглянула тень человека, и его пистолет замигал нам. Выстрелы шли один за другим так часто, что слились в прерывистый грохот.

Потащив с собой Джека, я плюхнулся на землю и прижался к ней плашмя, если не считать того, что лицо мое остановила зазубренная консервная банка.

С другой стороны дома закашлял другой пистолет. Из-за дерева справа третий. Мы с Джеком

тоже стали тратить порох.

Пуля набросала мне в рот грязи и камушков. Я выплюнул грязь и предупредил Джека:

— Высоко бьешь. Возьми ниже и на спуск жми плавно. В черном профиле дома образовался горбик. Я послал туда пулю.

Мужской голос вскрикнул:

— 0-о-ой! — А потом тише, но с большим огорчением: — Сволочь… сволочь!

Несколько горячих секунд пули шлепали вокруг нас. Потом ночь стихла, и тишина ее не нарушалась ни звуком.

После пяти минут затишья я встал на четвереньки и пополз вперед, Джек за мной. Почва была не приспособлена для такого передвижения. Трех метров нам хватило. Мы поднялись и оставшееся расстояние прошли как люди.

— Подожди, — шепнул я и, оставив Джека возле угла, обошел домик кругом: никого не увидел, ничего не услышал, кроме звуков, которые издавал сам.

Мы попробовали парадную дверь. Заперта, но хлипкая. Я вышиб ее плечом и вошел, фонарь в одной руке, револьвер — в другой.

Дом был пуст. Ни мебели, ни людей, ни следов их в двух пустых комнатах — только голые

дощатые стены, голый пол, голый потолок с дымоходом, ни к чему не присоединенным.

Стоя посреди комнаты и оглядывая пустоту, мы с Джеком прокляли эту дыру от крыши до фундамента. Не успели мы кончить, как за дверью послышались шаги, в раскрытую дверь ударил белый луч света и надтреснутый голос сказал:

— Эй! Выходите по одному — и без фокусов!

— Кто это говорит? — спросил я, выключив фонарь и отступив к боковой стене.

— Целая стая помощников шерифа, вот кто, — ответил голос.

— Можете просунуть к нам одного, чтобы мы посмотрели? — спросил я. Меня сегодня столько раз душили, резали и обстреливали, что уже ничьим словам неохота верить.

В двери появился долговязый человек с худым задубелым лицом и Х-образными ногами. Он показал мне бляху, я вытащил свою карточку, и тогда вошли остальные помощники. Всего их было трое.

— Мы ехали по мелкому делу в сторону мыса и услышали стрельбу, объяснил долговязый. — Что происходит?

Я рассказал ему.

— Дом давно пустует, — сказал он, когда я кон-

чил. — Тут кто угодно мог поселиться. Думаете, это Пападопулос, да? Будем поглядывать, может, его, а может, его друзей заметим — тем более обещаны такие деньги.

Мы поискали в лесу и никого не нашли. И тот, с которым я боролся, и тот, в которого я стрелял — оба исчезли. Мы с Джеком доехали до Сосалито с помощниками шерифа. Там я отыскал врача, и мне забинтовали рану. Врач сказал, что порез длинный, но не глубокий. Потом мы вернулись в Сан-Франциско и разошлись по домам.

Так закончился этот день.

А вот что случилось на другое утро. Я этого не видел. Я услышал об этом около полудня, а ближе к вечеру прочел в газетах. Тогда я еще не знал, что меня это лично касается, но позже узнал — и расскажу по поряжу.

В десять часов утра на людную Маркет-стрит спотыкаясь вышел человек, голый от разбитой макушки до окровавленных пяток. С его голой груди, спины и боков свисали узкие ленточки мяса, сочившегося кровью. Левая рука была сломана в двух местах. Левая сторона лысого черепа вдавлена. Часом позже он умер в больнице скорой помощи — не сказав никому ни слова и все с тем же отсутствующим выражением в глазах.

Полиция без труда прошла назад по следу из кровавых капель. Он окончился красным пятном перед маленькой гостиницей в переулке рядом с Маркет-стрит. В гостинице полиция нашла комнату, откуда выпрыгнул, упал или был выброшен этот человек. Постель, пропитанная кровью. На ней разорванные, скрученные и завязанные узлами простыни, служившие веревкой. Кроме того, полотенце, которым пользовались как кляпом.

Судя по находкам, голому человеку заткнули рот, связали его и стали обрабатывать ножом. Врач сказал, что ленты на теле вырезаны, а не вырваны. Когда орудовавший ножом ушел, голый человек вывернулся из пут и, вероятно, обезумев от боли, выпрыгнул или выпал из окна. При ударе о землю он проломил себе череп и сломал руку и тем не менее сумел пройти еще полтора квартала.

Администратор гостиницы сказал, что человек прожил здесь два дня. Поселился под именем Х. — Ф. Барроуз. У него был черный саквояж, где помимо одежды, бритвенных принадлежностей и прочего полицейские нашли коробку патронов 9,65 Миллиметров, черный платок с прорезанными отверстиями для глаз, четыре отмычки, фомку, шприц с морфием. Кроме того, в комнате

была еще одежда, револьвер 9,65 миллиметров и две бутылки спиртного. Денег не нашли ни цента.

Полицейские предположили, что Барроуз был взломщиком и что его связали, ограбили и пытали, возможно, сообщники, между восемью и девятью часами утра. Никто ничего о нем не знал. Никто не видел у него гостей. Соседняя комната слева пустовала. Жилец из комнаты справа ушел на работу, на мебельную фабрику, до семи утра.

Пока все это происходило, я сидел у себя в кабинете, подавшись к столу, чтобы не тревожить спину, и читал отчеты, из которых явствовало, что агенты в местных отделениях сыскного агентства «Континентал» по-прежнему ничего не могут выяснить о прошлом, настоящем и будущем место пребывании Пападопулоса и Нэнси Риган. Никаких новых данных в этих отчетах не было — я читал подобные уже три недели.

Обедать мы пошли вместе со Стариком, и за едой я рассказал ему о ночных похождениях в Сосалито.

Лицо доброго дедушки было, как всегда, внимательным, улыбка вежливой и заинтересованной, но, когда я дошел до середины рассказа, он перевел кроткие голубые глаза с моего лица на свой

салат и не сводил их с салата, покуда я не закончил. Тогда, по-прежнему не поднимая глаз, он выразил мне сочувствие в связи с тем, что меня порезали. Я поблагодарил его, и мы продолжали есть.

Наконец он на меня посмотрел. Кроткие и любезные интонации голоса, выражение лица и глаз, которыми он прикрывал свое бессердечие, — все было на месте.

— Итак, первое свидетельство того, что Пападопулос еще жив, мы получили сразу после приезда Тома-Тома Кери.

Теперь уже я отвел глаза.

Я посмотрел на булочку, которую только что разломил, и сказал:

— Да.

К концу дня мне позвонила женщина из района Миссии — она наблюдала ряд весьма таинственных происшествий и была уверена, что они как-то связаны со знаменитым налетом. Я поехал к ней и, проведя там почти весь конец дня, выяснил, что половина ее происшествий — воображаемые, а вторая понадобилась этой ревнивой женщине для того, чтобы разузнать о делишках мужа.

В агентство я вернулся только к шести. Через несколько минут мне позвонил Дик Фоули. Зубы

у него стучали так, что я едва разбирал слова.

— М-м-можешь п-п-приехать в-в-п-п-ртовую баxx-аль-ницу?

— Что? — спросил я и услышал то же самое, если не хуже. Но тут я сообразил, что он просит меня приехать в портовую больницу.

Я сказал, что буду через десять минут, и, поймав такси, поехал.

Маленький канадец встретил меня в дверях больницы. Волосы и одежда у него были совершенно мокрые, но он уже выпил виски, и зубы у него перестали стучать.

— Идиотка бросилась в залив! — рявкнул он, словно это была моя вина.

— Анжела Грейс?

— А за кем же я ходил? Поднялась на окленд-ский паром. Отошла в сторонку, к поручням. Думал, хочет что-то выбросить. Смотрю за ней. Оп! Прыгает. — Дик чихнул. — Я, дурак такой, прыгнул за ней. Держал на воде. Нас выудили. Там. — Он кивнул мокрой головой в сторону вестибюля.

— Что происходило до того, как она поднялась на паром?

— Ничего. Целый день дома. Оттуда на паром.

— А вчера, например?

— Весь день в квартире. Вечером — с мужчиной. Придорожный ресторан. В четыре — домой. Нескладно. За ним не смог проследить.

— Какой он с виду?

По описанию Дика это был Том-Том Кери.

— Хорошо, — сказал я. — Давай-ка домой, прими горячую ванну и переоденься в сухое. — Я пошел посмотреть на несостоявшуюся самоубийцу.

Она лежала навзничь, уставясь в потолок. Лицо у нее было бледное впрочем, как всегда, — и зеленые глаза глядели не угрюмее обычного. Если не считать того, что ее короткие волосы потемнели от воды, с ней, казалось, не произошло ничего чрезвычайного.

— Странные фокусы ты устраиваешь, — сказал я, когда подошел к кровати.

Она вздрогнула от неожиданности, рывком повернулась ко мне. Тут она узнала меня и улыбнулась — улыбка вернула ее лицу привлекательность, обычно скрытую угрюмым выражением.

— Подкрадываетесь к людям, чтобы навык не потерять? — спросила она. Кто это вам сказал, что я здесь?

— Об этом все знают. Твои фото — на первых страницах всех газет, и твоя биография, и что ты сказала принцу Уэльскому.

Она перестала улыбаться и пристально на меня посмотрела.

— Поняла! — воскликнула она через несколько секунд. — Этот недомерок, который за мной прыгнул, — ваш агент, следить послали. Так или нет?

— Я не знал, что за тобой надо прыгать, — ответил я. — Я думал, ты накупалась и сама приплыла к берегу. Тебе не хотелось на сушу?

Она не улыбнулась. Ее глаза уставились на что-то ужасное.

— Ох! Ну чего ко мне все лезут? — прохныкала она и поежилась. — Гнусная штука — жизнь.

Я сел на стульчик возле белой кровати и погладил ее по плечу, закрытому простыней.

— В чем дело? — Я сам удивился тому отеческому тону, каким мне удалось это произнести. — Почему ты хотела умереть, Анжела?

Слова, просившиеся наружу, блестели у нее в глазах, тревожили лицевые мышцы, кривили рот — но и только. Те слова, которые она произнесла, прозвучали равнодушно, но с какой-то неохотной решительностью:

— Нет. Вы сыщик. Я воровка. Мне к вам дороги нет. Никогда про меня не скажут…

— Ладно! Ладно! — Я сдался. — Только, ради Бога, не заставляй меня снова слушать этические

рассуждения. Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Нет, спасибо.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Она покачала головой.

— Ты себя лучше чувствуешь?

— Да. За мной следили? Иначе вы бы не узнали так быстро.

— Я сыщик — я все знаю. Не балуйся.

Из больницы я пошел во Дворец юстиции, в бюро уголовного розыска. За столом капитана сидел лейтенант Дафф. Я рассказал ему о том, как Анжела бросилась в воду. Когда я закончил, он спросил:

— Есть предположения, почему она так поступила?

— Она с большим заскоком, не поймешь. Пусть ее заберут за бродяжничество.

— Ну? Я думал, вы хотели ее выпустить, чтобы потом ловить.

— Эта затея себя исчерпала. Попробуем посадить ее на тридцать суток. Большая Флора ждет суда. Анжела знает, что Флора была среди тех, кто убил ее Пэдди. А Флора, может быть, не знает Анжелу. Посмотрим, что может выйти за месяц их сожительства.

— Это можно, — согласился Дафф. — У Анжелы

нет видимых средств существования, и нечего ей прыгать в общественные заливы. Я передам куда следует.

Из дворца юстиции я пошел в гостиницу на Эллис-стрит, где остановился Том-Том Кери. Его не было. Я передал, что вернусь через час, и потратил этот час на еду. Когда я вернулся в гостиницу, высокий смуглый человек сидел в вестибюле. Он отвел меня к себе в номер и угостил ужином, апельсиновым соком и сигарами.

— Анжелу Грейс видели? — спросил я.

— Да, вчера вечером. Ходила по кабакам.

— Сегодня ее видели?

— Нет.

— Сегодня под вечер она хотела утопиться.

— Да бросьте. — Он как будто слегка удивился. — И что?

— Ее выловили. Ничего страшного.

Тень, мелькнувшая в его глазах, могла выражать и легкое разочарование.

— Девчонка со странностями, — заметил он. — Не скажу, что Пэдди проявил плохой вкус, когда ее подобрал, но она чудачка!

— Как идет охота на Пападопулоса?

— Идет. А вы зря нарушаете слово. Вы мне почти обещали, что за мной не будет хвоста.

— У меня есть начальство, — извинился я. — Иногда я хочу не того, чего оно хочет, но вам это не должно очень мешать — вы же можете потерять его?

— Угу. Этим и занимаюсь. Но страшно надоедает: вскакиваешь в такси, выскакиваешь, убегаешь через черный ход…

Мы говорили и пили еще несколько минут, а потом я покинул номер Кери и гостиницу, пошел в аптеку, позвонил из автомата Дику Фоули домой, дал ему адрес смуглого человека и описал внешность.

— Дик, мне не надо, чтобы ты следил за Кери. Выясни, кто пытается за ним следить, и этого возьми под наблюдение. До утра просохнуть успеешь и приступай.

Так кончился этот день.

Утро было дождливое и пробуждение неприятное. Может быть, из-за погоды; может быть, я чересчур порезвился накануне; так или иначе, порез на спине ощущался как полуметровый нарыв. Я позвонил доктору Канова, жившему подо мной, и попросил осмотреть рану перед уходом на работу. Он сменил повязку и велел мне денька два не перетруждаться. После того как он поковырялся в спине, мне стало легче, но я позвонил

в агентство и сказал Старику, что, если ничего волнующего не произойдет, я побуду сегодня на положении больного.

Весь день я просидел в кресле перед газовым камином с чтением и сигаретами, то и дело гасшими из-за сырости. Вечером я по телефону организовал компанию для покера, но больших переживаний в игре на мою долю не выпало — ни в отрицательном смысле, ни в положительном. Кончил я с пятнадцатью долларами выигрыша, что было на пять долларов меньше, чем стоимость выпивки, которую я поставил своим гостям.

На другой день спине моей стало лучше — да и сам день тоже. Я отправился в агентство. На столе у меня лежала записка: звонил Дафф — Анжела Грейс Кардиган арестована за бродяжничество, месяц тюрьмы. Лежала и привычная стопка отчетов из разных отделений — их агенты по-прежнему не могут напасть на след Пападопулоса и Нэнси Риган. Пока я листал их, вошел Дик Фоули.

— Засек его, — доложил он. — Тридцать-тридцать два года. Метр шестьдесят восемь. Пятьдесят восемь — пятьдесят девять кило. Светлые песочные волосы. Глаза голубые. Лицо худое, ободрано.

Пакость. Живет в меблирашках на Седьмой улице.

— Что он делал?

— Хвостом за Кери один квартал. Кери стряхнул его. Искал Кери до двух ночи. Не нашел. Домой. Следить дальше?

— Ступай в его клоповник и узнай, кто он.

Маленький канадец ушел на полчаса.

— Сэм Арли, — сказал он, вернувшись. — Здесь — шесть месяцев. Якобы парикмахер — когда работает, — если вообще работает.

— У меня насчет Арли две догадки, — сказал я Дику. — Первая: это он порезал меня прошлой ночью в Сосалито. Вторая: с ним что-то случится.

Тратить слова понапрасну было не в правилах Дика, и он ничего не ответил.

Я позвонил в гостиницу Тома-Тома Кери и вызвал его к телефону.

— Приходите сюда, — пригласил я смуглого человека. — У меня для вас новости.

— Сейчас, только оденусь и позавтракаю, — пообещал он.

— Когда Кери уйдет отсюда, пойдешь за ним, — сказал я Дику, повесив трубку. — Теперь, если Арли за него зацепится, может получится дело. Постарайся это увидеть.

Затем я позвонил в бюро уголовного розыска и условился с сержантом Хантом зайти на квартиру к Анжеле Грейс Кардиган. После этого я занялся бумажками, а немного позже Томми объявил, что пришел смуглый человек из Ногалеса.

— Этот жук, который следит за вами, — сообщил я ему, когда он сел и начал изготовлять самокрутку, — парикмахер по фамилии Арли. — И я рассказал ему, где живет Арли.

— Да. С худым лицом, блондинчик?

Я воспроизвел портрет, данный Диком.

— Он самый, — сказал Том-Том Кери. — Что-нибудь еще о нем знаете?

— Нет.

— Вы посадили Анжелу Грейс.

Это не было ни вопросом, ни обвинением, поэтому я не ответил.

— Тоже неплохо, — продолжал высокий человек. — Мне все равно пришлось бы от нее отделаться. Когда я начну его арканить, она со своей дуростью только будет путаться под ногами.

— И скоро это будет?

— Это зависит от того, как получится. — Он встал, зевнул и расправил широкие плечи. — Но кто решит не есть, покуда я его не поймаю, тот

от голода не умрет. Зря я упрекнул вас, что вы за мной следите.

— Ничего, переживу.

— Пока, — сказал Том-Том Кери и лениво вышел вон.

Я поехал во Дворец юстиции, забрал там Ханта, и мы вместе отправились в меблированные комнаты на Буш-стрит, где жила Анжела Грейс Кардиган. Управляющая — сильно накрашенная толстуха с жестким ртом и мягким взглядом уже знала, что ее жилица за решеткой. Она с готовностью отвела нас в квартиру девушки.

Хозяйкой Анжела оказалась не важной. В комнатах было чисто, но все вверх дном. Раковина в кухне полна грязной посуды. Складная кровать застелена кое-как и даже хуже. Одежда и мелкие женские принадлежности висели повсюду от ванной до кухни.

Мы спровадили управляющую и основательно обыскали квартиру. Узнали все, что можно, о гардеробе Анжелы и многое о ее привычках. Но ничего указывающего в сторону Пападопулоса не нашли.

Никаких известий о тандеме Кери — Арли ни в конце дня, ни к вечеру я не получил, хотя ждал звонка Дика все время.

В три часа ночи телефон на тумбочке оторвал мое ухо от подушки. Я услышал голос маленького канадца.

— Арли выбыл, — сказал он.

— Насовсем?

— Да.

— Как?

— Со свинцом.

— Нашего приятеля?

— Да.

— До утра терпит?

— Да.

— Увидимся в конторе. — И я опять уснул. Я пришел в агентство в девять часов, и один из служащих только что кончил

расшифровывать ночной отчет лос-анжелесского агента, посланного в Ногалес. Телеграмма была длинная и давала пищу уму.

В ней говорилось, что Тома-Тома Кери на границе хорошо знают. Около полугода он занимался перевозками через нее: оружия — на юг, алкоголя и, возможно, наркотиков и иммигрантов — на север. Перед отъездом на прошлой неделе он наводил справки о некоем Хенке Барроузе. Приметы этого Хенка Барроуза совпадали с приметами Х. — Ф. Барроуза, разрезанного на ленточки, вы-

павшего из окна гостиницы и умершего.

Лос-анжелесскому агенту не удалось собрать много сведений о Барроузе только что он явился из Сан-Франциско, пробыл на границе всего несколько дней и, по- видимому, в Сан-Франциско отбыл. Ничего нового об убийстве Ньюхолла агент не выяснил — все данные указывали на то, что его пытались захватить мексиканские патриоты, он оказал сопротивление и был убит.

Пока я читал это, в кабинет вошел Дик Фоули. Когда я кончил, он дополнил жизнеописание Тома-Тома Кери своими данными.

— Провожал его отсюда. В гостиницу. Арли на углу. Восемь часов, Кери вышел. Гараж. Прокатная машина без шофера. Обратно в гостиницу. Выписался. Два чемодана. Через парк. Арли за ним на драндулете. Моя телега — за Арли. По бульвару. За городом — на поперечную дорогу. Темно. Пусто. Арли жмет на газ. Нагоняет. Трах! Кери тормозит. Стреляют оба. Арли выбыл. Кери назад в город. Гостиница «Маркиз». Записывается Джордж Ф. Дэнби, Сан-Диего. Комната шесть-два- два.

— Том-Том обыскал Арли, когда застрелил?

— Нет. Не притронулся.

— Вот как? Возьми с собой Мики Линехана.

Не спускайте с Кери глаз. Если смогу, вечером пришлю кого-нибудь сменить вас с Мики, но он должен быть под наблюдением двадцать четыре часа в сутки, до тех пор пока… — Я не знал, до каких пор, и поэтому замолчал.

С новостями Дика я отправился в кабинет к Старику, изложил их там и закончил:

— По словам Дика, Арли выстрелил первым, так что для Кери это будет самообороной, но дело наконец сдвинулось с мертвой точки, и я ни в коем случае не хочу его замедлять. Поэтому денек-другой нам лучше не рассказывать, что мы знаем об этой перестрелке. Если окружному прокурору станет известно, как мы себя ведем, это нашей дружбы не укрепит, но, по-моему, игра стоит свеч.

— Как вам угодно, — согласился Старик, протягивая руку к зазвонившему телефону.

Он сказал два слова в трубку и передал ее мне. Звонил сержант Ханг.

— Флора Брейс и Грейс Кардиган перед рассветом бежали из тюрьмы. Очень может быть, что они…

— Исчезли бесследно? — спросил я.

— Пока что никакой ниточки нет, но…

— Подробности расскажешь, когда увидимся.

Спасибо. — И я повесил трубку. — Анжела Грейс и Большая Флора бежали из городской тюрьмы, — сообщил я Старику.

Он вежливо улыбнулся, как будто это мало его касалось.

— Вы радовались тому, что дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки, пробормотал он.

Расправив лицо и улыбнувшись, я буркнул: «Может быть», ушел к себе в кабинет и позвонил Франклину Эллерту. Шепелявый адвокат сказал, что будет рад меня видеть, и я отправился к нему в контору.

— Итак, что нового вы мне можете сообщить? — с нетерпением спросил он, когда я уселся перед его столом.

— Кое-что. Человек по фамилии Барроуз тоже был в Ногалесе во время убийства Ньюхолла и тоже сразу после этого приехал в Сан-Франциско. Кери выследил здесь Барроуза. Вы читали о том, как по улице шел голый изрезанный человек?

— Да.

— Это был Барроуз. Затем в игру вступает новый человек — парикмахер Арли. Он следил за Кери. Вчера ночью на пустынной дороге южнее города Арли стрелял в Кери. Кери убил его.

Глаза старого адвоката выкатились еще на

один сантиметр.

— На какой дороге? — задыхаясь спросил он.

— Вам точно назвать место?

— Да!

Я подтянул к себе его телефон, позвонил в агентство, попросил прочесть отчет Дика и назвал адвокату место.

Это произвело на него впечатление. Он вскочил с кресла. Морщины на его лице блестели от пота.

— Мисс Ньюхолл там одна! Это мешто меньше чем в километре от ее дома!

Я нахмурился и постучал полушариями друг об дружку, но ни к какому выводу не пришел.

— А если я пошлю человека присмотреть за ней? — предложил я.

— Великолепно! — Его встревоженное лицо разгладилось, так что на нем осталось не больше пятидесяти или шестидесяти морщин;

— Ей хочетша побыть там одной пошле смерти отца, наедине шо швоим горем. Вы пошлете надежного человека?

— По сравнению с ним Гибралтарская скала — осиновый листок на ветру. Дайте мне для него рекомендательную записку. Его зовут Эндрю Макэлрой.

Пока адвокат писал записку, я снова позвонил

в агентство и попросил телефонистку разыскать Энди и сказать ему, что он мне нужен. Перед тем, как вернуться в агентство, я пообедал. Энди уже ждал меня на месте.

Энди Макэлрой был человек-валун, не очень высокий, но почти квадратный и крепкий — как в смысле физическом, так и в смысле лба. Угрюмый суровый мужчина с воображением арифмометра. Я даже не уверен, что он умел читать. Но я был уверен, что, если Энди прикажут что-то сделать, он сделает это, и ничего другого. Другого он придумать не сможет.

Я дал ему записку адвоката для мисс Ньюхолл, сказал, куда ехать и что делать, и с этой минуты о мисс Ньюхолл мог уже не заботиться.

Трижды в конце дня я получал донесения от Дика Фоули и Мики Линехана. Том-Том Кери ничего выдающегося не предпринимал, хотя купил в спортивном магазине на Маркет-стрит две коробки патронов 11,17 миллиметров.

В вечерних газетах появились фотографии Большой Флоры Брейс и Анжелы Грейс Кардиган с заметками об их побеге. Факты в них выглядели неправдоподобно, как всегда выглядят в газетных заметках. На другой странице сообщалось, что в глухом месте, на дороге найден убитый парик-

махер. Прострелены голова и грудь — в общей сложности четыре пули. По мнению окружных властей, он погиб, сопротивляясь грабителям, но бандиты бежали, ничего не взяв.

В пять часов в дверь заглянул Томми Хаул.

— К вам опять этот Кери.

— Давай его сюда, — сказал я веснушчатому парню. Смуглый человек вошел не торопясь, сказал: «Привет», сел и свернул коричневую самокрутку.

— У вас на вечер особенных дел нет? — спросил он, закурив.

— Таких, чтобы не отложить их ради чего-то лучшего, нет. Гостей собираете?

— Угу. Надумал. Только не гостей, а в гости к Папе-до-полу. Поедете со мной?

Настал мой черед сказать:

— Угу.

— Я подберу вас в одиннадцать — на углу Ван-Несс и Гири, — с растяжкой сказал он. — Только компания будет тесная: вы и я… и он.

— Нет, с нами должен быть еще один. Я его приведу.

— Мне это не нравится. — Том-Том Кери медленно покачал головой и благодушно нахмурился, не вынимая изо рта самокрутку. — Вас, сыщиков,

получается больше. Должно быть один на один.

— Нас не получится больше, — объяснил я. — Этот фрукт, которого я беру, — ни на моей стороне, ни на вашей. И вам не повредит, если будете присматривать за ним так же внимательно, как я, — постарайтесь, если можно, чтобы он не оказался ни у вас, ни у меня за спиной.

— Тогда на кой вы его тащите?

— Колесики в колесиках, как сказано в Писании. — Я улыбнулся.

Смуглый человек опять нахмурился, уже не так дружелюбно.

— Сто шесть тысяч долларов награды — я ни с кем делиться не намерен.

— Справедливо, — согласился я. — Кого я приведу, требовать долю не будет.

— Поверю вам на слово. — Он встал. — Так мы должны приглядывать за этим малым, да?

— Если хотим, чтоб все прошло благополучно.

— Положим, он станет мешать нам, валять дурака. Мы его можем делать или только скажем: «Бяка! Бяка!»?

— Ему тоже придется рисковать.

— Годится. — Его жесткое лицо опять стало добродушным, когда он повернулся к двери. — В одиннадцать на углу Ван-Несс и Гири.

Я вошел в комнату оперативников, где, развалясь в кресле, Джек Конихан читал журнал.

— Надеюсь, вы придумали мне какое-нибудь дело, — приветствовал он меня. — У меня пролежни от этого кресла.

— Терпение, сынок, терпение — вот чему надо научиться, если хочешь стать сыщиком. Мне, например, когда я был парнишкой твоих лет и только поступил в агентство, мне повезло…

— Ой, не надо опять, — взмолился он. Но тут же его молодое миловидное лицо стало серьезным. — Не понимаю, почему вы держите меня на насесте. Кроме вас, я единственный, кто хорошенько разглядел Нэнси Риган. Казалось бы, вы меня должны послать на розыски.

— То же само? я сказал Старику, — сочувственно ответил я. — Но он боится тобой рисковать. Он говорит, что за все пятьдесят лет слежки он никогда не видел такого красивого агента, вдобавок модника, светского мотылька и наследника миллионов. Он считает, что мы должны беречь тебя как рекламный образчик и не подвергать…

— Идите к черту! — Джек покраснел.

— Но я убедил его, и на сегодня он разрешил вынуть тебя из ваты, продолжал я. — Поэтому встречай меня на углу Ван-Несс и Гири без чего-

нибудь одиннадцать.

— Дело? — Он весь был нетерпение.

— Может быть.

— Что будем делать?

— Захвати свою хлопушку. — В голову мне пришла мысль, я ее выразил вслух. — И пожалуй, нарядись как следует — вечерний костюм.

— Смокинг?

— Нет, торжественнее — все, кроме цилиндра. Теперь о твоем поведении: ты не агент. Я не вполне себе представляю, кто ты, но это не имеет значения. С нами будет Том-Том Кери. Веди себя так, как будто ты не мой друг и не его — как будто нам обоим не доверяешь. Мы с тобой будем осторожничать. Если что-то спросит, а ты не знаешь ответа, прячься за враждебностью. Но на Кери чересчур не наваливайся. Понял?

— Кажется… да. — Он говорил медленно, наморщив лоб. — Я должен вести себя так, как будто еду с вами по одному делу, но в остальном мы не друзья. Так?

— Точно. Держи ухо востро. Ты всю дорогу будешь плавать в нитроглицерине.

— Что затевается? Будьте человеком, намекните хотя бы.

Я ухмыльнулся ему снизу. Он был гораздо выше

меня.

— Мог бы, — признался я, — но боюсь, что это тебя отпугнет. Так что лучше я ничего не скажу. Радуйся жизни, пока можешь. Пообедай как следует. Многие приговоренные, кажется, любят плотно позавтракать яичницей с ветчиной перед тем, как их поведут к веревке. На обед тебе, наверное, этого не захочется, но…

Без пяти одиннадцать Том-Том Кери подъехал в большой открытой машине к углу, где мы с Джеком ждали его в тумане, облегавшем нас, как влажная шуба.

— Залезайте, — велел он, когда мы подошли к мостовой.

Я открыл переднюю дверь и знаком пригласил Джека. Он начал свой маленький спектакль: ответив мне холодным взглядом, открыл заднюю дверь.

— Я сяду сзади, — сказал он без обиняков.

— Здоровая мысль. — И я уселся рядом с ним.

Кери обернулся на сиденье, и они с Джеком долго глядели друг на друга. Я ничего не сказал, не познакомил их. Закончив разглядывать парня, смуглый человек перевел взгляд с его воротничка и галстука — фрак был виден из-под пальто — на меня, ухмыльнулся и протянул:

— Ваш друг в ресторане подает?

Я рассмеялся, потому что негодование, от которого потемнело лицо Джека и даже открылся рот, было натуральным, а не наигранным. Я толкнул его ногой. Он закрыл рот, ничего не сказал, посмотрел на Тома-Тома Кери и на меня, словно мы были представителями какого-то низшего вида животных.

Я улыбнулся Кери и спросил:

— Мы ждем, когда нам подадут бензин?

Он сказал, что нет, перестал разглядывать Джека и тронулся с места. Мы проехали через парк, по бульвару. Машины — и встречные, и шедшие впереди возникали из ночного тумана и снова растворялись. Наконец город остался позади, туман рассеялся, и дорогу залил лунный свет. Я не оглядывался назад, но знал, что где- то там едет Дик Фоули с Мики Линеханом.

Том-Том Кери свернул с бульвара на дорогу, ровную и хорошую, но малоезжую.

— Не здесь ли где-то убили вчера ночью человека? — спросил я.

Кери кивнул, не повернув головы, а когда мы проехали еще с полкилометра, сказал:

— Вот здесь.

Теперь мы ехали чуть медленнее, и Кери вы-

ключил фары. По дороге, наполовину серебряной от луны, наполовину серой от тени, километра полтора машина едва ползла. Мы остановились под высокими кустами, затенявшими часть дороги.

— Все на берег, кому сходить, — сказал Том-Том Кери и вылез из машины. Мы с Джеком последовали за ним. Кери снял пальто и кинул на сиденье,

— Дом за поворотом, в стороне от дороги, — сказал он нам. — Луна, черт бы ее взял! Я рассчитывал на туман.

Я ничего не ответил. Джек тоже. Лицо у парня было бледное и взволнованное.

— Пойдем напрямик, — сказал Кери и направился через дорогу к высокой проволочной изгороди.

Он перелез через изгородь первым, потом Джек, потом… меня остановил звук чего- то двигавшегося по дороге нам навстречу. Двоим за забором я дал знак затихнуть, а сам укрылся под кустом. Приближавшиеся шаги были легкие, быстрые, женские.

В лунном свете перед нами появилась девушка. Девушка лет двадцати с небольшим, ни высокая, ни маленькая, ни худая, ни пухлая. В короткой

юбке, в свитере, с непокрытой головой. На ее белом лице, в торопливых движениях был ужас — но и кое-что, кроме него: там было больше красоты, чем привык видеть немолодой сыщик.

Когда она заметила в тени очертания автомобиля, она резко остановилась и охнула, едва сдержав крик. Я вышел вперед и сказал:

— Здравствуйте, Нэнси Риган.

На этот раз она не сдержала крика. А потом, если лунный свет не обманывал мои глаза, она меня узнала, и ужас стал уходить с ее лица. Она протянула ко мне обе руки, и в этом жесте было облегчение.

— Ну? — Медвежье рычание исходило от человека-валуна, возникшего из темноты у нее за спиной. — В чем дело?

— Здравствуй, Энди, — сказал я валуну.

— Здрасьте, — эхом откликнулся Макэлрой и застыл.

Энди всегда делал то, что ему велели делать. Ему велели охранять мисс Ньюхолл. Я посмотрел на девушку, потом снова на него.

— Это — мисс Ньюхолл? — спросил я.

— Она, — проурчал он. — Я приехал, как вы велели, а она говорит, что я ей не нужен — не пустила меня в дом. Но о том, чтобы возвращаться,

вы не говорили. Я расположился во дворе, болтался тут, поглядывал, что и как. Потом увидел, что она вылезла через окно и пошел следом — вы же велели за ней присматривать.

Том-Том Кери и Джек Конихан вернулись на дорогу, подошли к нам. У смуглого человека в руке был автоматический пистолет. Глаза девушки были прикованы к моим. На остальных она не обращала внимания.

— Что происходит? — спросил я ее.

— Не знаю, — пролепетала она, стоя ко мне вплотную и держась обеими руками за мою руку, — Да, я Анна Ньюхолл. Не знаю. Я думала, это просто забава. А когда поняла, что нет, уже не могла от них избавиться.

Том-Том Кери буркнул и нетерпеливо завозился. Джек Конихан пристально смотрел в сторону дороги. Энди Макэлрой стоял равнодушно, дожидаясь, что ему прикажут делать дальше. Девушка ни разу не перевела взгляда с меня на кого-нибудь из них.

— Как вы с ними связались? — спросил я. — Быстро говорите.

Я велел девушке говорить быстро. И она говорила.

Двадцать минут она стояла передо мной и

сыпала словами, останавливаясь только тогда, когда я ее перебивал, чтобы вернуть рассказ в нужное русло. Он был путаный, местами почти нечленораздельный, не всегда правдоподобный, но на протяжении всей ее речи меня не оставляло чувство, что она пытается сказать правду — почти везде.

И ни на секунду она не сводила с меня глаз. Будто боялась посмотреть куда-нибудь еще.

Два месяца назад поздно ночью эта дочка миллионера в компании еще трех молодых людей возвращалась домой после какого-то светского развлечения на побережье. Кто-то предложил остановиться в придорожном ресторанчике, где обычно собиралась опасная публика. Опасность, конечно, и привлекла их — для них она была более или менее в новинку. Той ночью они насладились ею сполна: не просидев и десяти минут в притоне и не успев даже ничего понять, они были втянуты в драку.

Кавалер осрамился перед девушкой, показав себя не в меру трусливым. Он позволил Рыжему О'Лири уложить себя на колено и отшлепать и ничего после этого не сделал. Другой молодой человек вел себя не намного храбрее. Девушка, уязвленная их малодушием, подошла к рыжему

великану, который разгромил ее кавалеров, и сказала ему во всеуслышание: «Не будете ли так добры подвезти меня домой?»

О'Лири с радостью согласился. Она рассталась с ним за квартал или два от своего городского дома. Сказала ему, что ее зовут Нэнси Риган. Возможно, он не совсем ей поверил, но никаких вопросов никогда ей не задавал, о делах ее разузнать не пытался. Несмотря на разницу в общественном положении, у них завязалась настоящая дружба. Он был бесподобный хулиган и поэтому представлялся ей фигурой романтической. Он влюбился в девушку, знал, что ему до нее — как до луны, и она легко справлялась с ним, покуда речь шла об их отношениях.

Они часто встречались. Он водил ее по всем притонам в районе залива, знакомил с медвежатниками, бандитами, аферистами, рассказывал немыслимые истории из преступной жизни. Она знала, что он вор, знала, что он участвовал в ограблении национального банка и «Золотых ворот». Но все это представлялось ей каким-то театром. Не тем, чем было на самом деле.

Глаза у нее открылись в тот вечер, когда у Ларoя на Рыжего напали налетчики: она поняла, что Рыжий помог Пападопулосу и остальным обма-

нуть сообщников. Но — поздно, выпутаться она не могла. Когда я продырявил ее кавалера, она вместе с ним угодила в берлогу Пападопулоса. Там она увидела, что собой представляют эти романтические разбойники, с кем она связалась.

К тому времени, когда Пападопулос улизнул вместе с ней, она уже вполне проснулась, прозрела, закрыла этот опасный романчик с уголовным миром. Так она думала. Она в самом деле думала, что Пападопулос — запуганный старичок, раб Флоры, безобидный старый недотепа, и чуть ли не одной ногой в могиле, и никакого зла от него быть не может. Он скулил и был насмерть испуган. Он умолял девушку не покидать его в беде, со слезами на морщинистых щеках просил спрятать его от Флоры. Она увезла его в свой загородный дом и позволила возиться в саду, вдали от любопытных глаз. Она и не подозревала, что он с самого начала знал, кто она такая, и навел ее на мысль об этом убежище.

Она продолжала верить в его невиновность даже тогда, когда в газетах написали, что это он был командиром армии налетчиков, когда за его поимку назначили вознаграждение в 106 тысяч долларов. Он ее убедил, что Флора и Рыжий просто все свалили на него, чтобы отделаться более

легким приговором. Напуганный суетливый старичок — как ему не поверить?

Потом ее отец погиб в Мексике, горе заставило ее забыть почти обо всем остальном — до нынешнего дня, когда в доме появилась Большая Флора с какой-то девушкой, по всей видимости Анжелой Грейс Кардиган. Флору она боялась смертельно еще в их первую встречу. Теперь испугалась еще больше. Вскоре она поняла, что Пападопулос не раб Флоры, а хозяин. Она увидела старого коршуна в натуральном обличии. Но на этом ее прозрение не закончилось.

Анжела Грейс неожиданно попыталась убить Пападопулоса. Флора ее одолела. Озлобленная Грейс сказала им, что она подруга Пэдди. А потом крикнула Анне Ньюхолл: «А ты, дура чертова, не знаешь, что они убили твоего отца? Не знаешь?..»

Большая Флора схватила Анжелу за горло и не дала договорить. Она связала Анжелу и повернулась к Анне.

— Ты влипла, — грубо сказала она. — Ты увязла по уши. От нас тебе хода нет — только знаешь куда. Вот такие дела, моя милая. Если нас со стариком возьмут, обоим петля. И ты покачаешься вместе с нами. Я уж постараюсь. Делай что тебе

велят, и мы вылезем. Начнешь дурака валять — я с тебя шкуру спущу.

После этого девушка мало что запомнила. У нее сохранилось смутное воспоминание о том, как она подошла к двери и сказала Энди, что не нуждается в его услугах. Сделала она это механически, даже без понуканий большой блондинки, стоявшей у нее за спиной. Позже, все в том же страшном помрачении, она вылезла в окно своей спальни, спустилась по увитой виноградом стене террасы и побежала прочь от дома, по дороге, неизвестно куда, лишь бы скрыться.

Вот что я узнал от девушки. Она не все это рассказала. Словами она рассказала только часть. Я дорисовал недостающее, сопоставив ее слова, ее интонации, выражение лица с тем, что я уже сам знал и о чем мог догадаться.

И ни разу на протяжении всего разговора ее глаза не оторвались от моих. Она ни разу не показала, что замечает присутствие других людей, стоящих тут жена дороге. Она смотрела мне в лицо с отчаянным упорством, словно боялась не смотреть, и руки ее цеплялись за мои так, как будто она думала, что провалится сквозь землю, если отпустит.

— Что с вашими слугами? — спросил я.

— Их здесь больше нет.

— Пападопулос уговорил отделаться от них?

— Да… несколько дней назад.

— Значит, кроме Пападопулоса, Флоры и Анжелы Грейс, никого в доме нет?

— Да.

— Они знают, что вы сбежали?

— Не знаю. Вряд ли. Я довольно долго сидела у себя в комнате. По-моему, они решили, что теперь я буду послушной и сама ничего не осмелюсь сделать.

Меня раздражало, что я гляжу в глаза девушки так же неотрывно, как она на меня, а когда пытаюсь отвести взгляд, мне это дается с трудом. Я оторвал от нее взгляд, отнял у нее свои руки.

— Остальное можете рассказать мне позже, — проворчал я и отвернулся, чтобы дать указание Энди Макэлрою. — Оставайся здесь с мисс Ньюхолл, пока мы не вернемся из дома. Устраивайтесь в машине поудобнее.

Девушка взяла меня за локоть.

— А меня?.. Вы меня?..

— Мы сдадим вас в полицию, да, — пообещал я.

— Нет! Нет!

— Не будьте ребенком, я вас умоляю. Вы не

можете разгуливать с шайкой головорезов, впутываться в разные преступления, а потом, когда споткнулись, сказать: «Извините, пожалуйста» — и идти на все четыре стороны. Расскажете всю историю в суде, включая то, что мне не рассказали, — возможно, вас отпустят. Но убей меня Бог, если я знаю, как вам избежать ареста. Пошли, сказал я Джеку и Тому-Тому Кери. — Надо шевелиться, если хотим застать людей дома.

Подойдя к изгороди, я оглянулся и увидел, что Энди посадил девушку в машину и сам влезает за ней.

— Минутку, — сказал я Джеку и Кери, которые уже двинулись через поле к дому.

— Придумал, как еще убить время, — проворчал смуглый человек.

Я опять пересек дорогу, подошел к машине, тихо и быстро заговорил с Энди:

— Где-то поблизости должны болтаться Дик Фоули и Мики Линехан. Как только мы скроемся, отыщи их. Передай мисс Ньюхолл Дику. Скажи, чтобы взял ее с собой и дул отсюда к телефону — пусть поднимет шерифа. Скажи Дику, чтобы сдал девушку шерифу, а тот держал ее до приезда сан-францисской полиции. Скажи ему, чтобы больше никому девушку не отдавал — даже мне.

Понял?

— Понял.

— Хорошо. Когда объяснишь ему это и сдашь девушку, бери Мики Линехана и как можно скорее к дому Ньюхолла. Думаю, нам понадобятся все, кого можем собрать, — и понадобятся немедленно.

— Понял тебя, — сказал Энди.

— Что вы там затеяли? — подозрительно спросил Том-Том Кери, когда я подошел к нему и Джеку.

— Сыщицкие дела.

— Надо было мне одному сюда приехать и провернуть дело без помощников, — заворчал он. — С тех пор как мы отправились, вы только время теряете и больше ни черта.

— Сейчас не я его теряю.

Он фыркнул и пошел по полю дальше, а мы с Джеком за ним. На краю поля нам пришлось перелезть через еще одну проволочную изгородь. Потом мы одолели небольшой лесистый бугор, и перед нами возник дом Ньюхолла — большой белый дом, поблескивавший под луной, желтыми прямоугольниками завешанных окон, где горел свет. Освещенные комнаты были на первом этаже. На верхнем свет не горел. Кругом было тихо.

— Черт бы взял эту луну! — повторил Том-Том

Кери и вынул из кармана еще один автоматический пистолет, так что теперь их оказалось два: один в правой руке, другой — в левой.

Джек стал вытаскивать свой, поглядел на меня, увидел, что я не вынимаю, и опустил обратно в карман.

Лицо Тома-Тома Кери стало темной каменной маской — глаза-щели, рот-щель, — угрюмая маска охотника за людьми, убийцы. Он дышал тихо, его широкая грудь вздымалась едва-едва. Рядом с ним Джек Конихан казался взволнованным школьником. Лицо у него было меловое, глаза расширились до неузнаваемости, и дышал он как автомобильный насос. Но улыбка на лице Джека, при всей ее нервности, была натуральной.

— Мы подберемся к дому с этой стороны, — шепнул я. — Потом один заходит сзади, другой — спереди, а третий ждет и смотрит, где он понадобится больше. Так?

— Так, — согласился смуглый человек.

— Постойте! — встрепенулся Джек. — Девушка спустилась по винограду из верхнего окна. А что если я поднимусь таким же манером? Я легче вас обоих. Если ее не хватились, окно еще открыто. Дайте мне десять минут, я отыщу окно, взберусь туда и займу позицию. Когда вы нападете, я буду

у них в тылу. Ну как? — Он ждал аплодисментов.

— А если тебя схватят, как только ты взберешься? — возразил я.

— Ну схватят. Я подниму такой шум, что вы услышите. Пока со мной возятся, вы — карьером в атаку. Ничем не хуже.

— На кой пес? — рявкнул Том-Том Кери. — Какая выгода? Лучше, как спервa условились. Один к парадной двери, другой — к черной, вышибаем, и пиф-паф.

— Если его план удастся, это лучше, — высказался я. — Хочешь в пекло, Джек, — я тебе не мешаю. Хочешь показать свое геройство — буду только рад.

— Нет! — прорычал смуглый человек. — Так не пойдет!

— Пойдет, — возразил я ему. — Попробуем. Джек, рассчитывай на двадцать минут. Лишнего времени все равно не останется.

Джек посмотрел на свои часы, я на свои, и он повернул к дому.

Том-Том Кери, мрачно нахмурясь, загородил ему дорогу. Я выругался и встал между парнем и смуглым человеком. Джек прошел у меня за спиной и заторопился прочь, через слишком светлую лужайку, отделявшую нас от дома. Мень-

ше пены, — посоветовал я Кери. — В нашей игре много подробностей, о которых вы не знаете.

— Чересчур много, — проворчал он, но Джека задерживать не стал.

С нашей стороны на втором этаже открытого окна не было. Джек обогнул дом и скрылся из виду.

За спиной у нас послышался шорох. Мы с Кери обернулись одновременно. Пистолеты его поднялись. Я протянул руку и отжал их вниз.

— Только без родимчиков, — предупредил я. — Это еще одна подробность, про которую вы не знаете. Шорох прекратился.

— Можно, — тихо сказал я в ту сторону.

Из-под деревьев вышли Мики Линехан и Энди Макэлрой.

Том-Том Кери придвинул лицо так близко к моему, что оцарапал бы меня, если бы забыл сегодня побриться.

— Облапошить меня хотел?..

— Спокойно! Спокойно! В ваши-то годы! — с укоризной сказал я. — Ребятам не нужна премия.

— Нечего тут вашей кодле делать, — проворчал он. — Нам…

— Нам понадобятся все люди, какие есть под рукой, — перебил я, взглянув на свои часы. Я сказал

обоим агентам: — Сейчас идем к дому. Вчетвером мы справимся. Приметы Пападопулоса, Большой Флоры и Анжелы Грейс вы знаете. Они в доме. И не зевайте там: Флора и Пападопулос — это динамит. Джек Конихан сейчас пробует забраться в дом. Вы двое держите черный ход. Кери и я пойдем с парадного. Игру начинаем мы. Вы следите, чтобы никто не ускользнул. Шагом марш!

Мы со смуглым человеком направились к веранде — широкой веранде, увитой с одного бока виноградом, на который падал изнутри через высокие, от полу, окна с занавесями желтый свет.

Едва мы сделали первые шаги по веранде, как одно из этих высоких окон шевельнулось — раскрылось.

Первое, что я увидел, — спина Джека Конихана.

Он открывал створку ногой и рукой, не поворачивая головы. За ним лицом к нему, в другом конце ярко освещенной комнаты — стояли мужчина и женщина. Мужчина — старый, маленький, тощий, морщинистый, испуганно-жалкий Пападопулос. Я увидел, что он сбрил свои лохматые седые усы. Женщина была высокая, могучая, розовокожая, желтоволосая сорокалетняя великанша с ясными серыми глубоко посаженными

глазами и красивым свирепым лицом — Большая Флора Брейс. Они стояли очень тихо, бок о бок, глядя в дуло пистолета, который был в руке у Джека Конихана.

Пока я стоял перед окном, наблюдая эту сцену, Том-Том Кери, подняв оба пистолета, шагнул мимо меня в высокое окно и встал рядом с парнем. Я не вошел за ним в комнату.

Взгляд испуганных карих глаз Пападопулоса перескочил на лицо смуглого человека. Серые глаза Флоры повернулись туда же неторопливо, а потом посмотрели мимо него на меня.

— Всем стоять! — приказал я и отошел от окна, на ту сторону веранды, где виноград рос реже.

Просунув голову сквозь виноград, так что лицо мое осветила луна, я посмотрел вдоль боковой стены дома. Тень в тени гаража могла быть человеком. Я вытянул руку в лунном свете и поманил. Тень приблизилась — Мики Линехан. Энди Макэлрой высунул голову из-за заднего угла. Я снова поманил, и он подошел вслед за Мики.

Я вернулся к открытому окну.

Пападопулос и Флора — заяц и львица — стояли, глядя на пистолеты Джека и Кери. Когда я появился, они снова посмотрели на меня, и полные губы женщины изогнулись в улыбке.

Мики и Энди подошли и встали рядом со мной. Улыбка женщины угрюмо потухла.

— Кери, — сказал я, — вы с Джеком стойте на месте. Мики, Энди, идите в комнату и примите Господни дары.

Когда оба агента вошли в окно, сцена оживилась.

Пападопулос закричал.

Большая Флора бросилась на него, толкнула его к черному входу.

— Беги! Беги! — крикнула она.

Спотыкаясь, он кинулся в дальний конец комнаты.

У Флоры в руках вдруг возникли два пистолета. Ее большое тело, казалось, заполняет комнату, словно одним только усилием воли она сделалась выше, шире. Она бросилась вперед, прямо на пистолеты Джека и Кери, заслонив от их пуль черный ход и убегавшего старика.

Сбоку мелькнуло неясное пятно — Энди Макэлрой сорвался с места.

Я схватил руку Джека, державшую пистолет.

— Не стреляй, — прошептал я ему на ухо. Пистолеты Флоры грохнули одновременно. Но она падала. Энди врезался в нее. Кинулся ей в ноги, как будто ей под ноги вкатили валун.

Когда Флора упала, Том-Том Кери перестал ждать. Его первая пуля прошла так близко к ней, что срезала ее кудрявые желтые волосы. Но прошла мимо: настигла Пападопулоса, как раз когда он выходил в дверь.

Пуля попала ему в поясницу — размазала его по полу. Кери выстрелил еще раз… еще… еще — в лежащее тело.

— Напрасный труд, — проворчал я. — Мертвее он не станет.

Он усмехнулся и опустил пистолеты.

— Четыре за сто шесть. — Всей его угрюмости, плохого настроения как не бывало. — За каждую пулю я выручил по двадцать шесть тысяч пятьсот долларов.

Энди и Мики уже скрутили Флору и тащили по полу. Я перевел взгляд с них на смуглого человека и тихо сказал:

— Это еще не все.

— Не все? — Он как будто удивился. — А что еще?

— Не зевайте и слушайте, что вам будет подсказывать совесть, — ответил я и повернулся к молодому Конихану: — Пойдем, Джек.

Я вышел через окно на веранду и прислонился там к перилам. Джек вышел следом и остано-

вился передо мной, все еще с пистолетом в руке: лицо у него было усталое и бледное от нервного напряжения. Глядя мимо него, я мог наблюдать за тем, что происходит в комнате, флора сидела между Энди и Мики на диване. Кери стоял сбоку, с любопытством посматривая на нас с Джеком. Мы стояли в полосе света, падающего через раскрытое окно. Мы видели комнату вернее, я, потому что Джек стоял к ней спиной, — из комнаты видели нас, но разговор слышать не могли, если только мы нарочно не заговорим громко. Все было так, как я задумал. — А теперь рассказывай, — велел я Джеку.

— Ну, я нашел открытое окно, — начал он.

— Эту часть я знаю, — перебил я. — Ты влез и сказал своим друзьям Пападопулосу и Флоре, — что девушка сбежала и что идем мы с Кери. Ты посоветовал им сделать вид, будто ты захватил их в одиночку. Так вы заманите нас с Кери внутрь. Ты, как бы свой, — у нас в тылу, и втроем вы нас обоих захватите легко. После этого ты выйдешь на дорогу и скажешь Энди, что я зову его с девушкой. План был хороший — только ты не знал, что я не позволю тебе зайти ко мне за спину. Но я не об этом спрашиваю. Я спрашиваю, почему ты нас продал и что, по-твоему, теперь с тобой будет?

— Вы с ума сошли? — На его молодом лице была растерянность, в молодых глазах — ужас. — Или это какой-то?..

— Конечно, с ума сошел, — признался я. — Иначе бы разве позволил тебе заманить себя в западню в Сосалито? Но не настолько сошел с ума, чтобы и задним числом в этом не разобраться. И не заметить, что Анна Ньюхолл боится посмотреть на тебя. Не настолько сошел с ума, чтобы поверить, будто ты один захватил Пападопулоса и Флору против их желания. Я сошел с ума, но не окончательно.

Джек рассмеялся — беззаботным молодым смехом, только чересчур пронзительно. Глаза его не смеялись вместе с губами и голосом. Пока он смеялся, глаза переходили с меня на пистолет в его руке и обратно на меня.

— Говори, Джек, — хрипло попросил я, положив руку ему на плечо. Скажи, ради Бога, зачем ты так поступил?

Парень закрыл глаза, сглотнул и вздернул плечи. Когда его глаза открылись, они блестели, и во взгляде была твердость и бесшабашное веселье.

— Самое плохое в этом, — сказал он грубо, убрав плечо из-под моей руки, — что я оказался неважным вором, верно? Мне не удалось вас обвести.

Я ничего не ответил.

— Пожалуй, вы заслужили право выслушать мой рассказ, — продолжал он после короткой заминки. Говорил он с нарочитой монотонностью, словно избегая всякой интонации и нажима, которые могли бы выдать его чувства. Он был молод, не научился еще говорить естественно. — Я встретился с Анной Ньюхолл три недели назад, у себя дома. Когда-то она училась с моими сестрами в одной школе, но в ту пору мы знакомы не были. А тут, конечно, сразу узнали друг друга: я знал, что она — Нэнси Риган, она знала, что я агент из «Континентала».

Мы ушли вдвоем и все обсудили. Потом она отвела меня к Пападопулосу. Мне понравился старикан, и я ему понравился. Он объяснил мне, как мы сможем раздобыть неслыханное богатство. Вот вам и все. Перспектива такого богатства заставила меня забыть о совести. О Кери я сказал ему, как только узнал от вас, а вас, вы совершенно правы, заманил в западню. Он решил, что будет лучше, если вы перестанете докучать нам до того, как обнаружите связь между Ньюхоллом и Пападопулосом.

После этой неудачи он хотел, чтобы я попробовал еще раз, но я решил, что с меня провалов

хватит. Нет ничего глупее, чем неудачное покушение. Анна Ньюхолл не виновата ни в чем, кроме безрассудства. По-моему, она даже не подозревает о моем участии в грязных делишках — за исключением того, что я не пожелал способствовать их аресту. Вот, дорогой мой Шерлок, и вся почти исповедь.

Я слушал рассказ парня, всем своим видом стараясь выражать сочувственное внимание. Теперь я нахмурился и заговорил с укоризной, но все еще дружелюбно:

— Кончай дурака валять! Купился ты вовсе не на деньги, которые посулил Пападопулос. Ты встретился с девушкой, и у тебя не хватило характера сдать ее полиции. Но ты даже себе в этом не признался — из-за тщеславия, из-за гордости, ведь тебе хотелось считать себя крутым парнем. Таким, которого ничем не прошибешь. И Пападопулос раскусил тебя в два счета. Он назначил тебя на роль, которую ты хотел играть перед собой, — бандита-джентльмена, стратега, учтивого, отчаянного, злодея и всякую такую романтическую ерунду. Вот на что ты пошел, сынок. Ты не только спасал ее от каталажки, ты пошел гораздо дальше — и все для того лишь, чтобы показать свету, а главное себе самому, что действуешь так

не из сентиментальности, а из дерзкого своеволия. И вот к чему ты пришел. Погляди на себя.

Не знаю, каким он себя увидел — таким же, как я его, или по-другому, но лицо его медленно покраснело, и он не желал смотреть мне в глаза. Он глядел мимо меня вдаль, на дорогу.

Я смотрел в освещенную комнату у него за спиной. Том-Том Кери перешел на середину и стоял, наблюдая за нами. Я дернул углом рта — предупредил его.

— Ну хорошо, — снова начал Джек, но не знал, что сказать дальше. Он шаркал ногами и не смотрел мне в лицо.

Я выпрямился и отбросил все свое притворное сочувствие.

— Отдай мне пистолет, ты, шкура! — рявкнул я ему.

Он отпрянул, словно его ударили. Лицо его исказилось от бешенства. Он поднял пистолет — направил мне в грудь.

Том-Том Кери увидел, что пистолет поднялся. Смуглый человек выстрелил дважды. Джек Конихан свалился мертвым к моим ногам.

Мики Линехан выстрелил один раз. Кери упал на пол, из виска его полилась кровь.

Я перешагнул через тело Джека, вошел в комна-

ту, опустился на колени возле смуглого человека. Он скорчился, хотел что-то сказать и не смог умер. Я подождал, пока разгладится мое лицо, и только тогда поднялся.

Большая Флора вглядывалась в меня, прищурив серые глаза. Я встретил ее взгляд.

— Я еще не совсем понимаю, — медленно сказала она, — но если вы…

— Где Анжела Грейс? — перебил я.

— Привязана к кухонному столу, — сообщила она и продолжала размышлять вслух: — Вы устроили так, что…

— Ага, — кисло откликнулся я, — я Пападопулос номер Два.

Ее крупное тело вдруг задрожало. Красивое свирепое лицо потемнело от боли. Из глаз выкатились две слезинки.

Будь я проклят, если она не любила старого мерзавца!

В город я вернулся в девятом часу утра. Позавтракал, потом отправился в агентство и застал Старика за разбором утренней почты.

— Все кончено, — сказал я ему. — Пападопулос знал, что Нэнси Риган наследница Тейлора Ньюхолла. Когда банковское дело провалилось и ему понадобилось убежище, он устроил так, что она

спрятала его в загородном доме Ньюхолла. Держал он ее на двух крючках. Она жалела его как бестолкового и забитого старика, а кроме того, после налетов сама стала — пускай невольной — соучастницей.

Вскоре папа Ньюхолл отправился по делам в Мексику. Пападопулос сообразил, как можно заработать. Если Ньюхолла убьют, дочка получит миллионы, и старый вор знал, что сможет их отобрать. Он послал за границу Барроуза нанять мексиканских бандитов для убийства. Барроуз все сделал, но проболтался. Сказал своей дамочке в Ногалесе, что должен вернуться «во Фриско и получить со старого грека хорошие деньги», а потом приедет сюда и купит ей все на свете. Дамочка передала это Тому-Тому Кери. Кери смекнул, что к чему. И явился сюда за Барроузом. Утром он навестил Барроуза, чтобы выяснить, Пападопулос ли этот «старый грек» и где его найти; Анжела Грейс присутствовала при выяснении. Барроуз был под морфием и никаких резонов слушать не желал. Тогда смуглый человек стал урезонивать его ножом, но Барроуз так накачался наркотиком, что даже это не производило впечатления, и боль он почувствовал только тогда, когда смуглый человек уже сильно его обстругал. Анжелу Грейс

эта картина привела в ужас. А когда прочла в вечерних газетах, какое изделие вышло из рук Кери, попыталась покончить с собой — больше не могла выносить видения, стоявшие у нее перед глазами.

Кери вытянул из Барроуза все, что он знал, но Барроуз не знал, где прячется Пападопулос. Пападопулос услышал о приезде Кери — как именно услышал, вам известно. Он послал Арли убить Кери. Кери легко уходил от парикмахера — покуда не заподозрил, что Пападопулос может прятаться в доме Ньюхолла. Он поехал туда, позволив парикмахеру сесть ему на хвост. Как только Арли понял, куда направляется Том-Том Кери, он решил помешать ему во что бы то ни стало и начал его нагонять. Кери только этого и ждал. Он застрелил Арли, вернулся в город и позвал меня с собой, чтобы поставить точку в этом деле.

Тем временем Анжела Грейс подружилась в камере с Большой Флорой. Она знала Флору, а Флора ее не знала. Пападопулос организовал Флоре побег. Двоим всегда легче бежать, чем одному. Флора взяла с собой Анжелу, привезла к Пападопулосу. Анжела бросилась на него, но Флора сбила ее с ног.

Флора, Анжела Грейс и Анна Ньюхолл, она же

Нэнси Риган, в окружной тюрьме, — закончил я. — Пападопулос, Том-Том Кери и Джек Конихан убиты.

Я замолчал и раскурил сигарету — не торопясь, внимательно разглядывая и сигарету, и спичку по ходу дела. Старик взял со стола письмо, опустил не прочтя, взял другое.

— Они убить! во время задержания? — В его мягком голосе не слышалось ничего, кроме обычной беспредельной вежливости.

— Да. Кери убил Пападопулоса. Чуть позже он застрелил Джека. Мики, ничего не зная… видя только, что смуглый человек стреляет в Джека и в меня — мы стояли друг против друга и разговаривали, — выстрелил в Кери и убил его. — Слова скручивались у меня на языке, не желали складываться как положено. — Ни Мики, ни Энди не знают, что Джек… Никому, кроме вас и меня, не известно, в чем было… чем занимался Джек. Флоре Брейс и Анне Ньюхолл это известно, но, если мы скажем, что он все время действовал по приказу, опровергнуть нас никто не сможет.

Старик кивнул и улыбнулся улыбкой доброго дедушки, но в первый раз за много лет я его понял — понял, о чем он думает. Он думал, что если бы Джек вышел из этого дела живым, мы оказались

бы перед паршивым выбором: отпустить его на все четыре стороны или испортить физиономию агентству, признав во всеуслышание, что один из наших агентов — уголовник.

Я бросил сигарету и встал. Старик тоже встал и протянул мне руку.

— Благодарю вас, — сказал он.

Я пожал ему руку, и я понял его, но исповедоваться мне было не в чем даже молча.

— Так получилось, — медленно сказал я. — Я разыграл карты так, чтобы извлечь выгоду из обстоятельств… но так уж получилось.

Он кивнул с благосклонной улыбкой.

— Недельки две отдохну, — сказал я уже от двери. Я почувствовал усталость.